Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное учреждение
«Хабаровский организационно-
методический центр
Дальневосточного отделения
Российской академии наук»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 2 (20) / 2016

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-66926 от 25.08.2016 г.

Адрес редакции:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20
E-mail: ivfilat@mail.ru,volkotrubova.olga@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

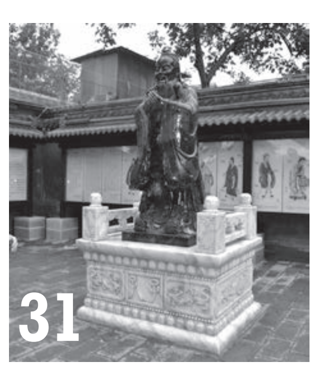
Сама культура как совокупность технологий социального общежития, обеспечивающих коллективный характер человеческой жизнедеятельности, никакой собственной структуры не имеет, а лишь зеркально отражает структуру общества в разных аспектах его активности.

Метаморфозы современного христианского сознания могут быть предметно актуализированы в анализе двух непохожих друг на друга фильмов: «Небо в алмазах» В. Пичула (1998), получившего в 1989 году международную известность после скандальной (по тем временам) «Маленькой Веры», и «Догвилль» (2003) датчанина Ларса фон Триера, признанного лидера европейского кинематографа.

Современные китайские руководители перестали цитировать Маркса и всё чаще обращаются к мудрости Конфуция. В этом они увидели поиск своей модели национальной идентичности, отличной от западной.

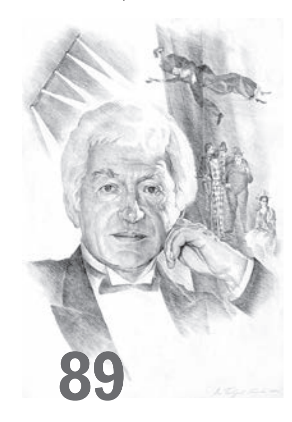

Деятельность первых священников представляет интересную страницу в истории освоения дальневосточной окраины. Работая в «диком и неустроенном крае», эти скромные деятели были проникнуты сознанием святости великого дела.

48

Закон гармонии правит и макромиром, и микрокосмом. Ему подчинены всё и вся. И человек создан по нему. Он — сочетание разума и эмоций, двух опытов (генетического и практического). Если эти два опыта в гармоничном сочетании — то личность гармоничная.

89

Николай Митрофанович был тем редактором, который, исследуя литературный стиль, логику изложения, смысл рукописи, готовил её к публикации. Ему необходимо было понять и осмыслить произведение и в итоге сделать вывод о необходимости публикации.

123

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в своих руках первый номер научно-практического журнала «Культура и наука Дальнего Востока», являющегося преемником, надеюсь, уже известного вам журнала «История и культура Приамурья», первый выпуск которого состоялся в конце 2007 года. Что нового появилось в издании в связи с его переименованием? Состав учредителей дополнился ещё одной организацией. Кроме уже известных вам таких организаций, как министерство культуры Хабаровского края, Хабаровский организационно-методический центр Дальневосточного отделения Российской академии наук (ДВО РАН), Дальневосточная государственная научная библиотека, в него вошло не менее известное на Дальнем Востоке федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный институт культуры».

В составе редакционного совета — известные люди, внёсшие значительный вклад в развитие культуры региона, реализацию государственной политики в сфере культуры. Это заместитель председателя Правительства Хабаровского края Александр Вячеславович Федосов и министр культуры Хабаровского края Наталья Ивановна Якутина. Согласились продолжить свою работу в нём учёные с мировым именем: академик Российской академии наук, директор Института экономических исследований ДВО РАН доктор экономических наук Павел Александрович Минакир; действительный член-корреспондент Российской академии наук, председатель Хабаровского организационно-методического центра ДВО РАН, директор Института водных и экологических проблем ДВО РАН доктор биологических наук Борис Александрович Воронов; главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва доктор философских наук профессор Андрей Яковлевич Флиер; старший научный сотрудник Отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музей М. В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН доктор исторических наук профессор Сергей Васильевич Березницкий; ректор Тихоокеанского государственного университета доктор технических наук профессор Сергей Николаевич Иванченко; заведующий кафедрой искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств доктор искусствоведения профессор Юрий Ильич Шейкин.

Концептуальная идея журнала «Культура и наука Дальнего Востока» не претерпела изменений — это презентация исследований учёных Дальневосточного региона, формирование на их основе региональных историко-культурологических школ, объединяющих историков, культурологов, философов, этнографов, экономистов, политологов, юристов, социологов, педагогов, психологов, краеведов и других специалистов для разработки научно обоснованных ориентиров государственной политики в области культуры. Прежней остаётся и цель журнала — отразить ретроспективное и современное бытование культуры, двуединый историко-культурный процесс во всём его многообразии и всех срезах социокультурной жизни Дальневосточного региона. Философско-методологические и научно-теоретические аспекты исследования культуры, региональные проблемы истории, археологии, социологии, политологии, этнографии, культурантропологии, искусствоведения, лингвистики, литературоведения, образования, прикладной культурологии по-прежнему найдут своё место на страницах журнала. Тем самым будет создаваться целостное научно-информационное поле историко-культурологического знания.

Главное изменение, связанное с переименованием журнала, — это расширение географии публикуемых исследований.

«Культура и наука Дальнего Востока» предлагает вниманию читателя статьи известных российских историков и культурологов, а также философов, искусствоведов, филологов, этнологов, политологов, экономистов, педагогов, психологов и иных специалистов гуманитарного знания, самых разных научных школ и направлений. Такой подход позволяет объёмно и всесторонне исследовать феномен

региональной культуры и истории Дальнего Востока России и зарубежья.

«Культура и наука Дальнего Востока» — это издание, в котором наряду с научными статьями, рассматривающими актуальные вопросы историко-культурного развития региона, будут публиковаться аналитические материалы, портреты, интервью, классическое наследие гуманитарных наук (переводы, обзоры, рефераты), опыт начинающих исследователей, хроника культурных и научных событий, обзоры книжных новинок и многое другое, что составляет историко-культурный контекст бытования народов Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Публикуемые в журнале материалы структурированы по 12 разделам: «Актуальная проблема», «Точка зрения», «Социокультурная реальность», «Историописание», «Диалог культур и этносов», «Персона», «Художественная сфера», «Наследие», «Кафедра», «Артефакт», «Научное сообщение», «Библиография».

В разделе «Актуальная проблема» планируется освещать вопросы, определяющие стратегию и тактику федеральной и региональной политики в области культуры, концептуально раскрывающие теоретические и практические аспекты деятельности её институтов, в том числе их межведомственное и межотраслевое взаимодействие.

В разделе «Точка зрения» будут представлены дискуссионные материалы по актуальным проблемам исследования истории и культуры, развития гуманитарных наук, реализации федеральной и региональной культурной политики.

Основное место в разделе «Социокультурная реальность» займут публикации о целостном феномене региональной культуры в реальном историческом времени и социальном пространстве её существования, в которых будут отражены общезначимые для гуманитарных наук темы, такие как культура и идеология, культура и политика, культура и религия, культура и экономика, культура и право, культура и информационное общество, язык и культура, образовательное пространство культуры, культура и социум, культура повседневности и многие другие.

В центре внимания раздела «Историописание» — сложные проблемы развития исторического процесса на Дальнем Востоке России и за рубежом.

Раздел журнала «Диалог культур и этносов» по-прежнему обращается к темам этнокультурного разнообразия, этнической и кросс-культурной психологии, культурно-национальной идентичности, этно- и культурогенеза коренных малочисленных народов Дальнего Востока, развития культурной традиции, взаимодействия и взаимовлияния народов и их культур, современной этнокультурной ситуации на Дальнем Востоке России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона. А раздел «Артефакт» призван отразить археологические открытия, архивные изыскания, музейную деятельность как источниковедческую основу историко-культурологических исследований.

Статьи, освещающие историю и современное состояние художественной культуры Дальнего Востока, в том числе и процесс развития искусства во всём его видовом, жанровом и национальном своеобразии, найдут своё место в разделе «Художественная сфера», а работы известных дальневосточных учёных, заложивших методологическую и источниковедческую основу современных историко-культурологических исследований, — в разделе «Наследие».

В разделе «Персона» будут публиковаться материалы, повествующие о выдающихся исторических и политических личностях, деятелях науки, культуры и образования, оказавших значительное влияние на культурное развитие региона.

Редакция надеется, что научно-методические материалы и практический опыт преподавания исторических, культурологических и искусствоведческих дисциплин в учебных заведениях высшего, среднего профессионального, общего и дополнительного образования, представленные в разделе «Кафедра», вызовут интерес у преподавателей. С обзорами научной и методической литературы, поступившей и хранящейся в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки, можно познакомиться в разделе «Библиография».

Кроме того, на страницах нашего издания будут публиковаться интервью с видными дальневосточными учёными, исследователями, государственными деятелями, хроника крупнейших научных и культурных событий региона, рецензии на новые издания дальневосточных учёных.

Редакция издания приглашает к сотрудничеству широкие круги научной общественности, заинтересованной в изучении, сохранении и популяризации историко-культурных процессов Дальнего Востока. Требования к печатным материалам публикуются в каждом номере.

Редакция надеется, что представленные в первом и последующих номерах журнала исследовательские работы смогут заинтересовать широкий круг читателей. Каждый, кто найдёт время познакомиться с ними, без всякого сомнения, откроет для себя ранее неизвестные страницы истории и культурного развития Дальневосточного региона.

Полезного и познавательного вам чтения!

Главный редактор журнала
«Культура и наука Дальнего Востока»,
доктор культурологии, кандидат исторических наук
Сергей Нестерович СКОРИНОВ.

НИКИШИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ

(из истории кинофикации и кинодокументалистики Хабаровского края)

В статье представлена хроника развития кино в Хабаровском крае — от знакомства хабаровчан с новым видом искусства в конце XIX века до кинодокументалистики XXI. Автор, опираясь на источники Государственного архива Хабаровского края, представляет интересные цифры, факты и свидетельства.

Ключевые слова: кино на Дальнем Востоке, Дальневосточная студия кинохроники, Далькиноцентр, «Гигант», «Совкино», Дальневосточная киностудия, «Киноглаз».

Keywords: cinema in the Far East, the Far East studio newsreel, Dalkinotsentr, «Giant», «Sovkino» Far East Film Studio, «Kino-eye.»

Указом Президента В. В. Путина 2016 год в Российской Федерации был объявлен Годом российского кино. К этому событию была приурочена открывшаяся 20 октября в Государственном архиве Хабаровского края выставка «История, запечатлённая в киноленте». Экспозиция отличалась от предыдущих тем, что, кроме выставочных витрин и подлинников афиш кинофестивалей, хроникально-документальных фильмов, в зале были размещены осветительные приборы, кинокамеры, подводные боксы, микрофоны, любезно предоставленные режиссёром Альбертом Самойловым. Всё это создавало атмосферу съёмочного павильона, настраивало на определённый лад.

Экскурсия для студентов, посетивших выставку «История, запечатлённая в киноленте».

Отобранные документы и фотографии из архивных фондов Хабаровского крайисполкома, правительства и министерства культуры Хабаровского края, Хабаровского краевого «Киновидеопроката», Хабаровской краевой конторы по прокату кинофильмов, «Далькиноцентра», Дальневосточной ордена «Знак Почёта» студии кинохроники, личного фонда Ф. А. Фартусова, фотокаталога были представлены в десяти витринах по тематико-хронологическому принципу, начиная со знакомства хабаровчан с новым видом искусства в конце XIX века до кинодокументалистики XXI.

Как это было

Первый киносеанс в России состоялся в мае 1896 года в Санкт-Петербурге, а уже в 1897 году синематограф добрался до восточной окраины Российской империи. Господин Спург впервые продемонстрировал жителям Хабаровска невиданное зрелище — первые киноленты. Новейшее развлечение проходило обычно в залах Военного и Общественного собраний [21]. В марте 1910 года купец С. М. Купер с предпринимателем М. Я. Алексеевым открыли первый стационарный кинотеатр в г. Хабаровске под названием «Гранд-Иллюзион» (ныне известный как «Совкино») [6]. На выставке Приамурского края 1913 года для жителей и гостей города Хабаровска демонстрировались «особо выдающиеся картины», преимущественно научного характера: «Символический камень Якова», «Жук-плавунец», «Полезный подарок дедушки» и другие [4]. Кинопредприятия находились в собственности частных предпринимателей. Ситуация изменилась с приходом Советской власти, когда вся кинопромышленность была национализирована. 27 августа 1919 года был издан Декрет Совета Народных Комиссаров (Совнаркома) о национализации кинодела в стране [22]. С этого момента начинается новая веха в истории кинематографа Хабаровска.

1 мая 1925 года открылось Дальневосточное отделение «Совкино», обладавшее правом монопольного проката кинокартин [36]. Поступающая от проката фильмов прибыль направлялась на развитие сети киновещания. Для более эффективного использования денежных средств был создан краевой фонд кинофикации [24]. В 1924–1925 годах в городе открываются кинематографы при педагогическом техникуме, при клубе уездного профсоюза, комсомольском клубе им. Н. А. Кубяка [11]. С 30-х годов XX века начинается строительство первых кинотеатров в крае. И первенцем в этом деле стал старейший кинотеатр «Гигант».

В 1920-е годы киновещание было «немым». В 1930-е началась постепенная замена на звуковые аппараты: с 1933-го по 1937 год сеть установок звукового кино на Дальнем Востоке увеличилась с 6 до 80 единиц. В конце 1938 года в городах Хабаровского края действовали 10 кинотеатров и 13 арендованных клубов, почти во всех действующих кинотеатрах было установлено звуковое оборудование.

Особую любовь дальневосточников завоевал фильм «Чапаев», поставленный в 1934 году братьями Васильевыми. На него народ шёл с ликованием, вооружившись плакатами и транспарантами. За первые 10 дней проката только в Хабаровске фильм посмотрели 36,5 тыс. зрителей [18].

Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала от советских людей предельного напряжения физических и духовных сил. Поддержка высокого морального духа советского народа стала главной задачей искусства. Повести, песни, стихи, плакаты, листовки призывали граждан на борьбу с врагом. Ключевое значение в патриотическом воспитании отводилось «важнейшему из искусств» — кино. В кинотеатрах «Совкино» и «Гигант» перед началом киносеансов проводились выставки, концерты и встречи с героями и участниками Великой Отечественной войны [30].

Даже в тяжёлое для страны время не останавливался

процесс кинофикации края. В период Великой Отечественной войны были открыты кинотеатры в г. Вяземском (на 213 мест), в сёлах Переяславке (на 178 мест) и Троицком (на 150 мест) [10].

Победу в войне приближали не только успехи бойцов Красной армии в сражениях, но и битва за урожай на колхозных полях. В период весенней посевной и осенней уборочной кампаний для максимального охвата задействованных в уборке урожая крестьян организовывались колхозные кинофестивали. В их проведении участвовали сельские кинотеатры, стационарные и передвижные киноустановки. В октябре 1942 года в колхозах, совхозах и МТС Хабаровского края был проведён четвёртый колхозный кинофестиваль [31].

О патриотическом настрое сотрудников киносети свидетельствует сбор денежных средств на строительство боевого самолёта «Киноработник Хабаровского края» в 1944 году. В газете «Тихоокеанская звезда» от 23 июня 1944 года была помещена телеграмма И. Сталина: «Прошу передать киноработникам Хабаровского края, собравшим 35 618 рублей на строительство самолёта «Киноработник Хабаровского края», мой братский привет и благодарность Красной Армии» [40].

В послевоенные годы усиленными темпами налаживается кинодеятельность в крае. В этот период изменилось отношение к кино. Кинематографу, кроме основных задач, возвращается развлекательная функция. Кино должно было стать главной частью досуга советского человека, поэтому особое внимание уделяется увеличению количества кинотеатров, их оснащённости, наличию киноустановок в отдалённых уголках края. Расширяется киносеть, реконструируются и переоснащаются старые кинотеатры, строятся новые. В 1947 году в г. Комсомольске-на-Амуре открылся кинотеатр «Комсомолец», в июне 1950-го — летний кинотеатр парка культуры и отдыха Ленинского района г. Комсомольска-на-Амуре [19]. Кинотеатр «Родина», открывшийся в г. Николаевске-на-Амуре в 1951 году, принимал зрителей в двух залах: основном — на 320 мест и малом — на 100 [17].

К началу 1960-х годов отдел кинофикации краевого управления культуры докладывал о «завершении сплошной кинофикации Хабаровского края» [38]. На территории края действовало более тысячи киноустановок. В каждом населённом пункте, насчитывающем 50 и более дворов, имелась своя киноточка. Кинообслуживание населения находилось в ведении краевого управления кинофикации Хабаровского крайисполкома (решением Хабаровского крайисполкома от 29 августа 1963 г. № 488 упразднён отдел кинофикации краевого управления культуры) [32]. В его подчинении были не только стационарные и клубные кинотеатры, но и краевая школа механиков, готовящая квалифицированные кадры для киносети Хабаровского края. Для закрепления киномехаников в северных районах лица коренной национальности зачислялись в школу на полное государственное обеспечение [27]. Всего в крае за пятилетку, с 1959-го по 1964 год, было построено 27 кинотеатров — в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Николаевске-на-Амуре, Амурске, Вяземском, Охотске и ряде других населённых пунктов [37]. Практически в каждом микрорайоне Хабаровска был свой кинотеатр — «Мир», «Дружба», «Октябрь», «Юбилейный», «Молодёжный», «Пионер», «Спутник», «Луч» и другие. Средняя вместимость кинотеатров составляла свыше 250 человек.

В Хабаровске всегда любили кино и особенно артистов. Марина Ладынина, Людмила Хитяева, Сергей и Кирилл Столяровы и другие популярнейшие артисты кино участвовали в театрализованном представлении на стадионе им. В. И. Ленина в мае 1961 года [25]. Газета «Тихоокеанская звезда» писала: «Сегодня праздник искусств пришел в Хабаровск. Два дня на стадионе им. Ленина будут звучать голоса знакомых актеров. Два дня будут озарены чудесной улыбкой, радостью встреч с известными мастерами искусств. Свыше 70 тысяч хабаровчан смогут познакомиться с теми, кого до сих пор знали только по киноэкрану и грампластинкам» [34].

Кино — детям!

Говоря о «сплошной кинофикации», нельзя не сказать про кинообслуживание детей. Впервые детское кино, как особая область киноискусства, возникло в СССР. В 1936 году была создана студия «Союзмультфильм», выпускающая фильмы для детей, в 1963-м киностудия им. Горького преобразована в Центральную киностудию детских и юношеских фильмов им. М. Горького. Создаются фильмы для детей и юношества, разнообразные по жанру и тематике (сказки, приключенческие фильмы, киножурналы для детей: «Звёздочка», «Пионерия», «Хочу всё знать» и другие). В начале 1960-х в Хабаровске построены специализированные кинотеатры для детей и подростков: «Пионер» и «Молодёжный» на улице Ленина [16]. Билеты на детские утренние киносеансы во всех кинотеатрах страны стоили 10 копеек. В дни школьных каникул проводились фестивали фильмов для детей, демонстрация кинофильмов по заявкам школ. В летнее время организуется кинообслуживание детей в пионерских лагерях. Распоряжением Хабаровского крайисполкома от 12 августа 1967 года № 970 детские кинотеатры освобождены от налога со зрелищ [28].

На городских улицах рядом с детскими садами в те годы можно было увидеть автобусы с затемнёнными стёклами,

вокруг которых собирались дети. Это были передвижные детские кинотеатры «Малютка». В салоне автобуса размещался зрительный зал на 60 посадочных мест, киноаппаратура и экран. «Малютка» могла проводить по 6–8 сеансов в день для 360–400 детей. В 1964 году для края было заказано пять кинопередвижных автобусов, в том числе два для Хабаровска [23].

В детском парке Хабаровска был организован детский кинотеатр со зрительным залом на 40 мест в самолёте ИЛ-12 [35]. В 1961 году за два месяца работы этот кинотеатр провёл 397 киносеансов и обслужил 12,3 тыс. детей [39].

Для пропаганды и не только

В 1978 году в Хабаровске было открыто Дальневосточное бюро пропаганды советского киноискусства (с 1992 г. — «Далькиноцентр»), в задачи которого входила пропаганда и популяризация достижений советского и мирового прогрессивного киноискусства, лекционно-концертная деятельность, организация встреч с мастерами экрана [3]. Судя по карте Хабаровского края с отметками районов деятельности Дальневосточного отделения «Киноцентра», деятельность бюро распространялась на весь край [14]. С 1981-го по 1986 год при бюро действовала лекторская группа, в состав которой, кроме работников бюро, входили преподаватели Хабаровского института культуры. Бессменным руководителем Дальневосточного отделения была Людмила Елисеевна Ольшанова — человек известный в кругах хабаровской интеллигенции, вся жизнь которой неразрывно связана с кино. «Далькиноцентр» занял достойное место в культурной жизни Хабаровска. Здесь проходили премьерные показы документальных фильмов дальневосточных режиссёров и операторов, просмотры хорошего игрового кино. В 2001 году «Далькиноцентр» закончил своё существование, стал Домом творческой интеллигенции, но кино в нём по-прежнему остаётся — здесь проходят презентации новых лент хабаровских документалистов [26].

В архивном фонде «Далькиноцентра» есть альбомы с фотографиями и автографами Ларисы Удовиченко, Люсьены Овчинниковой, Натальи Крачковской, Владимира Конкина и других киноактёров и кинодеятелей, побывавших на творческих встречах в Хабаровском крае. Среди них Эдуард Назаров — известный советский мультипликатор, режиссёр и художник, создавший целый мир героев, безмерно обожаемых несколькими поколениями. Это «Равновесие страха», «Бегемотик», «Принцесса и людоед», «Охота», «Жил-был пёс», «Путешествие муравья», «Про Сидорова Вову», «Мартынко» и другие [1, л. 45]. Все гости оставили восторженные отзывы о своём пребывании в нашем городе, слова благодарности сотрудникам «Далькиноцентра». Свидетельство этому — стихи Фрижетты Гукасян, легендарного редактора студии «Ленфильм»:

Улыбаюсь, приезжая,
И печалюсь, улетая
Из далёкого-далёка,
Из Хабаровского края.
Если выпал тебе случай
В глубь «Гиганта» заглянуть,
Выпить чаю в «Пропаганде»
И в Монгохто завернуть,
Видеть Ванинские кручи
И Совгавань в чёрной туче,
Океанский край могучий,
Это значит — ты везучий.
Я печалюсь, уезжая
Из Хабаровского края,
Оставляю здесь друзей:
Нелю, Олю, Лору, Лену
И… Людмилу Елисевну! [1, л. 76]

Началась перестройка, а с ней пышно расцвели рынок видеосалонов и продажа пиратской видеопродукции. В 1988 году управление кинофикации Хабаровского крайисполкома, краевая контора по прокату кинофильмов были упразднены и на их базе образовано Хабаровское краевое производственное «Киновидеообъединение», в состав которого вошли городские и районные дирекции киносети, 6 отделений по прокату кинофильмов [33]. Из-за недостатка финансирования в кризисном состоянии находилось большинство предприятий и учреждений киноотрасли [13, л. 2]. Кинотеатры всеми правдами и неправдами пытались заманить зрителя в залы, для чего репертуарную сетку заполняли второсортной голливудской продукцией. Важнейшее из искусств оставалось не у дел. Агитационная и пропагандистская функции кино утратили свой вес. Кинотеатры закрывались, оставшиеся пытались выжить за счёт аренды помещений. Перейдя под опеку местных органов культуры, они вводили клубную систему обслуживания населения [13, л. 16]. Проводились мероприятия, повышающие интерес публики к кинематографу: кинофестивали, киновечера с участием приезжих артистов, премьеры фильмов [5].

Старейшие кинотеатры Хабаровска

Кинотеатры всегда были центрами культурной жизни. В Хабаровском крае первыми ласточками кинематографа стали «Совкино» и «Гигант».

В 1925 году проектируется сооружение большого че-

тырёхэтажного кинотеатра вместимостью до полутора тысяч посадочных мест на бывшем участке Торгового дома Чуриных. Но впоследствии на этом месте возвели здание Дома Советов, а его большой зал для заседаний был оборудован под кинотеатр, открывший свои двери в октябре 1931 года показом фильма «Счастье матушки Краузе». Ныне это всем известный «Гигант», самый крупный кинотеатр Хабаровского края, прошедший не менее четырёх этапов качественного развития. Начинался он с одного зала и немого кино, затем стал широкоэкранным (в 1957 г. демонстрировался первый снятый в СССР широкоэкранный кинофильм «Илья Муромец»), в 1972 году — широкоформатным, в 1980-е годы малый зал был оборудован для просмотра стереокино. Самая серьёзная реконструкция проведена в начале 1970-х [29]. Все эти годы, почти полвека, директором кинотеатра был Василий Степанович Бондарь — старожил города Хабаровска [2]. В кино начал работать ещё в 1939 году директором «Совкино». Вернувшись с войны, стал директором «Гиганта». При нём происходило становление крупнейшего кинотеатра края. На сегодняшний день четыре зрительных зала кинотеатра за один сеанс могут вместить 1 137 человек. «Гигант» в 2004 году был признан лучшим региональным кинотеатром страны, лауреатом национальной премии «КИНО ЭКСПО». В 2005 году на IV Национальной церемонии вручения призов

Директор кинотеатра «Гигант» В. С. Бондарь с учащимися школы киномехаников.

в области кинобизнеса хабаровский «Гигант» подтвердил своё звание лучшего регионального кинотеатра России, удостоившись диплома и статуэтки «Ника».

Сегодня практически все кинотеатры, кроме «Совкино», перешли в частную собственность. Кинотеатр «Совкино» с момента его создания в 1925 году и по настоящий день демонстрирует фильмы в бывшем здании доходного дома провизора В. Ф. Зандау, построенного в 1913 году. В этом доме до революции находилась гостиница «Бельведер», кинотеатр «Гранд-Иллюзион» и электрофотография «Идеал» [7]. В 1925 году здание было передано Дальневосточному отделению «Совкино». Зрительный зал «Гранд-Иллюзиона» был хорошо продуман и оборудован, оформлен сплошным балконом и отдельными ложами. Комната аппаратной размещалась в специальной пристройке. За время своего существования кинотеатр «Совкино» пережил несколько реконструкций, последняя была накануне кинофестиваля «Золотой Витязь» в 2013 году. В кинотеатре работают четыре зала на 495 зрителей. Сегодня он единственный, в залах которого демонстрируются фильмы с тифлокомментариями и субтитрами для слабовидящих и слабослышащих зрителей. Здесь регулярно проходят кинофестивали и ретроспективы, зрители имеют возможность посмотреть авторское кино, образцы азиатского кинематографа, фильмы, не идущие в широком прокате.

Кино о Дальнем Востоке

Хабаровск стал дальневосточной столицей документального кино благодаря Дальневосточной студии кинохроники. Это одна из старейших студий в стране, запечатлевшая многие события в истории Дальнего Востока. В 1934 году Дальневосточная краевая база Союзкинохроники, располагавшаяся во Владивостоке, была переведена в Хабаровск. Позднее преобразована в Дальневосточную студию кинохроники. В лучшие годы выпускалось до 60 киножурналов «Дальний Восток» и до 15 документальных фильмов. Каждый выпуск киножурнала тиражировался и демонстрировался во всех кинотеатрах Дальнего Востока через государственную систему проката. Как одна из лучших киностудий страны, в 1977 году она была награждена орденом «Знак Почёта» и стала называться «Дальневосточная ордена «Знак Почёта» студия кинохроники» [41]. Фильмы и киножурналы студии известны зрителям не только Дальнего Востока. Они демонстрировались в кинотеатрах Советского Союза, на экранах местного и центрального телевидения. Многие киноленты были участниками и призёрами всесоюзных и международных кинофорумов. В их числе «Тигроловы» и «Дальневосточные рассказы» (режиссёр Б. Сарахатунов), «Вечерний берег» (режиссёр В. Зак), «Азбука на снегу» (режиссёр Г. Лысяков), «Граница» (режиссёр А. Караваев), «Сельский учитель» (режиссёр В. Василиненко), «Хозяин тайги» (режиссёр А. Самойлов), «По закону жизни» (режиссёр И. Мирный). В архиве студии хранятся дипломы, полученные на международных кинофорумах в Монтевидео (1956 г., фильм «Тигроловы»), в Сан-Франциско (1964 г., фильм «Океан»). Кинолента «По Советскому Дальнему Востоку» (1982 г.) хранится в архиве телецентра ЮНЕСКО.

Километры дорог, недели не слишком уютного житья — и всё это ради нескольких минут хроники в киножурнале или документальном фильме. В истории Дальневосточной студии кинохроники немало было тех, кто забирался в самые непроходимые дебри и привозил оттуда сюжеты, от которых и сегодня захватывает дух. Здесь работали кинооператоры-профессионалы Иван Иванович Чешев, Валентин Григорьевич Мирный, Александр Васильевич Личко, Александр Васильевич Борзунин, Юрий Ананьевич Михлик, Геннадий Никифорович Лысяков [15]. Они оставили свой яркий след в создании документального кино и заложили солидную профессиональную базу для молодого поколения кинооператоров.

Легенда Дальневосточной студии кинохроники — Фёдор Алексеевич Фартусов (1926–1994 гг.) — режиссёр-оператор, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист РСФСР. Его творческий путь был предопределён: дом, где он родился и жил, располагался на Петровке в Москве недалеко от Центральной студии кинохроники. С 1943 года Фёдор Алексеевич работал на этой киностудии, доставляя материалы фронтовых операторов, в это же время учился у прославленных мастеров советской кинодокументалистики — Романа Кармена, Фёдора Киселёва, Владислава Микоша. Уже тогда он освоил кинотехнику, в том числе и трансфокатор, за что получил прозвище Трансфокартусов. На Дальний Восток приехал в 1956 году за новыми ощущениями и остался здесь навсегда. До конца дней он проработал на Дальневосточной студии кинохроники режиссёром-оператором высшей категории и при этом успевал заниматься общественной работой [20]. Фартусов являлся уполномоченным правления Союза кинематографистов по Дальнему Востоку. Он внёс достойный вклад в развитие отечественного кинодокументального искусства. В течение 38 лет творческой деятельности Фёдора Алексеевича многие его фильмы демонстрировались на различных фестивалях в СССР, в Бухаресте (Румыния) и Оберхаузене (Западная Германия) [9]. За создание документальных фильмов «Рыбачка», «Здесь Отчизна моя», «Океан — судьба моя» ему присуждена Государственная премия имени братьев Васильевых в области киноискусства [8]. За многолетний труд Ф. А. Фартусов многократно отмечался почётными званиями, грамотами Госкино СССР и РСФСР, награждён орденом «Знак Почёта», а также медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Советской армии». В личном фонде кинорежиссёра, хранящемся в Государственном архиве Хабаровского края, кроме фильмов и документов, много интересных фотографий деятелей культуры XIX–XX веков, в том числе фотография прадеда Ф. А. Фартусова — Евгения Кюндигера — музыканта, первого учителя П. И. Чайковского [12].

В 90-е годы XX века Дальневосточная студия кинохроники переживала не лучшие времена: не стало киноплёнки, заказов, финансирования. Режиссёры-операторы, оставшись без работы, создавали частные киновидеокомпании. Так, в 1992 году возникла телекинокомпания «Велес», основанная членами Союза кинематографистов России Анатолием Ивановичем Игнаковым и Владимиром Демьяновичем Василиненко. На сегодняшний день кинокомпания передала в госархив края 18 видеофильмов. Анатолий Игнаков, член Союза кинематографистов и почётный кинематографист России, получил за свои документальные и научно-популярные фильмы пять дипломов всесоюзного, всероссийского и международного конкурсов.

В 2001 году Альберт и Анна Самойловы создали Дальневосточную киностудию для производства кинофильмов о Дальнем Востоке, его природе, истории, достопримечательностях. Альберт Самойлов пришёл на Дальневосточную студию кинохроники в 1984 году. Прошёл путь от ассистента кинооператора до режиссёра-постановщика, окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии. Анна сначала училась в академии госслужбы, затем на курсах режиссуры, она продюсер, пишет сценарии, по которым сама ставит фильмы. С 2007 года к творческой киногруппе Дальневосточной киностудии присоединился писатель, сценарист и режиссёр Владимир Василиненко, который после окончания Высших курсов сценаристов и режиссёров при Госкино СССР проработал на Дальневосточной студии кинохроники более 20 лет. Он — член Союза писателей и Союза кинематографистов России, лауреат Национальной экологической премии «Хрустальная Ноосфера» за 2012 год, участник и призёр различных кинофестивалей. Всего за период с 2007-го по настоящее время исторические документальные фильмы ООО «Дальневосточная киностудия» участвовали более чем в 100 международных и всероссийских кинофестивалях, которые посетило большое количество зрителей в различных уголках Российской Федерации. В газетах, журналах и профессиональных интернет-изданиях постоянно появляется информация о премьерах фильмов студии и кинопоказах работ дальневосточников на различных площадках.

На открытие нового выставочного проекта краевого госархива «История, запечатлённая в киноленте» пришли кинематографисты, которые работали и творили на дальневосточной земле. Геннадий Никифорович Лысяков, председатель Хабаровского отделения Союза кинематографистов России, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР, автор более 70

фильмов о Дальнем Востоке и тысячи сюжетов кинохроники, безвозмездно передал в архив уникальные фотографии о съёмках в самых недоступных местах Дальневосточного края, личную кинокамеру «Конвас-автомат» и семейную реликвию, доставшуюся от отца, — трофейный немецкий фотоаппарат. Людмила Елисеевна Ольшанова поделилась фотографиями о пребывании в Хабаровске известных киноактёров: Евгения Леонова, Люсьены Овчинниковой, Натальи Крачковской и других. Начал подготовку документов для передачи в архив Эдуард Моисеевич Корчмарёв, любитель и знаток киноискусства, который многие годы возглавлял хабаровский клуб «Киноглаз». Заместитель генерального директора Государственного архива Хабаровского края А. В. Размахнина вручила благодарственные письма всем, кто пополнил архивный фонд Российской Федерации уникальными документами, фотографиями и экспонатами.

Список использованных источников

1. *Альбом с фотографиями, газетными публикациями, отзывами «Далькиноцентра» // ГАХК. Ф. Р-2085. Оп. 1. Д. 3. Л. 45, 76.*
2. *В. С. Бондарь с учащимися школы киномехаников // ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 2. Д. 6652.*
3. *Выписка из протокола заседания Секретариата Союза кинематографистов СССР от 26 октября 1978 г. // ГАХК. Ф. Р-2085. Оп. 1 Д. 1. Л. 1.*
4. *Выставка Приамурского края в Хабаровске. 1913 г. 1912. 25 октября. № 4.*
5. *Годовые отчеты районных отделов культуры и подведомственных им учреждений за 1999 г. // ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 3. Д. 698. Л. 6.*
6. *«Гранд-Иллюзион». 1910 г. // ГАХК. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 287*
7. *«Гранд-Иллюзион» // ГАХК. Ф. Р-1036. Оп. 8. Д. 7069.*
8. *Диплом лауреата Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых в области киноискусства. 1972 г. // ГАХК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.*
9. *Диплом Международного фестиваля короткометражных фильмов в Оберхаузене (Западная Германия). 1969 г. // ГАХК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 5. Л. 5, 6.*
10. *Докладная записка о состоянии кинопроката и кинофикации в Хабаровском крае. 1942 г. // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 163. Л. 108–109.*
11. *Зрительный зал комсомольского клуба им. Н. А. Кубяка. 1926 г. // ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 2. Д. 478а.*
12. *Изобразительные материалы Ф. А. Фартусова // ГАХК. Ф. Р-1970. Оп. 2. Д. 1*
13. *Информация об основных показателях работы учреждений культуры края в 1998 г. // ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 3. Д. 681. Л. 2, 16.*
14. *Карта деятельности Дальневосточного отделения «Киноцентра» // ГАХК. Ф. Р-2085. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.*
15. *Кинооператор И. И. Чешев // ГАХК. Ф. Р-1036. Оп. 1. Д. 5100.*
16. *Кинотеатр «Пионер». г. Хабаровск // ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 2. Д. 6652.*
17. *Кинотеатр «Родина». г. Николаевск-на-Амуре // Николаевск-на-Амуре. Страницы истории. — Хабаровск, 2015. — С. 282.*
18. *Кутяков И. Чапаев в г. Хабаровске // Тихоокеан. звезда. — 1935. — № 7.*
19. *Летний кинотеатр парка культуры и отдыха Ленинского района г. Комсомольска-на-Амуре. 1950 г. // ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 2. Д. 2102.*
20. *Личное дело Ф. А. Фартусова // ГАХК. Ф. Р-1970. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.*
21. *Общественное собрание г. Хабаровска // ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 1. Д. 18.*
22. *О переходе фотографической и кинематографической промышленности в ведение Народного Комиссариата Просвещения // Изв. Всерос. Центр. Исп. Ком. Советов. — 1919. — 2 сент.*
23. *Письмо краевого управления кинофикации от 29 декабря 1964 г. № 02-9 // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 1902. Л. 234.*
24. *Постановление Президиума ДКИК «О порядке образования ДВ фонда кинофикации» // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 42. Л. 339–340.*
25. *Праздник киноискусства на стадионе им. В. И. Ленина // ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 4. Д. 907.*
26. *Распоряжение Главы администрации Хабаровского края от 25 января 2001 г. № 65-р // ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 933. Л. 244.*
27. *Распоряжение Крайисполкома от 27 марта 1968 г. № 345-р // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 2048. Л. 111.*
28. *Распоряжение Хабаровского крайисполкома от 12 августа 1967 года № 970 // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1902. Л. 107.*
29. *Распоряжение Крайисполкома от 1 марта 1971 г. № 278-р // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 22. Д. 1271. Л. 35.*
30. *Решение Хабаровского горисполкома «О работе кинотеатров «Гигант» и «Совкино» от 19 января 1944 г. № 14 // ГАХК. Ф. Р-904. Оп 1. Д. 168. Л. 16.*
31. *Решение Хабаровского крайисполкома «О проведении 4-го колхозного кинофестиваля» от 5 октября 1942 г. № 1291 // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 789. Л. 16, 16 об.*
32. *Решение Хабаровского крайисполкома от 29 августа 1963 г. № 488 // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 14. Д. 1303. Л. 99.*
33. *Решение Хабаровского крайисполкома от 6 ноября 1988 г. № 388 // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 22. Д. 2368. Л. 24.*
34. *Сегодня в Хабаровске // Тихоокеан. звезда. — 1961. — 8 июля (№ 164).*
35. *Снимок самолёта ИЛ-12 в детском парке г. Хабаровска // Тихоокеан. звезда. — 1961. — 6 июня (№ 132).*
36. *Совкино на ДВ // Тихоокеан. звезда. — 1926. — 26 авг. (№ 364).*
37. *Список о наличии постоянных кинотеатров по Хабаровскому краю // ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 3. Д. 762. Л. 14.*
38. *Справка о работе киносети отдела кинофикации за 1960 г. // ГАХК. Ф. Р-1398. Оп. 1. Д 172. Л. 1.*
39. *Справка о работе киносети отдела кинофикации за 1961 г. // ГАХК. Ф. Р-1398. Оп. 1. Д. 172. Л. 46.*
40. *Телеграмма И. В. Сталина // Тихоокеан. звезда. — 1944. — 28 июня (№ 184).*
41. *Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1977 г. // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 22. Д. 887. Л. 23.*

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 18.01.2017 г.

Сведения об авторе: Никишина Елена Владимировна, ведущий археограф сектора научного использования документов Государственного архива Хабаровского края.
Контактные данные: e-mail: nikel1134@mail.ru.

ЯСТРЕБОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА

«ЕСТЬ ВЕЛИКОЕ ПРАВО: ЗАБЫВАТЬ О СЕБЕ!»

(обзор фильмов Дальневосточной киностудии по истории Дальнего Востока)

В статье представлен краткий обзор цикла неигровых просветительских фильмов Дальневосточной киностудии об истории Дальнего Востока. Все они находятся в коллекции Дальневосточной государственной научной библиотеки (Хабаровск). Автор даёт не только описание той или иной картины, но и краткую историческую справку события или характеристику героя, которым посвящена кинолента.

Ключевые слова: Дальневосточная научная государственная библиотека, Дальний Восток, Дальневосточная киностудия, история Дальнего Востока.

Keywords: Far East Scientific State Library, the Far East, Far East cinema studio, the history of the Far East.

Краеведческая коллекция документов Дальневосточной государственной научной библиотеки активно пополняется новыми изданиями, в том числе на электронных носителях. Их тематика обширна. Это документальные видеофильмы, образовательные ресурсы по дальневосточной географии, истории и культуре, справочные и фонетические пособия по национальным языкам коренных малочисленных народов Хабаровского края, электронные копии редких и ценных краеведческих книг конца XIX – начала XX века, а также современных изданий о Дальнем Востоке, отсутствующих в фонде.

Особое место занимает коллекция документальных фильмов Дальневосточной киностудии, которая уже многие десятилетия освещает самые актуальные темы из жизни региона: неповторимую красоту его природы, яркие страницы истории освоения российского Дальнего Востока, проблемы сохранения уникальной культуры коренных малочисленных народов Приамурья, охрану окружающей среды.

В данном обзоре представлено несколько фильмов из цикла по истории присоединения, освоения и развития российского Дальнего Востока. Эти хронико-документальные видеоленты — целые кинорассказы о беспримерном подвиге тех, кто в течение нескольких столетий, «позабыв о себе», открывал, изучал, осваивал, защищал и прославлял обширную территорию Восточной Сибири и Тихоокеанского побережья, которую сегодня мы с гордостью и теплотой называем своей малой родиной. Авторами фильмов являются известные дальневосточные кинодокументалисты Владимир Демьянович Василиненко, Альберт Михайлович и Анна Викторовна Самойловы, работы которых широко известны за пределами Дальневосточного региона и неоднократно становились лауреатами различных кинофестивалей как в России, так и за рубежом.

Фильм **«Без грома пушек…»** (режиссёр В. Василиненко, оператор А. Самойлов, 2010) посвящён 150-летию подписания Айгунского мирного договора между маньчжурской Дайцинской империей и Россией в мае 1858 года. Путь к этому соглашению был долгим и трудным, но это был единственный способ поставить точку в многовековом территориальном споре.

История заселения русскими казаками богатых и просторных, но никем не осваиваемых земель левобережья Амура в районе русско-маньчжурского пограничья началась ещё в XVII веке. А поскольку чёткого размежевания территорий между Россией и её воинственным южным соседом не было, то сразу же остро встал вопрос об определении границ между государствами. Но сделать это в то время было практически невозможно: маньчжуры «говорили» только на языке силы, и яркое подтверждение этому — судьба Албазинского острога, первого крупного русского поселения в Приамурье. В первой части фильма графически воссоздана и рассказана трагическая история этой неприступной крепости, ставшей жертвой их территориальных притязаний и имперских амбиций.

Далее киносюжет переносит зрителя почти на два столетия вперёд, в середину XIX века, когда пост губернатора Восточной Сибири занял Н. Н. Муравьёв, понимавший стратегическую важность Приамурья для Российского государства. При нём, после почти двухсотлетнего перерыва, снова началось активное заселение этих мест, и сюда из центральных губерний России целыми семьями, и даже деревнями, потянулись переселенцы. Так началась история поселений Покровка, Игнашино, Черняево, на месте бывшего острога появилась станица Албазин. Современные жители этих, к сожалению, ветшающих сёл не забыли, как устраивали быт и «держали границу» их предки, и охотно рассказали кинематографистам об исторической примечательности родных мест, провели по залам уютных сельских музеев, познакомили с хранимыми в них предметами старины.

Приамурье обживалось, но для его успешного освоения нужен был мир, а для этого — чётко определённые и юридически закреплённые границы. Н. Н. Муравьёв сделал всё, чтобы уладить территориальные разногласия на Амуре «без грома пушек». Результатом его усилий стало подписание 16 (28) мая 1858 года мирного договора в маньчжурском городке Айгунь. Фильм даёт возможность рассмотреть уникальные фотографии, позволяющие представить, каким увидели это небольшое поселение русские послы. О значении и дипломатических перипетиях шестидневных переговоров можно узнать из подробного рассказа почётного члена Приамурского географического общества Г. Г. Лёвкина, сопровождающего своё повествование точной копией трактата, а монументальное полотно художника В. Е. Романова «Айгунский договор» из фондов Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова позволяет зрителю наглядно «познакомиться» со всеми участниками этого важного события в истории не только Дальнего Востока, но и всей России.

Заканчивается кинопутешествие около памятника графу Н. Н. Муравьёву-Амурскому на набережной Хабаровска. Генерал-губернатор с высокого постамента смотрит вдаль, на мирные просторы родного Приамурья. Кажется, что эти земли всегда были русскими, но неоспоримым для всех это стало только тогда, в далёком Айгуне, когда быстрым росчерком пера именно он, будущий граф Амурский, вручил России это право.

Фильм **«Герой нанайского народа»** (режиссёр и оператор А. Самойлов, 2011) — история жизни легендарного снайпера Сталинградской битвы, Героя Российской Федерации Максима Александровича Пассара. В этом кинорассказе М. Пассар — не только герой, но и просто школьник, родственник, друг, однополчанин, а ещё — девятнадцатилетний юноша, мечтавший о долгой жизни после войны.

Имя юного участника Великой Отечественной войны М. Пассара известно далеко за пределами Хабаровского края, поэтому сюжет киноповествования постоянно переносит зрителя то на Дальний Восток, где родился и вырос будущий герой, то на волгоградскую землю, где он воевал и погиб.

Началась недолгая жизнь М. Пассара в маленьком нанайском селении, «затерявшемся» на просторах Хабаровского края. Кадры кинохроники и чёрно-белые фотографии запечатлели нелёгкий быт его соплеменников, их необычные жилища и нехитрый скарб. В одном из таких таёжных уголков и родился мальчик Максим. О его школьных годах тепло вспоминает бывшая одноклассница А. С. Киле, отмечая в нём весёлый нрав, честность и готовность всегда прийти на помощь, а с довоенных фотоснимков на нас смотрит невысокий, но крепкий юноша с приветливым лицом.

Когда началась война, Максим Пассар вслед за старшими братьями добровольцем ушёл на фронт. Его военная жизнь связана со Сталинградом. Именно в дни великой битвы родилась легенда об удивительном снайпере, «воспитателе мастеров огня», и появились многочисленные газетные заметки и «Боевые листки» с фотографиями героя. На волжской земле он в конце 1942 года мечтал со своим другом-однополчанином А. Фроловым о послевоенной жизни и отсюда 22 января 1943 года ушёл вместе с ним на очередное задание, которое оказалось последним.

Фильм наполнен военной кинохроникой и фотоматериалами о нанайском бойце, тяжёлых боях за Сталинград, похоронах погибших, в том числе и М. Пассара. Современные кадры позволяют зрителю побывать на «безымянной высоте» 144.2 — месте его гибели, постоять у братской могилы в приволжском посёлке Городище, где он похоронен, побродить по мемориальному комплексу «Мамаев курган» и вместе со школьниками Волгограда и нанайского села Найхин возложить цветы на мраморную плиту с именем дальневосточного героя.

Максима Пассара искренне чтят на волгоградской земле, поэтому в фильме можно услышать и увидеть много материалов о его службе, гибели и захоронении, рассказанных и продемонстрированных музейными работниками, руководителями исторических клубов, школьниками области. Трогательно звучат слова благодарности жительницы Волгограда, обращённые к нанайскому народу за мужество их земляка.

Фильм рассказывает и о том, как в 2009 году школьники с. Найхина написали письмо Д. А. Медведеву о награждении М. А. Пассара Звездой Героя. Их горячо поддержала член Общественной палаты России, хабаровский журналист Ирина Полникова. Инициатива нашла поддержку, и Указом Президента Российской Федерации от 16 февраля 2010 года старшему сержанту Максиму Александровичу Пассару было присвоено звание «Герой Российской Федерации» (посмертно).

Красной строкой через весь фильм проходит мысль об исторической памяти. Это когда «никто не забыт и ничто не забыто» не на словах, а на деле: когда народ помнит своего героя всегда, а награда находит его и через 67 лет.

Кинолента **«Далёкая, отважная земля»** (режиссёр В. Василиненко, оператор А. Самойлов, 2011) — рассказ о героической обороне Камчатки под руководством Антона Петровича Сильницкого в годы Русско-японской войны, когда попытка рассудительных японцев устрашить и подчинить жителей полуострова на деле обернулась для захватчиков безрассудной авантюрой.

На рубеже XIX–XX веков Япония открыто готовилась к войне с Россией, но царское правительство не желало видеть в ней сильного противника. Материалы кинохроники, запечатлевшие парад японских солдат во время посещения Страны восходящего солнца русским военным министром А. Н. Куропаткиным, сняты так, что, скорее, забавляют, чем устрашают. Наверное, поэтому так впечатляют последующие видеоэпизоды о том, как военные моряки молча провожают в последний бой крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», и жуткие документальные кадры морских сражений.

Поскольку Николай II не сомневался, что война будет «маленькой и победоносной», в Петербурге никто не позаботился об обороне дальневосточных рубежей. Не удивительно, что, когда через три месяца весть о начале боевых действий дошла до отдалённой Камчатки, полуостров оказался неготовым к встрече врага. А что он появится, сомнений не было, так как японские браконьеры издавна ловили рыбу и били зверя у камчатских берегов и отказываться от столь прибыльного бизнеса не собирались. В фильме демонстрируются интересные факты кинохроники о жизни на полуострове в начале века, в том числе о пребывании «хозяйственных» японцев.

В ленте много говорится о петропавловском уездном начальнике Антоне Сильницком — человеке решительном и колоритном. Так, местная «бизнес-элита» считала его сумасшедшим, поскольку он категорически запретил продажу на полуострове спиртного, установил справедливые цены на пушнину, повёл жесточайшую борьбу с браконьерами и отменил установившуюся практику участия купцов в сборе

налогов с коренного населения. Именно он и возглавил оборону полуострова от японского вторжения: создал народные дружины, добровольческие отряды, вооружил население. И вскоре стало ясно, что амбициозный и надменный японский лейтенант Сечу Гундзи, приказавший установить на камчатском берегу табличку, что «эта земля уже принадлежит Японии», несколько поторопился. Запугать, а тем более подчинить, Камчатку захватчикам не удалось.

Хочется отметить, что подлинным украшением, «изюминкой» этого фильма является множество уникальных фотографий тех лет, отобранных из фондов Дальневосточной государственной научной библиотеки и отреставрированных современным фотомастером Валерием Николаевичем Токарским. На этих снимках изображён Петропавловск начала XX века и его жители, камчадалы-аборигены, участники добровольческих отрядов. Всё повествование фильма щедро проиллюстрировано этими фотоматериалами и кинохроникой.

Оборона Камчатки явилась всего лишь незначительной частью происходивших тогда на Дальнем Востоке военных действий, но благодаря ей за Россией был сохранён не только один из богатейших рыбных районов, но и единственный удобный порт, имевший свободный выход в Тихий океан и контролирующий все её тихоокеанские владения.

Фильм **«Амурский бастион»** (автор сценария, режиссёр и оператор А. Самойлов, художник А. Лепетухин, 2012) — яркое воскрешение истории Албазинского острога и героического подвига его защитников в 1685–1687 годах. Не зря легендарная фраза «Мы, русские, крепости свои сдавать непривычные…» родилась на берегу Амура при обороне Албазина.

Краткая история Албазинского острога такова. Первое упоминание о нём относится к сентябрю 1650 года, когда Е. П. Хабаров с отрядом казаков без боя занял городок, принадлежащий даурскому князю Албазе. После зимовки казаки ушли, предав городок огню, но спустя 15 лет здесь снова появились русские крестьяне и промысловики. А в 1682 году уже было основано Албазинское воеводство, включившее в себя территорию Приамурья от слияния рек Аргуни и Шилки до устья реки Зеи. Оно были предметом упорных притязаний воинственных маньчжуров, и пограничный Албазин жил под постоянной угрозой их нападения. В июне 1685 года острог был осаждён, а затем и атакован маньчжурскими отрядами. В результате штурма крепость оказалась разрушенной, а албазинцы отступили в Нерчинск. Прибывшему туда же с вооружённым отрядом специалисту по строительству военных защитных сооружений А. Бейтону было поручено восстановление Албазинского острога. Отстроенный и укреплённый по всем правилам фортификации, Албазин в 1686 году вновь был осаждён многотысячным маньчжурским войском. Пятимесячные бои и семимесячная изнурительная осада так и не сломили стойкость защитников крепости, которых к концу блокады осталось немногим больше полусотни. Измотанный неприятель вынужден был ни с чем отступить от стен острога. В 1689 году в Нерчинске был заключён договор, по условиям которого Албазин, оказавшийся на китайской территории, подлежал «разорению до основания» и был покинут русскими. Почти 200 лет он играл роль «буферной зоны» на русско-китайской границе, а затем возродился вновь: во времена нового освоения русскими Приамурья здесь была основана уже казачья станица Албазин (ныне — село Албазино).

Сюжет фильма начинается как раз в селе Албазино, которое хранит былые традиции предков-казаков. Зритель может увидеть, как в приграничном селе каждое утро торжественно поднимается русский флаг, послушать интересный рассказ учителя-историка А. Лобанова об особенностях строительства и восстановления Албазинской крепости, посетить археологический памятник — городище «Албазинский острог» и комплекс «Казачья изба с подворьем», увидеть хранящиеся в музее, основанном местными энтузиастами, предметы быта первых поселенцев и выполненный под руководством известного хабаровского архитектора Н. П. Крадина точный макет острога.

Все события защиты Албазина «оживлены» в фильме с помощью замечательного хабаровского художника А. Лепетухина. Его рисунки берут за душу, удивительно доходчиво передавая отчаянное мужество защитников, невероятные страдания жителей, бессильную ярость маньчжуров. Особенно трогательно «рассказана» им легенда о пасхальном поздравлении — одном из эпизодов второй осады.

Судьба крепости вдохновила и другого дальневосточного художника — А. Сучкова. Его картина «Защита Албазинского острога в 1685–1687 гг.» из фонда Военно-исторического музея Восточного военного округа (Хабаровск) — прекрасная иллюстрация к фильму. Кроме того, автор полотна делится со зрителями своими размышлениями о самопожертвовании тех, кто начинал писать историю Дальнего Востока, и о том, как важно о них помнить.

Сила духа защитников Албазинского острога превратила его в непокорённый амурский бастион. И, посмотрев фильм, невольно задумываешься: кто знает, может быть, именно здесь истоки беспримерного мужества защитников Брестской крепости и Сталинграда?

Фильм **«Крепость на Тихом океане»** (автор сценария, режиссёр и оператор А. Самойлов, 2012) — увлекательный рассказ о строительстве и обороне крепости Владивосток в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов. Её обо-

ронительные сооружения в то время были размещены на площади даже большей, чем зона городской застройки.

В конце XIX века русско-японские отношения стремительно ухудшались. Окрепшая Япония жаждала господства в Азии и для этого готова была начать войну против стоявшей у неё на пути России. Но колоритные кадры кинохроники и фотографии, запечатлевшие повседневную жизнь японских городов и украшающие фильм восточной экзотикой и лёгким юмором, — точное отражение того, как легкомысленно российское общество воспринимало дальневосточного соседа в предвоенные годы. На блестяще вымуштрованных самураев с бесстрастными лицами никто не обращал внимания. Гораздо больше обывателей привлекали утончённые гейши, искусные парикмахеры, любезные фотографы, тем более что японские парикмахеры и фотографы (с выправкой офицеров, на которую тоже не обратили внимания) стали довольно привычными в русских дальневосточных городах.

Среди таких городов был и Владивосток. Из-за отдалённости от центра России и невозможности оказать ему быструю помощь войсками и снабжением здесь возвели укрепления для круговой обороны, и ещё 1889 году он был официально объявлен крепостью. Фильм представляет интереснейшие факты из истории Владивостока в военные годы, о которых рассказывают Г. Турмов, профессор Дальневосточного государственного технического университета [В 2011 году ДВГТУ вошёл в состав Дальневосточного федерального университета. — *Ред.*], и краевед Б. Шадрин. А вместе с писателем В. Калининым можно даже совершить увлекательнейшее кинопутешествие по оборонительным сооружениям крепости: её тайным подземным ходам, внутренним дворикам, казармам и фортам.

Очень интересен материал о невероятном японском шпионаже (вот здесь время вспомнить о вежливых и, как оказалось, очень наблюдательных парикмахерах и фотографах!). В фильме демонстрируются военные японские карты города и всех его крепостных укреплений, которые просто поражают своей точностью и подробностью.

В фильме можно узнать об истории появления подводного флота в России и увидеть посвящённый этому событию памятник. Именно отсюда, с морской базы Владивосток, уходили в военные походы первые русские субмарины. Интересно, что в дни противостояния России и Японии в начале XX века подводные лодки, которые ещё не вели боевых действий, но уже эффективно использовались для устрашения противника, были применены впервые в мировой военной истории.

Когда говорят о Русско-японской войне 1904–1905 годов, сразу вспоминают подвиг «Варяга» и порт-артурскую оборону, несправедливо забывая о «тыловой» крепости Владивосток. А ведь именно она была надёжным укрытием для русского морского флота, отвлекала на себя силы неприятеля от слабеющего Порт-Артура и заставила японских вояк отказаться от желания ступить на землю Приморья.

Фильм **«Неустрашимый Венюков»** (режиссёр В. Василиненко, оператор А. Самойлов, 2013) — киноповесть о неутомимом путешественнике, исследователе, офицере и разведчике Михаиле Ивановиче Венюкове, о славных делах этого незаурядного, мужественного и энциклопедически образованного человека, первого географа Приамурья и Уссурийского края, чьё имя увековечено на карте Хабаровского края.

Кинорассказ начинается с беседы с жителями с. Венюково Вяземского района об истории названия их села. К сожалению, многие, кроме имени, ничего об этом человеке не знают. Этот пробел и восполняет последующее повествование фильма.

Служба выпускника Академии Генштаба М. И. Венюкова началась в 1857 году, когда он был направлен в Забайкалье и на Амур «ради составления военной статистики этого края» и топографических карт. Молодой офицер так блестяще справился с заданием, что привлёк к себе внимание генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва, который в это время искал руководителя будущей сухопутной экспедиции на реку Уссури «для открытия вдоль её сообщения с гаванями Японского моря (Владимирскою и Ольгинскою)» [11]. Отважный и пунктуальный 26-летний Венюков подходил для этого как нельзя лучше.

В конце весны 1858 года Михаил Иванович отправился в путь. 31 мая он вместе с солдатами 13 линейного батальона под руководством Я. Дьяченко высадился на берег около живописного амурского утёса, положив начало истории поста Хабаровка (будущего Хабаровска). А уже 1 июня с пятнадцатью своими спутниками отправился из казачьей станицы Казакевичево в поход на восток вдоль Уссури. Благодаря фильму зритель имеет уникальную возможность совершить увлекательное путешествие вместе с экспедицией: удивиться обилию рек — от неторопливой Кии до бурного Хора; познакомиться с гольдами и орочами, поражающими «дружбой с природой»; воочию увидеть красоту озера Ханка и подняться на перевал Сихотэ-Алиня, где ныне установлена мемориальная стела в знак того, что хребет впервые покорён русскими людьми.

Ещё во время путешествия Венюков составил обширный экспедиционный отчёт «Описание реки Уссури и земель к востоку от неё до моря», который получил очень высокую оценку Императорского Русского географического общества. В нём описана физическая география вновь открытого края, представлен быт его крайне редкого населения и дана

оценка возможных перспектив дальнейшего заселения и освоения. Некоторые прижизненные издания очерков Венюкова с картами и автографами автора ныне хранятся в научной библиотеке Российского географического общества, и в фильме можно их увидеть и «полистать».

Несколько эпизодов киноленты посвящено последующей карьере Венюкова. Она была связана с захватывающими путешествиями с научными и военно-разведывательными целями и продолжалась в самых разных местах России и за рубежом.

На российский Дальний Восток Михаил Иванович Венюков больше не вернулся, но никогда о нём не забывал. И поэтому незадолго до смерти, наступившей в 1901 году в одном из парижских госпиталей, он составил завещание, в котором отметил и селение Хабаровку, и Владивосток, и село Венюково на Уссури, где так ярко проявился его талант географа-исследователя и где прошла лучшая часть его жизни — неустрашимого офицера и первого европейца, покорившего Сихотэ-Алинь.

Фильм **«Забытая война»** (автор сценария, режиссёр и оператор А. Самойлов, 2013) — своеобразная притча о героических и трагических событиях обороны Благовещенска в 1900 году: необъявленной войне, больше походившей на разбойный набег с целью грабежа и убийства; предательской бомбардировке беззащитного города; мужестве его горожан и «благовещенском утоплении».

Военные события на Амуре, произошедшие летом 1900 года, явились отголоском Ихэтуаньского (Боксёрского) восстания на севере Китая против иностранцев, экономическая деятельность которых создавала крайне серьёзные проблемы для местного населения. Фильм рассказывает о первых кровавых акциях «боксёров», которые были направлены против русского населения в Маньчжурии, работающего на строительстве КВЖД. Следующей их целью было русское Приамурье, которое китайцы считали (да и сейчас продолжают считать) своим, и его форпост — Благовещенск.

Сюжет фильма повествует о героической обороне города в июле 1900 года. Первые выстрелы прозвучали 1 июля (по старому стилю), когда китайская батарея обстреляла идущие по Амуру русские пароходы «Михаил» и «Селенга». Этот случай сочли очередной провокаций, которые регулярно случались в неспокойном приграничном районе. Но на следующий день по Благовещенску и его мирно гуляющим жителям был открыт массированный ружейный и орудийный огонь. Город был практически беззащитен, так как после начала бунта в Китае все находившиеся в нём воинские части вместе с отрядом добровольцев направились на охрану объектов КВЖД. Сознавая, какая опасность нависла над Благовещенском, горожане сами встали на его защиту. Сохранились имена благовещенцев, проявивших в эти дни чудеса героизма, и в фильме рассказывается об одной такой амурской героине А. И. Юдиной. Благодаря самоотверженности жителей города через 18 дней стало понятно, что он китайцам не по зубам.

О событиях военной истории Благовещенска того времени увлекательно рассказывают сотрудник Амурского областного краеведческого музея В. Обеленцев, доктор исторических наук профессор А. Алепко, а старший научный сотрудник Дальневосточной государственной научной библиотеки Т. Кирпиченко не только дополняет их рассказы интересными фактами, но и демонстрирует редкие книги о трагедии 1900 года на Амуре. Также яркой иллюстрацией этих событий являются графические вставки, воссоздающие напряжённую атмосферу тех дней, тяжёлые воспоминания очевидцев и, конечно, богатейшая коллекция фотоматериалов.

Преклоняясь перед заслугами жителей Благовещенска в нелёгкие дни осады, приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков «пожелал запечатлеть на полотне… подвиг доблестных граждан» [3], и вот уже более 100 лет в Амурском областном краеведческом музее хранится картина «Оборона Благовещенска», написанная в 1902 году художником Императорской Академии художеств А. А. Сахаровым. Фильм даёт зрителям возможность внимательно рассмотреть живописное произведение.

В эти дни произошло ещё одно событие, которое известно в истории как «благовещенское утопление». Разворачивалась нешуточная война с Китаем, и по законам военного времени подданные враждебной страны подлежали депортации, а в Благовещенске они населяли целый квартал. Фильм даёт возможность «побывать» в китайских жилищах, рассмотреть в них милые бытовые безделушки, ознакомиться с повседневной жизнью мирного города, в котором на привычных и трудолюбивых китайцев ещё никто не смотрел как на врагов.

Приказ о выселении «подданных Империи Цин» из всех населённых пунктов по русскому берегу Амура был получен везде, однако только в Благовещенске он был выполнен так страшно. Если в остальных городах и посёлках китайцы были аккуратно перевезены на противоположный берег на лодках, то здесь несчастных заставили добираться на китайскую сторону вплавь, загоняя их в Амур оружейным огнём и не щадя никого. Для нескольких тысяч людей этот путь оказался последним…

Конечно, трудно оправдать такую жестокость, но над головами милосердных жителей Хабаровска и других поселений не свистели пули, а «жестокосердные» благовещенцы в это время хоронили своих убитых, выхаживали покалеченных и ждали мучительной смерти.

Лейтмотивом всего киноповествования звучит мысль о том, что война — дикое и грязное дело, где чудовищным образом переплетаются героизм, жестокость и страдания ни в чём не повинных жертв. Наверное, поэтому и нужны фильмы о «забытых» войнах, чтобы не забывать об этом никогда.

Фильм **«Хозяйка залива Счастья»** (автор сценария и режиссёр А. Самойлова, оператор А. Самойлов, 2013) — киноновелла о женщине. История Дальнего Востока тесными узами связана с именем Геннадия Ивановича Невельского, а судьба самого бесстрашного капитана тесно переплетается с именем его жены — Екатерины Ивановны Невельской, его Катеньки.

Сюжет фильма охватывает дальневосточный период её жизни (1851–1856), совпавший с пятилетием супружества Невельских и Амурской экспедицией. А начинается эта история удивительной любви на рождественском балу в Иркутске, в 1849 году, когда племяннице губернатора, восемнадцатилетней Кате Ельчаниновой, был представлен командир военного транспорта «Байкал» Геннадий Невельской. «Я счастлив, я готов на подвиг для Отчизны», — писал влюблённый Г. Невельской накануне свадьбы. «Мой муж — такой благородный, безукоризненный герой… любовь которого — моя гордость и будет для меня сильной опорой в испытаниях, которые меня, может быть, ожидают впереди», — вторила ему Е. Невельская [18].

И испытания не заставили себя ждать. Вскоре после свадьбы Геннадий Иванович начал готовиться к отправке в экспедицию. Это был его долг, и Екатерина Ивановна всё поняла и приняла. «Я была бы самая низкая, если б осталась сидеть спокойно под защитой, в то время как муж рисковал бы жизнью и боролся за свою честь и честь Отечества», — сообщила она родным и последовала за ним [18].

О самой экспедиции и многих других фактах из жизни этой благородной женщины с большой любовью рассказывает историк Н. Зуева, занимающаяся исследованием писем Е. И. Невельской. В фильме звучит много отрывков из них, прочитанных от имени главной героини, и создаётся удивительная иллюзия, будто Екатерина Ивановна сама делится со зрителями своими переживаниями и впечатлениями.

А уж впечатлений было много! Впервые увидев зимовье, куда экспедиция прибыла наконец после нескольких недель пути, Катенька расплакалась. Глядя на старые фотоснимки этого поселения, становится понятным почему. Молодая, красивая, с блестящим образованием в лучших традициях Смольного института благородных девиц, которая могла бы стать украшением самого изысканного светского салона, она попала буквально на край земли, пустынный и заброшенный.

Но впечатлительность ещё не означает малодушие. Вскоре убогое жильё начальника экспедиции превратилось в гостеприимный дом, в который юная хозяйка вдохнула душевное тепло и уют. На Петровской косе, куда медведи заходили чаще, чем гости, появился огород. Над пустынными просторами зазвенел детский смех. И долгие одинокие вечера для уставших офицеров превратились в задушевные посиделки, где сахар был роскошью, но всегда в избытке — музыка и поэзия. «Наша пустыня не так пуста, если есть в ней Екатерина Ивановна», — вспоминал один из участников экспедиции [18].

Самое удивительное, что всё это создавалось ею в тяжелейших условиях, в которых жила Амурская экспедиция. Кинопрогулка с археологом Н. Спижевым по Петровской косе полностью подтверждает непригодность этих красивых, но диких мест для проживания. Однако, как следует из его рассказа, члены экспедиции не только жили, но и проходили десятки тяжёлых километров, метр за метром открывая и изучая ещё неведомые земли, которым предстояло стать русскими. В этой экспедиции жертвовали всем, и крест на могиле двухлетней дочери Невельских Катеньки — самый впечатляющий памятник отваге русских военных моряков и верности их жён.

Всё повествование фильма сопровождает музыка Шопена и Бетховена, Моцарта и Дебюсси. Нежная и мужественная, задумчивая и оживлённая, воздушная и страдающая — именно такая, какой и была Екатерина Ивановна Невельская, чудесная хозяйка залива Счастья, душа и звезда Амурской экспедиции.

* * *

Представленные фильмы — лишь небольшая толика удивительного «исторического» творчества Дальневосточной киностудии. Удивительного потому, что в них ощущается присутствие авторов, их искреннее уважение к своим героям и любовь к истории родного края. Каждый фильм — глубокое историко-познавательное произведение, основанное на тщательно выверенных научных фактах, озвученных научными, музейными и библиотечными работниками и проиллюстрированных огромным количеством редких книжных, фото- и киноматериалов. Несомненна их просветительская ценность, так как во всех работах использованы обширнейшие коллекции различных музеев страны. Фильмы дают возможность зрителям посетить эти отдалённые музеи, в которые, скорее всего, они никогда не попадут в реальной жизни. Кроме того, велика эстетическая ценность этих видеоработ. Какова бы ни была тематика фильма, обязательным его элементом являются кадры, раскрывающие необыкновенную красоту дальневосточной природы. Они знакомят зрителя с рисунками, живописью, прикладным ис-

кусством прославленных художников и народных мастеров, предметами старинного быта, интерьера, архитектурными памятниками, современными работами в жанре компьютерной графики. Одним из несомненных достоинств фильмов является тонко подобранное музыкальное оформление из произведений Моцарта, Баха, Бетховена, Шостаковича, Стравинского, Рахманинова и многих других композиторов.

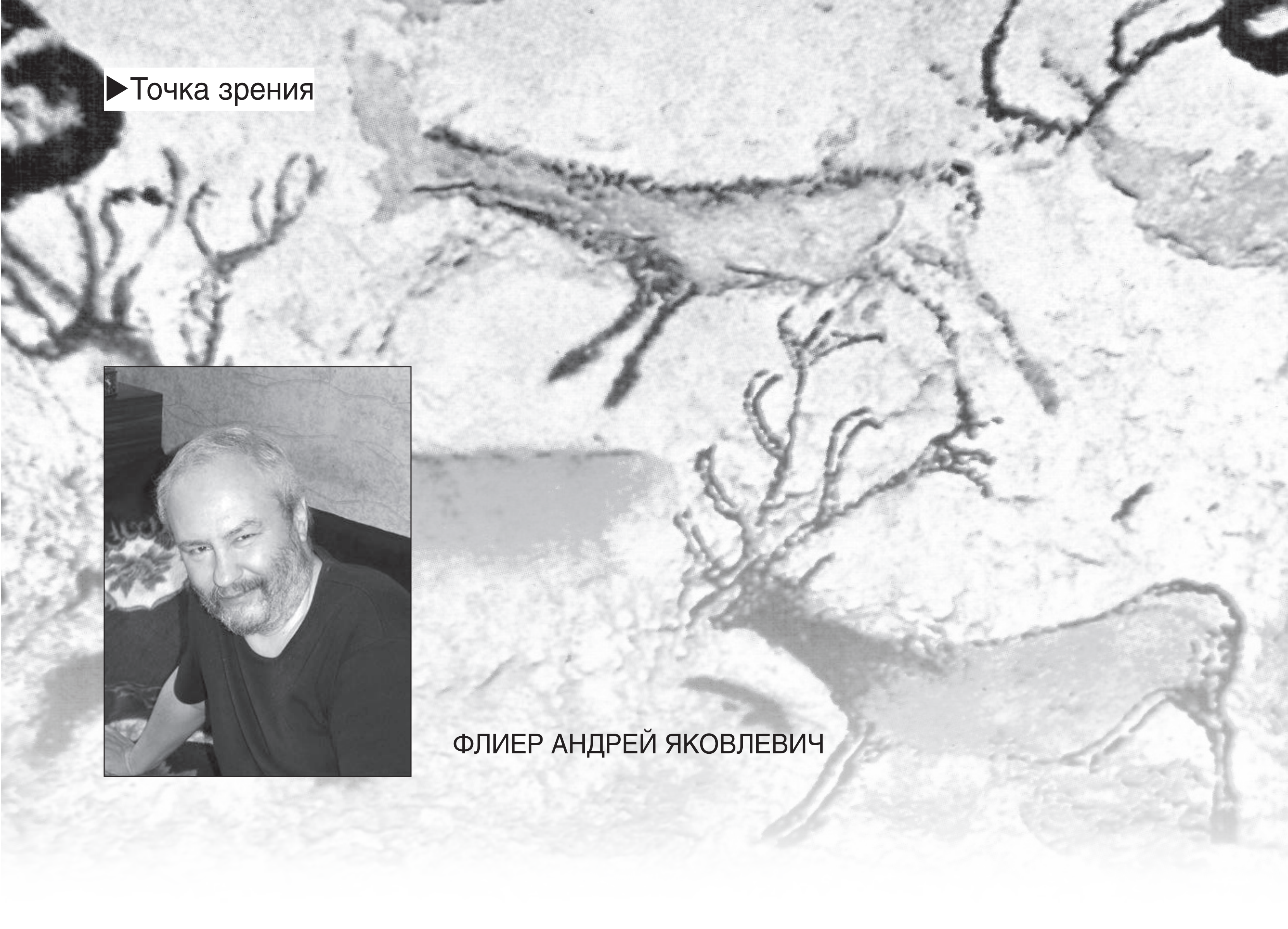
Всё вышесказанное позволяет с уверенностью констатировать, что цикл представленных видеофильмов долгие годы будет интересен и полезен для людей с разными вкусами и любого возраста. Н. Г. Чернышевский когда-то сказал: «Можно не знать многих наук и быть образованным человеком, но нельзя быть образованным, не зная истории родной земли». Поэтому особенно незаменимым подспорьем такие фильмы являются в деле воспитания молодого поколения, формирования духовности, любви к Отечеству, нравственных идеалов и истинной образованности.

Список использованных источников:

1. *Абеленцев, В. Н. Российско-японское противостояние на Дальнем Востоке (1904–1945 гг.) : (хроника событий) / В. Н. Абеленцев, В. П. Омельчак. — Благовещенск : Амуроблстат, 2004. — 93 с. : ил. — Библиогр. в конце разд.*
2. *Авдеева, Н. А. Оформление государственной границы России с Китаем на Дальнем Востоке / Н. А. Авдеева // Очерки истории родного края. — Хабаровск, 1993. — С. 57–75.*
3. *Амурский бастион [Электронный ресурс] / авт. сценария и режиссёр А. Самойлова ; оператор А. Самойлов ; звукорежиссёр В. Яичников ; худож. А. Лепетухин. — Электрон. дан. (1,1 Гб). — Хабаровск : Дальневост. киностудия, cop. 2012. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : зв., цв. ; 12 см. — Загл. с этикетки диска.*
4. *«Без грома пушек...» [Электронный ресурс] / авт. сценария и режиссёр В. Василиненко ; оператор А. Самойлов ; звукорежиссёр В. Яичников. — Электрон. дан. (1,8 Гб). — Хабаровск : Дальневост. киностудия, cop. 2010. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : зв., цв. ; 12 см. — Загл. с этикетки диска.*
5. *Герой нанайского народа [Электронный ресурс] / режиссёр-оператор А. Самойлов ; видеомонтаж А. Самойлова ; звукорежиссёр В. Яичников. — Электрон. дан. (1 Гб). — Хабаровск : Дальневост. киностудия, cop. 2011. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : зв., цв. ; 12 см. — Загл. с экрана.*
6. *Далёкая, отважная земля [Электронный ресурс] / авт. сценария и режиссёр В. Василиненко ; оператор А. Самойлов ; звукорежиссёр В. Яичников ; фотохудож. В. Токарский. — Электрон. дан. (1 Гб). — Хабаровск : Дальневост. киностудия, cop. 2011. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : зв., цв. ; 12 см. — Загл. с этикетки диска.*
7. *Дорохина, А. Н. Станица Албазин : записки о былом / А. Н. Дорохина. — Благовещенск : Приамурье, 2001. — 66 с.*
8. *Забытая война [Электронный ресурс] / авт. сценария, режиссёр и оператор А. Самойлов ; звукорежиссёр В. Яичников. — Электрон. дан. (1,35 Гб). — Хабаровск : Дальневост. киностудия, cop. 2013. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) зв., цв. ; 12 см. — Загл. с этикетки диска.*
9. *История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / А. Р. Артемьев [и др.] ; отв. ред. А. И. Крушанов. — Москва : Наука, 1991. — 472 с.*
10. *Крепость на Тихом океане [Электронный ресурс] : хроник.-док. фильм о стр-ве и обороне Владивосток. крепости в годы Рус.-япон. войны 1904–1905 гг. / авт. сценария, режиссёр и оператор А. Самойлов. — Электрон. дан. (1,2 Гб). — Хабаровск : Дальневост. киностудия, cop. 2012. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : зв., цв. ; 12 см. — Загл. с этикетки диска.*
11. *Левицкий, Н. А. Русско-японская война : [1904–1905] / Н. А. Левицкий, П. Д. Быков. — Москва : Изографус : Эксмо ; Санкт-Петербург : Terra fantastica, 2003. — 667 с., XXXII л. ил., портр. : схемы. — (Военно-морская б-ка).*
12. *Ливанский, Я. В. Владивостокская крепость. История и современность / Я. В. Ливанский // Седьмая дальневосточная конференция молодых историков : сб. материалов (май, 2002 г.). — Владивосток, 2002. — С. 51–57.*
13. *Максим Пассар — Герой России : [подборка материалов] / подгот. В. Захаров // Музы при свечах – 4 : сборник. — Хабаровск, 2011. — С. 146–167.*
14. *Неустрашимый Венюков [Электронный ресурс] : док. фильм / авт. сценария и режиссёр В. Василиненко ; оператор А. Самойлов ; звукорежиссёр В. Яичников. — Электрон. дан. (1,53 Гб). — Хабаровск : Дальневост. киностудия, 2013. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : зв., цв. ; 12 см. — Загл. с экрана.*
15. *Полникова, И. Ваш сын и брат Максим Пассар / И. Полникова // Ассамблея народов Хабар. края. — 2013. — № 2. — С. 24–27.*
16. *Троян, Н. П. Подвиг русской женщины на Амуре / Н. П. Троян. — Владивосток : Рус. остров, 2008. — 119 с. : фот. — Библиогр.: с.117–118. — автогр. авт.*
17. *Хисамутдинов, А. А. Владивосток : Этюды к истории старого города / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. — 327 с. : ил.*
18. *Хозяйка залива Счастья [Электронный ресурс] / авт. сценария и режиссёр А. Самойлова ; оператор А. Самойлов ; звукорежиссёр В. Яичников ; худож. О. Демиденко. — Электрон. дан. (1,63 Гб). — Хабаровск : Дальневост. киностудия, cop. 2013. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : зв., цв. ; 12 см. — Загл. с этикетки диска.*

Материал поступил в редакцию 25.11.2016 г.

Сведения об авторе: Ястребова Юлия Викторовна, библиотекарь Центра информационно-библиографического обслуживания, библиографии и краеведения Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: тел.: (4212) 32-63-67, 8-909-871-54-04.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

СТРУКТУРИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК СПОСОБ ЕЁ ПОЗНАНИЯ

В статье рассматривается многообразие моделей структурирования культуры, разработанных разными учёными, и обосновывается значимость этих моделей как познавательных инструментов изучения культуры. Автором постулируется превосходство моделей структурирования, которые отражают функциональные, содержательные и динамические свойства культуры, а не только её формальные и статические параметры.

Ключевые слова: культура, модели структурирования, бинарные, тернарные и иные модели, функциональные, содержательные и динамические свойства культуры.

Keywords: culture, model structuring, binary, ternary and other models, functional, informative and dynamic properties of the culture.

Любой учёный, занимающийся теоретическим исследованием культуры, прибегает к тому или иному её структурированию, используя чью-то модель морфологии культуры либо разрабатывая собственную. Различные варианты структурирования являются научным инструментом изучения культуры, «препарирующим» её в нужном познавательном ракурсе, акцентируя важные для исследователя её свойства. Сама культура как совокупность технологий социального общежития, обеспечивающих коллективный характер человеческой жизнедеятельности, по моему убеждению, никакой собственной структуры не имеет, а лишь зеркально отражает структуру общества в разных аспектах его активности (хотя и не всегда пропорционально точно). Но, поскольку осмысление культуры и её систематизация в таком «бесформенном» состоянии затруднительны, учёные искусственно тем или иным образом структурируют её именно для удобства описания и анализа.

Наибольшее распространение получило структурирование культуры, основанное на её социальных функциях. В рамках такого анализа культуры хорошо известны бинарные, или дихотомические, модели. Это прежде всего представление о культуре, состоящей из двух основных компонентов — ***материальной*** и ***духовной*** культур, истоки которого улавливаются ещё у античных философов [23]. По существу, эта модель олицетворяет деление культуры на продукты практической жизнедеятельности человека и феномены, порождённые его сознанием, что широко использовалось и в советской философской традиции [1]. Опытом бинарного членения можно считать и суждения Ф. Ницше об ***аполлоническом*** и ***дионисийском*** началах в культуре, связанных с разными психологическими запросами человека [10]. К дихотомическим функциональным моделям относится также деление культуры на ***обыденную*** и ***специализированную*** (фактически на народную и профессиональную), чем пользовались философы-эволюционисты XIX века, но наиболее чётко это структурирование отражено в работах Э. Дюркгейма [3]. Бинарных моделей функционального структурирования культуры существует много, я упомянул лишь наиболее известные и влияющие на развитие науки.

Тернарные модели функционального структурирования культуры в большинстве своём являются продуктами развития бинарных вариантов за счёт введения третьей составляющей. Такова, например, модель М. С. Кагана, включающая ***материальную***, ***духовную***, а также ***художественную*** культуру, которую известный философ-эстетик рассматривал как самостоятельную компоненту культуры [4]. Структурная модель Э. А. Орловой основывается на позитивистской традиции деления культуры на обыденную и специализированную, но рассматривает её в трёх практико-деятельностных сегментах — ***организационном***, ***познавательном*** и ***коммуникативном*** [11]. Ещё одна тернарная модель социально-функционального членения культуры на ***народную***, ***элитарную*** и ***массовую*** встречается в работах многих социологов XX века, но наиболее системный характер приобретает у А. В. Костиной, которая базирует эту трихотомию на едином основании — психологических особенностях её адептов [5; 6]. Эта схема культуры, по существу, также является развитием дихотомии «обыденная — специализированная», но с добавлением ещё и массовой культуры.

Особое место в теории культуры занимает тернарная модель П. А. Сорокина, которая может быть определена и как функциональная, и как историческая, делящая культуру на три типа: ***идеациональный*** (сверхчувственный, обращённый к трансцендентальным и сакральным началам), ***чувственный*** (материально-рациональный) и ***идеалистический*** (синтезирующий свойства двух предыдущих). Эти разные типы, по Сорокину, должны сменять друг друга в рамках исторических циклов [14]. Существуют и другие тернарные модели, менее известные.

Должен сказать, что и я в своих исследованиях общей теории культуры тоже много внимания уделяю её функциональному структурированию. В частности, мною были осуществлены:

• разработка функциональной типологии культур с изложением её оснований, включающей:

– ***этнический тип культуры***,

– ***социальный (сословный) тип культуры***,

– ***политический (национальный) тип культуры***,

– ***конфессиональный тип культуры***,

– ***профессиональный тип культуры***,

– ***художественный тип культуры*** [16];

• разработка модели социальной структуры культуры с системными характеристиками её составляющих, в которой выделяются:

– ***культура сельских материальных производителей (крестьянская)***,

– ***культура городских материальных производителей (буржуазная)***,

– ***культура городских интеллектуальных производителей (интеллигентская)***,

– ***культура производителей порядка (элитарная),***

– ***культура производителей беспорядка (криминальная)*** [17];

• модернизация тернарной модели Костиной, три составляющие которой основываются не на психологических установках их адептов, а на разных формах удовлетворения их социальных интересов:

– ***культура-обычай*** (культура упорядочения приватной деятельности и взаимодействия людей, живущих в непосредственном соседстве и занимающихся в основном собственным жизнеобеспечением),

– ***культура-идеология*** (культура упорядочения деятельности и взаимодействия людей, действующих в общественных интересах и производящих общественно значимую продукцию),

– ***культура-референция*** (культура упорядочения массового потребления) [19; 21];

• в развитие тернарной модели Орловой была разработана структурная модель культуры по основным сегментам жизнедеятельности человека, в которую включены:

– ***культура социальной организации и регуляции*** (хозяйственная культура, политическая культура, правовая культура),

– ***культура познания и рефлексии мира, общества и человека*** (философская культура, научная культура, религиозная культура, художественная культура),

– ***культура социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации*** (культура межличностных информационных контактов, культура массовой информации, информационно-кумулятивная культура, культура межпоколенной трансляции социального опыта, культурной компетенции и знаний),

– ***культура физической и психической реабилитации и рекреации человека*** (культура поддержания и восстановления здоровья, культура физического развития, культура восстановления энергобаланса человека, культура психической рекреации и реабилитации человека),

– ***культура рождения и смерти*** (сексуальная культура, культура родов и выхаживания младенца, культура приготовления к смерти и убранства покойника, культура прощания, погребения и поминовения),

– ***культура преступления и наказания*** (культура нарушений законов, культура нарушений обычаев и морали, культура дознания, культура наказания, культура лишения жизни),

– ***культура приватной жизни*** (культура семейных отношений, культура соседства, гостеприимства и взаимопомощи, культура приватных празднований, культура патронажа по отношению к больным, убогим и нищим),

– ***культура идентичности*** (культура исторической памяти, культура сохранения исторических памятников, культура самоидентификации индивида, культура самоидентификации социальных групп),

– ***лингвистическая культура*** (культура устного языка, культура письменного языка) [22].

Такое множество моделей структурирования культуры, разработанных мной в последние годы, только подчёркивает сугубо технологический, инструментальный характер всех этих разработок. Они осуществляются для того, чтобы лучше показать те или иные функции и возможности культуры.

Другим подходом к структурированию культуры является её членение по историческим периодам, в рамках которых культура может рассматриваться как самодостаточный феномен, обладающий выразительными эпохальными чертами.

Бинарными моделями, отражающими историческую динамику культуры, являются членение культуры на собственно ***культуру*** (восходящая стадия развития) и ***цивилизацию*** (нисходящая стадия), разработанное О. Шпенглером в соответствии с его циклической теорией [24]; концепция «осевого времени» и деления культуры на ***«доосевую»*** и ***«послеосевую»***, принадлежащая К. Ясперсу [25], (подробнее об этом ниже) и некоторые иные.

Тернарной исторической моделью можно считать суждение А. Фергюсона о выделении в культуре трёх исторических стадий развития: ***дикости, варварства*** и ***цивилизации*** [26].

Хорошо известным примером определения исторических стадий развития общества (а с ним, естественно, и соответствующих этапов эволюции культуры) является марксистская формационная модель, основанная на разных типах экономических отношений и включающая пять формаций — ***первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую*** [8]. В наше время наиболее влиятельной является технологическая модель исторического развития, структурирующая историю общества и культуры на ***первобытную, аграрную*** (включающую рабовладельческий и феодальный периоды), ***индустриальную*** (в капиталистическом и социалистическом вариантах) и ***постиндустриальную*** стадии, выделение которых основывается на этапах развития основных технологий общественного производства [2]. Эту схему в принципе можно считать модернизацией марксистской формационной модели.

Третье основание для структуризации культуры касается историко-географического членения культуры вида Homo sapiens на культуры разных народов и объединения их в более крупные культурные образования, называемые ***цивилизациями***. Поскольку феномен цивилизации так и не получил сколь-либо единых оснований и критериев для выделения, то разные авторы произвольно составляют разные списки исторических цивилизаций. Укажем лишь на классиков этого научного течения: О. Шпенглер выделял 8 цивилизаций [24], а А. Тойнби — 21 [15].

Хотя у цивилизационного подхода много сторонников, я не считаю его подлинно научным, а в основном идеологическим, популистским, спекулирующим на сложности

национальной самоидентификации людей в современных условиях. Думаю, что продуктивнее было бы вернуться к изначальному значению слова «цивилизация», характеризующему достижение обществом городской и государственной стадии самоорганизации, а не выражение каких-то локальных признаков его культуры. Что касается структурного членения культуры по разным историко-географическим локусам, то это в принципе не вызывает возражений.

Естественно, спорить о том, какая из этих моделей структурирования культуры более верная, бесполезно. Они все являются не системными описаниями культуры в её объективных параметрах, а только её аналитическими интерпретациями, создаваемыми разными учёными, хотя научная цель новой систематизации материала здесь просматривается как очевидная. Но сама культура собственной оригинальной структурой не обладает, а лишь «обволакивает» человеческое общество, принимая форму присущих ему структур жизнедеятельности, и отражает его параметры.

Вместе с тем нельзя не заметить, что большинство структурных моделей культуры строится на интерпретации её исторических форм. Это всегда чревато опасностью абсолютизации временных, а порой и случайных культурных феноменов. Ведь формы — это, пожалуй, наиболее адаптивные элементы культуры. Они всегда зависят от более или менее случайного сочетания внешних обстоятельств. Конечно, я знаю и разделяю суждение Э. С. Маркаряна о том, что культура — это адаптивно-адаптирующая система, которая не только пассивно адаптируется к внешним факторам, но порой и сама активно адаптирует их «под себя» [7]. Однако второй вариант встречается сравнительно редко и представляет собой частное исключение. Обычной нормой выступает именно пассивная адаптация форм культуры к сложившейся композиции внешних факторов.

Поэтому гораздо более перспективным и продуктивным является структурирование культуры на основании её важнейших содержательных установок (можно назвать их «смыслами» или «ментальностями»). К числу таких содержательных установок относятся, например, представления о добре и зле, правде и лжи, воле и неволе, красоте и уродстве и т. п. Я в последнее время стараюсь по возможности концентрировать свои научные исследования именно на этом [20; 21].

Интересным осмыслением таких содержательных установок культуры представляется смыслогенетическая теория А. А. Пелипенко [12; 13]. Я согласен далеко не со всеми его постулатами, но стремление Пелипенко исследовать культуру не по переходящим формам (атрибутам самобытности), а по её фундаментальным смыслам видится мне важнейшим методологическим поворотом в современной российской культурологии. В частности, автор, отталкиваясь от концепции «осевого времени» К. Ясперса, усматривает в истории культуры два содержательных периода: мифоритуальный и логоцентрический (фактически «доосевой» и «послеосевой», хотя Пелипенко несколько сдвигает их хронологические границы). Для первого из них характерно нечёткое, ситуативное различение добра и зла в любых жизненных и сакральных проявлениях. Отсюда и боги мифоритуальных («доосевых») сообществ порой бывают жестокими, коварными, лживыми. Всё зависит от конкретной ситуации. Совершенно иная картина характерна для логоцентрических («послеосевых») сообществ. Здесь уже разведение добра и зла предельно чёткое. Бог — это абсолютное благо, дьявол — абсолютное зло, а земной человек понимается как активный служитель добра. В противном случае общество его просто уничтожает. Это принципиально иная культура, нежели мифоритуальная, с иными задачами социальной регуляции.

Различие между двумя культурными типами не сводится только к разным трактовкам добра и зла, но я сейчас выделяю именно это. Правда, Пелипенко считает, что логоцентрический этап в культурной эволюции близок к завершению; но то, что идёт ему на смену, представляется лишь в общих чертах, далёких от системного понимания, и поэтому здесь не рассматривается.

В этой связи стоит отметить и принадлежащее А. П. Назаретяну объяснение феномена «осевого времени» (по Ясперсу, это период между VII и II веками до н. э.). Это время освоения человеком и широкого распространения железа. А железное оружие много легче и дешевле бронзового. Появилась возможность вооружать огромные армии и совершать масштабные завоевания. Количество человеческих жертв при этом резко увеличилось. И общество ответило на это появлением новых религий, идеологически ограничивающих применение насилия. Буддизм, даосизм, конфуцианство, зороастризм, систематизированный иудаизм возникли именно в «осевое время»; позднее сложилось христианство, наиболее последовательно отстаивающее принцип ограничения насилия. На этом основании Назаретян сформулировал «закон техно-гуманитарного баланса», гласящий, что с возрастанием технической вооружённости человека культура порождает новые ограничительные установки [9]. Это объяснение хорошо коррелирует с концепцией Пелипенко, а в целом создаётся совсем другое, гораздо более глубокое понимание культуры как феномена социальной самоорганизации человеческого общества.

Постижение культуры является чрезвычайно сложным процессом в первую очередь потому, что культура, по точному определению М. М. Бахтина, — это то, что простирается между людьми, объединяя их в общество. Отсюда все формы

и структуры культуры представляют собой лишь отражение форм и структур человеческого общества. Культура похожа на цементный раствор, принимающий форму вмещающего его объёма и скрепляющий его элементы. Но, как и раствор, культура «застывает» в обретённой форме, и придать ей новую форму, больше соответствующую изменившемуся обществу, бывает непросто. Социум пластичней и мобильней своей культуры. Но общество заставляет культуру меняться и развиваться. Вся человеческая история может быть представлена как процесс борьбы общества со своей культурой, преодоления её устаревших установок, априорно присущего ей консерватизма.

В своё время мной была открыта закономерность исторического развития культуры, которую можно назвать «законом баланса социальной и культурной динамики» [18]. В соответствии с ним при ускорении темпа социального развития общества понижается уровень его локальной культурной самобытности, а при замедлении этого темпа уровень самобытности повышается (происходит её накопление). Наибольшей локальной культурной самобытностью отличаются архаичные сообщества.

Всё это имеет прямое отношение к проблеме структурирования культуры, поскольку её бессмысленно структурировать в статике. Всякая предлагаемая модель структуры должна «работать» в исторической динамике, сохраняя свою устойчивость. Именно тогда её познавательный потенциал будет теоретически значим, и культуру можно будет анализировать во всей глубине её противоречий и динамике изменчивости. Поэтому главную проблему всякого структурирования культуры можно обозначить как культурную структуру в динамике исторического развития. А это уже научная задача совсем иной сложности.

Таким образом, определяется ряд принципов, которые желательно соблюдать при структурировании культуры как социального феномена во всей полноте его функций:

1. Структура культуры должна в целом соответствовать социальной стратификации общества и основным направлениям и сегментам практической жизнедеятельности людей (их приватной жизни, общественному служению и основным специализированным областям деятельности), в отношении которых культура функционирует как нормативно-регулятивная система.

2. Структура культуры должна отражать не столько её исторически изменчивые формы и символы, сколько фундаментальные экзистенциальные установки сознания людей (смыслы, ментальности), определяющие характер актуальной социальной практики общества.

3. Структура культуры должна сохранять свою устойчивость как при рассмотрении её в условной статике избранного исторического периода, так и в исторической динамике её развития от эпохи к эпохе.

При соблюдении этих принципов существенно повышается вероятность того, что разрабатываемая структура культуры будет более или менее адекватна социальной реальности. Основным критерием такого соответствия, на мой взгляд, является отсутствие явных противоречий между предлагаемой структурой и системными данными других общественных наук.

Разумеется, изучая культуру, каждый автор преследует определённую научную цель, которая не всегда связана со всесторонним осмыслением культуры во всей полноте её социальных функций, а может касаться только какого-то её частного отраслевого сегмента (например, искусства или крестьянских обычаев, или ритуалов и праздников и т. п.). При этом полное соответствие авторской трактовки культуры всему набору основных социальных, этнических, религиозных и прочих параметров общества не требуется. Но в таком случае честный учёный сразу предупреждает об этом читателя, чтобы он не искал в авторской интерпретации всей полноты отражения свойств культуры. В подобных работах творческая интерпретация культуры не обязана отражать все её реалии, но должна соответствовать научно-познавательной цели автора, от чёткости формулирования которой в большой мере зависит научное качество проводимого исследования.

Но это характерно для ситуации углублённого исследования какого-то избранного сегмента, что не требует общего системного структурирования всей культуры. Такое структурирование становится необходимым, когда предметом исследования является вся культура как социальный феномен, как фактор человеческой жизни. И вот здесь знание научных принципов системного структурирования становится критически важным, поскольку подобное структурирование культуры выступает одним из основных исследовательских методов, раскрывающих суть культуры, вариантом генерализации общих представлений о ней. И этой методологии следует учиться.

Список использованных источников

1. Арнольдов, А. И. Введение в культурологию / А. И. Арнольдов. — Москва : НАКиОЦ, 1993. — 116 с.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. — Москва : Академия, 1999. — 783 с.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — Москва : Наука, 1991. — 572 с.
4. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры : в 2 кн. / М. С. Каган. — Санкт-Петербург, 2000.
5. Костина, А. В. Теоретические проблемы современной культурологии : идеи, концепции, методы исследования / А. В. Костина. — Москва : Кн. дом «Либроком», 2009. — 284 с.
6. Костина, А. В. Национальная культура. Этническая культура. Массовая культура : «баланс интересов» в современном обществе / А. В. Костина. — Москва : УРСС, 2009. — 214 с.
7. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука : (логико-методологический анализ) / Э. С. Маркарян. — Москва : Мысль, 1983. — 284 с.
8. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. — Изд. 2-е. — Москва, 1959. — Т. 13. — С. 1–167.
9. Назаретян, А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян ; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. — Москва : URSS Изд-во ЛКИ, 2008. — 254 с.
10. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. — Москва, 1990. — Т. 1. — С. 57–157.
11. Орлова, Э. А. Динамика культуры и целенаправленная активность человека / Э. А. Орлова // Морфология культуры. Структура и динамика : учеб. пособие для вузов. — Москва : DrDoom, 1994. — С. 8–73.
12. Пелипенко, А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории : учеб. пособие для аспирантов / А. А. Пелипенко. — Москва : МГУКИ, 2007. — 432 с.
13. Пелипенко, А. А. Культура и смысл // Пелипенко А. А. Избранные работы по теории культуры. — Москва, 2014. — С. 5–728.
14. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика : Исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / П. Сорокин ; пер. с англ. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 2000. — 1054 с.
15. Тойнби, А. Постижение истории : сборник / А. Тойнби. — Москва : Прогресс, 1991. — 731 с.
16. Флиер А. Я. Социальная типология культуры // Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие для аспирантов, докторантов и соискателей. — Москва, 2000 — С. 154–157.
17. Флиер, А. Я. Социальная стратификация культуры / А. Я. Флиер // Флиер А. Я., Полетаева М. А. Происхождение и развитие культуры / А. Я. Флиер, М. А. Полетаева. — Москва, 2008. — С. 155–195.
18. Флиер, А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры / А. Я. Флиер. — Москва : Согласие, 2012. — 524 с.
19. Флиер, А. Я. Культура как социально-регулятивная система и её историческая типология [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Культура культуры : науч. рецензируемое период. электрон. изд. — 2014. — № 2. — Режим доступа: http://cult-cult.ru/culture-as-social-regulatory-system-and-its-historical-typology/. — Дата обращения: 10.10.2015.
20. Флиер, А. Я. Культура как «фабрика» по производству смыслов: историческая динамика [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Культура культуры : науч. рецензируемое период. электрон. изд. — 2014. — № 3. — Режим доступа: http://cult-cult.ru/kulitura-kak-fabrika-po-proizvodstvu-smyslov-istoricheskaya-dinamika/. — Дата обращения: 12.10.2015.
21. Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2015. — № 3. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/. — Дата обращения: 10.10.2015.
22. Флиер, А. Я. Тернарная модель в морфологии культуры / А. Я. Флиер // Высшее образование для XXI века : XII Междунар. науч. конф., Москва, 3–5 декабря 2015 г. — Москва, 2015. — С. 11–16.
23. Цицерон, Марк Туллий. Турскуланские беседы // Цицерон. Избранные сочинения / сост. и ред. М. Л. Гаспарова, С. А. Ошерова, В. М. Смирина. — Москва : Худож. лит., 1975. — С. 207–367.
24. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2-х тт. — Москва : Айрис Пресс, 2003.
25. Ясперс, К. Смысл и назначение истории : [пер. с нем.] / [вступ. ст. П. П. Гайденко]. — Москва : Политиздат, 1991. — 527 с.
26. Ferguson, A. An essay on the history of civil society / A. Ferguson. — Edinburgh : Printed for A. Millar & T. Caddel ; London : A. Kincaid & J. Bell, 1767.

Материал поступил в редакцию 03.10.2016 г.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (г. Москва).
Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

БРЕЙТМАН АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВИЧ

МЕТАМОРФОЗЫ ХРИСТИАНСКОГО ДУХА И СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ

(опыт культурологической интерпретации двух фильмов)

Два фильма на актуальную сегодня тему: о сохранении или возрождении христианского духа в сознании современного социума. «Оптимист» В. Пичул из отнюдь неблагополучной России и «пессимист» Ларс фон Триер из вполне благополучной Дании не столько полемизируют, сколько дополняют друг друга. Фильмы внешне очень разные: их разделяет и «пространство», и «время», и авторский почерк, и сила режиссёрского высказывания. Но, несмотря на различия, их сближает непостмодернистская «старомодность» взгляда и вера в неповторимую индивидуальность и ценность любого (в том числе — и «маленького») человека.

Ключевые слова: дух христианства, постмодерн, кинематограф, Восток, Запад, индивидуальность.

Keywords: the spirit of Christianity, postmodern, cinema, East, West, individuality.

«…и тот самый народ, который сегодня целовал Твои ноги, завтра же… бросится подгребать к Твоему костру угли… на котором сожгу Тебя за то, что пришел нам мешать…»

«…он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные… уста. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его… поцелуй горит на его сердце…»

Ф. М. Достоевский. «Легенда о Великом Инквизиторе»

Вот уже более двух десятилетий (точнее, с началом горбачёвской перестройки) постсоветская Россия осуществляет «новую» христианизацию. По меньшей мере, официально и в полном масштабе восстановлен сам институт церкви, а семидесятилетний юбилей ныне здравствующего патриарха отмечается и освещается на самом высоком государственном уровне. С чем, собственно, мы имеем дело: с восстановлением прерванной большевистским переворотом духовной традиции (православие — неотъемлемая составляющая русской культуры) или обретением новой (точнее, *старой как новой*), взамен утраченной, советской, идеологии? Существует немало оснований, чтобы признать и первое, и второе.

Сохранение («выживание») христианского духа внутри самой христианской по духовной традиции цивилизации в целом есть проблема общечеловеческая.

Метаморфозы современного христианского сознания могут быть предметно актуализированы в анализе двух непохожих друг на друга фильмов: «Небо в алмазах» В. Пичула (1998), получившего в 1989 году международную известность после скандальной (по тем временам) «Маленькой Веры», и «Догвилль» (2003) датчанина Ларса фон Триера, признанного лидера европейского кинематографа. Фильм «Небо в алмазах» не заслужил, как в своё время «Маленькая Вера», должного внимания отечественной кинокритики. И, по-моему, зря. Вероятно, пишущих о кино специалистов смутили осточертевшие всем и ставшие почти обязательными мафиозные разборки, стрельба из всех мыслимых видов стрелкового оружия, горы трупов и прочее. Этот «джентльменский набор» смутит кого угодно. Кажется, режиссёр осуществил самый экзотичный подбор персонажей русского pulpfiction: благородный бандит Антон Чехов (не больше и не меньше), некогда жалкий подкидыш и неистовый графоман в настоящем; сёстры-антиподы: Вика, случайно оказавшийся среди людей ангел (тоже подкидыш), осветивший неземным светом жизнь рецидивиста Чехова, и Нина, красавица-«вамп», криминальный босс по совместительству (обе трагично и безнадёжно влюблённые в писателя-рецидивиста); до боли знакомые «братаны» с пустыми глазами и чугунными затылками и т. д.

Постмодернистская цитатность, пародия, тяготеющая к открытой карикатурности… Чего стоит один только полковник милиции в блистательном, как всегда, исполнении В. Гафта, приказывающий стрелять в неуловимого Антона Чехова целому вооружённому автоматами отряду милиции в масках, заполнившему практически все посадочные места гигантского стадиона, где «сумасшедшая» Вика осуществляет грандиозную оперу по книге Антона Чехова на деньги влюблённой в него Нины. Между тем весь этот наворот — не более чем художественный приём, позволивший режиссёру, хотя бы условно, дистанцироваться от настоящего. Авторская же ирония, и даже постмодернистский стёб, вполне объяснимы: в мутном и не прояснённом потоке сегодняшних событий поза строгого моралиста навряд ли способна вызвать доверие. Но, обозначив эту дистанцию, В. Пичул делает кино о том, что волнует на самом деле, — о России. О том, не умерла ли надежда в этом потерявшем опоры мире. Страшно, когда не обделённый талантом молодой человек с именем Антон Чехов оказывается значимым исключительно только в своей бандитской ипостаси, но не нужен никому как писатель (кроме разве одной «сумасшедшей», для которой музыка важнее и денег, и «настоящего мужика»). Печально, если обаяние и ум пронзительной красавицы Нины поглощается её «криминальным талантом».

Антон и Нина в известном смысле — образ потерявшей опоры России. Схлынут, как пена, уйдут в небытие криминальные боссы, гротескные милицейские начальники, тупые исполнители воли первых и вторых, безликие и «никакие» президенты (неслучайно роль *такого* президента поручена актёру, снискавшему всенародную славу в роли Шарикова из известного телефильма по булгаковскому «Собачьему сердцу»). А что же останется? Останутся музыка и любовь. Они вечны. Останутся дети как надежда на возможность лучшего будущего (дети, которые, увы, такие же подкидыши, как Вика и Антон).

В смысле символическом — «злая» сестра может исцелиться страшной ценой гибели «доброй». Но истинное «воскрешение» Антона и Нины — не только через искупительную смерть невинного дитя — Вики, но и через собственную «смерть». Казалось бы, Нина и гибнет вместе с Викой и сидящим за рулём падающей с обрыва машины личным телохранителем — «ангелом возмездия». Гибнет и Антон, сведя счёты с жизнью, в той же реке. Но оба выживают. В этом «воскрешении» почти буквально повторена последовательность обряда крещения: погружение в воду символизирует смерть и одновременно — очищение от грехов, а выход из воды — воскрешение, но уже другим человеком, готовым к новой и праведной жизни. Спасение и надежда — в детях, брошенных и позабытых всеми. Из них могут вырасти бандиты (как Антон), а могут — поря-

дочные люди. Это будет зависеть от тех, кто поведёт их в новую жизнь. Надежда в том, что их будут «вести» раскаявшиеся грешники Антон и Нина, решившие, что у каждого из подкидышей должны быть и мать, и отец. Идея вполне христианская и для нашей культуры отнюдь не случайная.

И всё-таки, какое ко всему этому отношение имеет русский писатель А. П. Чехов? Можно сказать, прямое. Ведь если Нину ценой собственной смерти спасает Вика, то Антона только и мог спасти Чехов: ничего другого хорошего, кроме имени великого писателя, в его жизни и не было. Иначе говоря, спасение — в сохраняющейся, несмотря ни на что, культурной преемственности, без чего «грешнику» никогда не стать «праведником», а произведениям искусства — оставаться не более чем развлечением для их же собственных создателей. Всё сказанное позволяет интерпретировать не только название фильма «Небо в алмазах», но и фильм целиком как развёрнутую метафору из чеховского «Дяди Вани»: «Мы ещё увидим небо в алмазах». Надежда, хотя и окрашенная в грустные тона, как известно, умирает последней.

Негативную критику в адрес премьерного ещё (2003) «Догвилля» в российской прессе можно было бы сформулировать следующим образом: мол, Триер взялся за фильм про Америку, никогда в ней *не быв* и *не жив*. (Видимо, о новой ленте одного из ведущих кинорежиссёров современного мирового кино сказать было больше нечего.) После просмотра фильма на кинофестивале «Фестиваль фестивалей» в Санкт-Петербурге того же года подобного рода претензии отпали сами собой. Для картины, снятой в жанре философской притчи (наподобие «Легенды о Великом Инквизиторе» и «Сна смешного человека» Достоевского), место действия — не более чем условность. Затерянный в американской глуши Догвилль — всего-навсего геометрически расчерченная площадка, где с предельным схематизмом обозначены дома горожан, место собраний и проповедей, местная достопримечательность — пещера (в принципе, события фильма могли бы с неменьшим успехом произойти в любой европейской глубинке). Другое дело, что для Триера абстрагированный американский микросоциум есть своего рода модель современного Запада, почти начисто утратившего культурные связи с собственными корнями.

Триер открыто, даже демонстративно, проверяет (тестирует) «на выживаемость» основы самого христианского духа и демократии этих заурядно-типичных представителей индустриально-постиндустриальной цивилизации. Казалось бы, поначалу жители городка поступают как должно: побуждаемые влюблённым Томом (молодой сын местного пастора), они в лучших традициях христианского братства и демократизма решают, рискуя благополучием своей размеренной жизни, спасти невесть откуда взявшуюся Грэйс. Но окончательный результат такого «тестирования» — отрицательный: каждая из женщин этого «славного» городка как бы невзначай то ли перекладывает на «спасённую» львиную долю своей «трудовой повинности», то ли срывает на ней обиду за несложившуюся женскую судьбу; а каждый мужчина, одновременно «стыдясь» и находя оправдание своему отнюдь не христианскому поведению, пользуется её телом. И только влюблённый в неё «идеалист» Том, преодолевая плотские искусы, вынашивает планы их совместного побега. Но именно ему и предназначено совершить главное, иудино, предательство.

«Что было, то и будет… и нет ничего нового под Солнцем», — сказано в книге Экклезиаста. По сути, те же самые (или такие же самые) люди, что 2000 лет тому назад, приговорили к позорной смерти кроткого Христа, «приговорили» и безропотную Грэйс.

Итак, христианский эксперимент в Догвилле не удался. По всему видно, что Триер и не испытывал никаких иллюзий на этот счёт. Поэтому для финала ему понадобилось «вернуться» к Моисееву закону (линия ветхозаветная), требующему не всепрощения, но воздаяния. В момент окончательного грехопадения Догвилля на город обрушивается «кара Господня». Правда, с поправкой на современные реалии, роль карающего Яхве в фильме берёт на себя отец Грэйс, по совместительству — глава местной мафии. Как и в случае с библейскими Содомом и Гоморрой (сравнение Догвилля с этими библейскими городами, уничтоженными гневом Господним, кажется очевидным), все жители Догвилля, включая и грудных детей, безжалостно уничтожаются.

Во вполне реалистичном, с массой бытовых подробностей предыдущем фильме Триера «Рассекая волны» чудо оказалось возможным благодаря живой вере и способности жертвовать собой ради другого, даже если для этого требовалось переступить то, что принято называть общественной моралью (в русской литературе, например, таковы «вечные Сонечки и Грушеньки», готовые идти за своими сужеными и на муки, и на погибель). В предельно условном, далёком от того, что называется реализмом, «Догвилле» самые благие намерения пожираются пошлой действительностью, в которой моральный императив (по Канту — голос Бога в душе человека) давно превратился в некие удобные для повседневного пользования правила.

«Догвилль» кажется самым пессимистичным из фильмов Ларса фон Триера — в нём нет никого, кто хотя бы условно мог быть назван «положительным». Ведь и безответная героиня Николь Кидман несёт свою часть вины за случившееся. Неизвестно, что более стало искушением для жителей городка: их собственная порочность или не знаю-

щая границ «христианская» кротость Грэйс. Имей мы дело со столь не любезными сердцу Триера фильмейкерами из Голливуда, финальной точкой, без сомнения, стала бы пуля, выпущенная Грэйс в голову Тома. Блестяще владеющий технологиями зрительского (в том числе и коммерческого) успеха, режиссёр в данном случае сознательно разрушает зрелищность, чему способствует и предельная условность происходящего, и обилие диалогов при дефиците действия, и отсутствие эротики как таковой (то, что делают мужчины Догвилля с Грэйс, вряд ли может быть названо эротикой или даже сексом). И, наконец, в фильме отсутствует развязка — действие обрывается в кровавой кульминационной точке. Развязка выносится непосредственно в зрительный зал, где сразу после «контрольного» выстрела Грэйс начинают звучать аплодисменты (фестивальная аудитория петербургского Дома кино в этом смысле вполне репрезентативна). Как может быть истолкована такая, явно спровоцированная режиссёром, реакция зала? Есть все основания предполагать, что выстрел делит зрительный зал, по меньшей мере, на три части:

1-я — приветствующая аплодисментами «справедливую» расправу и искренне не понимающая, что жители «славного» городка списаны с таких же, как и они, обывателей и что пули «направлены» не столько в этих условно-экранных персонажей, сколько в них самих;

2-я — чьи аплодисменты, скорее, психологическая защита от травмирующей идентификации (психологически легче отождествить себя с творящими «правосудие» бандитами, чем с заслужившими суровой кары догвилльцами);

3-я — (не аплодирующая) испытывающая стыд за происходящее и на экране, и в зале.

И если даже в количественно меньшей части публики фильм вызвал стыд и негодование, то Триер, как представляется, сумел осуществить свой замысел. В целом фильм может быть понят как философская кинопритча современного художника по поводу основополагающих библейских догматов: о личной свободе и ответственности каждого за совершённый им выбор, за последствия этого выбора…

Два режиссёрских высказывания на реалии современного общественного сознания: «оптимиста»[1] из отнюдь неблагополучной России и «пессимиста» из вполне благополучной Дании, не столько, как представляется, полемизируют, сколько дополняют друг друга. Несмотря на различия, авторов обоих фильмов a'la постмодерн сближает и непостмодернистская «старомодность» взглядов, позволяющая разглядеть сквозь цивилизационный панцирь неповторимую индивидуальность и ценность любого (в том числе и «маленького») человека. Именно искусство, вольно или невольно поощряющее в человеке ощущение индивидуальности, отдельности, оказывается, по словам И. Бродского, если не гарантией, то формой защиты от безудержного прагматизма и нравственного одичания. В этом, «скорее прикладном, чем платоническом», смысле поэт и предлагал понимать слова Ф. Достоевского о том, что «красота спасёт мир».

Нет низкого предмета в природе, как утверждал Н. В. Гоголь в «Портрете»: «В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом; в презренном у него уже нет презренного, ибо сквозит неведомо сквозь него прекрасная душа создавшего, и презренное уже получило своё высокое выражение, ибо протекло сквозь чистилище его души»[2].

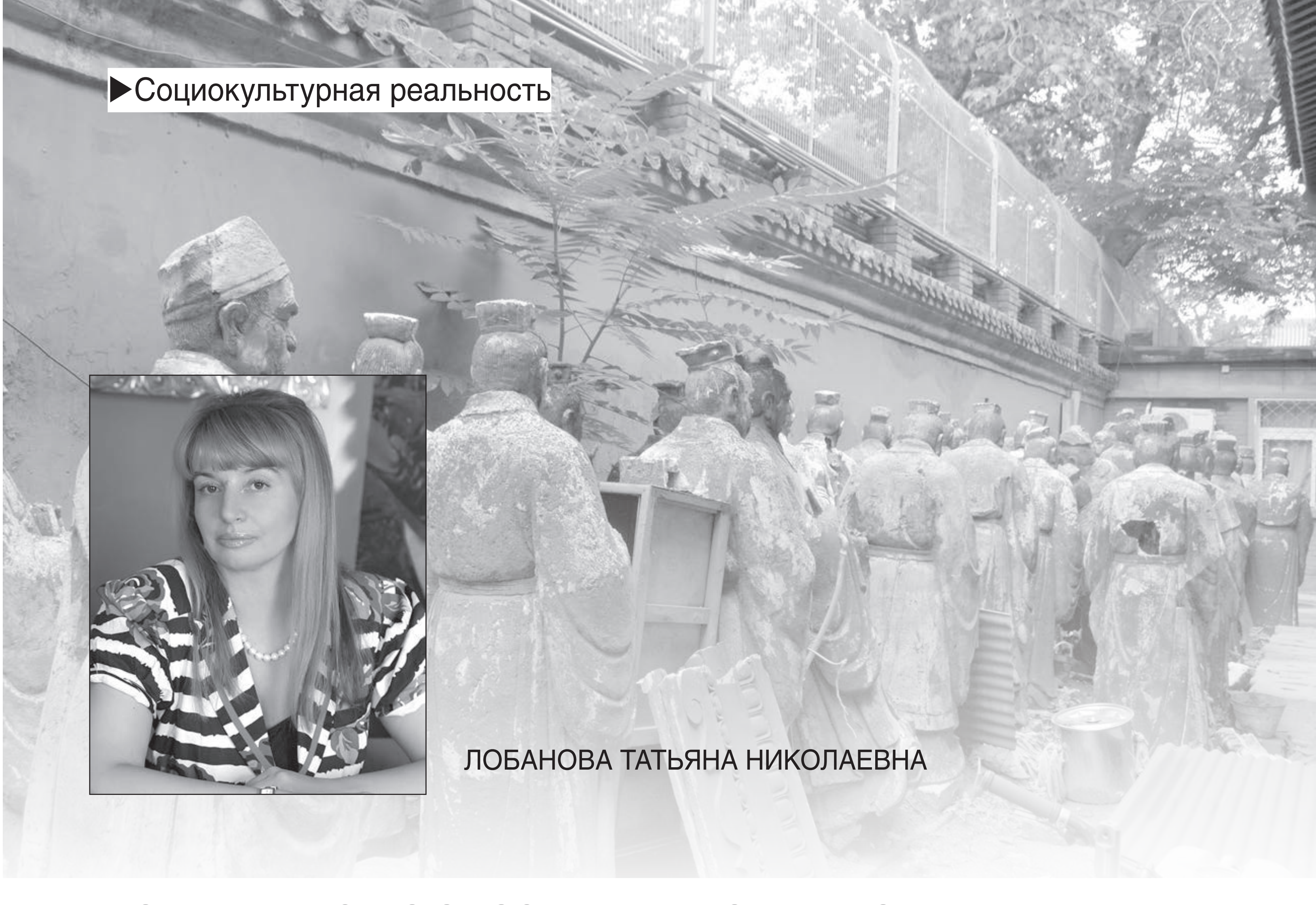
Материал поступил в редакцию 19.12.2016 г.

Сведения об авторе: Брейтман Александр Семёнович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).
Контактные данные: тел.: 8-924-109-24-23; 680001, Хабаровск, ул. Джамбула, д. 25, кв. 137.

---

1 *В. Пичул, талантливо и гротескно отразивший в фильме 18-летней давности социальный слом и беспредел «лихих» 1990-х, возможности исцеления от нравственного недуга видел, как представляется, на путях возрождения христианских начал в потерявшем опоры социуме. Интересно, как бы он сегодня оценил состояние ценностного сознания современного российского социума в условиях официального госпатриотизма и нового «огосударствления» церкви?*

2 *Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 8 тт. — Т. 3. — Москва, «Правда», 1984. — С. 129–130.*

ЛОБАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

КОНФУЦИАНСТВО О ГОСУДАРЕ И ПОДДАННОМ. СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНФУЦИАНСКИХ ИДЕЙ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ КИТАЯ

Цель настоящей статьи — анализ идей учения Конфуция в преломлении к практическим задачам инновационных управленческих практик в современном Китае.

Современный мир стоит перед лицом глобальных изменений. Китай и его информационная политика играют всё более важную роль в собственном обществе и современных международных отношениях. Повышение роли «мягкой силы» является основой для реализации китайской мечты. Новая стратегия построения китайского «могущественного культурного государства» удачно сочетает внутренние, внешние и идеологические долгосрочные цели. Основными целями стратегии являются мобилизация и консолидация китайской нации на основе инновационных культурных ценностей и обеспечение социальной сплочённости и взаимодействия во внешнем мире при помощи «мягкой силы».

Насколько «гибкие» инструменты «мягкой силы» КНР способны управлять в Китае и за его пределами? Можно ли рассматривать их в качестве политического оружия? Автор изучает роль конфуцианской доктрины в периоды кризиса в качестве интеграционного ресурса и объединяющей силы китайского государства. Обращение к учению Конфуция и использование некоторых терминов из конфуцианства в политическом дискурсе современного Китая позволяет определить траекторию идеологических изменений в управлении государством и обществом. Это закодировано в текстах китайских СМИ.

Ключевые слова: учение Конфуция, конфуцианские ценности, управление государством и обществом, «мягкая сила» КНР.

Keywords: Confucian teachings, the Confucian values, management of the state and society, China`s “soft power”.

Китайцы гордятся своими идеями в области «управления жизнью», а в области управления проектами считают себя апологетами и не видят себе равных. Великая Китайская стена, Великий канал, Запретный город — ассоциативные названия, связанные с управлением проектами и людьми.

Современные китайские руководители перестали цитировать Маркса и всё чаще обращаются к мудрости Конфуция. В этом они увидели поиск своей модели национальной идентичности, отличной от западной.

«И лидеры движения за новую культуру, и Мао Цзэдун считали конфуцианство главным врагом и весьма преуспели в уничтожении конфуцианского наследия. И сегодняшние попытки официальных кругов, в условиях отсутствия «правильных» моральных ориентиров у молодёжи, вновь использовать некоторые конфуцианские ценности и теории, только лишь свидетельствуют о том, насколько глубоко зашёл процесс «вестернизации» на самом фундаментальном уровне» [5, с. 87].

Скульптура Конфуция у входа в Храм Конфуция в Пекине (2015 г.).

Авторство о превосходстве ценностей китайского общества принадлежит древнему философу 孔夫子(Кун Фуцзы), или Конфуцию. Конфуций (551–479 гг. до н. э.) жил в последние годы эпохи Вёсен и Осеней (770–476 гг. до н. э.), периода политических переворотов, которые приводили к кровавым схваткам воюющих государств, вследствие чего в Поднебесной воцарился хаос.

Все собрания 《十三经》[12] — «Шисань Цзин» («Тринадцать канонических книг») с комментариями, а также высказывания Конфуция, собранные в одном сборнике 《论语》— «Лунь Юй» («Беседы и суждения»), «переросли» в каноны конфуцианства — некое подобие китайской Библии, или, как определил С. Кучера, Bibliotheca Confuciana [4, с. 197]. Умение разбираться с этими текстами стало критерием для поступления на службу китайской императорской бюрократии: претенденты на чиновничьи должности должны были пройти общенациональные экзамены и назначались для того, чтобы поддерживать гармонию в обществе.

По Конфуцию, во главе китайского гармоничного общества стоял император, который выступал в двух ипостасях — как политический правитель и как 天子 «Сын Неба» (это такой символический посредник между Небом, Землёй и человечеством). Именно эта роль накладывала моральные обязательства на императора, то есть император — «стержень Великой гармонии». В трактате «Ли Цзи» термин 天子 (тянь цзы) определяется как «Управляющий Поднебесной» [4, с. 204]. Так, чжоуская доктрина о «Сыне Неба» как мироустроителе, владыке всей Вселенной и «варварской периферии» легла в основу учения Конфуция об исключительности «хуася»[1].

Государство, по Конфуцию, напоминает большую семью: правитель заботится о подданных, а подданные почитают его и любят друг друга. Основное место в работах Конфуция посвящено принципам правления, выполнению правильных ритуалов, сыновней почтительности.

В Китае веками складывались конфуцианские традиции рационального управления [7, с. 49]. Рассуждения Конфуция об управлении и управленческих практиках исходят из императива нерушимости иерархии между верхами и низами, жёсткого соблюдения правил ритуала 礼 (ли). «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном» [6, с. 69–70]. Так, «основой социальной стабильности в Китае считается социальное неравенство, определяемое пятью главными типами взаимоотношений, перечисляемых в порядке убывания значимости: правитель — поданный, отец — сын, старший брат — младший брат, муж — жена, старший друг — младший друг» [7, с. 49]. Верхи проявляют в своей среде друг к другу любовь и солидарность, что составляет основу их поведения и внутреннего состояния — 仁 (жэнь — равно благожелательное отношение к людям). «Если в верхах соблюдают ритуал, народом легко управлять» [6, с. 69–70].

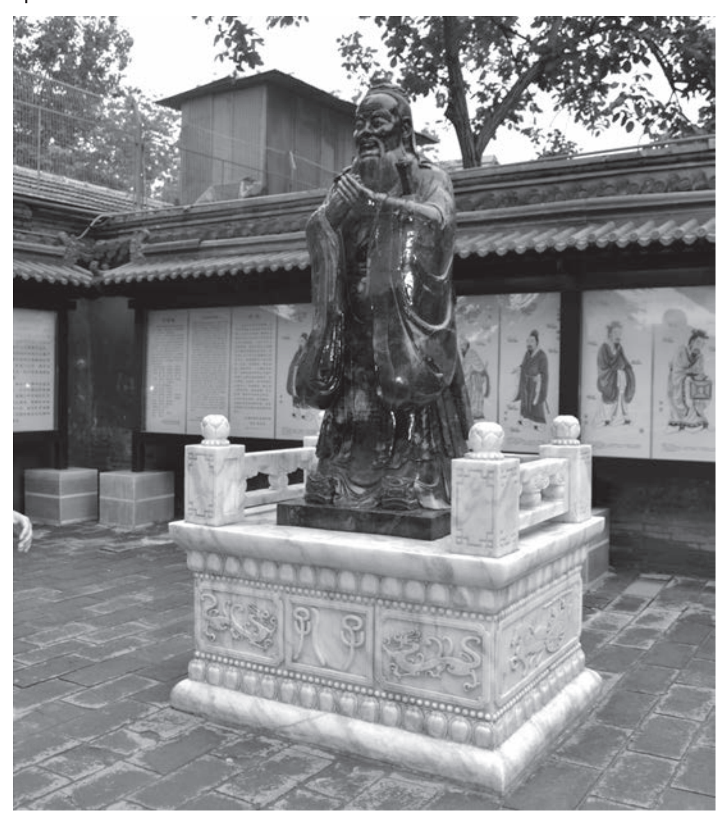
1 «Хуася», или «чжуся» — это формирование такой общности, которая по своей исключительности и культуре превосходила бы всю остальную мировую периферию — «варваров четырёх сторон света».

В своей книге «О Китае» Г. Киссинджер сравнивает Конфуция и Н. Макиавелли, вернее их судьбу: «Оба изъездили свои страны вдоль и поперёк в поиске места советника у одного из князей. Конфуция больше заботит внедрение гармонии в обществе, а Макиавелли — манипулирование властью» [3, с. 29].

Центральное место в этико-политической доктрине Конфуция занимает учение 君子 (цзюнь цзы) [9] — о «благородном человеке», или «благородном муже».

Конфуцию чужды идеалы новой социальной прослойки имущих, стремящихся исключительно к выгоде и обогащению.

Противопоставляя им принципы морали и долга, Конфуций обращается к идеализированным им порядкам прошлого. В этом глубокое противоречие в системе взглядов древнего философа. Конфуцианские понятия гуманности 仁 (жэнь), верности 忠 (чжун), уважения к старшим, почитания родителей, преданности (усердное служение) родителям и осуществления идеалов родителей (предков) 孝 (сяо), соблюдения норм взаимоотношения между людьми 礼 (ли) представляют собой положительные общечеловеческие ценности.

Скульптура Конфуция в центральной части Храма Конфуция в Пекине (2015 г.).

《孔子正义论》孔子正义论是一种关于社会正义的学说，其整体的问题结构是：仁→利→知→义→智→礼→乐 [13]. (*Теория справедливости у Конфуция — это учение об общественной справедливости. Её структура такова: гуманность — интересы — благомыслие (совесть) — справедливость — мудрость — общественный строй (режим) — общественная гармония*.)

«Своеобразие истории развития культа Конфуция состоит в том, что в ней ярко проявились черты формирования и функционирования различных видов культов: культа семейного почитания предков, государственного и простонародного культов. Очевидно взаимопроникновение и взаимовлияние их друг на друга в течение существования всего имперского Китая… Конфуций служил объектом поклонения самых разных слоёв населения, в первую очередь, представителей бюрократического аппарата и интеллигенции, для которых именно он был главным Учителем… Поэтому неудивительно, что многие представители служилой интеллигенции цинской эпохи имели у себя дома живописный или скульптурный портрет Конфуция, которые хранились, как правило, не на домашних алтарях (где помещались изображения богов), а в кабинетах» [2, с. 196–201].

Считается, что одним из первых лидеров современности, обратившимся к идее возрождения конфуцианства, был Ху Цзиньтао. Находясь в поиске идеологии, способной объединить такое сложное общество, как китайское, и одновременно подчёркивающей национальную и культурную идентичность, Ху выводит формулу "和谐社会" («гармоничное общество»), которая тиражируется СМИ и приобретает статус китайской идеологемы-концепции во внутренней политике КНР. В дальнейшем Ху Цзиньтао в своих выступлениях творчески развивает конфуцианскую идеологию КНР, привязывая эту концепцию к ресурсам «мягкой силы», так как ценностный потенциал китайского государства всё больше ассоциируют с ресурсным потенциалом «мягкой силы». «Ценностные ресурсы «мягкой силы» и их установка на «дружественность» затрагивают самую сложную сферу политических отношений и связей современного Китая с соседними государствами. Смысл данного традиционного управленческого воздействия заключается в развитии добрососедских связей со всеми сопредельными странами. Ценностная установка на дружественность, «мирное развитие» и «соразвитие» затрагивает отношения и в сфере безопасности» [1, с. 177].

Ресурсный компонент «мягкой силы» способствует реализации стратегии построения «гармоничного мира» и формированию позитивного имиджа Китая. Российский философ В. А. Абрамов подчёркивает, что общественно-политическая, социокультурная, финансово-экономическая привлекательность основ китайского государства — это управляемый процесс [1, с. 179].

Распространение «мягкой силы» предполагает своего рода «лингвомаркетинг» китайской культуры или политический брендинг через Институты или Классы Конфуция.

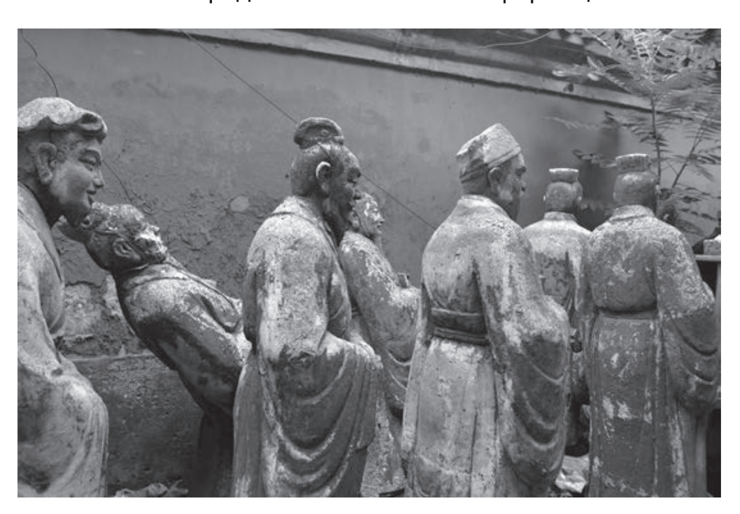
Китайские младшие школьники на занятиях по каллиграфии в Храме Конфуция в Пекине (лето 2015 г.).

В культе Конфуция подчёркивается его сугубо земная ипостась — Учитель, что делает его на фоне государственных и популярных верований уникальным феноменом в Китае. Неслучайно обращение китайских руководителей в своих выступлениях к мудрости Конфуция: в этом они увидели поиск собственной модели общественного устройства, свободной от западных влияний. Российский китаевед А. В. Лукин, размышляя на тему «Китай: марксизм или конфуцианство?», утверждает, что «руководство страны пытается с помощью пропаганды наследия Конфуция преодолеть кризис ценностей, который явился следствием бурного и противоречивого развития Китая в годы реформ» [5, с. 265].

Китайская концепция «мягкой силы» всё больше демонстрирует свою эффективность в реализации внешнеполитической парадигмы КНР. При этом китайские специалисты-международники вычленяют три важных компоненты China`s soft power: China`s foreign aid, a peacekeeping mission, multilateral diplomacy [10, pp. 77–91]. «Современная китайская ценностная система внешнеполитических отношений, в известной мере, копируя иерархическую систему межгосударственных взаимодействий прошлого, трансформируется в период «реформ и открытости», обеспечивает Китаю выполнение его новой «миссии» или «новой роли» в построении китайского социокультурного порядка“和谐世界”— «гармоничного мира». Теория «гармоничного мира» стала упорядоченной теорией и международных отношений, наполняя новым содержанием и политическую культуру» [1, с. 154]. Построение гармоничного мира — новая концепция «глобального управления» в международной стратегии Китая, главная цель которой — достижение прочного мира и всеобщего процветания [11, p. 383].

В Китае трудно представить «конфуцианскую революцию»: Китай не будет называть себя конфуцианской республикой по аналогии с Ираном или Пакистаном, именующими себя «исламскими».

К тому же в ряде случаев с учётом национальной специфики «мягкая сила» в Китае имеет ограниченный успех. «Мягкое могущество» — это прежде всего применение стратегии «обольщения». Она возможна в случае, если государство привлекает инновациями своей культуры, политическими идеалами и т. д. Однако в силу ряда причин в Китае не учли, что определение «мягкая сила» подразумевает наличие ценностей, открытости и высокого уровня благосостояния, а также привлекательного примера, за которым все хотят следовать. В условиях правления китайского диктаторского коммунистического режима, дающего экономический рост, присутствуют и сопутствующие явления: закрытие откровенных СМИ, жёсткий цензорат, расправа даже с умеренной оппозицией, ограничение доступа к так называемым «вредным» сайтам или информации.

Скульптурная композиция последователей (учеников) Конфуция. Храм Конфуция (2015 г.).

Важно, что как имперская бюрократия, так и коммунистическая партия Китая в процедурной практике (так же, как и конфуцианство и маоизм в идеологическом содержании) ясно подчёркивали вопросы власти и порядка.

Неслучайно у идей возрождения конфуцианского Китая немало критиков и противников [8, pp.162–163].

Вместе с тем КНР и впредь будет продолжать внедрять практики и инструменты «мягкой силы», так как это залог **некой устойчивости** китайской политической культуры. Широкой распространённости мифологемы о незыблемости китайской цивилизации способствует её поддержка пекинским руководством: это даёт ему основания лишний раз утверждать, что все территории, контролировавшиеся другими государствами, в состав которых входила хоть какая-то часть Китая, исторически верно ему единственному принадлежат.

Авторы концепции уникальности и прочности **китайских традиций**, в том числе **политических**, рассматривали

политическую культуру страны как стабильную систему «устойчивых доминирующих ориентаций», зародившихся в глубокой древности и в новых формах, воспроизведённых в коммунистическом Китае.

Именно синергетический эффект марксизма, буддизма и конфуцианских идей в преломлении к практическим задачам управления проектами и людьми определяет специфику и стабильность китайской политической культуры, её самобытность и наряду с другими факторами обеспечивает успех современного Китая.

Национально-культурная специфика в политическом и медиаполитическом дискурсах современной Китайской Народной Республики проявляется в превалировании семантики самостоятельной внутренней и внешней политики государства: возрождение идеологии конфуцианского Китая в немалой степени определяет эту самобытность и национально-культурную идентичность.

Список использованных источников

1. *Абрамов, В. А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития: монография / В. А. Абрамов, Н. А. Абрамова. — Москва : Вост. кн., 2014. — 256 с.*
2. *Баргачева, В. Н. Культ Конфуция / В. Н. Боргачева, М. Е. Кравцова // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. — Москва, 2011. — Т. 2 : Мифология. Религия. — С. 196–201.*
3. *Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер ; [пер. с англ. В. Н. Верченко]. — Москва : Изд-во АСТ, 2015. — 635 с.*
4. *Кучера, С. История, культура и право древнего Китая : собр. тр. / С. Кучера ; Рос. Акад. наук, Ин-т востоковедения. — Москва : Наталис, 2012. — 416 с.*
5. *Лукин, А. В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях) : сб. статей / А. В. Лукин. — Москва : Междунар. отношения, 2015. — 792 с.*
6. *Лунь Юй. Древнекитайская философия. Т. 1 / Лунь Юй ; пер. В. А. Кривцова. — Москва : Мысль, 1972. — 248 с.*
7. *Политическая культура : учеб. пособие / под ред. Г. Л. Тульчинского. — Москва : Изд-во Юрайт, 2015. — 324 с.*
8. *Levinson, Josef R. Confucian China and its modern fate : a Triology. Vol. 1. — Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1965. — 302 p.*
9. 孔子说/蔡希勤编著.— 北京：华语教学出版社，*2006.— 202*页.
10. 现状与提升：解读中国软实力 *[The Present and Future of China`s Soft Power]*：英文 / 赵磊著；外交出版社英文编译部译. — 北京：外交出版社，*2014. — 148* 页.
11. 中国和平发展与构建和谐世界研究/李景治主编. — 北京：中国大学出版社，2011. — 412 页.
12. 十三经：儒家的十三部经书，即《易》、《书》、《诗》、《周礼》、《仪礼》、《礼记》、《春秋左传》、《春秋公羊传》、《春秋谷梁传》、《论语》、《孝经》、《尔雅》、《孟子》。*URL: http://baike.baidu.com/link?url=8tyyE9fRKrW9k28JuKWJJvSeFudl-xmym-yUxLCZDj92ss-UL00og0suPgpAkAV6KdqPucRP-vUyQHlqf21lvK*
13. 黄玉顺：孔子正义论.*URL: http://wenku.baidu.com/link?url=C2Y6tqPjt01s97SWKE8o2V0V0E70UboIBQTo6K5CmsjpsQnfxtdOHD1cDRK5lWjZRAEYw79kfO3nNnNAT-IbW9cKasJ44x7CZFyvG6_C7WK*

Фотографии предоставлены автором статьи.
Материал поступил в редакцию 07.10.2016 г.

Сведения об авторе: Лобанова Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (г. Москва). Контактные данные: e-mail: lobanovaty@mail.ru; тел. 8-914-194-05-74.

ЛЕОНТЬЕВА ЭЛЬВИРА ОКТАВЬЕВНА

КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ВУЗАХ: СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНЫЕ МОТИВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ
(на примере г. Хабаровска)

В статье рассматривается проблема мотивации выбора вуза китайскими студентами, обучающимися в российских дальневосточных университетах. Работа сделана на основе данных пилотного опроса, проведённого коллективом кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета в июне – сентябре 2016 года. Показывается, что китайские студенты выбирают российские вузы с долгосрочной перспективой, ориентируясь на дальнейшую отдачу от этого образования в виде интеграции в российско-китайские компании или семейный бизнес, связанный с российскими партнёрами. Существующие в отечественной литературе стереотипы о том, что в Россию из КНР едут учиться дети из бедных семей, не поступившие в китайские университеты, не получили подтверждения.

Ключевые слова: китайские студенты, дальневосточные университеты, выбор вуза, интернационализация образования.

Keywords: Chinese students, Far Eastern University, the choice of the university, internationalization of education.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта № 16-33-00031.

Введение: постановка проблемы

С конца прошлого века процессы глобализации в сфере высшего образования становятся всё более очевидными. Партнёрские связи с зарубежными университетами, обучение иностранных студентов, обменные программы и двойные дипломы уже прочно вошли в университетскую повседневность. В отличие от университетов европейской части России дальневосточное направление интернационализации почти полностью ориентировано на студентов из Азии, большая часть которых приходится на студентов из КНР [3, с.133].

Дальневосточные города имеют для китайских абитуриентов ряд преимуществ [1; 4]: географическую близость и связанную с этим экономию на транспортных расходах, относительно невысокие цены на образование, простоту поступления и т. д. С каждым годом дальневосточные университеты становятся всё более привлекательными для студентов из КНР, и к настоящему времени их можно встретить почти во всех вузах региона — так, подготовка китайских студентов ведётся в 32-х из 39 университетов ДФО [3, с. 13].

В этой работе попробуем ответить на вопрос о том, что привлекает китайских студентов в Россию, основываясь на предварительных данных социологического опроса, проведённого коллективом кафедры социологии, политологии и регионоведения ТОГУ. Опрос методом полуформализованного интервью проводился по целевой выборке, составленной из 68 китайских студентов, обучающихся в трёх университетах г. Хабаровска.

Общее количество китайских студентов в г. Хабаровске с абсолютной точностью назвать трудно. Предполагаемая численность может быть оценена в 1150–1200 человек в 2014/15 учебном году. Так, по данным Центра социологических исследований Министерства образования и науки РФ, за этот год общая численность иностранных студентов в вузах г. Хабаровска была 1370 человек. При этом, согласно тем же данным, доля китайских студентов в общей численности иностранцев в вузах Дальнего Востока составляет около 90%. Таким образом, в поле нашего исследования попало около 5% генеральной совокупности. Для исследования отбирались студенты, проходящие обучение по программам бакалавриата или магистратуры. Обучение по этим программам предполагает более длительное пребывание в России и более стабильную связь с университетом. Следует также понимать, что значительная часть тех, кого обычно причисляют к китайским студентам, представлена обучающимися на языковых курсах и по обменным программам, которые не вошли в изучаемый нами контингент, поскольку мы под студентами имели в виду тех, кто обучается с целью получения диплома о высшем образовании. При таком подходе сохраняются, с нашей точки зрения, более традиционные коннотации и он больше соответствует общепринятому пониманию студенчества в России. Кроме того, таким образом ограниченная выборочная совокупность отражает бОльшую часть генеральной, чем отмеченные выше 5%.

По возрасту все респонденты были от 17 до 26 лет, из них 28 женщин и 40 мужчин. Тематика интервью включала в себя вопросы о мотивах приезда в Россию и в Хабаровск, об опыте изучения русского языка, рассказ о своей семье, об обучении в школе и планах на будущее. Большинство опрошенных — 46 человек — проживали в России от 1 года до 3-х лет, 8 человек — более 3-х лет и 14 человек — менее года. Время проживания в России существенно отражалось на уровне владения русским языком и, соответственно, на качестве интервью, которое проводилось по-русски. Для удобства общения и снижения языкового барьера в интервьюировании принимал участие человек, владеющий китайским языком.

Мотивация выбора вуза и социально-демографические характеристики студентов

Исследование личностных и социально-демографических характеристик строилось нами как опровержение или подтверждение основных стереотипов, сложившихся из СМИ и из исследований китайских студентов, проведённых в 2005–2015 годах. Эти стереотипы основаны на убеждении в том, что в России учатся дети из бедных семей, которые имеют низкие результаты по выпускным экзаменам, соответственно, поэтому они мотивированы экономией на издержках и лёгкостью поступления.

«Так, большинство студентов, приезжающих в вузы Дальневосточного региона, имеют средний балл аттестата в пределах 60%, что закрывает им дорогу в большинство престижных вузов КНР, а также в вузы многих европейских стран», — пишет дальневосточный исследователь И. В. Харина [4]. Другие авторы со ссылкой на китайские источники также подтверждают, что «учеба в России — это выбор выпускников со слабым аттестатом и детей из семей с невысоким заработком» [7]. «Престижность дипломов как мотив приезда на учебу в Россию по-прежнему отличает вузы Москвы, в то время как в регионах таким мотивом являются более легкие условия поступления и более низкая оплата учебы» [6]. Такие выводы российских учёных достаточно прочно утвердились в общественном сознании. Чтобы убедиться в этом, в интервью были включены вопросы о доходах семей, успеваемости в школе и мотивации выбора места для обучения.

Исходя из полученной информации, можно составить типичный сценарий того, как принималось решение об обучении в дальневосточном вузе. Прежде всего рассмотрим основные мотивы, по которым китайские студенты выбрали дальневосточные университеты.

В процессе интервьюирования многие респонденты называли несколько мотивов, комментировали и обсуждали их, выделяя главные. Все многочисленные ответы, полученные в интервью, были обобщены таким образом, что получилось 10 вариантов, которые в дальнейшем мы ещё обобщили до 4 групп. Исходные варианты перечислены в таблице 1.

Таблица 1.

Мотивация выбора вуза китайскими студентами

№	Мотивы выбора вуза	Количество респондентов
1.	Хочу заниматься российско-китайским бизнесом (работать в России, российской компании)	33
2.	Желание родителей (родственников)	28
3.	Нравится русская культура	24
4.	Перспективно	20
5.	Удобно, близко от дома	15
6.	Учить русский язык	14
7.	Много земляков	10
8.	Устраивает цена за обучение	6
9.	Хочу жить в России	3
10.	Высокое качество обучения	2

Следует особенно подчеркнуть, что к принятию решения о поступлении в вуз китайские семьи подходят очень ответственно. Оно почти никогда не является спонтанным, а всегда хорошо продуманным и заранее подготовленным. Наши интервью показали, что 38 студентов, приехавших поступать сразу после окончания школы, имели довольно хорошие баллы аттестатов, позволяющие им учиться дома. Однако для многих из них приезд в Россию был сознательным, запланированным и тщательно подготовленным событием. Причём в его подготовке принимала участие вся семья. Так, почти все студенты ещё дома изучали русский язык, половина — не менее трёх лет.

«Мы с друзьями (другими китайскими студентами, с которыми познакомился в России) все заранее, ещё со школы, готовились к тому, что будем в России учиться. Я 3 года учил язык, а некоторые даже 5 лет. К поступлению в вуз в Китае я даже не начинал подготовку, знал, что так хорошо на родине язык не выучу. И все, кто со мной здесь обучается, также поступали» (мужчина, 19 лет, 2 года живёт в России).

Анализ мотивов по таблице 1 показывает, что их можно условно распределить на несколько групп:

1. Мотивы прагматические на долгосрочную перспективу, связанные с будущей работой и карьерой, — это мотивы 1 и 4. Назовём их «прагматические 1».

2. Мотивы прагматические, но ориентированные на краткосрочную отдачу — удобство, комфорт и доступность, — это мотивы 5, 7, 8. Назовём их «прагматические 2». Именно эту группу мотивов наиболее часто включают в перечень «стереотипных» для китайских студентов — низкая цена, транспортная доступность и т. д.

3. Мотивы родственно-семейные — в эту группу попал только мотив № 2.

4. Мотивы культурно-образовательные, связанные с интересом к языку, культуре, стране, образованию, — сюда попали мотивы 3, 6, 9, 10.

Группировка мотивов даёт нам следующую типологию учащихся, представленную в таблице 2.

Таблица 2.

Типология мотивов поступления в вуз китайскими студентами

№	Группа	Варианты ответов	Количество человек	Доля от общей численности ответов, %
1.	Прагматические 1	1, 4	53	34
2.	Прагматические 2	5, 7, 8	31	20
3.	Родственно-семейные	2	28	18
4.	Культурно-образовательные	3, 6, 9, 10	43	28

Анализ этих групп показывает, что в наибольшей степени мотивацию приезда китайских студентов в Россию определяет долгосрочная перспектива — 53 человека (78% опрошенных) делают этот выбор, ориентируясь на дальнейшую карьеру в росийско-китайских компаниях или на продолжение семейного бизнеса, связанного с дальневосточными российскими территориями.

«У меня родственники давно ведут бизнес в Хабаровске, сказали, что если хочу нормально работать, то могут к себе взять. Посоветовали вуз, в котором сами учились. Поэтому у меня проблем не было, они всё рассказали, отвезли, помогли договориться. Я даже не переживаю, что после окончания вуза будут проблемы с работой, сейчас, когда языком стал немножко лучше владеть, родственники даже разрешают у них подрабатывать в свободное время. Дополнительно язык тренирую и вникаю в то, чем буду заниматься после окончания учёбы» (мужчина, 23 года, 3 года живёт в России).

На втором месте — стратегия выбора, основанная на ценностях языка и культуры — здесь чаще всего озвучивались желания выучить язык и лучше понимать особенности жизни в России.

«Мне давно русская культура нравится, мы ведь соседи. Я немножко читала про Россию. Поэтому подумала, что хорошо, если получится тут пожить, и потом с работой проблем быть не должно. Но если бы родители не настояли, я бы, наверное, не поехала, страшно в другую страну так надолго. Теперь понимаю, что зря переживала, думаю, правда, не зря поехала» (женщина, 22 года, 1 год живёт в России).

Чаще всего эта группа мотивов замыкалась на первую — изучение языка и интеграция в российское общество были своего рода начальным этапом реализации стратегии «прагматические 1» и непременным условием достижения перспективных целей.

На третьем месте по популярности находится стратегия, основанная на сиюминутных преимуществах: транспортной близости, стоимости обучения. И здесь любопытно отметить, что стереотип о мотивированности низкой стоимостью обучения, сложившийся в отношении китайских студентов, не подтверждается нашими данными. Так, только 6 человек назвали цену за обучение важным фактором, и даже в совокупности с другими мотивами, отнесёнными нами к группе «прагматические 2», эта переменная не имеет существенного значения. Это подтверждают и устные комментарии наших респондентов.

«Я никогда даже не задумывался, что в России дешевле, чем в других странах, целенаправленно ехал поступать сюда и не сравнивал стоимость» (мужчина, 22 года, 2 года живёт в России).

«Стоимость обучения вообще не была важным фактором, и моя семья, в принципе, могла бы позволить себе обучение где-то ещё, но изначально было принято решение об обучении именно в России» (женщина, 21 год, год живёт в России).

Большая разница по популярности подходов «прагматические 1 и 2» показывает, что китайские студенты, приезжающие в Россию, больше ориентированы на долгосрочные перспективы, чем на краткосрочные преимущества. В устных комментариях наши респонденты рассказывали, что обучение в России было единственным решением, обсуждаемым в их семьях, поэтому и стоимость образования в других странах не рассматривалась и не сравнивалась.

Свой интерес к России студенты также объясняли своим стабильным и давним интересом к ней, как к месту своей будущей карьеры. Многие из них аргументируют его востребованностью специалистов по российско-китайским отношениям, которые в последнее время активно развиваются. Как уже отмечалось, в значительной степени такое решение принималось больше семьёй, чем самим студентом. Фактически ситуация выбора вуза для тех, кто приезжает в Дальневосточный регион, представляет собой семейное мероприятие с участием родителей, друзей, родственников, работающих в российско-китайских компаниях и считающих, что такой вариант обучения даст наилучшие позиции для карьеры в этом направлении.

«Папа сказал, что хочет, чтобы я работал в России, как дядя, но могу сам выбрать, куда поехать учиться. Оказалось, родители планировали, что я буду обучаться за рубежом, ещё со школы и откладывали деньги. Я долго думал: на США, конечно, не хватило бы — слишком дорого. Но учиться в Европе мы могли себе позволить, даже с дополнительными расходами. В итоге я всё равно решил поехать в Россию и, как дядя, заниматься бизнесом. Не потому, что дешевле, я не заметил очень большой разницы с другими странами. Просто я вижу, что у родственников получается и сейчас даже больше зарабатывают, чем раньше, потому и принял именно такое решение» (мужчина, 23 года, 3 года живёт в России).

«Если разобраться, то это даже больше решение родных. Я в школе ещё не задумывался над тем, что будет после, скорее, переживал за выпускные экзамены. Мы никогда не рассматривали другие страны как место обучения, поэтому я даже примерно не знаю, во сколько может обойтись обучение в Европе или Америке» (мужчина, 21 год, 2 года живёт в России).

Материальное положение семей китайских студентов и его связь с мотивацией выбора вуза

Одним из наиболее трудных для анализа факторов было выявление уровня благосостояния семей, отправляющих детей учиться на российский Дальний Восток. Получить объективные данные об уровне доходов семей практически невозможно, поэтому мы основывались на оценках, которые давали сами респонденты. Наш опрос показал, что большинство респондентов не считают свои семьи бедными. Между тем именно этот стереотип доминирует в общественном мнении и поддерживается, например, в уже цитируемых работах российских исследователей.

Респондентам задавался вопрос: «Как бы Вы оценили уровень жизни своей семьи, исходя из того, какие покупки Вы можете себе позволить?» Далее перечислялись варианты, указанные в таблице 3. Из 68 респондентов только 9 человек признались, что в их семьях имеются финансовые трудности. Вот как выглядят в количественном распределении ответы на вопрос интервьюера о материальном положении семьи.

«Мои родители небогатые люди. У нас даже автомобиля нет, гораздо удобнее передвигаться на автобусе. Но и бедными мы тоже не являемся. Обычная семья» (мужчина, 23 года, 3 года живёт в России).

Таблица 3.

Ответы на вопрос интервьюера о материальном положении семьи

Вариант ответа	Количество человек
Денег хватает только на продукты	3
Денег хватает на продукты и одежду, не можем позволить себе предметы длительного пользования (бытовая техника и проч.)	6
Денег хватает на продукты, одежду и товары длительного пользования, но не можем позволить себе дорогие покупки (квартира, машина)	41
Денег хватает практически на всё	18
Всего респондентов	68

В социальных науках оценка доходов семьи с целью определения уровня её бедности не имеет единой методики и связана с большим количеством трудностей для исследователя. Именно поэтому существование стереотипа о том, что в Россию приезжают студенты из небогатых семей, является больше интуицией, чем доказанным утверждением. Мы спрашивали наших респондентов, что они думают по этому поводу. Почти все из них высказали несогласие с такой оценкой, относя свои семьи к категории имеющих средний достаток.

«Семьи с низким достатком вряд ли будут посылать ребёнка учиться за границу» (мужчина, 25 лет, 4 года живёт в России).

Учитывая, что любое образование за границей связано не только с расходами на обучение, но и транспортными издержками и проживанием, семьи с невысокими доходами вряд ли имеют возможность отправить своих детей.

«Да, по грубым прикидкам оно может выглядеть выгодней, но я сомневаюсь, что ребята, испытывающие серьёзные финансовые трудности, погонятся за такой разницей» (мужчина, 25 лет, 4 года живёт в России).

Следует также отметить, что из 9 респондентов, которые говорили о наличии материальных трудностей в семье, семь человек при ответе на вопросы мотивационной части больше внимания уделяли элементам стратегии «прагматические 2», подчёркивая важность при выборе вуза стоимости обучения и транспортной доступности. Из этого можно предположить, возвращаясь к существующим стереотипам, что они верны в отношении не более чем 10% китайских студентов, обучающихся в дальневосточных вузах.

Заключение

Наше исследование показало, что студенты, приезжающие на учёбу из КНР в дальневосточные вузы, ориентированы в первую очередь на долгосрочные карьерные перспективы, связанные с работой в России. По их мнению, такое образование даёт наилучшие шансы в этом направлении, особенно в случае, если у родственников и друзей имеется уже налаженный бизнес с российским участием. Преимущества, дающие дополнительные выгоды, например, территориальная близость, невысокая цена и проч., рассматриваются как второстепенные, не определяющие главных мотивов принятия решений. В сравнении с ними даже интерес к культуре и языку является более значимым детерминантом, поскольку воспринимается как неотъемлемое условие достижения долгосрочных целей. Наше исследование поставило под сомнение стереотипы, сложившиеся в отношении того, что на Дальний Восток едут поступать студенты из бедных семей, не имеющие шансов учиться в китайском вузе, притом что мы не исключаем наличие таких случаев, данные опровергают эти признаки как ключевые для исследуемой группы.

Список использованных источников

1. *Арефьев, А. Л. Китайские студенты в России / А. Л. Арефьев // Высш. образование в России. — 2010. — № 12. — С. 54–66.*
2. *Леонтьева, Э. О. Иностранные студенты как потенциальный ресурс российских университетов: есть ли шанс у дальневосточных вузов / Э. О. Леонтьев, Е. В. Никитенко // Вестник ТОГУ. — 2015. — № 2 (37). — С. 229–238.*
3. *Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : стат. сб. Вып. 13 / М-во образования и науки Рос. Федерации. — Москва : Социоцентр, 2016. — 191 с.*
4. *Харина, И. В. Региональные особенности формирования поликультурной компетентности иностранных студентов в образовательном пространстве российского дальневосточного вуза / И. В. Харина // Соврем. проблемы науки и образования. — 2013. — № 1. — С. 478.*
5. *Экспорт российских образовательных услуг : стат. сб. Вып. 6 / М-во образования и науки Рос. Федерации. — Москва : Социоцентр, 2016. — 408 с.*
6. *Веревкин, О. Л. Мотивы приезда иностранцев на учёбу в Россию [Электронный ресурс] / О. Л. Веревкин // CyberLeninka : науч. электрон. б-ка. — Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/motivy-priezda-inostrantsev-na-uchebu-v-rossiyu. — Дата обращения: 9.06.16.*
7. *Ларин, А. Г. Китайская образовательная миграция в России: невесёлая картина [Электронный ресурс] / А. Г. Ларин // Синология.Ру: история и культура Китая. — Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Китайская_образовательная_миграция_в_России. — Дата обращения: 9.06.16.*

Материал поступил в редакцию 11.01.2017 г.

Сведения об авторе: Леонтьева Эльвира Октавьевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com; тел. 8-924-105-57-05.

ТАРАСОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ,
ШУЛЬЖЕНКО
НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОХРИСТИАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ И НА ЕЁ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ (на примере Российского союза евангельских христиан-баптистов и общества «Свидетели Иеговы»)

Исследование обращено к анализу исторических процессов, способствующих распространению неохристианских организаций в России в целом и на российском Дальнем Востоке в частности. В качестве примера рассмотрены две самые многочисленные организации: Российский союз евангельских христиан-баптистов и общество «Свидетели Иеговы».

Анализ учитывает не только политические изменения, но и социальные аспекты структурных деформаций российской религиозности.

Ключевые слова: баптизм и евангельское христианство, история распространения новых религиозных течений, Сибирь и Дальний Восток, Российская империя — СССР — Российская Федерация.

Keywords: Baptists and evangelical Christianity, the history of the spread of new religious movements, Siberia and the Far East, the Russian Empire — the Soviet Union — the Russian Federation.

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 17-03-00060 «Религиозная ситуация в обществе на Дальнем Востоке России: ислам, неохристианские направления, буддизм».

Российский союз евангельских христиан-баптистов (РСЕХБ) и общество «Свидетели Иеговы» — одни из самых многочисленных неохристианских организаций в Сибири и на Дальнем Востоке России.

Итак, в 2012 году российские баптисты отмечали юбилей — 145 лет со дня крещения в России первого новообращённого. Точнее было бы сказать — в Российской империи, так как сам указанный факт имел место в г. Тифлисе, когда 20 августа 1867 года в реке Куре был крещён по баптистскому обряду мещанин Н. Воронин. С этого момента ведёт свой отсчёт деятельность баптистских сект на территории Российского государства. На примере Запада мы видели, что для этой религиозной организации присуща ветвистость родословного древа. Но там она обычно вызывалась внутренними вероисповедными обстоятельствами, а для нашего государства характерны факторы как внешнего, так и внутреннего воздействия.

Схематически динамика распространения баптизма выглядит так. С 60-х годов XIX столетия в южных районах, прежде всего в Украине, Закавказье и на Северном Кавказе, распространяется собственно баптизм. Инициатива исходит от Германского баптистского союза, основанного Иоганном Онкеном. Поэтому на первых порах делами новой церкви руководят выходцы из Германии, и только в 1886 году во главе Союза русских баптистов, созданного двумя годами ранее, становится Дей Мазаев — известный миллионер-овцевод из приазовских степей. До этого события на севере страны появляются так называемые редстокисты (они же пашковцы, или евангельские христиане). Это связано с приездом в Петербург (1874) английского евангелиста лорда Гренвиля Редстока, нашедшего ревностных почитателей в кругу завсегдатаев великосветских гостиных, среди них прежде всего отставной полковник В. А. Пашков и граф Модест Корф. Дебютировав в столичных салонах, редстокисты вскоре налаживают миссионерскую сеть в соседних губерниях — в Псковской, Новгородской, Тверской и т. д., конкурируя с баптистами на ниве благовестия [2; 3].

Довольно долго общины баптистов и евангельских христиан развиваются параллельно, хотя их лидеры постоянно обсуждают условия и перспективы объединения. Переговоры продолжаются и после октября 1917 года, однако по разным причинам не дают результата [5, с. 117].

В октябре 1944 года создаётся Всесоюзный союз евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), который, как видно из названия, объединил баптистов и евангельских христиан. В августе 1945 года к нему присоединили часть христиан веры евангельской (пятидесятники), которые стали отказываться от своих ключевых принципов — глоссолалии и «дара пророчества». Остальные пятидесятники остались на положении «нерегистрируемых». Но и в самом ВСЕХБ было неспокойно. В 1961 году от него отделилась воинственная группа так называемых «инициативников» (они же «прокофьевцы», или «крючковцы»). Позже к ВСЕХБ присоединились братские меннониты и ряд других евангелических объединений [6, с. 24].

Переломным стало начало 1990-х годов, когда евангелический конгломерат, созданный силовыми, бюрократическими методами, стал спешно разбегаться, и перечисленные выше конфессии предпочли в дальнейшем жить самостоятельно. Едва ли стоит напоминать, что в 1991 году от ВСЕХБ отпали евангелистские церкви, которые действовали в союзных республиках, объявивших о своём государственном суверенитете. Так что дороги баптистов, пятидесятников и меннонитов разошлись на этот раз, по-видимому, навсегда.

Собственно баптисты появились в России раньше, они всегда оставались более многочисленным и влиятельным евангелическим объединением. Что же касается евангельских христиан, то они не только по ареалу распространения, но и по некоторым вероучительным деталям расходятся с баптистами. Однако эти отличия не выходят за рамки общей баптистской традиции, и евангелистов правомерно рассматривать как разновидность баптизма (как, впрочем, и наоборот). Во всяком случае, отличие это не более существенно, чем несходство тех западных конфессий, которые под общим наименованием «баптисты» фигурируют на Западе, тем более что после объединения 1944 года евангельские христиане получили преобладающее влияние в руководстве ВСЕХБ (председатель — Я. И. Жидков, генеральный секретарь — А. В. Карев), что не могло не сказаться и на формах деятельности, и на вероисповедных приоритетах Союза [4, с. 69].

Если исходить из определения сектантства, то евангелические религиозные школы и направления, и в частности организация баптистов, относятся к сектам. Однако вопрос о деструктивном характере их деятельности для России остаётся открытым.

При всей несомненной преемственности со средневековыми «ересями» баптизм имел свои качественные особенности, свой вектор развития.

Если российское сектантство принято рассматривать как конкретную форму существования христианства, связанную с изменениями в «базисе» общества, то и к нему самому следует подходить с исторической меркой. Дореволюционные исследователи пытались представить прошлое сектантства как закономерный процесс смены его различных форм. Скажем, для П. Н. Милюкова он заключался в неуклонной «спиритуализации» религии, в

превращении «религии обряда» в «религию духа». В ином, уже материалистическом, плане этот процесс понимал один из виднейших большевиков-идеологов специалист в сфере анализа религиозных течений В. Д. Бонч-Бруевич [1, с. 125]. Обобщая накопленный исследовательский опыт, известный российский (советский) историк, доктор исторических наук А. И. Клибанов (1910–1994) делает вывод: «Отдельные течения русского религиозного сектантства — хлыстовщина, скопчество, духоборство, молоканство, штундизм, баптизм, адвентизм — представляют собой не просто параллельно сосуществующие организации. В них может быть прослежена историческая преемственность форм, связанная с тем или иным этапом русского общественно-экономического развития» [1, с. 126; 5, с. 148].

Это особенно следует подчеркнуть в сегодняшней обстановке мировоззренческой дифференциации.

Общая картина продвижения баптизма на восток кажется весьма сложной, поскольку то же молоканство было представлено многочисленными толками и группами, каждая из которых по-своему взаимодействовала с зарубежными пришельцами. Нередко рост баптизма достигался без сектантского посредничества — за счёт бывших православных людей. Это явление как раз характерно для Сибири и Дальнего Востока, так как влияние Русской Православной Церкви, признавшей Советскую власть, в этих регионах было несколько слабее.

С самого начала баптисты, как известно, намеренно приписанные к бунтарской «штунде», подвергались гонениям и репрессиям. Со своей стороны они прилагали все усилия, чтобы доказать собственную лояльность и даже полезность правительству. Наконец, в марте 1879 года было выработано долгожданное мнение Государственного совета «О духовных делах баптистов». Документ был подписан министром внутренних дел, утверждён самодержцем и обнародован в сентябре 1879 года. Он узаконивал порядок, при котором баптисты «беспрепятственно исповедуют своё вероучение и исполняют обряды веры по существующим у них обычаям в домах, отведённых им с разрешения губернатора» [9, с. 341]. Утверждению губернатора подлежали также действующие баптистские старшины и проповедники. Местным гражданским властям предписывалось «вести метрические записи браков, рождения и смерти баптистов» [9, с. 398]. Значение закона, таким образом, было в том, что он легализировал существование русских баптистов (раньше подобные права распространялись лишь на баптистов других национальностей) и тем самым устранял их дискриминацию при заключении браков, рождении детей и похоронах. Однако законодательная оттепель длилась недолго. В 1880 году обер-прокурором Синода становится К. П. Победоносцев. Крупный юрист, человек широких научно-литературных интересов, он вместе с тем был убеждённым противником западной культуры, рационализма и идеалов Просвещения, защитником патриархальной «народной» веры, покоящейся на церковных обрядах и традициях. Непререкаемым идеалом для Победоносцева было государственное православие, а все иноземные религии — злейшим врагом отечества. Широкие служебные полномочия и близость к Александру III позволили ему целеустремлённо приступить к реализации заветной идеи: «переломить хребет русскому баптизму, штундизму и редстокизму (пашковщине)» [4, с. 64].

Противостояние государства и баптизма длилось довольно долго, но принятие законодательных актов (а именно, Высочайше утверждённое положение Комитета Министров «Об укреплении начал веротерпимости» от 17-го апреля 1905 года (Собр. Узак., 1905 г. Апреля 17, отд. I, ст. 526) и Именной Высочайший указ от 12 декабря 1904 года Высочайшей воли об охранении терпимости в делах веры) позволяли баптистским и евангельским лидерам развивать своё влияние и авторитет.

Баптистские руководители целеустремлённо заботились о подготовке проповедников, об активизации работы среди молодёжи, о расширении издательской деятельности и т. д. К 1911 году за рубежом получили образование 42 российских баптиста. Был налажен выпуск журналов «Баптист» (1907–1911, 1914, 1917), «Гость» (1910–1914), «Слово истины» (1913–1914, 1917–1918), газеты «Утренняя заря» (1910–1913, 1915–1918) и многих книг, брошюр, отчётов. Официальные данные о численности баптистов и евангелистов на 1 января 1912 года таковы (взяты из вышеуказанных изданий):

Секты	Численность на 1.1.1912 г.	Прибавилось по сравнению с 1905 г.
Баптисты	114 652	+28 114
Евангелисты	30 716	+9 818

В последующие годы сведения о численности баптистов не публиковались. Но некоторые косвенные данные говорят о том, что рост их церкви, несмотря на усилившиеся гонения, продолжался, и к 1917 году общую численность баптистов и евангельских христиан можно оценить примерно в 150–200 тысяч человек [5, с. 140].

Эта религиозная группа оказалась в самой гуще социальных конфликтов и испытывала потребность (кстати сказать, канонически вовсе не обязательную) попробовать свои силы на политическом поприще.

Суть стоявшей перед ними проблемы очевидна: найти политически перспективный и вероучительно убедительный компромисс между необходимостью демонстрировать свою

поддержку монархическому строю и верностью идеалу свободы и веротерпимости, как он закрепился в баптистской традиции. Другими словами, доктрина неохристианских организаций весьма «пластична» и имеет характерный для модернистского сектального христианства признак политического конформизма.

С первых лет появления в России баптисты отвергали вмешательство светской власти в религиозную жизнь и всемерно следовали этому принципу в повседневной деятельности. В то же время они старались активно воздействовать на государственную политику России. В марте 1917 года Союз русских баптистов создаёт новую политическую партию под названием «Христианско-демократическая партия "Воскресенье"». По-своему это был исторический момент: впервые в России появилась религиозная политическая партия [5, с. 145], и его значение в полной мере можно оценить только с учётом современной ситуации.

В Сибирь и на Дальний Восток евангельские христиане-баптисты проникают в 1890–1910 годах. Связано это было в первую очередь со строительством Трассибирской магистрали и дальнейшей колонизацией этого края. К началу XX века на территории Сибири уже насчитывалось около 4 000 членов различных сект протестантского толка. Общины были немногочисленны, так как из-за преследования властей они носили полулегальный характер. Несмотря на это, число членов сект росло: к 1908 году количество верующих удвоилось и составляло 7,5 тысячи, а к 1915-му их уже было 11 тысяч [2].

Следует отметить, что в городах Дальнего Востока, например в Благовещенске, церкви ЕХБ начали служение ещё в XIX веке, когда Я. Д. Деляков[1] стал проповедовать в самом городе и его окрестностях. Его последователями были «братья» Г. И. Шипков, Я. Я. Винс, А. Г. Чешев и другие.

Революция и декреты Советской власти о свободе вероисповедания и равенстве всех религий дали толчок росту протестантских общин в Сибири и на Дальнем Востоке, этому способствовал приток сюда беженцев с Поволжья, многие из которых были членами той или иной протестантской церкви [5, с. 144].

Конечно, у людей, уставших от многочисленных войн и революций, не нашедших опоры в идеологии православия и старообрядчества, идеи, выдвигаемые адвентистами и баптистами, нашли отклик. Особенно бурно росли церкви баптистов, развернувших массовую проповедническую деятельность. Центром баптизма в Сибири до 1926 года был Омск, позднее — Новосибирск, на Дальнем Востоке — Благовещенск. В Омске в 1917 году состоялся первый свободный съезд русских баптистов, одной из выдвигаемых задач на котором стала пропагандистская деятельность [2].

Дальневосточный край с его «полинациональностью», полирелигиозностью населения (причём спектр религиозных доктрин колеблется от древнейших форм религии до модернистских, псевдохристианских и христианских культов) стал благоприятной территорией для религиозной экспансии сект западного образца [2].

Увеличение численности адептов и приверженцев баптистского направления на Дальнем Востоке, даже в период введения официального запрета на регистрацию этих организаций, можно объяснить следующими причинами:

1. Рост населения на Дальнем Востоке на основании положений государственных программ освоения Дальневосточного региона и за счёт вынужденных переселенцев, среди которых было значительное количество евангелистов и баптистов.

2. Ослабленное влияние Православной Церкви на Дальнем Востоке СССР, обусловленное рядом объективных и субъективных причин: разнородным этническим составом, невысоким уровнем религиозности славянского населения ввиду специфики освоения, незначительным государственным финансированием и т. д.

3. Относительно лояльное отношение к религиозным организациям исполнительной власти на Дальнем Востоке по сравнению с европейской частью Советского Союза.

4. Обширность территории, низкая плотность населения и неразвитые на первых порах транспортное сообщение и телеграфная сеть.

5. Сложившееся в период иностранной интервенции, хотя и незначительное, американское влияние во Владивостоке, Находке.

Численность приверженцев поступательно растёт. Журнал «Голос христианской молодёжи» в 1922 году, по свидетельству Георгия Винса[2], писал о том, что к моменту съезда (с 5-го по 9 июля 1922 года) Дальневосточный союз ЕХБ объединял 98 церквей с 3 663 членами, причём за отчётный год было присоединено через водное крещение 1 154 человека, то есть годовой прирост составил 30%. На этом съезде отчитывались пресвитеры Вяземской (крещено 46 человек), Хабаровской (крещено 85 человек) и других церквей ЕХБ Дальневосточного братства того времени. Уже тогда существовали церкви в окрестностях Хабаровска — в сёлах Бичевая, Георгиевка [2].

С 1944 года, после легализации Союза евангельских христиан, количество приверженцев баптизма резко уве-

1 Деляков Яков Делякович (1828–1898) — баптистский проповедник, последователь Дея Мазаева.

2 Винс Георгий Петрович (1928–1998) — христианский служитель, духовный писатель, поэт, один из организаторов «Инициативной группы», генеральный секретарь Совета церквей ЕХБ.

личивается. Известно, что в условиях относительно благоприятного социально-экономического положения баптисты и евангелисты — наиболее склонный к воспроизводству слой населения [5, с. 164].

Дальний Восток в годы Второй мировой войны и в послевоенный период считался экономически стабильным и динамично развивающимся регионом. Этому способствовала и внутригосударственная политика материального стимулирования населения, развития социокультурной сферы, жилищного строительства и т. д. Поэтому численность евангельских христиан-баптистов поступательно увеличивается с начала 40-х до конца 80-х годов XX века.

На 2014 год Дальневосточное объединение евангельских христиан-баптистов насчитывает 75 поместных церквей, в которых состоит около 7 000 членов. Высший орган объединения — Съезд пресвитеров и пастырей поместных церквей. Руководит Дальневосточным объединением епископ Г. И. Абрамов. Одной из самых многочисленных церквей объединения является Центральная церковь ЕХБ г. Хабаровска. Она объединяет более 400 верующих и шефствует над молодыми церквями в окрестностях города. Ею руководит Церковный (Братский) совет под председательством пресвитера.

За 1990-е годы численность этого христианского направления значительно сократилась по ряду причин, основными из которых являются отток населения с территории Дальнего Востока и невысокий уровень жизни, обусловленный сложной социально-экономической ситуацией в стране.

К 2000 году в регионе евангельские христиане имели 104 церкви, которые объединяли 4–5 тысяч верующих. Однако следует отметить и фактор «скрытых» приверженцев. Это и незарегистрированные организации, и прихожане, фиксирование членства которых поместными церквями (сектами) не ведётся.

В Хабаровском крае интенсивно проводится евангелизация, возникают новые группы верующих. Растут церкви в посёлках Сита, Мухен, Переяславка, в сёлах Георгиевка, Полётное, Верхняя Манома, Троицкое и других. На базе церкви проходят съезды верующих Дальневосточного объединения ЕХБ.

Баптисты выпускают газеты (например, «Христианство» (г. Облучье), «Христианская газета» (г. Москва), которые распространяются по всем официальным баптистским ячейкам. Кроме того, действует баптистское радио.

Несколько иная история распространения неохристианских сект связана с обществом «Свидетели Иеговы» (другие названия: общество «Сторожевая башня», Общество исследователей Библии). В справочнике «Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера» «Свидетели Иеговы» и их деятельность описываются следующим образом: «Одним из своих главных направлений деятельности у нас в России “Свидетели Иеговы” считают борьбу с Православием... Для вербовки своих сторонников адепты настойчиво обходят жилые дома, со скандалами проникают в православные храмы, дежурят в концертных залах и музеях и т. п. Они всячески избегают раскрывать свою принадлежность к секте и ненависть к Православию до тех пор, пока не войдут в доверие». Организация насчитывает 25 694 общины и распространена в 203 странах. «Свидетели Иеговы» не составляют списков своих приверженцев, есть основания, что во всём мире их сегодня несколько миллионов человек [8].

В 1975 году свидетелей Иеговы насчитывалось в США 554 257 человек в 6 542 общинах. К 1988 году их число выросло до 752 404, а количество общин достигло 8 336. В Бруклине в 1956 году было построено 13-этажное здание типографии, также типографии возведены и в других странах, в том числе в Германии, Швейцарии и России [8]. Эти производственные сооружения являются неотъемлемой частью пропагандистской машины всей организации: именно здесь печатаются дешёвые журналы, буклеты и прочая продукция, распространяемые в разных странах мира, в том числе и России.

В 1946 году в СССР было 8 633 свидетеля Иеговы, в 1956-м — более 17 тысяч. В России на 1 января 1992 года было зарегистрировано одно религиозное объединение секты «Свидетели Иеговы», а на 1 января 1995 года — уже 105, причём активно действующих не только по месту своей регистрации. Около половины всех членов секты — молодёжь и дети [8].

Общее количество адептов общества «Сторожевой башни» («Свидетели Иеговы») на территории бывшего СССР (в том числе и России) составляет, по разным оценкам, от 90 000 до 400 000 человек. Из них только в Российской Федерации около 200 000 человек [8].

Известно, что на 1995–1996 гг. в Санкт-Петербурге было около 15 тысяч активных адептов «Свидетелей Иеговы», Кемерово — около 300 активных адептов этой организации, Екатеринбурге и области — примерно 850 человек, Вологде и Вологодской области — 200, Челябинской области — 140–200, Хабаровском крае — 6 000, Саранске — 50, Петрозаводске — 200, Магадане — 250, Красноярском крае — 4 000, Южно-Сахалинске — 150, Ярославле и Ярославской области — 70–100, Перми и Пермской области — 1 000, Белгороде и Белгородской области — около 1 500, Астрахани и Астраханской области — 300, во Владивостоке — 2 500, в Мурманске — 60, Ставрополе — 1 500 [7], в Благовещенске и Амурской области — 2 000 [7]. Следует обратить внимание на Дальневосточный регион (Хабаровский край, Амурская

область, города Владивосток, Магадан, Южно-Сахалинск и др.), который имеет следующее соотношение количества адептов секты к общей численности населения — от 1 к 260 (0,39%) до 1 к 500 (0,2%).

В Сибири секта «Свидетели Иеговы» зарождается в 1923 году в среде меннонитов «благодаря» их связи с Америкой. В 1930-е годы и на Дальнем Востоке, вероятно по той же причине, появляются первые представители иеговизма. «Свидетели Иеговы» как групповые объединения возникают в послевоенное время в связи с депортацией членов секты по обвинению в дезертирстве, уклонении от службы в рядах Красной армии, пособничестве немецким оккупационным властям. До 1990-х годов эта религиозная организация официально не регистрировалась. В начале 1990-х она активно вступает в контакт с близкими к ней евангельскими баптистскими организациями и пополняет численность своих приверженцев за счёт других протестантов. Но количество адептов секты долго не поддавалось учёту, не регистрировалась и сама организация.

Религиозная община «Свидетели Иеговы» была зарегистрирована в управлениях юстиции администрации Хабаровского края в 1993 году, Приморского края — в июле 1994-го, Амурской области — в 1995-м. Действуют также общины «Свидетелей Иеговы» в Амурске, Комсомольске-на-Амуре, Эльбане, Биробиджане, Бикине, Уссурийске, Находке, Арсеньеве, Белогорске, Свободном, Зее, Тынде, Сковородино и ряде других населённых пунктов. К настоящему времени численность «иеговистов» возросла: в Приморском крае — до 4 000–4 500, Хабаровском крае — до 5 500–6 000, Амурской области — до 3 000–3 200 человек. В городах и районах Дальнего Востока общины часто отказываются от регистрации.

Изучение религиозной литературы «Свидетелей Иеговы», литературы о деятельности организации, а также многочисленных писем и заявлений родственников лиц, вовлечённых в эту секту, показывает, что это объединение по своей сущности носит тоталитарный характер (то есть содержит наставления и имеет практику, которые могут нанести ущерб личности и здоровью адепта, его семье и детям, а также традиционной национальной духовности и государственным интересам). Практика «противопоставления государству и обществу» и такие же наставления противоречат основным юридическим нормам. Деятельность, закреплённая уставом организации «Свидетели Иеговы», идентична баптистской. В уставах РСЕХБ и «Свидетелей Иеговы» нет ничего о коммерческой деятельности. Однако необходимо заметить, что общество «Сторожевой башни» и РСЕХБ РФ являются очень сильными коммерческими организациями. Например, секта «Свидетелей Иеговы» устроена так, что имеет постоянный доход и очень мало расходов. Адепты этой организации занимаются бесплатными проповедями, строительной деятельностью, ремонтом различных, в том числе и культовых, сооружений, «продажей» религиозной литературы, помимо оплаты членских взносов [10].

Достаточно интересна механика финансовой деятельности организации. Например, бывший адепт «Свидетелей Иеговы» рассказал, как это делается: «Люди совершенно ошибочно считают, что литература получается и распространяется адептами этой организации бесплатно. Однако каждый адепт обязан приобрести за свои деньги определённое количество журналов, а затем должен распространить бесплатно. Такая система позволяет этой организации уходить от налогообложения» [10, с. 26].

Структура общества «Сторожевой башни» сходна со структурой РСЕХБ РФ. Отличием является отсутствие степени епископства и большее дробление на региональные отделения. Также для внутреннего строения отдельной секты «Свидетелей Иеговы» характерна ячеистость, основанная не на активности всей группы в целом, а на деятельных функциях (например, функции просвещения, «пионерства»).

Исторические события прошлого века способствовали появлению и закреплению неохристианских организаций на территории Дальнего Востока. Современные же условия способствуют их распространению (увеличение численности членов сект, местных организаций; распространение влияния на территории традиционной религиозности; зарубежная финансовая поддержка и т. д.). Рекомендации государственным органам и общественным (в том числе религиозным) организациям в современных условиях бесполезны, и поэтому в структуре религиозных предпочтений на Дальнем Востоке могут произойти существенные изменения в ближайшие 5–10 лет, хотя деятельность образовательных и научных учреждений может существенно приостановить этот рост.

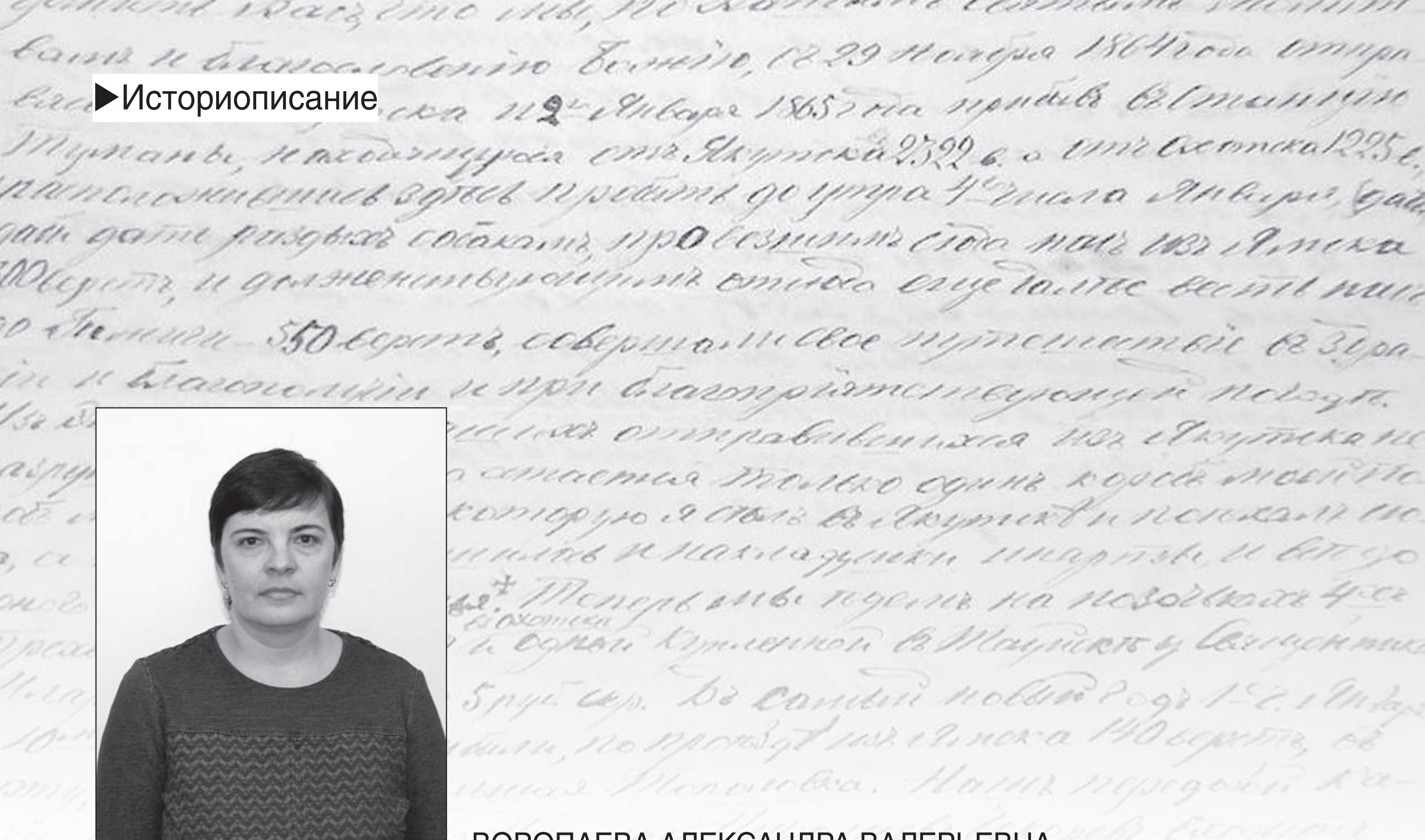
Список использованных источников

1. *Бонч-Бруевич, В. Д. Избранные сочинения : в 3-х т. — Т. 1 : О религии, религиозном сектантстве и церкви. / В. Д. Бонч-Бруевич. — Москва : Политиздат, 1959. — 407 с.*
2. *Бястик, О. Протестантские церкви в России / О. Бястик // Лютеране в Сибири : сб. науч. ст. — Омск, 2000. — С. 298–302.*
3. *Ватोропин, А. С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социол. исслед. (СОЦИС). — 2001. — № 1. — С. 84–92.*
4. *История баптизма : сборник. — Вып. 1. — Одесса : Изд-во Одес. Богослов. Семинарии, 1996. — 336 с.*
5. *История евангельских христиан-баптистов в СССР / под ред. Л. М. Митрохина. — Москва : Политиздат, 1989. — 654 с.*
6. *Митрохин, Л. М. Баптизм : история и современность (философско-логические очерки). — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — 463 с.*
7. *Мчедлов, М. П. О религиозности российской молодёжи // Социол. исслед. (СОЦИС). — 1998. — № 6. — С. 107–110.*
8. *Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера. — Режим доступа: //http://www.geocities.com/Athens/Cyprus/6460/handbook/index.html. — Дата обращения: 22.07.2016.*
9. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXV, часть 4, отделение 1. Санкт-Петербург, 1908; О свободе совести, вероисповеданий и религиозных объединениях. Российские и международные правовые документы (в извлечениях) / Сост. Ю. П. Зуев и В. П. Крушеницкий. — Москва: Феникс, 1996. — 655 с.*
10. *Тарасов О. Ю. Социально-психологические проблемы распространения религиозных культов западной ориентации в современной России / О. Ю. Тарасов // Психолого-педагогические проблемы образования в гуманитарном вузе : материалы науч.-практ. конф., 12–14 февр. 2003 года. — Хабаровск, 2003. — Ч. 2. — С. 25–29.*

Материал поступил в редакцию 30.11.2016 г.

Сведения об авторах:
Тарасов Олег Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела научно-инновационных разработок, переподготовки кадров и повышения квалификации Хабаровского института инфокоммуникаций (филиал ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики»).
Контактные данные: e-mail: oltar-1972@mail.ru; тел.: 8-914-407-46-19, 8-924-404-26-06.

Шульженко Николай Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, начальник отдела научно-инновационных разработок, переподготовки кадров и повышения квалификации Хабаровского института инфокоммуникаций (филиал ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики»).
Контактные данные: e-mail: shulzhenko60@bk.ru; тел. 8-924-217-36-15.

ВОРОПАЕВА АЛЕКСАНДРА ВАЛЕРЬЕВНА

ПИСЬМА ПЕРВЫХ СВЯЩЕННИКОВ КАМЧАТСКОЙ ЕПАРХИИ

(из коллекции «Автографы» Дальневосточной государственной научной библиотеки)

В статье приводятся результаты изучения коллекции автографов Дальневосточной государственной научной библиотеки, в частности, писем первых священников Камчатской епархии епископа Павла (Попова) и протоиерея Александра Сизого. Письмо епископа Павла адресовано архиепископу Иннокентию (Вениаминову) и представляет собой отчёт о поездке по Охотско-Гижигинскому тракту в декабре 1864 – январе 1865 года с целью обозрения церквей Камчатской епархии. Рапорты протоиерея Александра Сизого написаны в Камчатскую духовную консисторию. В рапорте от 10 сентября 1866 года он докладывает о прибытии к месту службы священника Иасона Эрумнозова, в рапорте от 31 декабря 1894 года — о кружечном сборе денег для паломников в Палестину.

Ключевые слова: святитель Иннокентий (Вениаминов), епископ Павел (Попов), протоиерей Александр Сизой, священник Иасон Эрумнозов, Камчатская епархия, переписка священников, рукописные документы, кружечный сбор, миссионерская деятельность.

Keywords: St. Innocent (Benjamin), Bishop Paul (Popov), Archpriest Alexander Sizoi, priest Jason Erumnozov, Kamchatka diocese, priests correspondence, handwritten documents, kruzhechny collection, missionary activity.

Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования Дальневосточной государственной научной библиотеки «Книга как социокультурный феномен в контексте исторического развития Дальнего Востока».

В коллекции «Автографы» ДВГНБ хранятся три письма известных дальневосточных священников. Два из них принадлежат протоиерею Александру Сизому, сподвижнику графа Муравьёва-Амурского, третье написано епископом Якутским Павлом и адресовано архиепископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому Иннокентию.

Деятельность первых священников представляет интересную страницу в истории освоения дальневосточной окраины. Работая в «диком и неустроенном крае», эти скромные деятели были проникнуты сознанием святости великого дела, несмотря на преграды и препятствия, «которые они встречали на пути, трудясь без всякой поддержки и содействия со стороны» [16, с. 2].

В декабре 1840 года Святейшим Синодом была образована новая Камчатско-Курильская и Алеутская епархия[1] с центром в г. Новоархангельске (Аляска), а в 1852 году к ней была присоединена обширная Якутская область[2]. Первым епископом этой епархии стал Иннокентий (Вениаминов)[3]. С именем святителя Иннокентия, видного общественного деятеля и миссионера Русской Православной Церкви, неразрывно связана вся история освоения Восточной Сибири, Аляски и Дальнего Востока, вхождение этих территорий в состав Российской империи и их последующее развитие.

Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский, святитель, апостол Америки и Сибири. (Фото из Интернета.)

В 1853 году преосвященный Иннокентий прибывает в г. Якутск на постоянное жительство и переносит сюда архиепископскую кафедру из Новоархангельска. Здесь, как ранее на Аляске, он занимается христианизацией местных жителей, переводом на якутский язык и языки малочисленных народов Севера богослужебных книг, открытием церковно-приходских школ, новых приходов, строительством церквей и часовен, подготовкой кадров духовенства и т. д. [27, с. 13–14].

В 1860 году преосвященный Иннокентий переезжает из г. Якутска в г. Благовещенск, а в г. Якутске оставляет викарным епископом[4] Павла (Попова).

Епископ Павел

Павел (Попов), епископ Якутский. (Фото из Интернета.)

Пётр Лаврентьевич Попов родился 1 января 1812[5] года в селе Усть-Питском Енисейского уезда в семье священника. В 1834 году окончил Иркутскую духовную семинарию и был рукоположен во священника к храму Нерчинского завода. В 1837 году переведён на священническую должность в Красноярский собор. В 1858-м возведён в сан протоиерея. В марте 1860 года он был пострижен под именем Павла, возведён в сан архимандрита и хиротонисан во епископа Якутского викария Камчатской епархии (первый викарный епископ Якутии). С архиепископом Иннокентием он познакомился ещё в 1857 году, когда владыка останавливался в Красноярске у кафедрального протоиерея Василия Касьянова[6], который в разговоре с преосвященным Иннокентием о духовных лицах восторженно похвалил иерея Петра Попова за его благочестие, простоту и пастырскую деятельность. Архиепископ Иннокентий пожелал познакомиться с ним. Протоиерей Василий пригласил отца Петра к себе и представил его преосвященному. Во время разговора тот сделал иерею Петру «какое-то значительное предложение», а он его принял [30, с. 286–289].

Позднее, оставляя епископа Павла в Якутске, преосвященный Иннокентий давал наставления, чтобы он, пока

1 *Выведена из состава Иркутской епархии.*

2 *С 1731-го по1852 г. входила в состав Иркутской епархии.*

3 *Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов; 1797–1879) — епископ Русской Православной Церкви; с 1868 г. — митрополит Московский и Коломенский. Стал первым православным епископом Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки, сподвижник генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьёва-Амурского в освоении Дальнего Востока и просвещении его коренных народов.*

4 *Викарный епископ — епископ, не имеющий своей епархии и помогающий в управлении епархиальному епископу.*

5 *Практически все информационные источники указывают дату рождения Петра Попова 1813 г. В 2016 г. на сайте «Древо: открытая православная энциклопедия» была выставлена цифровая копия страницы из метрической книги Усть-Питской Христорождественской церкви с записью о рождении и крещении епископа Павла (Попова), хранящейся в Государственном архиве Красноярского края (Ф. 394, оп. 1, д. 1, л. 7). Согласно этой записи Пётр Лаврентьевич Попов родился 1 января 1812 г.*

6 *Касьянов Василий Дмитриевич (1817–1897) — кафедральный протоиерей Богородице-Рождественского собора в Красноярске, руководитель духовной консистории и ближайший помощник красноярских епископов.*

Хитров Димитрий Васильевич, протоиерей, ректор Якутской духовной семинарии. (Фото из Интернета.)

не узнает людей и край, верил только его другу и соратнику, ректору Якутской духовной семинарии Димитрию Хитрову[7], и слушался только его советов [14, с. 211].

Самому Хитрову преосвященный писал:

«Владыка Ваш решительно ступить не умеет, — ни где, ни куда. Он чистый Павел препростой, и потому Вам придется ему подсказывать даже в самых простейших действиях служебных…

А Вы учите его: как обращаться с Волостями Якутскими, когда ездить к Губернатору, о каких предметах писать, не переговоривши — впрочем, мой совет — всегда переговорить прежде с Губернатором, а потом уже писать ему.

Познакомьте его с почетными нашими, я ему говорил, чтобы при первых визитах он взял Вас с собою.

Кажется, придется Вам писать и самые бумаги официальные; он, кажется, никогда и никому не писал ничего, словом сказать, Вам приходится заняться управлением паствы, церквами и делами в обе руки, и, может быть, надолго» [14, с. 212].

Через несколько месяцев после назначения архимандрита Павла викарным епископом архиепископ Иннокентий уже не так тревожился о нём и был вполне доволен его работой. В Якутии главной заботой епископа стало распространение по всем церквям богослужения на якутском языке. В августе 1860 года преосвященный Иннокентий написал священнику Димитрию Хитрову об епископе Павле:

«Из бумаг, полученных мною из Якутска, видно, что он принялся за дело со всею ревностью и в особенности за введение Богослужения и требоисправления между якутами на их язык. Довольно им и светское начальство, как это видно из письма тамошнего губернатора ко мне, где он пишет со всею откровенностью. Из писем других видно, что он живет совершенно по-монашески: решительно ничего не пьет (он никогда ничего не пивал), и ест очень мало даже в гостях, служит часто и проч. Итак, на первый раз слава Господу, пославшему в Якутскую паству именно такого пастыря, какого я желал!» [15, с. 250].

Летом 1864 года преосвященный Иннокентий сам отправился в Якутск. Цель поездки заключалась в том, чтобы привести в порядок все дела на Якутской архиерейской кафедре и, представив её Священному Синоду, сделать самостоятельной[8]. В Якутске он пробыл с 3 сентября 1864 года до июня 1865-го. В конце ноября 1864 года он поручил епископу Павлу «обозреть Камчатские церкви». Викарию необходимо было проехать от г. Якутска до г. Петропавловска, оттуда по морю добраться до пос. Аян[9], затем сухопутным путём вернуться в г. Якутск. Поездка эта была запланирована до лета 1865 года. Возможно, преосвященный рассчитывал ещё увидеться с отцом Павлом в Якутске, но путешествие затянулось больше чем на год.

В самом начале своего пути епископ Павел написал архиепископу Иннокентию два письма: одно 15 декабря 1864 года из Охотска, другое — 4 января 1865 года со станции Туманы. Второе письмо хранится в коллекции «Автографы» Дальневосточной государственной научной библиотеки:

«Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Честь имею себе и сущим со мною благопокорнейше просить у Вас Архипастырскаго благословения, почтительнейше поздравить Вас с наступившим 1865 новым годом, вседушевно пожелать Вам на многия лета благоденственнаго и мирнаго жития, здравия и спасения и во всем благаго поспешения; уведомить Вас, что мы, по Вашим святым молитвам и благословению Божию, с 29 Ноября 1864 года отправясь из г. Якутска и 2го Января 1865 года прибыв в Станцию Туманы[10] находящуюся от Якутска в 2322 в. а от Охотска 1225 в., и расположившись здесь пробыть до

---

7 Хитров Димитрий Васильевич (1818–1896) — первый епископ Якутский и Вилюйский, автор «Краткой грамматики якутского языка». В 1840 г. после окончания Рязанской духовной семинарии был направлен в Иркутскую епархию «на миссионерское служение», в 1841 г. — в Якутскую область, где прослужил 43 года. Преосвященным Иннокентием (Вениаминовым) рукоположен во священника Градо-Якутской Преображенской церкви, служил в Николаевской, затем Благовещенской походных церквях. С 1852 г. — благочинный г. Якутска, с 1853 г. — председатель Комитета по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык; член Императорского Русского географического общества (ИРГО). С 1858 г. — ректор Якутской духовной семинарии. В 1867 г. назначен викарием Камчатской епархии с саном епископа Якутского, в феврале 1868 г. получил имя Дионисий и стал именоваться преосвященным Дионисием, епископом Якутским, а после открытия в 1870 г. епархии в Якутской области — епископом Якутским и Вилюйским. В 1883 г. назначен епископом Уфимским и Мензелинским.

8 В конце 1869 г. был подписан царский указ об образовании Якутской епархии. Ещё в 1865 г. в своём представлении в Святейший Синод архиепископ Иннокентий ставил вопрос об учреждении самостоятельной Якутской епархии, но только 29 марта 1870 г. в Якутске состоялось торжественное её открытие.

9 Посёлок Аян был основан в 1843 г. Русско-Американской компанией, был начальным пунктом тракта, связывавшего Якутск с Охотским побережьем.

10 Туманы — станция на Охотско-Гижигинском тракте (сегодняшняя Магаданская область), ныне не существует.

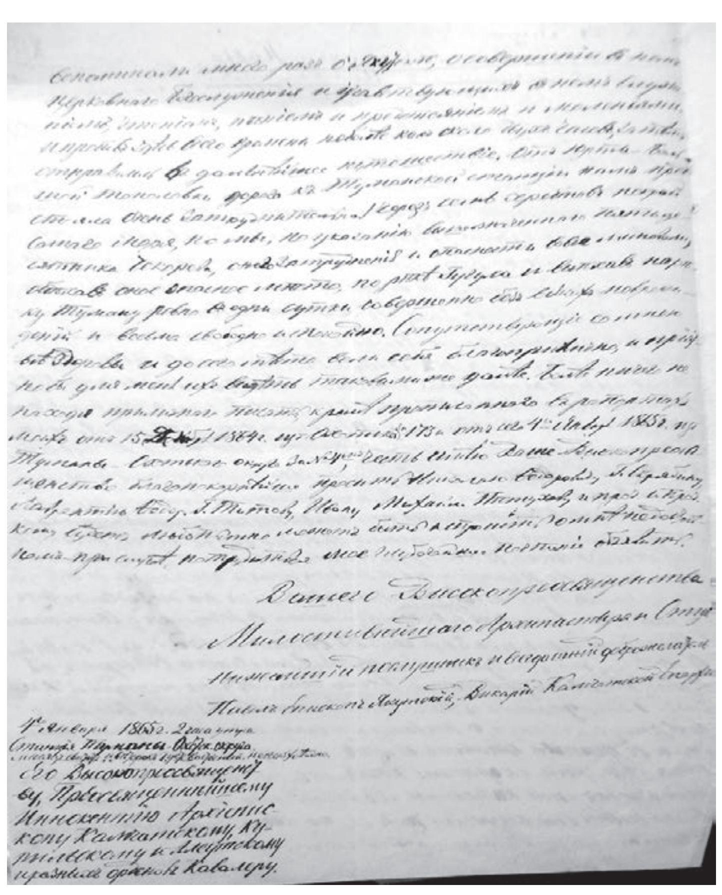
утра $4^{го}$ числа Января, (дабы) дабы дать раздых собакам, провезшим сюда нас из Ямска[11] 300 верст, и долженствующим отсюда еще далее весть нас до Гижиги[12] – 550 верст, совершали свое путешествие в здравии и благополучии и при благоприятствующей погоде. Из экипажев же наших отправившихся из Якутска неразрушившимся пока остается только один короб моей (короб моей) повозки, в которую я сел в Якутске и поехал сюда, а прочее все порешилось и накладушки, и нарты[13], и все до одного полоза и копылья+[14]. Теперь мы едем на позочьках $4^{х}$, трех переделанных в Охотске и одной купленной в Тауйске[15] у Священника О. Илариона Черных[16] за 5 руб. сер. В самый новый год $1^{е}$ ч. Января в $10^{м}$ часу дня мы прибыли, по проезде из Ямска 140 верст, в юрту, называемую Большая Тополовка. Наш передовой казачий пятидесятник Николай Николаев Чекорев входит в юрту означенную, а навстречу ему из оной юрты выскочила и успела убежать в лес лисица Сиводушка[17], неуспевшая со страху скушать кем-то из проезжих оставленный кусок (рыбы) китовины. В этой-то юрте мы торжествовали новый год, служили часы и молебен, положенный на сей день,

---

+ Кладь наша везется на пяти нартах перекладных.

вспоминали много раз о Якутске, о совершении в нем Церковнаго Богослужения и участвующих в нем Служением, чтением, пением и предстоянием и молениями. И пробыв здесь всего времени поболее как около двух часов, затем отправились в дальнейшее путешествие. От Юрты Большой Тополовки дорога к Туманской станции нам предстояла очень

Письмо епископа Якутского Павла архиепископу Иннокентию, стр. 1. (Фото автора.)

Письмо епископа Якутского Павла архиепископу Иннокентию, стр. 2, окончание. (Фото автора.)

---

11 Ямск — село в Ольском районе Магаданской области. В 1739 г. был заложен Ямский острог, который стал опорным пунктом государственной власти на Охотском побережье. Жителями посёлка были казаки и оседлые коряки. Крепость была обнесена частоколом, внутри находились 25 деревянных домов, здание канцелярии и православная часовня, построенная в 1775 г. К 1850 г. в посёлке проживало около 200 человек.

12 Гижига — село в Северо-Эвенском районе Магаданской области, было основано в 1753 г. как Гижигинская крепость. В 1775 г. оно было приписано к Якутской области, в 1783 г. получило статус уездного города Иркутского наместничества. В 1926 г. произошла территориальная реформа, после которой Гижига лишилась статуса города и была внесена в состав Пенжинского района Камчатской области.

13 Ездовые нарты — узкие длинные сани, предназначенные для езды на упряжках из собак, северных оленей, обычно на полозьях длиной не более 2,5 м, высотой — около 1 м, служили для перевозки тяжестей.

14 Копылья — деревянные короткие бруски, набиваемые в полозья нарт для их скрепления.

15 Тауйск — село в Ольском районе на юго-западе Магаданской области, было основано в 1653 г. русскими землепроходцами.

16 Черных Илларион Леонтьевич (?–1879) — священник, прослужил в селении Тауйск 29 лет, где отстроил новую церковь после пожара. В 1858 г. за многолетнее верное служение Церкви и Отечеству был награждён бронзовым наперсным крестом.

17 Сиводушка — помесь чёрно-бурой и рыжей лисицы.

затруднительная через семь хребтов покрай самаго моря, но мы, по указанию вышеозначеннаго пятидесятника Чекарева, оного затруднения и опасности вовсе миновали, объехав оное опасное место, по реке Гугула[18] и выехав на реку Туману ровно в одни сутки, совершенно без всяких повреждений и весьма свободно и спокойно. Сопутствующие со мною все здоровы и до сего места вели себя благоприлично, и приятно бы для меня их видеть таковыми же далее. Более ничего не находя приличнаго писать, кроме прописаннаго в рапортах моих от 15 Декабря 1864 г. из Охотска за 173 и от сего 4го Января 1865 г. из Туманы Охотскаго округа за № 4м, честь имею Ваше Высокопреосвященство благопокорнейше просить Николаю Федоровичу Г. Скрябину[19], Лаврентию Федор. Г. Титову[20], Ивану Михайл. Петухову[21] и проч. и проч. кому будет любопытно может быть испросить о мне недостойном — при случае потрудиться мое глубочайшее почтение объявить.

Вашего Высокопреосвященства
Милостивейшаго Архипастыря и Отца
нижайший послушник и всегдашний доброжелатель
Павел Епископ Якутский, Викарий Камчатской Епархии.

4е Января 1865 г. 2 часа утра
Станция Туманы — Охотск. округа.
месяц светит и ветерок дует восточный. Не очень холодно.

Его Высокопреосвященству,
Преосвященнейшему
Иннокентию Архиепископу
Камчатскому, Курильскому и Алеутскому
и разных орденов Кавалеру».

Таким образом, 29 ноября 1864 года епископ Павел выехал из Якутска в сторону Охотска. Путешественники так описывали этот путь:

«Дорога из Якутска в Охотск пролегает по безлюдному, болотистому и гористому пространству, которого расстояние между этими двумя местностями хотя и определено в дорожнике 1040 верстами, но на сущности оно несравненно значительнее. Путь этот совершается двояко. Летом на лошадях верхом; зимою на лошадях же, но в повозке до Алданской станции; далее на оленях, частью верхом, частью на санях; и наконец верст за 250 от Охотска запрягают собак в нарты» [1, с. 70], «…нарты делаются в виде маленьких крытых повозок довольно удобных и спокойных, да и перевозка самих кладей менее затруднительна» [1, с. 152].

Зимняя дорога по берегу Охотского моря. (Иллюстрация из атласа к «Путешествию по Восточной Сибири» И. Булычова.)

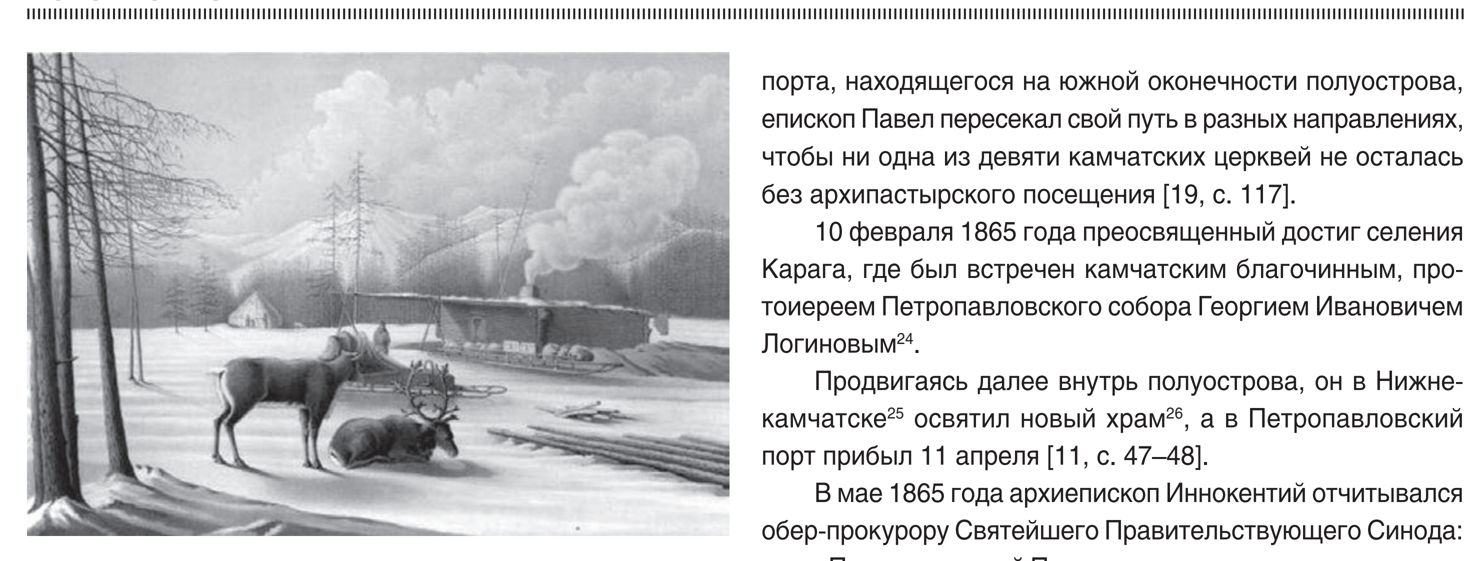
Зимнее время года для обозрения охотских и камчатских церквей было выбрано не случайно. Летом в Охотском округе сообщение практически везде прекращалось, так как тундровая и болотистая почва не позволяла путнику прокладывать дорогу.

Преодолев 1 025 вёрст на лошадях, оленях и собаках, 10 декабря епископ Павел достиг Охотска и пробыл там не менее пяти дней. Затем он повернул на северо-запад около Пенжинской Губы Охотского моря к Гижиге. От Охотска через Ямск и Тауйск до Гижиги по малообитаемым местам ему предстояло проехать на собаках 1 775 вёрст. Передвижение по Охотско-Гижигинскому тракту было довольно сложным даже зимой:

«При глубоком снеге прокладывает дорогу человек, идущий впереди на лыжах, по следу которого бегут собаки. Не говоря о медленности такого следования, невозможно вообразить себе всех бедствий путешественника, едущего

Гижига и её жители. (Фото из фондов ДВГНБ.)

18 Речь идёт о реке Гугулан.
19 Скрябин Николай Фёдорович — титулярный советник, служащий в канцелярии Главного управления Восточной Сибири, учитель Оёкского приходского училища, Иркутского уездного училища. В 1863-м — статский советник, председатель Якутского областного правления.
20 Титов Лаврентий Фёдорович — коллежский советник Якутского областного правления.
21 Петухов Иван Михайлович — статский советник, якутский областной медицинский инспектор.

Зимняя станция по Охотскому тракту. (Иллюстрация из атласа к «Путешествию по Восточной Сибири» И. Булычова.)

на одних собаках несколько сот верст по непроложенной снежной степи, в мороз, часто превосходящий 40⁰» [1, с. 77].

Для отдыха, ночлега и спасения от вьюг, которые могли продолжаться несколько дней подряд, на каждых сорока или пятидесяти вёрстах были построены так называемые нарочные юрты. Они представляли собой непрочно сделанный сруб из тонких брёвен, неплотно затыканный сухой травой или мхом, вместо пола было несколько неровных плах, в одном углу находился чувал (что-то вроде камина) [1, с. 77, 153].

1 января по дороге из Ямска к станции Туманы епископ Павел со своими спутниками добрался до такой юрты, где они «торжествовали Новый год, служили часы и молебен, положенный на сей день».

6 января, в праздник Богоявления Господня, не доезжая 175 вёрст до Гижиги, на реке Вириге он был застигнут вьюгой. Но это не помешало ему совершить молитвословие под походной палаткой. Достать воду для освящения — развести огонь и растопить лёд или снег — было невозможно из-за пурги, и Животворящий Крест погружался в рыхлый снег [19, с. 116].

От Гижиги до камчатского селения Каменское, «грозного безуёмным либерализмом своих диких обитателей», преосвященный также на собаках проехал 350 вёрст. Затем через Фарапольский дол[22] где-то на оленях и где-то на собаках он проехал по снежной пустыне 200 вёрст, встречался с коряками и чукчами, затем посетил малолюдные селения олюторцев. Начиная с Олюторска[23] до Петропавловского порта, находящегося на южной оконечности полуострова, епископ Павел пересекал свой путь в разных направлениях, чтобы ни одна из девяти камчатских церквей не осталась без архипастырского посещения [19, с. 117].

10 февраля 1865 года преосвященный достиг селения Карага, где был встречен камчатским благочинным, протоиереем Петропавловского собора Георгием Ивановичем Логиновым[24].

Продвигаясь далее внутрь полуострова, он в Нижнекамчатске[25] освятил новый храм[26], а в Петропавловский порт прибыл 11 апреля [11, с. 47–48].

В мае 1865 года архиепископ Иннокентий отчитывался обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода:

«Преосвященный Павел в настоящее время находится в Петропавловском порте (в Камчатке), в ожидании казенного судна, на котором он, по распоряжению Г. Военного Губернатора, должен быть отвезен прямо в Аян. И потому, если все совершится благополучно, преосвященный Павел в Якутск может прибыть даже около 10 июля» [14, с. 487].

Камчатка в этот период переживала тяжёлые времена. В 1855 году военно-морская база из Петропавловского порта была переведена в Николаевск-на-Амуре[27]. Город потерял главные морские функции на востоке России и на многие десятилетия превратился в малозначимое небольшое селение. В «Иркутских епархиальных ведомостях» была напечатана статья неизвестного автора под названием «Вести из Камчатки. От 10 сентября и 14 декабря 1866 года», в которой описано бедственное положение порта и его жителей:

22 Фарапольский дол (современное название — Парапольский дол) — низменность на севере Камчатки, где происходит соединение полуострова с материком.

23 Селение Олюторское было расположено в северной части Камчатки, рядом с устьем р. Олюторы, к 1888 г. оно состояло из 9 юрт, с населением более 100 человек.

24 Логинов Георгий Иванович — настоятель Петропавловского собора, «туземец, окончивший курс учения в иркутской семинарии». При осаде в 1854 г. Петропавловского порта все дни проводил на батареях рядом с командиром и за проявленный героизм был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

25 Нижнекамчатск находился на полуострове Камчатка, в нижнем течении р. Камчатки. Основан как Нижнекамчатский острог в 1713 г. В середине XIX в. пришёл в упадок. В 1968 г. прекратил своё существование.

26 В интернет-ресурсах ошибочно указывается, что Успенская церковь в Нижнекамчатске (первая церковь на полуострове), построенная в 1737 г. и освящённая в 1741 г., сохранилась до наших дней (храм находился на грани разрушения, а в 2012 г. он был отреставрирован). Также существует версия, что в 1993 г. церковь восстановили энтузиасты, но при восстановлении воспользовались некоторыми брёвнами, сохранившимися ещё от той старой церкви. Вероятнее всего, это были остатки церкви, освящённой епископом Павлом в 1865 г.

27 В августе 1854 г. англо-французская эскадра пыталась захватить Петропавловский порт, но небольшой военный гарнизон под руководством губернатора Камчатской области генерала В. С. Завойко одержал над ней победу. Несмотря на успешную оборону города, стали очевидными трудности со снабжением и удержанием столь удалённых территорий, поэтому правительство приняло решение об эвакуации порта и гарнизона с Камчатки.

«Камчатка пустеет; Петропавловский порт закрывается; выходит последнее судно. Медик на всем полуострове один, и тот готовится к отъезду. Раздолье недугам среди расслабленного завозным заражением малолюдного камчадальского племени! Дороговизна, всегда отличавшая эту сторонку от всех других местностей России, с уничтожением Порта, и с затруднительностью для купечества доставлять сюда продовольствие и товары должна возвыситься до неимоверной цифры… В особенности тяжело теперь бедному Петропавловскому духовенству. От порта давалась по крайней мере прислуга, а ныне и она отобрана. За малолюдством, и за неимением средств нанимать работников, священникам самим надобно и сено косить, и огород копать, и дрова рубить, и для работных животных, собак, без которых по глубине снегов зимою ступить нельзя, заготовлять юколу (ловить и сушить рыбу), а ближайшим образом в кровавом поте очищать зимою свою храмину, когда (а это случается очень часто) забьет ее выше кровли снегом, под давлением которого трещат утлые травяные на[к]рышки и хилые потолки Петропавловских хижин. О трудностях же в прожитии духовенства в глуби полуострова, не только без всех привычных припасов, да и без хлеба, судить предоставляем…» [4, с. 299–300].

В ожидании судна архипастырь провел всё лето на Камчатке, так как судно из Де-Кастри, на которое рассчитывал архиепископ Иннокентий, отправилось в Петропавловский порт не в мае, а только в августе. Была ещё надежда на корабль камчатского предпринимателя А. Ф. Филиппеуса[28], но и он по каким-то причинам не смог забрать епископа Павла [15, с. 15].

Только 13 сентября 1865 года он смог выехать из Петропавловского порта на возвращающемся судне [11, с. 47–48]. Через месяц епископ достиг Николаевска-на-Амуре. Это плавание составило 2 517 вёрст.

В октябрьском номере газеты «Восточное Поморье» за 1865 год вышла заметка: «Во вторник 12 октября прибыл в Николаевск на транспорте «Японец»[29] из Петропавловска (из Камчатки) Преосвященный Викарный Епископ Якутский Павел. Его Преосвященство будет здесь дожидаться первого зимнего пути для отправления в Благовещенск, а оттуда в свою епархию…» [11 , с. 48].

Сколько епископ пробыл в Николаевске, установить не удалось, но известно, что оттуда преосвященный отправился вверх по Амуру до Покровской станицы, проехав 2 527 вёрст. До Якутска ему предстояло преодолеть ещё 4 271 версту.

Столь долгое отсутствие епископа Павла породило разные домыслы в епархии. Ходили слухи, что «для его отыскания» был отправлен пароход «Сахалин» [15 , с. 18].

24 декабря 1865 года преосвященный прибыл в Благовещенск. 7 января 1866 года в письме к обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода архиепископ Иннокентий доложил:

«При сем долгом считаю довести до сведения Вашего Сиятельства, что Преосвященный Павел Якутский, коему я поручил обозреть Камчатские церкви, по невозможности возвратиться из Петропавловска прямо в Якутск через Аян, как бы надлежало, по необходимости (по причине позднего времени)[30] должен возвратиться в свое место не иначе, как чрез Иркутск. В настоящее время он находится в г. Благовещенске, откуда он намерен отправиться после завтра, а в Якутск может прибыть не ранее последних [дней] февраля» [15 , с. 31].

В письме к красноярскому протоиерею В. Д. Касьянову архиепископ более эмоционально описывает эту ситуацию:

«Вы, конечно, уже знаете, что преосвященный Павел, возвращаясь из Камчатки в Якутск, мимоездом заезжал к нам на минутку, для свидания. Впрочем, как и не завернуть? Стоило только сделать лишних 4000–5000 верст. Ну, что это значит?... Да, нечего сказать! пришлось же ему совершить путь в 15.000 верст. И все это от прихоти какого-нибудь капитана судна. Что делать! спасибо и за то, что делают капитаны для нас! может быть еще и хуже гораздо... Преосвященный Павел у нас гостил с 24 декабря по 9 января. О дальнейшем же его путешествии я еще не получил сведений» [15, с. 41].

Выехав из Благовещенска 9 января 1866 года, епископ Якутский Павел прибыл в Иркутск 26 января, 30 числа совершил напутственную литургию в Вознесенской обители и 1 февраля выехал из Иркутска в Якутск [12, с. 84].

28 Филиппеус Александр Фёдорович (1828–1889) — уроженец Варшавы немецкого происхождения, надворный советник, петропавловский купец 1-й гильдии. В 1867–1869 гг. образовал первую отечественную транспортную компанию на русском Дальнем Востоке «Филиппеус и К°». Получив кредит у американской компании в Японии, начал свою деятельность по доставке иностранных товаров морем через Аян в Якутск. Одновременно компания вела меновую торговлю продовольствием и припасами с местными промысловиками пушнины. В 1870 г. компания купила собственный пароход «Камчатка», совершавший в летне-осенний период довольно регулярные рейсы между портами Японии, Владивостоком, Аяном с заходом в Петропавловск и во все населённые пункты Охотского побережья.

29 Транспорт «Японец» (наибольшее судно Сибирской флотилии) занимался доставкой снабжения в строящиеся посты и заходил в порты Японского и Охотского морей, плавал по Амуру. Известно, что 13 июня 1865 г. «Японец» прибыл в Николаевск из Шанхая, где он с осени 1864 г. стоял стационером при российском консульстве. На переходе в заливе Де-Кастри он взял на буксир транспорт «Гиляк», который доставил из Кронштадта генеральный груз, заявки из Аяна, Владивостока и Посьета [25, с. 75–76].

30 В Николаевске навигация была недолгой: речное сообщение длилось 5 месяцев, морское — 4.

7 февраля он добрался до г. Киренска, посетил Киренский монастырь, а 9 февраля отправился далее по р. Лене к Якутску [13, с. 158], куда вернулся в середине февраля 1866 года. Таким образом, обозрение епископом Павлом церквей Камчатской епархии продолжалось 15 месяцев.

Об этом путешествии в февральском номере «Прибавлений к “Иркутским епархиальным ведомостям”» был напечатан небольшой рассказ под названием «Маршрут Якутского епископа». Автор статьи, удивлённый столь долгим путешествием епископа, пишет:

«Как же случилось, что этот священный путник, 29 ноября 1864 года отправившийся из Якутска в Камчатку прямым путем, на обратном пути в Якутск не мог миновать Иркутска, тогда как Иркутск от Камчатки в 7 т. верстах, а Якутск ближе к ней двумя тысячами?...

Откройся ему возможность из Петропавловска сплыть в Аянский Порт или в Охотск, тогда отсюда оставалось бы ему совершить еще по хребтам и по рекам тысячу верст, и был бы он дома в Якутске. Но этой возможности не открылось, и преосвященному представился единственный для него морской путь в Николаевск на Амуре…» [19, с. 116–117] .

Обзоры своей епархии преосвященный совершал регулярно и подобные поездки не прошли бесследно для его здоровья. По воспоминаниям одного священника, «он страдал двумя болезнями, очень тяжелыми: каменною болью и ревматизмом в ногах; последнюю болезнь он приобрел в Якутске, во время ежегодных обозреваний епархии; ноги у него были постоянно в язвах» [7, с. 20].

После возвращения служить епископу Павлу в Якутске пришлось недолго. В ноябре 1866 года он был переведён на Новоархангельскую кафедру[31] (Аляска) в статусе епископа Новоархангельского, викария Камчатской епархии. Преосвященный Павел пользовался большим уважением и любовью якутской паствы. Его отъезд в Ситку стал целым событием для Якутска — провожать его вышел весь город «со слезами на глазах, а многие и с плачем» [7, с. 22].

В конце 1869 года в результате многолетних трудов святителя Иннокентия (Вениаминова) был подписан царский указ об образовании Якутской епархии. Но уже в 1865 году святитель подыскивал для неё нового епископа. В своих письмах он рассуждал:

«Конечно, было бы ближе всего быть епархиальным — нынешнему викарию Якутскому, преосвященному Павлу; но я должен сказать, и скажу откровенно, что он при всех достоинствах монаха и епископа (кроме одного: он плохой хозяин), он совсем не администратор, и притом характера очень скромного, и потому ему будет весьма нелегко управлять епархией, какою бы то ни было. И я полагал бы его переместить в Новоархангельск, на что он изъявил согласие с самою искреннею преданностью, и где он, как викарий, был бы на своем месте. Делопроизводства там, можно сказать, нет, а только одна забота о пастве и миссиях…» [14, с. 480].

Служение в Новоархангельске было нелёгким. В письме от 15 января 1871 года владыка Иннокентий, будучи уже митрополитом Московским, писал:

«Преосвященный Павел Новоархангельский выехал из Ситхи 19 октября, 3 декабря был в С.-Петербург и 9 уехал в свой Красноярск. Только он один и мог жить в Ситхе в последнее время. Купить было нечего и не у кого, питался почти одним хлебом с рыбою, какая случилась. Но он и не думал роптать» [15, с. 270].

После Ситки митрополит Иннокентий рассматривал два варианта дальнейшего служения преосвященного Павла: оставить его в Сибири или отправить в Семиреченскую область в г. Верный[32], если там откроется архиерейская кафедра. По мнению владыки Иннокентия, епископ Павел мог претендовать только на должности в отдалённых окраинах «как человек твердо благочестивый, строго исполнительный во всех отношениях, неутомимо деятельный, невзыскательный, всегда и всем довольный, кроткий, уживчивый, и главное — любящий и умеющий беседовать с простыми людьми». Но так как он был обычным сибирским семинаристом, слишком простым и простоватым, то для «европейскороссийских городов» он был «не совсем пригодный» [15, с. 207–208].

Епископа Павла помнили не только как человека, поражавшего всех необыкновенной простотой общения, кротостью, терпеливостью, но и привлекавшего подчинённых своим беспристрастием, отсутствием любимцев. В своё время епископ отказался даже принять на службу родного сына, который окончил семинарский курс и хотел поступить священником в Якутскую епархию, а зятя, приехавшего вслед за ним из Красноярска, несмотря на запрет, отказывался посвящать в диакона (это сделал позже преосвященный Иннокентий) [7, с. 17].

Уважали его современники за точность и аккуратность в любых делах. Ежегодно он проводил ревизии в городских и сельских церквях, тщательно проверял приходорасходные, метрические книги. Ни одной ошибки, даже если не в том падеже было записано имя, епископ Павел не пропускал [7, с. 19].

В 1870 году он становится епископом Енисейским, а с 1873-го и до самой кончины в 1877 году — епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским.

31 С 1808 г. Новоархангельск являлся столицей Русской Америки. В 1867 г. город вместе с остальной Аляской был куплен США и переименован в Ситку.

32 С 1921 г. Верный был переименован в г. Алма-Ата.

Последние годы служения епископа Павла (Попова) на Дальнем Востоке были плодотворными: при посещении Японии им были рукоположены в священнический сан два японца, чем было положено начало современной Японской Православной Церкви; уделялось большое внимание развитию церковных институтов на вновь присоединённых российских землях и миссионерской деятельности среди корейцев и маньчжуров [32].

Протоиерей Александр Сизой

В коллекции «Автографы» хранятся два письма первого амурского священника Александра Сизого. Родился он в 1826 году в селе Черемховском Иркутской губернии в семье бедного священника. По достижении школьного возраста поступил в Иркутское духовное училище, затем с 1842-го по 1848 год обучался в Иркутской духовной семинарии. Благодаря примерному трудолюбию, образцовому поведению и отличным успехам в науках его, как лучшего из воспитанников, назначили учителем и экономом Якутского духовного училища.

Протоиерей Александр Сизой. (Фото из Интернета.)

На педагогическом поприще Александр Поликарпович Сизой оставался недолго. В 1850 году он был назначен миссионером якутской походной церкви. Епархиальный преосвященный находился тогда в г. Иркутске, поэтому для рукоположения отцу Александру пришлось ехать туда за 3 000 вёрст. 30 сентября 1850 года он был рукоположен архиепископом Иркутским и Нерчинским Нилом во дьякона, а 1 октября — во священника и сразу же отправился обратно в Якутск.

По возвращении в декабре он предпринял свою первую миссионерскую поездку в северо-восточную часть Якутской области, куда он отправился с молодой супругой и проводниками. До Алдана они ехали верхом на лошадях, затем до Верхоянска совершали свой длинный путь на оленях, а к Верхнему, Среднему и Нижнему Колымску — на собаках. Но до Колымска им не удалось доехать, так как из-за чумы все собаки погибли, и они вынуждены были вернуться в Верхоянск. Только летом они по реке смогли вернуться в Якутск.

Последующие поездки совершались при не менее экстремальных условиях: в морозы, превышавшие 40 градусов, по глубоким снегам, горам. В то время там не было ни дорог, ни селений, ни постоялых дворов, где можно было приютиться от северных ветров, вьюг и морозов. Застигнутые пургой, они опрокидывали свои нарты около какого-нибудь дерева или куста против ветра, чтобы их занесло снегом, потом прорывали снег до земли, в виде логовища, раскладывали огонь у входа и таким образом, в снежной яме, при сильнейшем морозе, они проводили 2–3 дня, ожидая окончания пурги [20, с. 200–201].

Современники Александра Сизого вспоминали о нём как о стойком и мужественном человеке: «Было время, когда ему приходилось совершать путешествие по отвесным обрывам, по скользким тропам, где достаточно одного неверного шага, одного неловкого движения, чтобы сорвавшись бесследно погибнуть в бездне. Было время, когда он тонул в весенние разливы… Было время, когда он падал с лошадей, страдал от вывихов и переломов… но никогда не было времени, когда бы он падал духом, или изнемогал, или подумал отказаться, под гнетом лишений, от своего служения…» [22, с. 470].

Служа в Якутске, отец Александр не ограничивался только устроением и расширением миссии, но изучал нравы, образ жизни северных народов. Был знатоком якутского языка, состоял членом комиссии по переводу богослужебных книг [20, с. 202].

В 1856 году была учреждена Усть-Зейская миссия[33] на Амуре. В 1857 году генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьёв через епархиального преосвященного вызвал туда священнослужителя для исправления христианских треб среди русского населения и отправления богослужений. По личному желанию и по предложению епархиального начальства о. Александр выразил согласие на этот вызов и в марте 1857 года отправился в Усть-Зейский пост (с 1858 г. — город Благовещенск). Архиепископ Иннокентий вручил ему походную церковь[34] во имя святого Николая и святой антиминс[35]. За 13 дней, двигаясь день и ночь из-за наступавшей распутицы, он добрался до Иркутска, где должен был получить всё необходимое для отправления богослужения, но по неизвестным причинам ему не дали ничего, кроме лоскутьев материи для облачений и растрёпанных богослужебных

33 Усть-Зейская миссия Русской Православной Церкви — одна из 11 миссий Камчатской епархии, существовала до 1858 г.

34 Походная церковь — сооружение, предназначенное для совершения богослужений и религиозных обрядов, имеющее возможность к передвижению на определённое расстояние, к примеру, между населёнными пунктами.

35 В православии четырёхугольный из шёлковой или льняной материи плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного мученика, лежащий в алтаре на престоле, является необходимой принадлежностью для совершения полной литургии. Одновременно он является также и документом, разрешающим совершение литургии.

книг. Далее священник узнал, что Муравьёв приказал ему как можно скорее выехать на Амур. Пришлось переезжать Байкал, когда трещины во льду достигали уже сажени (2,13 метра) и более. Впоследствии об этом переезде через озеро он рассказывал со слезами на глазах и глубокими вздохами. Свою речь он всегда заканчивал словами: «Провидение Господне спасло нас!» [21, с. 246].

29 июня А. Сизой добрался до Усть-Зейского поста и сразу отправился к Н. Н. Муравьёву. Так как не было построено ещё ни одного дома, то генерал-губернатор приказал батальонному командиру подвести к берегу катер, на котором проплывал по Амуру граф Путятин[36]. В этом катере на следующий день и поселился А. Сизой со своей супругой и жил в нём до октября, когда уже были построены первые три дома.

Сам он вспоминал о своём прибытии в Усть-Зейский пост, рассказывая о себе в третьем лице:

«В том же году прибыл и граф Муравьев… с ним прибыло на жительство сюда более 600 человек военных высших и низших чинов, которые поставили себе шатры на берегу реки. С этими первыми прихожанами поселился и первый священник, поместившийся также на берегу реки в лодке, покрытой драньем.

Вся местность, которую ныне занимает город[37], была усеяна тогда лесом, довольно густым. На другой день, по прибытии, обозрев местность, граф приказал батальону № 14, пришедшему с ним, сделать просеку от берега реки до того места, где впоследствии построили деревянный Николаевский храм, и озаботиться устроением места под помещение походной церкви.

С 1857 г. походная Николаевская церковь возымела приходской характер, так как священник стал заведовать всем населением с верховьев р. Амура до Хабаровского поста» [28, с. 13–19].

Как единственный священник на Амуре, о. Александр должен был посещать свой обширный приход, несмотря на трудности сообщения между его частями: «…население раскинуто было первоначально на пространстве 1000 верст, от Усть-Стрелочного караула до Малого Хингана, а затем на протяжении более 1600 верст от верховий Амура до Хабаровска. Приход, по занимаемому им пространству, как можно видеть, равнялся целой обширной епархии. При этом было полное отсутствие путей сообщения» [17, с. 486].

Александр Сизой считается и первым хабаровским священником[38]: «22 июля 1858 г., по велению и благословению Высокопреосвященнейшего Архиепископа Камчатского Иннокентия, я был послан с походной Николаевской церковью из Усть-Зейского поста с В.-С. батальоном № 13 до местечка, рекомого ныне Хабаровкой. Остановились не далеко от утеса на берегу. В это время прибыл сюда, на своем катере и Генерал-Губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев, который, не медля, приказал расчистить небольшую площадку на среднем из холмов, на которых впоследствии расположилась Хабаровка. На этой площадке и совершено было благодарственное молебствие Господу Богу Триединому и освящено место для поселения. Исправив все требы в батальоне, я вернулся, в помощью 12 человек солдат-гребцов, данных мне по приказанию Генерал-Губернатора, в Зейский пост — туда, где в настоящее время красуется г. Благовещенск. Это обратное путешествие, полное всевозможных неудобств и опасностей длилось 46 суток» [23, с. 416].

Через два года своего служения на Амуре о. Александр обратился к архиепископу Иннокентию с просьбой о назначении ему двух священников-помощников, из которых один разъезжал бы вверх по Амуру, а другой — вниз. Его просьба была исполнена, и из Якутска прибыли два священника. Сам же о. Александр 20 января 1859 года был утверждён настоятелем при Градо-Благовещенской Николаевской церкви и назначен благочинным церквей Амурского края. Вскоре он был избран законоучителем в артиллерийскую школу фейерверкеров и в казачье бригадное училище, затем попечителем и казначеем Благовещенского отделения попечительства о бедных духовного звания, смотрителем Благовещенского духовного училища, членом комитета по постройке казённых зданий, членом Камчатской духовной консистории и проч.

30 мая 1891 года в Хабаровске был установлен памятник графу Н. Н. Муравьёву-Амурскому. Постамент заложил лично наследник престола Николай Александрович. На открытии памятника присутствовал и священник Александр Сизой, как депутат от благовещенского духовенства. На открытии он произнёс яркую речь, обращённую к цесаревичу и жителям Хабаровска. Позже будущий император собственноручно вручил о. Александру золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями. На обратном пути в Благовещенск цесаревич плыл с А. Сизым и «беседовал с ним на пароходе, как с самым старым амурцем и, вероятно, о. А. П. [Александр Поликарпович], как живой амурский архив, не мало сообщил интересных сведений о всех деятелях и событиях

36 В 1857 г. состоялся четвёртый сплав по Амуру, начавшийся 26–27 мая. Его возглавлял лично генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. В составе сплава был и адмирал Е. В. Путятин, отправлявшийся в Китай в качестве уполномоченного посланника России на переговоры по вопросу о территориальной принадлежности Амура.

37 Имеется в виду Благовещенск.

38 В тот же год с прибытием батальона потребовался отдельный пастырь, им стал священник Константин Коллегов [23, с. 416].

Амурского края за 40-летний период своего пребывания в этом краю» [22 , с. 465].

Прихожане любили о. Александра за прямой характер и привычку говорить правду в лицо, не разбирая ранга, за понимание нужд переселенцев, которых он жалел и утешал [24].

Один из первых амурских поэтов, Л. Волков, посвятил протоиерею Александру Сизому стихотворение[39]:

«Безискуственны речи простые твои,
Но видны в них: наглядность примера,
Неподдельное чувство горячей любви
И в Творца беспредельная вера.
Молодой, полный сил, ты приехал сюда
Проповедывать вечное слово,
И положено много тобою труда
В этом крае во имя Христово.

Из амурских героев, что вел Муравьев,
Проводил ты уж многих в могилы,
И телесный недуг, и десятки годов
Расшатали железные силы.
На покое теперь доживая свой век,
Вспоминаешь ты прежние драмы,
Как боролся с природой дикарь человек,
Воздвигались первые храмы.
И глядишь, умиляясь открытой душой,
Орошаясь невольно слезами,
Как над городом блещут вечерней зарей
Купола золотыми крестами».

Письма Александра Сизого, хранящиеся в коллекции автографов ДВГНБ, представляют собой рапорты в Камчатскую духовную консисторию, которая управляла делами епархии. Консистория была открыта в Благовещенске 25 октября 1859 года. Состояла она из присутствия и канцелярии. Присутствие составляли на момент её открытия протоиерей Гавриил Вениаминов и священники Александр Сизой и Павел Миротворцев. В штат канцелярии входил коллежский секретарь Иннокентий Петелин [14, с. 419].

Один из рапортов был написан иереем А. Сизым в первое десятилетие его служения на Амуре — в 1866 году:

«В Камчатскую Духовную Консисторию,
Благочиннаго Верхнеамурских церквей,
рапорт.

Имею долг донести Оной Консистории, что бывший Священник Кумарской церкви Иасон Эрумнозов прибыл 10 Сентября на место своей службы во вновь открытый приход по реке Бутанде[40], впадающей в реку Зею в селениях Дмитревской и Ивановском.

Священник Александр Сизой.
Сентября 10 дня 1866 года».

Рапорт А. Сизого в Камчатскую духовную консисторию. 1866 г. (Фото автора.)

В рапорте идёт речь о священнике Иасоне Васильевиче Эрумнозове. Родился он в 1834 году во Владимирской губернии в семье священника. В 1856 году Иасон окончил Владимирскую духовную семинарию [29, с. 327]. Его причислили к первому разряду с возведением в степень студента семинарии и уволили в епархиальное ведомство. В 1857 году из Владимирской епархии его уволили в Московскую и по собственному прошению определили в число братства Московского Богоявленского монастыря, где он исправлял клиросное чтение и пение [33].

23 января 1860 года он был рукоположен во диакона, а 24 января — во священника к храму в станице Кумарской[41] на Амуре.

Ещё в 1858 году архиепископ Камчатский Иннокентий рассматривал вопрос о назначении священника в станицу Кумарскую. В своём письме к графу Н. Н. Муравьёву-Амурскому от 25 ноября 1858 года он писал:

39 Стихотворение написано ещё при жизни Александра Сизого в 1895 г.

40 Имеется в виду р. Будунда, современное название — Ивановка.

41 В 1977 г. решением Амурского облисполкома село Кумара исключено из учёта как не существующее.

«Желающих ехать на Амур из духовенства очень много во всех концах России, нет почти ни одной почты, которая бы не привозила мне 2–3 прошения таковых искателей переселения. И потому позвольте попросить Ваше Сиятельство уведомить меня поскорее: куда именно будут нужны священники в будущем лете. Впрочем Н. В. Буссе давно уже просил меня прислать священника в Кумару даже зимою. Но я распорядился так, что Кумарцев будут посещать соседние священники; а в исходе генваря или февраля туда приедет наш Якутский миссионер протоиерей Запольский[42], во второй раз отправившийся по Алдану чрез Зюкзюр на р. Зею для посещения обитающих там наших Тунгусов; и ему велено по исполнении своих обязанностей между ими, выехать на Кумару и там жить до лета или до ожидания меня и исправлять все обязанности приходского священника» [14, с. 205].

Таким образом, постоянного священника в станице Кумарской не было, и о. Иасона Эрумнозова ожидали там с нетерпением.

Отправившись на Амур во второй половине февраля, в станицу Кумарскую И. Эрумнозов прибыл лишь 1 августа 1860 года. Неудачи преследовали молодого священника с самого начала пути: из-за болезни жены он пропустил удобный зимний путь и ехал к месту службы в самую распутицу. Из-за этого он не только ничего не смог сберечь из полученных им прогонных денег[43], но и позаимствовал ещё 300 рублей. Архиепископ Иннокентий сожалел об этом, но оказать помощь в этом вопросе не мог: «…жаль его, но помочь нельзя, потому что и без того ему выдано прогонных денег почти вдвойне, так что можно ожидать, что с него потребуют обратно излишне взятые, если только обратят на это внимание» [14, с. 265].

В 1860–1861 годах российский этнограф-беллетрист С. В. Максимов по поручению Морского ведомства отправился на Дальний Восток для исследования только что приобретённой Амурской области. Результатом поездки стала книга «На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания». В ней он дал описание новым станицам, в том числе и Кумарской:

«Это одна из самых больших и людных станиц по числу душ и домов (домов 28, семей около 40)… Вытянутая в одну линию и на этот раз неправильную, она, с двумя амбарами на низу, с двумя улицами, с огородами, не примкнутыми к домам, а разбросанными кое-где и кое-как без стремления к симметрии военных старорусских поселений — кажется решительным селением, не похожим на все прежние станицы (исключая может быть одного только Албазина). Чистенький и опрятный с виду домик сотенного командира с палисадником впереди, вновь строящаяся церковь, новая выстроенная позади селения ветряная мельница, скоро сделают из станицы решительное село, которое будет напоминать сколько великорусские, столько же и сибирские села. К церкви пристроивается слободка в пять домов. Только они, можно сказать, одни напоминают еще недавность заселения и некоторую скороспелость… Пускался я и в долгие расспросы, надеясь как-нибудь удержать приятность первого впечатления и — не имел успеха:

— Многие очень нуждаются, особенно те, которые живут здесь третий год и четвертый, хотя при батальонах и сотнях старались селить богатых казаков. Земли вспахать еще не успели: трудная очень, жестка. Семян для посевов не припасли. На родине (одни с Онона, другие с Аргуни) не в пример было лучше: там и земля-то как будто ладнее. За что ни ухватись — все здесь купи, за все отдай деньги. А купцы привозят товар, что ни на есть гниль: наденешь два раза и сбрасывай. Деньги за все берут нестерпимые» [18, с. 179–181].

В таких нелёгких условиях оказался и 26-летний священник Иасон Эрумнозов. С 1862 года, кроме своих непосредственных обязанностей священника, о. Иасон стал выполнять обязанности законоучителя в 3-й сотне 1-го Амурского конного казачьего полка [33].

К месту службы в станицу Кумарскую в 1860 году о. Иасон прибыл с письмом от митрополита Московского Филарета, в котором было официальное отношение «о священнике Ерумнозове и причетнике при нем» [14, с. 264]. Неизвестно, что в нём было написано, но в 1863 году архиепископ Иннокентий в письме к протоиерею Д. Хитрову даёт неожиданно резкую характеристику о. Иасону:

«Напишите, пожалуйста, от себя Вашему протеже Ерумнозову. Он от желчи своей с ума сходит, по злобе своей с одним казачьим офицером (с которым он, говорят, в минувших годах даже дрался) — он, знаете ли, какую штучку сделал? двух дочерей его, невест, не принял даже на исповедь к себе в минувший пост за то, что они в семик прошедшего года плясали или праздновали… Как Вам кажется? какова пастырская ревность! другое, в нынешнюю Пасху уничтожил общие качели в станице, перерезав веревки тоже из пастырской ревности; хотят писать нам об этом официально. — Скажите, пожалуйста, что мне с

42 Запольский Никита (1817–1863) — протоиерей, миссионер в Якутской области, благочинный церквей на северо-восточной стороне р. Лены.

43 В дореволюционной России прогонные деньги выдавались лицам, отправляющимся к должностям из одной губернии в другую, если они были определены или перемещены к тем должностям не только по собственному желанию, но и по служебной необходимости. На любое расстояние прогонные деньги получали только канцелярские чиновники и служители. При назначении на службу в наиболее отдалённые местности прогонные деньги выплачивались в двойном размере.

ним делать, куда его деть? а между тем он из долгу не может выйти — живя нелюдимом, право недоумеваю, что делать.

Напишите, пожалуйста, ему, дураку, чтобы он образумился, или, лучше сказать, старался себя удерживать. Он чрезвычайно, кажется, желчный, судя по лицу его, и оттого, конечно, и раздражителен, а раздраженный не умеет управлять собою. Но мне и вообще нам от этого нисколько не легче» [14, с. 382–383].

Официальная жалоба архиепископу Иннокентию на о. Иасона всё-таки поступила:

«Еще поступили оффициальные бумаги о. Ерумнозова о том, что он дочь офицера Щеглова и живущую у него девицу не допустил до исповеди за то, что оне прошедшего 1862 года в Троицкий семик завивали березки[44]. — А ныне в первый день Пасхи запретил качели[45]!!!... Право, беда и только. Хорошие попы поумирали (Добровидов, Лебедев и Затоплаев), а приезжие из Руси бесятся!... А начальства здесь гибель! один над другим! а попы для них как бельмо на глазу» [14, с. 385].

Архиепископ Иннокентий был крайне недоволен поведением И. Эрумнозова и упрекал протоиерея Димитрия Хитрова за то, что тот подобрал такую кандидатуру для служения в его епархии:

«Из слов Ваших о преславутом Ясоне[46] припахивает с огорчением и чувством оскорбления. Не упомню, как я Вам выразился касательно избрания его; вероятно, сказал, не мастер Вы выбирать людей…

Впрочем, вот что, кажется, можно было видеть в Ясоне, что он вспыльчив, а это от того, что он желчен. Эта болезнь в нем развивается видимо. И потому нельзя его строго винить в его поступках. Но в то же время он лжец, чего Вы, может быть, и не заметили в нем, и чему он мог научиться и впоследствии. Не знаю, как прежде, а ныне он, говоря со мною, не смотрел в глаза — значит, у него не чисто на совести» [14, с. 396–397].

Осенью 1863 года архиепископ Иннокентий вызвал о. Иасона в Благовещенск: «Наш милый Ерумнозушко вытребован был сюда для ответов…» [14, с. 406].

Архиепископ предупредил, что уволит его из епархии через 2 года «по его прошению», а если будут поступать на него серьёзные жалобы, то и через год [14, с. 397]. Также владыка Иннокентий писал протоиерею Димитрию Хитрову, что о. Иасон не хотел, чтобы о его службе узнал его отец Василий Степанович Эрумнозов, священник села Бабасово (Владимирская губерния): «Ясон приходил ко мне и кланялся, чтобы я не посылал Вам его рацеи, а это для того яко бы, чтобы Вы не написали о нем к его родителю. Труслив, как заяц…» [14, с. 399].

Архиепископ Иннокентий оставил служить о. Иасона в своей домовой церкви в Благовещенске, но он «при открывшейся оказии изволил отправиться домой, ни спросясь, ни сказавшись…» [14, с. 406]. После этого самовольного отъезда архиепископ с возмущением написал протоиерию Димитрию Хитрову:

«Ну, — другой на месте моем дал бы ему знать за это, потер бы он лямку у тележки, а пожалуй, — и ручку у лопаты. Но мне, кажется, не удастся и побранить его лично до возвращения от Вас. И мало того, что сам уехал, не спросясь — увез с собою и причетника своего Куркина, которого надобно было бы потереть здесь за его пьянство и буйство» [14, с. 406].

После отъезда о. Иасона в Кумару владыка принял какое-то решение относительно него, написав Хитрову: «О Ясоне дело решено…» Но, как оказалось, после возвращения из Благовещенска о. Иасон стал «тише травы, ниже воды». К тому же ему пришлось из-за болезни жены самому стряпать и «возиться» с новорождённым ребёнком [14, с. 426].

Прослужив в станице Кумарской 6 лет, в августе 1866 года священник Иасон Эрумнозов подал прошение о переводе его в с. Ивановское, которое находилось недалеко от г. Благовещенска и где как раз строилась церковь. Об этом переводе и пишет в своём рапорте протоиерей Александр Сизой. Архиепископ Иннокентий доложил об этом перемещении протоиерею Димитрию Хитрову:

«Эрумнозов Ваш переходит в другой приход крестьянский; неразумный он человек! Более 600 руб. задержал

44 Завивание берёзки — один из главных обрядов Семика — Троицы, суть которых состояла в чествовании возрождающейся после зимы природы. В деревнях центральной и южной части Европейской России, а также в Сибири культ растительности принял особенно яркие формы. Основой обрядности здесь стало завивание берёзки, начальный этап которого приходился на Семик, а окончание — на Троицу. Обряд совершали девушки, которые втайне от мужского населения деревни отправлялись в четверг семицкой недели в лес, на берег реки или к ржаному полю для выбора ритуального дерева. Известно было несколько видов завивания берёз. Наиболее распространённый — завивание (заплетение) «венков»: концы веток одной или нескольких берёз загибали в кольца и закрепляли с помощью трав, платков, при этом ветки нередко переплетали между собой (Троицкий венок). Другой способ — завивание «кос»: ветки одной или двух берёз свивали в виде жгута или косы, нередко переплетая с лентами, нитками, бумажками.

45 Качели — праздничное развлечение детей и молодёжи в период от Пасхи до Троицы. Большие деревенские качели обновляли или сооружали заново каждый год накануне Пасхи или в первые дни Пасхальной недели. Обычно их устанавливали в каждой деревне на строго определённом месте, там, где проходили молодёжные гуляния. Качание на качелях — это отголосок древнего магического действия, призванного стимулировать рост посевов.

46 Имя Эрумнозова писали по-разному: Иасон, Ясон, Иоанн.

церковных денег, не спросясь никого; всего долгу на нем до 1000 руб.» [15, с. 56].

О. Иасон прибыл на новое место службы 10 сентября и стал первым настоятелем Иоанно-Богословской церкви села Ивановки, где прослужил три года.

5 января 1868 года архиепископ Иннокентий (Вениаминов) был назначен митрополитом Московским, а епископом Камчатским, Курильским и Алеутским стал Вениамин (Благонравов). Лишь после смены владыки Иасон Эрумнозов несколько продвинулся по служебной лестнице. 6 января 1869 года его перевели в г. Благовещенск к Никольской церкви, а 12 марта он был определён учителем и библиотекарем Благовещенского духовного училища, а также членом правления училища [26, с. 131].

Вскоре он получил и первую награду — в «Иркутских епархиальных ведомостях» за 1869 год было напечатано следующее распоряжение по Камчатской епархии:

«8 июня при служении в Градо-Благовещенской Никольской церкви мною возложен набедренник[47] на священника сей церкви Иоанна Эрумнозова за усердную и полезную службу. Епископ Вениамин» [3, с. 247].

В последующие годы в г. Благовещенске он состоял членом Камчатской духовной консистории, членом комитета по устройству церквей в Приамурском крае, был учителем и смотрителем в Благовещенской духовной семинарии.

29 мая 1872 года о. Иасона перевели к Михайло-Архангельской церкви в станицу Екатерининскую, согласно его прошению [10, с. 337]. Но, вероятно, он и там не нашёл общего языка с прихожанами. В 1876 году житель этой станицы некий Н. Глотов прислал письмо в «Иркутские епархиальные ведомости», в котором выражал благодарность новому священнику Александру Протодиаконову[48], прибывшему в станицу Екатерининскую, «вместо выбывшего, из прихода, в Московскую епархию священника Иоанна Эрумнозова». О самом о. Иасоне он ничего не написал — ни плохого, ни хорошего; но через восхваление деятельности нового священника в строках письма передавалось негативное отношение к его предшественнику. Так, Н. Глотов писал, что А. Протодиаконов сразу попросил членов правления «переставить священнический дом на новое место, так как дом этот стоял один отдельно от строений, без всяких угодий». Также А. Протодиаконов принялся за украшение храма: «…выкрасил иконостас приличной краской, позолотил на оном разные фигуры, выкрасил пол и обил внутренность олтаря обоями. Таким образом вид храма принял должное боголепие». После он служил Божественную Литургию, «с великим душевным восторгом, видя обновления в святом храме, а народ благоговейно возносил теплые молитвы, видя труды своего пастыря, который не желая никакого вознаграждения, единственно по любви к святому храму принял на себя такое попечение» [9, с. 34–35].

Таким образом, в 1875 году, прослужив на Амуре 15 лет, священник Иасон Эрумнозов выбыл в Московскую епархию [9, с. 33]. Дальнейшую его судьбу проследить пока не удалось.

Другой рапорт о. Александра Сизого составлен 31 декабря 1894 года, в последние годы его службы:

«В Камчатскую Духовную Консисторь,
Причта и Старосты Благовещенскаго
Кафедрального Собора,
рапорт.

Причт и Староста вышеназваннаго Собора имеет при сем представить кружечную тетрадь и собранныя в 1894 году на палестинских поклонников денег два рубля. /2 р/

Кафедральный Протоиерей Александр [Сизой]
Декабрь 31 дн. 1894 года».

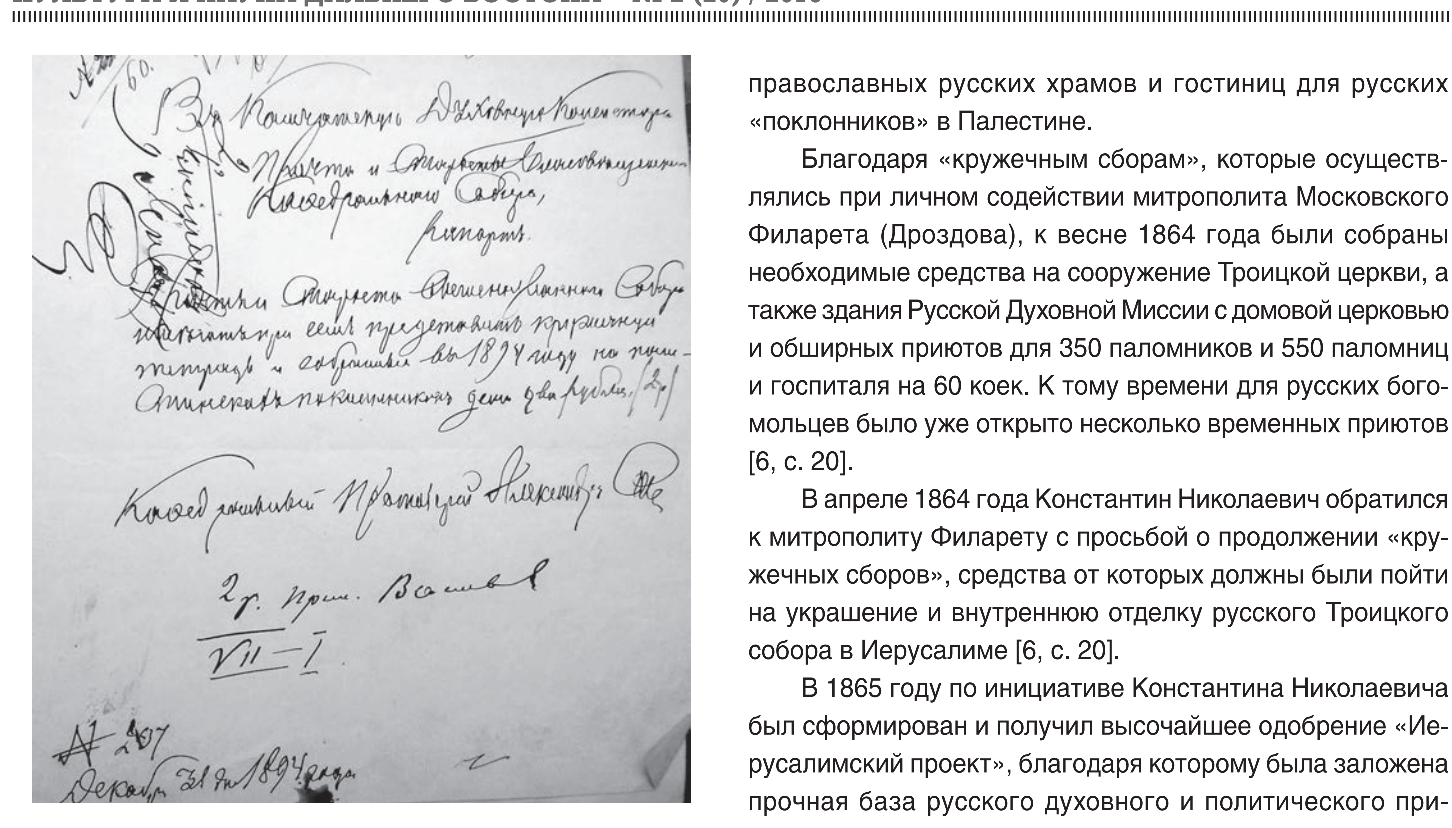
В этом рапорте речь идёт о сборе денег на помощь палестинским паломникам из России.

В 40-х годах XIX века Палестина входила в состав Османской империи и российские паломники, или, как их ещё называли, «поклонники» в Святую Землю, испытывали большие трудности: они были лишены политического покровительства, возможности молиться на родном языке, а также нормального бытового обслуживания. В связи с этим возник вопрос об учреждении в Иерусалиме представительства Русской Православной Церкви.

В 1847 году император Николай I издал Высочайший указ о создании в Иерусалиме Русской Духовной Миссии для содействия укреплению православия на Святой Земле, поддержания братских отношений с Иерусалимской Православной Церковью, а также для поддержки русских

47 Набедренник вручается священнику в качестве первой награды за усердное служение обычно не ранее, чем через 3 года после рукоположения, о. Иасон Эрумнозов получил его через 9 лет.

48 Протодиаконов Александр (1835–1902) — протоиерей, миссионер нанайского народа в низовьях Амура, глава Горинской туземной духовной миссии. Составил «Туземный словарь» и «Грамматику гольдского языка». За эти книги был награждён серебряной медалью, а за издание работы «Миссионерская работа в Амуро-Горинском стане» — золотой медалью Императорского Русского географического общества. В 1878 г. был назначен благочинным всех уссурийских церквей. Строил в стойбищах церкви и часовни, открывал церковно-приходские школы. В 1888 г. стал настоятелем хабаровской Свято-Иннокентьевской церкви. С 1895 г. был назначен настоятелем Градо-Хабаровского Успенского собора. В 1898 г. избран депутатом от духовного ведомства в Хабаровскую городскую думу. В 1902 г. был священником полковой церкви 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Въ Камчатскую Духовную Консисторію

рапортъ.

въ 1894 году

VII – I

№ 207

Декабря 21 дня 1894 года

Рапорт А. Сизого в Камчатскую духовную консисторию. 1894 г. (Фото автора.)

паломников. Эта миссия имела право на приобретение земельных участков и ведение строительства на них.

В 1859 году в Санкт-Петербурге был образован Палестинский комитет для принятия мер по устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников. Возглавил его брат императора Александра II, глава Морского министерства генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич[49].

После Крымской войны 1853–1856 годов в стране было тяжёлое финансовое положение, поэтому Константин Николаевич предложил использовать в деле обустройства паломников частную благотворительность. В православных храмах России был начат «кружечный сбор»[50] пожертвований, велась подписка средств в помощь паломникам. На вырученные деньги предполагалось строить приюты и больницы, нанимать на работу врачей и сестёр милосердия [6, с. 15].

В конце 50-х – первой половине 60-х годов XIX века была проведена основная часть работ по строительству православных русских храмов и гостиниц для русских «поклонников» в Палестине.

Благодаря «кружечным сборам», которые осуществлялись при личном содействии митрополита Московского Филарета (Дроздова), к весне 1864 года были собраны необходимые средства на сооружение Троицкой церкви, а также здания Русской Духовной Миссии с домовой церковью и обширных приютов для 350 паломников и 550 паломниц и госпиталя на 60 коек. К тому времени для русских богомольцев было уже открыто несколько временных приютов [6, с. 20].

В апреле 1864 года Константин Николаевич обратился к митрополиту Филарету с просьбой о продолжении «кружечных сборов», средства от которых должны были пойти на украшение и внутреннюю отделку русского Троицкого собора в Иерусалиме [6, с. 20].

В 1865 году по инициативе Константина Николаевича был сформирован и получил высочайшее одобрение «Иерусалимский проект», благодаря которому была заложена прочная база русского духовного и политического присутствия на святых местах. В короткий срок в Палестине были приобретены большие земельные участки, создана инфраструктура доставки и обслуживания паломников из России, открыто консульство в Иерусалиме [2, с. 6–7].

С 1864 года Палестинский комитет был преобразован в Палестинскую комиссию, которая просуществовала до 1889 года, а её капиталы и имущество были переданы Императорскому Православному Палестинскому Обществу (ИППО), созданному по Указу императора Александра III в 1882 году.

В 1884 году общее собрание ИППО поставило вопрос о предоставлении благотворительному обществу права открывать отделы в различных городах Российской империи. Главная цель создания отделов заключалась в активизации сбора пожертвований в пользу Русской Палестины, а также для достижения этой цели велась научно-популярная и пропагандистская работа среди широких слоёв православного населения по ознакомлению народа с историей Святой Земли и значением русского присутствия на Востоке [34].

Первый отдел был открыт в 1893 году в Якутске. В Камчатской же епархии (в Благовещенске) отдел был создан 23 июля 1897 года[51], уже после кончины А. Сизого[52]. Впоследствии региональные отделы ИППО действовали в 52 епархиях. Возглавляли их правящие архиереи, а вице-председателями являлись губернаторы и вице-губернаторы соответствующих губерний.

Несмотря на создание региональных отделов ИППО, сбор этот с каждым годом уменьшался, а расходы общества

49 Константин Николаевич (1827–1892) — великий князь, генерал-адмирал, сын российского императора Николая I, младший брат императора Александра II.

50 Кружечный сбор — один из самых древних видов благотворительности, известный в Европе со Средних веков. В России жестяные кружки с крышкой, в которой находилась прорезь, появились в конце XVIII века и ставились у входа в храм и в людных местах. По копейкам собирались солидные суммы: на них строились церкви и сиротские приюты, оказывалась помощь инвалидам разных войн и погорельцам.

51 В статье все даты приведены по старому стилю.

52 Александр Сизой скончался 28 мая 1897 г. в г. Благовещенске.

росли. Согласно раппорту протоиерея Александра Сизого, в Благовещенском кафедральном соборе за 1894 год было собрано на палестинских поклонников лишь 2 рубля. Всего же в 1894 году в церкви Камчатской епархии на улучшение быта православных в Палестине поступило 80 руб. 40 коп. По сравнению с другими епархиями это была очень незначительная сумма: больше всего было собрано в тот год во Владимирской епархии — 3 370 руб., а по России в среднем епархии сдавали по 500 руб. Меньше Камчатской епархии сбор был лишь в Полоцкой (59 руб. 76 коп.) и Рижской (72 руб.) епархиях. В целом в России в 1894 году на улучшение быта паломников собрали 43 263 руб. 70 коп. [8, с. 74–77].

В 1895 году сбор этот в Камчатской епархии вырос почти в 2 раза и составил 164 руб. 66 коп., а по России в целом несколько уменьшился — 42 938 руб. 27 коп. [8, с. 156–157].

Одной из причин низких сборов по Камчатской епархии могла быть небольшая численность православного населения. Другая же причина заключалась в том, что в конце XIX века в России существовало немало церковных сборов: «На устройство церквей», «В пользу Гроба Господня»[53], «В пользу православных церквей и школ западного края»[54], «На восстановление православия на Кавказе»[55], «На распространение православия между язычниками»[56], «На вспоможение духовенству», «На разоренных по разным случаям» [8, с. 156–157]. Поэтому православному человеку приходилось делать выбор, куда пожертвовать имеющиеся у него, как правило, ограниченные средства. Предпочтение отдавалось в пользу более понятных и близких ему видов деятельности: на постройку школы, на приходской храм, на нужды переселенцев и др. Помощь православным учреждениям далёкой Палестины не могла восприниматься как первостепенная [31, с. 122].

Таким образом, рапорты о. Александра Сизого, первого амурского священника, внёсшего неоценимый вклад в утверждение православия на дальневосточной земле, несмотря на свою немногословность, при детальном изучении раскрывают и дополняют отдельные исторические сведения о жизни и деятельности Камчатской епархии в XIX веке.

Что касается первого викарного епископа Якутии Павла, то его подробное письмо архиепископу Иннокентию даёт сегодняшним исследователям, с одной стороны, представление о нелёгкой миссионерской службе, с другой — глубже раскрывает личность этого выдающегося церковного деятеля, при том, что сегодня его жизнь и труды малоизучены.

Христианское просвещение Сибири, Дальнего Востока, Камчатки началось с их присоединения к Российскому государству, которое рассматривало распространение православия среди местного населения как важный фактор укрепления русской власти на новых территориях. Православная Церковь внесла заметный вклад в освоение этих далёких окраин. Проводя политику христианизации коренного населения, она повлияла на их мировоззрение, традиции и обычаи, культуру и уклад жизни, распространяла просвещение. Отношение населения к церкви, а через неё и к новой власти, во многом определялось личностью священнослужителей. Благодаря таким выдающимся православным миссионерам, как митрополит Иннокентий (Вениаминов), епископ Павел, протоиерей Александр Сизой и другие, православие мирно и быстро распространилось на востоке России.

Список использованных источников

1. *Булычов, И. Д. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1 : Якутская область, Охотский край / И. Булычов. — Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1856. — IV, 274 с.*
2. *Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Из предыстории ИППО / авт.-сост. К. Вах. — Москва : Индрик, 2012. — 178 с.*
3. *Вениамин (Благонравов; епископ). По Камчатской епархии / Вениамин (Благонравов; епископ) // Иркут. епархиал. ведомости. — 1869. — № 31. — С. 247.*
4. *Вести из Камчатки. От 10 сентября и 14 декабря 1866 года // Прибавления к Иркут. епархиал. ведомостям. — 1867. — № 23. — С. 299–300.*
5. *Воронин, В. Е. Роль Великого князя Константина Николаевича в обеспечении деятельности Русской Духовной Миссии в Палестине: по архивным документам / В. Е. Воронин // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Из предистории ИППО / авт.-сост. К. Вах. — Москва : Индрик, 2012. — 178 с.*
6. *Воронин, В. Е. Роль Великого князя Константина Николаевича в обеспечении деятельности Русской Духовной Миссии в Палестине: по архивным документам / В. Е. Воронин // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания : материалы конф. — Москва : Индрик, 2012. — С. 15–20.*
7. *Воспоминания о Преосвященном Павле, Епископе Камчатском // Иркут. епархиал. ведомости. — 1878. — № 2. — С.16–22.*
8. *Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1898. — XV, 427, 159.*
9. *Глотов, Н. Благодарность прихожан попечительному пастырю / Глотов Н. // Иркут. епархиал. ведомости. — 1876. — № 3. — С. 33–36.*
10. *Епархиальные распоряжения. (По Камчатской епархии) // Иркут. епархиал. ведомости. — 1872. — № 52. — С. 337.*
11. *Из Камчатки // Прибавления к Иркут. епархиал. ведомостям. — 1866. — № 4. — С. 47–48.*

53 Сбор в пользу Иерусалимской Православной Церкви.

54 Сбор на устройство церквей.

55 Сбор в пользу Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

56 Сбор в пользу Православного миссионерского общества.

12. *Известие // Прибавления к Иркут. епархиал. ведомостям. — 1866. — № 6. — С. 84.*
13. *Известия // Прибавления к Иркут. епархиал. ведомостям. — 1866. — № 12. — С. 158.*
14. *Иннокентий (Попов-Вениаминов И. Е., митрополит Московский и Коломенский). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского : 1855–1865. Кн. 2 / Иннокентий (Попов-Вениаминов И. Е., митрополит Московский и Коломенский) ; собр. И. Барсуковым. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1898. — VI, 496 с.*
15. *Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич; митрополит Московский и Коломенский). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского : 1865–1878. Кн. 3 / Иннокентий (Попов-Вениаминов И. Е., митрополит Московский и Коломенский) ; собр. И. Барсуковым. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1901. — VI, 398 с.*
16. *Кириллов, А. В. Материалы для христианской миссии на Амуре, со времени присоединения его к России до 1865 года / А. В. Кириллов // Камчат. епархиал. ведомости. — 1896. — № 1. — С. 1–10.*
17. *Кириллов, А. В. Материалы для христианской миссии на Амуре, со времени присоединения его к России до 1865 года / А. В. Кириллов // Камчат. епархиал. ведомости : отд. неофиц. — 1896. — № 24. — С. 481–495.*
18. *Максимов, С. В. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах) : Дорожные заметки и воспоминания / С. В. Максимов. — Санкт-Петербург : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1864. — 4, 588 с.*
19. *Маршрут Якутского епископа // Прибавления к Иркут. епархиал. ведомостям. — 1866. — № 9. — С. 116–118.*
20. *П. В. Кафедральный протоиерей А. П. Сизой / П. В. // Камчат. епархиал. ведомости : отд. неофиц. — 1897. — № 10. — С. 198–203.*
21. *П. В. Кафедральный протоиерей А. П. Сизой / П. В. // Камчат. епархиал. ведомости : отд. неофиц. — 1897. — № 12. — С. 245–253.*
22. *П. В. Кафедральный протоиерей А. П. Сизой / П. В. // Камчат. епархиал. ведомости : отд. неофиц. — 1897. — № 24. — С. 465–475.*
23. *Протодиаконов, А. К истории хабаровской церкви / А. Протодиаконов // Камчат. епархиал. ведомости. — 1894. — № 19. — С. 415–423.*
24. *Протоиерей Александр Сизой (1826–1897) // Благовещ. епархиал. ведомости. — 2016. — № 6 (110). — С. 7.*
25. *Рапорты командира транспорта «Гиляк», капитан-лейтенанта Энквиста // Мор. сб. — 1865. — № 12. — С. 75–76.*
26. *Распоряжения по Камчатской епархии // Иркут. епархиал. ведомости. — 1869. — № 19. — С. 131.*
27. *Сергучев, А. Е. Святитель Иннокентий (Вениаминов) и возрождение православных традиций в Якутском крае / А. Е. Сергучев, Е. С. Шишигин // Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях : материалы II науч.-практ. конф. Иркутск, 15 мая 2015 / отв. ред. С. Г. Ступин; науч. ред. С. В. Мельникова. — Иркутск, 2015. — С. 12-23.*
28. *Сизой, А. П. Сказание (сторожила) о первом в г. Благовещенске храме во имя Святителя Николая, Мирликийского Чудотворца / А. П. Сизой // Камчат. епархиаль. ведомости : отд. неофиц. — 1894. — № 1. — С. 13–19.*
29. *Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии : 1750–1900 / сост. Н. Малицкий. — Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1902. — 336 с.*
30. *Сулоцкий, А. Заметки к статье: «Воспоминания о преосвященном Павле, епископе Камчатском» / А. Сулоцкий // Иркут. епархиал. ведомости. — 1878. — № 25. — С. 286–289.*
31. *Цысь, В. В. Финансовые основы функционирования западносибирских отделов Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX – начале XX в. / В. В. Цысь, О. П. Цысь // Вестн. Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. Сер II, История. История Рус. Православ. Церкви. — 2015. — Вып. 1 (62). — С. 112–124.*
32. *Дацышен, В. Г. Епископ Енисейский и Красноярский Павел (Попов) [Электронный ресурс] / В. Г. Дацышен // Касьяновский дом : Музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского края. — [Красноярск, 2015]. — Режим доступа : http://kasdom.ru/r_kultura/4222/, свободный. — Загл. с экрана.*
33. *Ермацанс, И. А. Священник Иасон Эрумнозов [Электронный ресурс] / И. А. Ермацанс // Мир Вам! Личная страница игумена Варфоломея. — [Ивановка, 2009]. — Режим доступа : http://www.ioann-bogoslov.ru/all/pr/iason.htm, свободный. — Загл. с экрана.*
34. *История создания ИППО [Электронный ресурс] // Императорское Православное Палестинское Общество. — [Москва, 2013]. — Режим доступа : http://www.ippo.ru/historyippo/, свободный. — Загл. с экрана.*

Материал поступил в редакцию 23.12.2016 г.

Сведения об авторе: Воропаева Александра Валерьевна, заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: тел. (4212) 31-23-23.

ЗЕМЛЯНСКИЙ ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ

ТЕХНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ЯПОНИИ И РОССИИ В ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1904–1905 гг.

(по материалам фонда читального зала редкой книги Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета)

В статье рассматривается техническое состояние русской и японской армий в военной кампании 1904–1905 гг. Русской и советской историографией накоплен значительный материал по изучению опыта Русско-японской войны, который требует всестороннего исследования. Автор статьи использовал разнообразные источники, посвящённые данному вопросу.

Ключевые слова: Российская империя, Дальний Восток, Маньчжурия, Китай, Корея, японский милитаризм, военная промышленность, морской флот, сухопутная армия, Русско-японская война 1904–1905 гг., КВЖД.

Keywords: Russian empire, Far East, Manchuria, China, Korea, Japanese militarism, military industry, navy, land army, Russian-Japanese war of 1904–1905, Chinese Eastern railway.

Морской флот воюющих стран

В 1890-е гг. Россия и Япония были несоизмеримыми величинами на море: Япония имела только один броненосец «Чин-Иен», взятый у китайцев, Россия же — 16 эскадренных броненосцев. В начале XX столетия Япония сделала скачок в наращивании морского флота. Только в 1903 году японский флот получил «4 военных судна: три по 15 000 тонн водоизмещения, а четвёртое — 15 200 тонн. Такой же шаг сделала Япония и для усиления средств флота крейсерового, миноносного и берегового. Шесть броненосных крейсеров 1 ранга, 9 защитных крейсеров 1 ранга, 5 защитных быстроходных крейсеров 2 ранга, 2 минных крейсера, 34 мореходных миноносца, минный транспорт, 66 береговых миноносцев — вот что было заказано японцами в 1897 году и было ими получено в 1901–1903 годах. До этого они уже имели 1 защитный крейсер 1 ранга, 1 защитный крейсер 2 ранга, 12 защитных крейсеров 3 и 4 рангов, 1 минный крейсер, 1 мореходный миноносец, 24 береговых и, кроме того, суда старого типа — броненосный фрегат, 2 броненосных канонерки, 3 крейсера, 3 корвета, 15 канонерок и ещё несколько судов. Все эти громадные затраты на флот делались для того, чтобы померяться силами с Россией» [10, с. 4–5]. Японский флот насчитывал до 170 судов различных типов и назначений, с экипажем около 32 тысяч человек [2, № 12, с. 11]. Часть их кораблей погибла в сражениях, как, например, «Хатсузе», «Иошино» и проч., но японцы тщательно скрывали потери, так что число морских сил, выведенных из строя, установить невозможно.

Морская артиллерия японских судов состояла из новейших образцов, изготовленных на английских заводах и заводах Круппа. Орудия японского флота по калибрам распределяются следующим образом: 12 ½ дюйма — 3; 12 дюймов — 28; 10 дюймов — 4; 8 дюймов — 38; 6 дюймов — 228; 4,7 дюйма — 106; 3 дюйма — 234; прочие мелкие скорострельные орудия. Японский военный флот представлял собой серьёзную военную силу и способен был к наступательным действиям против любого флота. Он находился в весьма благоприятных условиях, имея возможность базироваться на длинную линию японского архипелага и владея внутренним морем с прекрасной центральной позицией в Корейском проливе.

Важным преимуществом японского флота являлось однообразие типов и вооружения, что облегчало маневрирование и снабжение судов боевыми припасами, а также близость его к хорошо оборудованной базе [5, с. 11].

Состав нашего флота на Дальнем Востоке перед войной показан в таблице 1 [5, с. 12].

Русские военные суда были следующие (из них погибшие в начале войны указаны в скобках):

• Эскадренные броненосцы «Пересвет», «Победа», («Петропавловск»), «Полтава», «Ретвизан», «Севастополь», «Цесаревич» [2, № 12, с. 11].

• Крейсеры 1-го ранга («Рюрик»), «Богатырь», («Варяг»), «Аскольд», «Паллада», «Диана», «Баян», «Россия».

• Крейсеры 2-го ранга («Новик»), («Боярин»), «Алмаз», «Джигит», «Разбойник», «Забияка».

• Мореходные канонерские лодки «Гремящий», «Отважный», «Гиляк», «Манджур», («Сивуч), «Бобр» и («Кореец»).

• Минные транспорты «Амур», «Енисей» и несколько мелких.

• Миноносцы и истребители «Боевой», «Бесстрашный», «Бдительный», «Бесшумный», «Беспощадный», «Быстрый», «Безупречный», «Блестящий», «Бодрый», («Буйный»), «Бравый», «Бедовый», «Бурный», «Бойкий», «Внушительный», «Выносливый», «Внимательный», «Властный», «Грозовой», «Сильный», «Сторожевой», «Стерегущий», («Страшный»), «Стройный», «Статный», («Решительный»), «Разящий», «Расторопный» и несколько миноносок [2, № 12, с. 12].

Накануне похода 2-й Тихоокеанской эскадры З. П. Рожественского была опубликована статья «Плавание Балтийской эскадры», содержащая данные русского и японского флотов.

Таблица 1. Состав русского флота на Дальнем Востоке.

	Число судов	Водоизмещение, тонна	Скорость хода, узел	Число орудий
Броненосцы	8	97 000	16–19	514
Броненосные крейсеры	5	50 000	17–21	286
Крейсеры 1-го класса	6	38 000	20–24	240
Крейсеры 2-го класса	3	9 500	19–25	51
Минные крейсеры	2	800	21	22
Истребители	29	10 000	27	203
Миноносцы	16	2 700	18–23	–
Мореходные канонерские лодки	7	8 500	11–15	97
Разные суда	7 (устаревшие)	31 400	13–20	106
Итого флота	83	250 000	–	1 519

В Порт-Артуре флот состоял из 5 броненосцев, 2-х крейсеров 1-го ранга, 3 крейсера находились во Владивостоке; эскадра З. П. Рожественского имела большее наличие флота, которое так и не пригодилось в сражении, — 7 броненосцев, 4 крейсера 1-го ранга, 4 крейсера 2-го ранга (современные). Японский флот состоял из современных судов, которые не нужно было «чинить», как суда Балтийской эскадры после длительного похода, — 5 броненосцев 1-го класса, 8 крейсеров 1-го класса, 7 крейсеров 2-го класса [3, с. 627–628].

Состав русского и японского флотов до вступления в военные действия эскадры Рожественского отображён в таблице 2 [3, с. 628].

Из таблицы видно, что сама по себе эскадра адмирала З. П. Рожественского была сильнее японского флота по количеству броненосцев, а слабее — по крейсерам. Если бы все наши эскадры соединились, то русский флот имел бы численное преимущество. Но этого, как известно, не произошло, японский флот, как показали события, не позволил это сделать в силу своих продуманных действий. Японский флот имел существенное преимущество перед нашим флотом: он держался вместе, представлял собой компактную единицу, в то время как наш, более многочисленный флот, был разделён на три отдельные части. Главное преимущество японского флота, как отмечалось ранее, заключалось в его однообразном вооружении, что позволяло быстро пополнять суда новыми снарядами и орудиями.

В лаконичной форме оценку поражения русского флота дала созданная военно-историческая комиссия, издавшая многотомный труд, в котором была отображена полная картина действий морского флота в кампании 1904–1905 гг.: «На море мы ещё понесли крупное поражение. 28 сентября 1904 года из Либавы вышла эскадра, сформированная из разнотипных и частью устарелых судов Балтийского флота. Прежде чем она дошла до Тихого океана, Порт-Артурская эскадра была уничтожена, и Порт-Артур пал. Наша 2-я эскадра Тихоокеанского флота в боевом отношении была слабее 1-й, и благоразумие требовало не рисковать ею, так как на море оборона ещё более не выгодна, чем на суше, и положение слабейшего является безвыходным: в лучшем случае, он обречён на бездействие в своих портах.

Таблица 2. Состояние русского и японского флотов.

Название судов	Водоизмещение, тонна	Принадлежность к эскадре	Название судов	Водоизмещение, тонна
Русский флот			**Японский флот**	
Броненосцы			*Броненосцы 1-го класса*	
Ретвизан	12 900	Порт-Артурская эскадра	Миказа	15 352
Победа	12 695		Асахи	15 200
Пересвет	12 695		Шикишима	14 850
Полтава	10 960		Фуджи	12 649
Император Александр III	13 516	Эскадра адмирала Рожественского	Яшима	12 517
Князь Суворов	13 516		*Крейсеры 1-го класса*	
Орёл	13 516		Нисин	7 583
Бородино	13 516		Касуга	7 583
Ослябя	12 674		Ивате	9 800
Наварин	10 206		Идзумо	9 800
Сисой Великий	10 400		Токиво	9 755
Крейсеры 1-го ранга			Азама	9 755
Баян	7 726	Порт-Артурская эскадра	Адзума	9 460
Паллада	6 731		Якумо	9 800
Россия	13 675	Владивостокская эскадра	*Крейсеры 2-го класса*	
Богатырь	6 615		Читозе	4 760
Громобой	13 880		Касаги	4 760
Аврора	6 731	Эскадра адмирала Рожественского	Такасаго	4 300
Олег	6 615		Хашидате	4 277
Дмитрий Донской	6 000		Мацушима	4 277
Адмирал Нахимов	8 524		Идаукушима	4 277
Крейсеры 2-го ранга (современные)			Нанива	3 700
Жемчуг	3 103	Эскадра адмирала Рожественского		
Изумруд	3 103			
Алмаз	3 285			
Светлана	3 727			

Но существовала надежда, что хотя часть её пробьётся во Владивосток и несколько усилит наше положение на Дальнем Востоке. Эта задача могла быть выполнена, если бы мы направили только лучшие и более быстроходные суда. Мы же поступили наоборот и задержали с конца 1904 года до марта 1905 года эскадру у берегов Мадагаскара, чтобы усилить её слабыми броненосцами адмирала Небогатова. Собралось всего 11 броненосцев, 10 крейсеров и 9 миноносцев. Обременённая небоевыми судами, эскадра под флагом адмирала Рожественского после семимесячного плавания 14 мая близ острова Цусимы была атакована эскадрой адмирала Того, успевшей починиться и использовать уже опыт боевых действий под Артуром, с обстрелянным личным составом, лучшей артиллерией, фугасными снарядами, действительными на дистанциях, на которых наши бронебойные снаряды уже являлись бессильными, лучшей бронёй и более скорым ходом. Сблизившись сразу на дистанцию решительного боя, маневрируя перед головой нашей растянувшейся эскадры и последовательно сосредоточивая огонь на концевых кораблях, японцы быстро взяли верх, несмотря на геройские усилия наших моряков, сражавшихся в совершенно безнадёжных условиях. 7 броненосцев, 6 крейсеров и 4 вспомогательных судна были затоплены, 3 старых и 1 новый, но совершенно избитый, сдались, 3 крейсера разоружились в Маниле и только 1 малому крейсеру с 2 миноносцами удалось проскользнуть во Владивосток. 5 000 моряков было убито и утонуло. Японские потери ограничились тремя миноносцами, 116 убитыми и 538 ранеными. Неудачи нас вывели из равновесия, и у нас не хватило трезвости мысли, чтобы заблаговременно учесть недостатки эскадры и отказаться от похода в Тихий океан» [11, с. 383–384]. Как считал командующий русскими сухопутными войсками Алексей Николаевич Куропаткин, «Главную роль в войне с Японией должен был играть наш флот. Если бы наш флот одержал успех над японским, то и военные действия на материке стали бы излишни» [4, с. 207].

Неожиданным, внезапным ночным нападением на наш флот в Порт-Артуре, ранее объявления войны, Япония приобрела временный перевес в броненосном флоте и широко воспользовалась им, получив господство на море. «Наш флот, особенно после гибели адмирала С. О. Макарова, в самый важный период борьбы сосредоточения японских войск, не оказал никакого сопротивления японцам. При высадках их даже вблизи Порт-Артура мы не делали попыток помешать этим операциям. Последствия такого положения получились весьма тягостные для сухопутной армии» — писал А. Н. Куропаткин [4, с. 208].

Техническое оснащение сухопутных армий в военной кампании 1904–1905 гг.

Известно, что связь тыла с фронтом, своевременное снабжение армии и флота вооружением, провиантом и людскими ресурсами обеспечивается железнодорожными перевозками, поэтому для технического оснащения русской армии имело важное значение состояние железных дорог, их пропускная способность. Строитель Сибирской железной дороги, инженер-публицист И. Табурно в своей книге «Правда о войне» в главе «Причина наших неудач» отмечал следующее: «Главная причина всех наших неудач в настоящей войне заключается, по моему мнению, в том, что мы имеем на театре войны всего лишь одну коммуникационную линию — пару рельс Китайско-Восточной железной дороги и такую же пару рельс Сибирского пути, по которым и доставляем как войска, так и военные грузы. Но если мы были бессильны увеличить до потребных размеров провозоспособность Сибирской железной дороги, то имели полную возможность создать на самом театре войны ещё две коммуникационных линии для более успешного ведения военных операций, передвижения войск, военных и продовольственных грузов» [12, с. 166–167].

То есть для того, чтобы увеличить пропускную способность двух железных дорог (КВЖД и Транссиба), по мнению И. Табурно, требовалось построить две соединительные с ними ветки в местах проведения военных операций. Но, поскольку этого не было сделано («мы словно приклеились к Китайской железной дороге и даже не пытались от неё отойти», [12, с. 168–169]), связь тыла с фронтом была не везде достаточной.

В апреле 1904 года провозоспособность Сибирской магистрали довели до 6 пар поездов, а Южно-Маньчжурской ветви — до 7 пар. Недостаточная пропускная способность железных дорог помешала перебросить на театр войны к Ляоянскому сражению 1-й армейский и 6-й Сибирский корпуса, что увеличило бы русские войска на 60 батальонов. Это не позволило при огромных людских ресурсах создать ощутимый численный перевес русской армии — под Ляояном к началу сражения русское командование сумело сосредоточить лишь 160 000 человек против 125 000 японцев.

В своём «всеподданнейшем» докладе Николаю Второму А. Н. Куропаткин доказывал необходимость прокладки второй колеи по всей Сибирской магистрали и КВЖД, считая, что нормальная связь театра войны с центром должна поддерживаться 48 парами поездов в сутки, однако осуществить его пожелание не удалось [6, с. 293].

Вне территории, обслуживаемой Китайско-Восточной железной дорогой, действовали, как и в Крымскую войну,

обозы, которые, естественно, не могли обеспечить своевременную доставку необходимого провианта, снаряжения и военной силы.

Таким образом, армия не была полностью обеспечена полевыми железными дорогами и не хватало средств для устройства подъездных путей в целях организации тыла, поэтому постоянно ощущался большой недостаток пулемётов, тяжёлой артиллерии, горных орудий и различных технических средств.

Несвоевременная переброска на Дальний Восток войсковых соединений задерживала восстановление численности русской армии. Например, с 1 мая по 1 октября 1904 года Маньчжурская армия потеряла убитыми, ранеными и больными около 100 000 человек, а прибыло на укомплектование за эти 5 месяцев только 21 000. Почти весь период войны русские войсковые соединения находились в некомплекте. Только ко времени заключения мира Россия сумела сосредоточить на Дальнем Востоке и снабдить всем необходимым вооружением миллионную армию.

Японцы не знали некомплекта: убыль в войсках немедленно пополнялась из особых резервов укомплектований, которые были сосредоточены на театре войны [6, с. 293].

Отсталость русской армии выразилась в недостатке технических войск и средств: телефонно-телеграфных, сапёрных и прочих. Армия не была полностью обеспечена инструментом, колючей проволокой, подрывным имуществом. Также слаба была техника русской артиллерии, несмотря на превосходство отечественного орудия над японским. Единственный вид снаряда — шрапнель, не давала разрушительного действия, в то время как японцы разрушали русские укрепления своим огнём.

Длительное время Россия не имела горной артиллерии, которую ни в какой мере не могла заменить полевая артиллерия в горной и бездорожной местности. Большое количество горной артиллерии у японцев давало им серьёзное преимущество. Только к Мукденскому сражению русская армия была снабжена небольшим числом горных батарей, к тому же выступила на войну без гаубиц. Единственная гаубичная батарея прибыла на театр войны перед заключением мира. Соотношение сил в пулемётах тоже было далеко не в пользу русской армии. Лишь ко времени заключения мира она насчитывала у себя 374 пулемёта [6, с. 295].

Уже в первый период войны японцы, убедившись в значении в бою пулемётов, успели вооружить свою армию многочисленными пулемётами.

Техника управления у японцев была богаче. Телефон применялся более широко. В горах были задействованы сигнальные средства, в основном гелиограф. Методы управления в японской армии были более гибки: войсковым начальникам ставились только цели, но средства их достижения избирались, как правило, исполнителями [6, с. 300].

«Организация японских войск, их снаряжение и обозы были более приспособлены к местному театру военных действий. Японцы располагали большим, чем у нас, числом сапёрных частей» [4, с. 210].

В 1900 году японская армия была перевооружена магазинным пятизарядным ружьём Арисака образца 1897 года с прицелом до 2 000 м, калибром в 2,56 лин. Ружьями системы Мурата были вооружены запасные и территориальные войска. Эти ружья имели большую прицельную дальность, но меньшую начальную скорость. К ружью Арисака примыкался в случае надобности штык-кинжал, а к ружью Мурата — штык-сабля. Конница имела на вооружении сабли и ружья Арисака облегчённого образца. Носимые и возимые запасы по 300 патронов на одно ружьё впоследствии были значительно увеличены.

Полевая и горная артиллерия была вооружена 75-мм пушками системы Арисака образца 1898 года с предельной установкой дистанционной трубки на 4 км. Горной артиллерией были снабжены 6 дивизий из 13. В крепостной и осадной артиллерии имелись крупповские пушки более крупных калибров, вплоть до 280-мм гаубиц. Японская артиллерия не имела щитов и откатного компрессора, то есть не была скорострельной, а точность стрельбы затруднялась крутизной траектории.

Собственная военная промышленность Японии находилась в зачаточном состоянии. В Осакском арсенале орудия изготовлялись только в небольшом количестве, и Япония должна была ввозить артиллерию, равно как и пулемёты, из-за границы. Япония вообще не обладала технической самостоятельностью. Даже ружьё Арисака, в сущности, не отличалось от немецкого ружья [7, с. 110].

Русская артиллерия всё чаще пользовалась закрытыми позициями и устанавливала более тесную связь с пехотой, которая начинала ценить силу артиллерии [8, с. 23].

Оказывается, почти все наличные силы японцы выдвигают на первые линии. Основным правилом их полководцев служит лозунг «Наибольшее напряжение в первый момент». Японские военные стараются прежде всего щедро пользоваться артиллерийским огнём и в бывших до сих пор полуавангардных сражениях сосредоточивают его в подавляющих массах, применяют систему так называемых огненных ураганов. Забрасывают снарядами целые площади, обстреливают даже единичных всадников и т. д.

Французские военные органы, указывая на превосходство японской артиллерии, замечают, что в сражении у Вафангоу 12 японских батарей, сосредоточив свой огонь на тринадцати орудиях противника, уничтожили их. Этим систематичным огнём, делая залпом по 10 выстрелов

и выпуская из каждого снаряда по 250 пуль, японцы в несколько минут осыпали русскую позицию градом из 180 000 пуль [9, с. 509].

Выводы о технической готовности армии и флота

Некоторые отечественные исследователи, особенно советские, связывают главную причину поражения в военной кампании 1904–1905 гг. с экономической и военно-технической отсталостью Российской империи, что является спорным суждением. Следует вспомнить, что все страны, в том числе Россия и Япония, накануне войны пережили экономический кризис 1900–1903 гг., так что в экономическом плане воюющие стороны находились примерно в равных условиях. Техническое военное превосходство Японии заключалось в полной милитаризации экономики, в нашей стране этого не происходило, хотя бюджетные расходы на вооружение армии и флота росли.

Война выявила слабое использование Россией технических возможностей железнодорожного и речного транспортов. Речные пути при организации русского тыла вовсе не были использованы.

В противовес японскому командованию, принявшему своевременно меры к оборудованию грунтовых дорог, русское командование только думало об этом, но ничего не сделало за отсутствием инструмента и руководящего технического персонала. Некоторые попытки организовать дорожные работы путём привлечения китайской рабочей силы встретили сопротивление со стороны местных жителей, которые, запуганные японцами, под различными предлогами уклонялись от содействия русской армии.

Для организации подвоза вооружения командование царской армии в июле 1904 года собрало из имеющихся средств 50 гужевых и 10 вьючных транспортов, громоздкость которых побудила Куропаткина частично передать их в роты, державшие этот транспорт в обозе первого разряда. Недостаток гужевого транспорта потребовал формирования второй его партии из местных средств, однако противодействие населения, настроенного враждебно к русским военным, затянуло этот процесс вплоть до окончания войны [8, с. 31].

В ходе военных действий проявилось стратегическое значение приморских, или береговых, крепостей. Служа для обеспечения приморской границы государства от неприятельского нападения, они имели цель охранять от бомбардирования города и находящиеся в них военные и коммерческие порты, арсеналы и разные морские сооружения. Приморские крепости, заключающие в себе военные порты, имели для флота такое же значение, как для армии укреплённые лагеря [2, № 19, с. 13].

Война показала, что в условиях, когда массовая армия оснащается большим количеством скорострельной артиллерии, пулемётов, магазинных винтовок, когда используются технические средства связи (телефон, телеграф, радио), боевые действия приобретают большой размах и в бою, и в сражениях с наличием таких форм оперативного манёвра, как обходы и охваты. Оборонительные позиции, тянувшиеся на многие десятки километров, занимались войсками и оборудовались окопами, блиндажами, проволочными заграждениями и другими искусственными препятствиями. Создавалась система огня, обеспечивавшая отражение массовых атак пехоты противника.

Применение скорострельной артиллерии, пулемётов, магазинных винтовок и других новых средств борьбы оказало глубокое влияние на тактику. Значительно возросла роль огня в бою, что требовало постоянного изменения способов ведения боя. Рост эффективности артиллерийского и пулемётно-ружейного огня потребовал существенного снижения тактических плотностей пехоты как в наступлении, так и в обороне. Если в начале Русско-японской войны пехотная дивизия наступала в полосе 2 км, то уже в конце полоса наступления дивизии равнялась 3–3,5 км (соответственно и полоса обороны дивизии возросла с 2-х до 5 км). Чтобы снизить потери от всех видов огня, боевые порядки рассредоточивались по фронту и в глубину, а стрелковые цепи становились более редкими.

Необходимо отметить, что Япония без помощи других государств ни в экономическом, ни в финансовом, ни в военном отношении не могла бы играть самостоятельной роли. Благодаря такой помощи вооружённые силы Японии перед войной 1904–1905 гг. были передовыми как в техническом

Таблица 3. Расходы на русскую армию и флот, млн руб.

	1901 г.			1906 г.			Рост расходов, %
	армия	флот	всего	армия	флот	всего	
Россия	358,8	93	451,8	416,9	111,6	528,5	17
Германия	347,9	106,4	454,3	354,4	123,5	477,9	5,2
Франция	259,9	122,9	382,8	269,5	121,9	391,4	2,2
Австрия	107,7	12	119,7	112,6	8.6	121,2	1,3
Италия	100,9	46,1	147	103,9	52,2	156,1	6,2

оснащении, так и в тактике ведения боя и выучке личного состава. Японская сухопутная армия имела по отношению к русской армии превосходство в артиллерии, огонь которой был более интенсивным. На флоте японские корабли обладали гибкой манёвренностью и большей скоростью хода.

Военное руководство России тщательно изучило уроки войны для проведения реформы в армии и флоте. В докладе русскому правительству С. Ю. Витте в 1908 году отмечал, что «по произведённым затратам на военную оборону государства и по росту этих затрат Россия не только не отстаёт от других государств, но занимает среди них первенствующее место» [1, с. 11] и приводил в доказательство неопровержимые факты (см. таблицу 3).

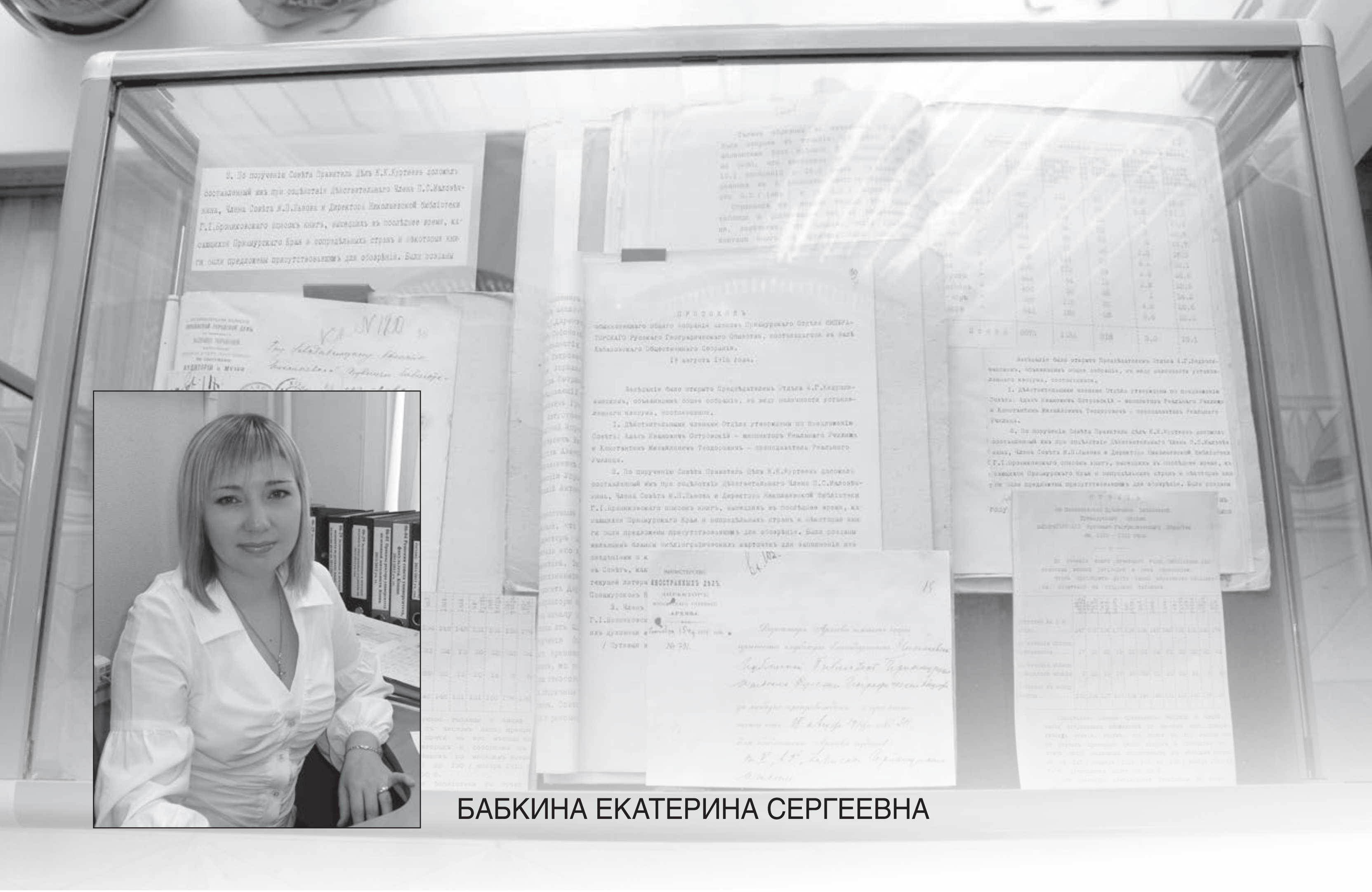
Пересмотр военно-морской стратегии, увеличение государственных расходов на материально-техническое оснащение армии и флота позволило России после Русско-японской войны 1904–1905 годов занять ведущее место среди военно-морских держав мира.

Список использованных источников

1. *Витте, С. Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчёта генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией / С. Ю. Витте. — Санкт-Петербург: Тип. Штаба отд. корпуса погранич. стражи, 1908. — 380 с.*
2. *Война с Японией : еженед. ил. журн. — 1904. — №№ 1, 4–6, 9, 12, 19.*
3. *Дневник войны. Летопись русско-японской войны. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Тип. «Биржевые ведомости», 1904. — 836 с. — Бесплат. прил. к газ. «Биржевые ведомости».*
4. *Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. — Изд. 2-е. — Berlin : J. Ladyschnikow Verlag GmbH, 1911. — 557 с.*
5. *Иллюстрированная хроника русско-японской войны.— 1904. — 8 февраля (№ 1). — Прил. к газ. «Русь».*
6. *Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. / Н. А. Левицкий. — Москва : Гос. воен. изд-во, 1935. — 316 с.*
7. *Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. / Н. А. Левицкий. — Москва : Государственное воен. изд-во, 1936. — 383 с.*
8. *Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. / Н. А. Левицкий. — Москва : Воениздат, 1938. — 88 с.*
9. *Нива : ил. журн. лит., политики и соврем. жизни. — 1904. — № 26.*
10. *Русско-японская война 1904–1905 гг. Смерть адмирала С. О. Макарова и гибель броненосца «Петропавловска». — Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904 г. — 36 с.*
11. *Русско-японская война 1904–1905 гг. По документальным данным труда военно-исторической комиссии и другим источникам А. Свечина, Генерального штаба подполковника. Очерк Порт-Артурской операции Ю. Д. Романовского, Генерального штаба подполковника. — Ораниенбаум : Изд. офицер. стрелковой шк., 1910. — 387 с.*
12. *Табурно И. Правда о войне / И. Табурно — Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1905. — 233 с.*

Материал поступил в редакцию 05.12.2016 г.

Сведения об авторе: Землянский Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, заведующий читальным залом редкой книги Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: igor.ze@mail.ru; тел. 8-924-130-59-18.

БАБКИНА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ (А. И. МИТРОПОЛЬСКИЙ) НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Статья посвящена изучению творческого наследия известного поэта русского зарубежья Дальнего Востока Арсения Ивановича Митропольского, выступавшего на страницах эмигрантской печати под псевдонимом Арсений Несмелов. Опираясь на материалы архивов, воспоминаний, публикаций эмигрантской прессы, автор вводит в научный оборот неизвестные факты творческой биографии поэта, определяет его вклад в становление и функционирование деполитизированной и политически ангажированной периодической печати русского Китая для детей и молодёжи, открывает современному читателю ранее не публиковавшиеся в России стихотворные произведения автора, считавшиеся утраченными. Статья адресована исследователям истории отечественной литературы и журналистики, детской литературы, преподавателям средней и высшей школы.

Ключевые слова: А. Несмелов (А. И. Митропольский), эмиграция, Дальний Восток, дети, молодёжь, периодическая печать.

Keywords: A. Nesmelov (A.I. Mitropolsky), emigration, Far East, children, young people, periodicals.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта № 16-34-01005.

Творчество Арсения Несмелова, одного из самых ярких представителей восточной ветви русской эмиграции, уже давно стало объектом пристального читательского и исследовательского интереса. Несмотря на обилие беллетризованных воспоминаний и научно-исследовательских работ, посвящённых жизни и изучению художественного наследия поэта, многое в его творческой биографии остаётся ещё не исследованным.

Анкетные данные, сохранившиеся в архивах Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) и составляющие в настоящее время фонды Государственного архива Хабаровского края, воспоминания современников, публикации периодических изданий русского Китая 1920–1940-х годов помогают восполнить имеющиеся пробелы и определить творческий вклад А. Несмелова в процесс становления и функционирования периодической печати для детей и молодёжи дальневосточного зарубежья.

Арсений Иванович Митропольский родился 6 (20) июня 1889 года в Москве. Печататься начал в 23 года. С 1915-го по 1924 год были опубликованы «Военные странички: стихи и рассказы», книга «Стихи», сборник стихотворений «Уступы», поэма «Тихвин». Участник Первой мировой войны. Награждён орденом Станислава третьей степени, орденом Анны третьей степени с мечами и бантом [1]. С армией А. В. Колчака через Сибирь прибыл на Дальний Восток. Во Владивостоке в память о друге, убитом в бою под Тюменью, взял псевдоним Несмелов.

Прибыл в Маньчжурию в 1924 году, поселился в Харбине. Зарабатывал на жизнь литературным трудом: печатался в различных периодических изданиях, в том числе под псевдонимами Анастигмат, Тётя Розга, Н. Рахманов, Мпольский, Н. Арсеньев, Арсений Бибиков, Николай Дозоров [7, с. 685].

В 1928 году на страницах рождественского номера приложения «Юный читатель “Рупора”», издаваемого Е. С. Кауфманом, было опубликовано стихотворение А. Несмелова, посвящённое его дочери, Наталии Арсеньевне Митропольской, некоторое время жившей с отцом в Харбине, а в начале 1930-х годов выехавшей с матерью в СССР. В силу специфичности адресата данное стихотворение не вошло ни в один из прижизненных и посмертных сборников поэта и долгое время оставалось неизвестным современному читателю. Лишь в 2006 году исследователь В. Резвый при подготовке собрания сочинений А. Несмелова обнаружил в газете «Рупор» это стихотворение и опубликовал его вместе с другими произведениями поэта [10]. Однако до сих пор оно остаётся малознакомым современному читателю и заслуживает полного цитирования:

Наташе

Гостил я у старушки,
У бабушки Яги;
Живёт в лесу, в избушке,
Спина кривей дуги,

Весь день не слазит с печки,
Ужасно плох обед.
В избе не только свечки,
Но спичек даже нет.

И я, ничуть не труся,
У бабушки спросил:
«Должно быть ты, бабуся,
Совсем лишилась сил?

Куда ступу девала
С пестом и помелом,
В которой ты, бывало,
Неслась в лесу густом?»

Она: «Пройдусь я пешей,
Велик ли чин Яги?
Ступу-то отнял Леший
За старые долги.

Изба без курьих ножек,
В овраг сползает сруб:
Из них, лукавить что же,
Я год варила суп.

Иль гибнуть с голодухи?
Лишь травка на обед…
И так-то у старухи
Совсем здоровья нет!»

Гляжу, под лавкой вилы,
В углу топор торчит…
«Ты девочек ловила
И жарила в печи?»

«Пустые, парень, слухи,
А ты, чай, грамотей!
И пальцем, верь старухе,
Не трогала детей.

Питалась травным соком,
Да кушала кору,
И только ненароком
Пугала детвору».

Молчит. На тёмной печке
Жуёт пучок травы.
Над нею, словно свечки,
Горят глаза совы.

И кот, большой котище,
Зеленоглазый кот,
О грудь старухи нищей
Лениво спину трёт.

Идёт и песню тянет,
Ну прямо жаль до слёз!
И дал я старой пряник
И пару папирос [5, с. 17].

Рождение дочери, а затем и болезненный разрыв с семьёй, во многом вызванный беженскими трудностями, актуализировали в творчестве А. Несмелова детскую тему. В рассказах «Дети», «Второй московский», «Герр Тицнер», «Вредители», «Золото» и других произведениях предметом осмысления становится судьба ребёнка в эпоху социальных потрясений. А знаменитое, уже хрестоматийное, стихотворение 1942 года «Ламоза» воссоздаёт типичную историю послевоенных лет, когда детей-сирот русских эмигрантов покупали или усыновляли китайцы:

Синеглазый и светловолосый,
Вышел он из фанзы на припёк.
Он не знал по-нашему ни слова,
Объясниться он со мной не мог.
Предо мною с глиняною кружкой
Он стоял, — я попросил воды, —
Пасынок китайской деревушки,
Сын горчайшей беженской беды!
Как он тут? Какой семьи подкидыш?
Кто его купил или украл?
Бедный мальчик, тайну ты не выдашь,
Ведь уже ты китайчонком стал! <…>

Эпистолярное наследие А. Несмелова и воспоминания бывших харбинцев свидетельствуют о тёплом, внимательном отношении поэта к детям. Так, в переписке с эмигранткой Л. Хаиндровой он, обращаясь к её дочери, пишет: «У меня, милая Танюша, есть поэма о славном русском звере. Когда у меня будет свободное время, перепечатаю её и пошлю тебе» [8, с. 47]. Позднее, в 1940 году, в детском иллюстрированном журнале Е. С. Кауфмана «Ласточка» (№ 22) он опубликовал эту поэму под названием «Как они поладили (Сказка о том, как Миша Топтыгин с лесником поссорился и как умная лиса помирила их)».

Вместе с тем необходимо отметить, что стихотворение, помещённое в «Рупоре», и сказка, опубликованная в журнале «Ласточка», явились редким случаем появления сочинений А. Несмелова в детско-юношеских изданиях Е. С. Кауфмана. И дело не в том, что писать для детей и о детях А. Несмелов перестал. Напротив, творческая активность поэта в эмигрантской периодике для подрастающего поколения возросла многократно, однако при этом произошла переориентация на политизированные издания.

В начале 1930-х годов А. Несмелов начинает сотрудничать с Российской фашистской партией (РФП) в Маньчжурии и её лидером К. В. Родзаевским. Определяя национализм как спасительную идеологию русского народа, К. В. Родзаевский транслировал в массы антибольшевистские и антисемитские настроения. С целью расширения читательского адреса в газете «Наш путь», издаваемой РФП, была создана страничка «Друг юношества», являвшая собой пример творческого плагиата: открыто ссылаясь на прообраз («Хотя, в настоящее время, она [страница] не так богата, как рупоровская, но здесь русский дух, здесь Русью пахнет» [4, с. 10]), К. В. Родзаевский пытался повторить успех аполитичного издания Е. С. Кауфмана.

По вполне понятным причинам между изданиями Е. С. Кауфмана и К. В. Родзаевского развилась конкуренция. А. Несмелов предпочёл сотрудничать с К. В. Родзаевским, который высоко ценил поэтический талант мэтра и к тому же неплохо ему платил.

Анализ публикаций «Друга юношества», соотнесённый с псевдонимами поэта, даёт основания полагать, что А. Несмелов принимал участие в организации и работе юношеской странички газеты «Наш путь», где под псевдонимом Розга производил разбор стихотворений, присланных подростками в редакцию издания, давал рекомендации по совершенствованию формы и содержания юношеских сочинений.

Для детско-юношеской периодики РФП (вложения «Друг юношества» в газете «Наш путь», газеты «Крошка», публикации для детей и молодёжи журнала «Нация») А. Несмелов под псевдонимом Николай Дозоров писал посвящения, гимны, марши, которые декламировались на военных смотрах и парадах, праздничных мероприятиях, цитировались на молодёжных собраниях русских фашистов.

Исследователи творчества А. Несмелова единодушно признают, что художественная ценность его заказной поэзии была невелика, но отвечала деятельным устремлениям эмигрантской молодёжи 1920–1940-х годов, а значит, была востребована. Сотрудничество А. Несмелова с К. В. Родзаевским продолжалось вплоть до закрытия японцами в 1943 году всех политических объединений русских эмигрантов.

Публицистические и литературно-критические сочинения А. Несмелова (в том числе под псевдонимом Николай Дозоров), посвящённые вопросам версификации,

публиковались на страницах политизированной («О наших начинающих поэтах» [3, с. 39–41], «Наши молодые поэты» [2, с. 43–46]) и аполитичной («О творческом процессе» [6, с. 1–4]) молодёжной периодики русского зарубежья Дальнего Востока.

Снятие в 1990-х годах грифа «совершенно секретно» с отечественных фондов и архивов позволило исследователям российской эмиграции обнародовать некоторые факты биографии поэта, долгие годы остававшиеся неизвестными. Так, на основании изучения разыскного листа УНКГБ по Хабаровскому краю на А. Несмелова (1945 г.) исследователь А. Буяков делает вывод, что последние четыре года своей жизни А. Несмелов являлся штатным сотрудником главной Японской военной миссии (ЯВМ) в Маньчжурии (г. Харбин). Миссия была создана в 1931 году после оккупации японскими войсками Маньчжурии и действовала до конца августа 1945 года. Состояла из 6 номерных и особого отделов. Фактически миссия была одной из спецслужб Японии, которая выполняла функцию политического сыска в эмигрантской среде и контролировала все сферы её жизни. Она также выявляла агентуру советской разведки и проводила с помощью различных эмигрантских объединений активную диверсионно-разведывательную и пропагандистскую работу против СССР.

4-й отдел ЯВМ, в котором работал А. Несмелов, ведал подготовкой разведчиков, пропагандистов и агитаторов, руководил заброской разведчиков на территорию Советского Союза. В ведении отдела находилась школа пропагандистов и агитаторов в городе Харбине, которая существовала до апреля 1945 года. На случай вторжения японских войск на территорию Советского Союза школа готовила кадры, которые должны были быть проводниками политики Японии среди советских людей, объединять их на борьбу против коммунистической власти.

В этой школе читал свои лекции в прояпонском духе А. Несмелов. Читал, опираясь на хорошие знания русской и советской литературы. Содержательная сторона лекций А. Несмелова, его преподавательские способности получили высокую оценку японского командования, и он был переведён в ключевой — 6-й отдел ЯВМ, в который попадали только прошедшие тщательную проверку и пользующиеся полным доверием японцев люди. Этот отдел занимался надзором за идеологическими настроениями русских эмигрантов. Сотрудниками этого отдела были многие русские журналисты, писатели и поэты, которые осуществляли агитационно-пропагандистскую работу среди русских эмигрантов [9].

Деятельность А. Несмелова закончилась в 1945 году, когда Красная армия вошла в Харбин. В августе 1945-го, после входа советских войск в Харбин, в ходе оперативно-разыскной операции группы территориальных органов госбезопасности и военной контрразведки Смерш А. Несмелов был арестован и репатриирован в СССР. Скончался он в 1945 году в пересыльном лагере в посёлке Гродеково Приморского края.

Деятельность поэта и журналиста А. Несмелова представляет собой интереснейшую страницу в драматической истории русской журналистики за рубежом. Творческое наследие русского поэта-эмигранта свидетельствует о неослабевающем внимании представителей старшего поколения русских эмигрантов к судьбам российской молодёжи и иллюстрирует сложный путь отечественной журналистики за рубежом, формировавшейся и функционирующей под воздействием внешней и внутренней политики страны расселения.

Список использованных источников

1. *ГАХК. ФР. 830. Оп. 3. Ед. хр. 310033 Митропольский Арсений Иванович (личное дело).*
2. *Дозоров, Н. Наши молодые поэты / Н. Дозоров // Нация : ежемесяч. обществ.-полит. журн., издаваемый Верхов. советом Всерос. фашист. партии. — Шанхай, 1937. — № 11. — С. 43–46.*
3. *Дозоров, Н. О наших начинающих поэтах / Н. Дозоров // Нация : ежемесяч. обществ.-полит. журн., издаваемый Верхов. советом Всерос. фашист. партии. — Шанхай, 1937. — № 1. — С. 39–41.*
4. *Друг юношества // Наш путь. — 1934. — № 16 (19 янв.). — С. 10.*
5. *Несмелов, А. Наташе / А. Несмелов // Юный читатель «Рупора». — 1928. — № 5 (7 янв.). — С. 17.*
6. *Несмелов, А. О творческом процессе / А. Несмелов // Молодая Чураевка. — 1932. — № 6 (6 авг.). — С. 1–4. — Еженедел. прил. к газ. «Харбинские ежедневные новости».*
7. *Русская поэзия Китая : антология / сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. — Москва : Время, 2001. — 718 с.*
8. *Солодкая, М. Б. Бессмертна вещая созвучность… (Письма А. И. Несмелова к Л. Ю. Хаиндровой) // IV Кубанские литературно-исторические чтения. — Краснодар, 2003. — С. 37–66.*
9. *Буяков, А. Русский поэт и фашист [Электронный ресурс] / А. Буяков. — Режим доступа: http://profilib.com/chtenie/91867/arseniy-nesmelov-literaturnoe-nasledie-2.php. — Дата обращения: 24.09.2016 г.*
10. *Резвый, В. Арсений Несмелов. Зоркие мгновенья: из неопубликованного. Стихотворения и рассказы [Электронный ресурс] / В. Резвый // Журнальный зал. Сибирские огни. — 2009. — № 1. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/sib/2009/1/ne13.html. — Дата обращения: 13.09.2015.*

Материал поступил в редакцию 11.01.2017 г.

Сведения об авторе: Бабкина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика» социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: gussinda@yandex.ru; тел. 8-914-182-61-90.

ГЛЕБОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ АННЫ СМОЛЯК КАК ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ЭТНОГРАФИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА

Статья посвящена Анне Васильевне Смоляк — одному из крупнейших специалистов по этнографии коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Рассматриваются ключевые этапы научной работы этнографа, методы полевых исследований. Проанализировав основные научные труды А. В. Смоляк, автор делает выводы о важном вкладе учёного в формирование этнографических знаний о коренных народах Нижнего Амура и Сахалина.

Ключевые слова: Смоляк А. В., коренные народы Нижнего Амура и Сахалина, дальневосточная этнография.

Keywords: Smolyak A. V., indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin, Far Eastern ethnography.

Один из крупнейших российских этнографов, доктор исторических наук Анна Васильевна Смоляк (1920–2003), практически всю свою жизнь посвятила изучению коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. За 45 лет работы в отделе Севера Института этнографии Академии наук СССР / Института этнологии и антропологии Российской Академии наук ею опубликованы четыре фундаментальные монографии, два фотоальбома, более 150 статей, в которых обобщены обширные материалы полевых исследований. Научные труды А. В. Смоляк, получившие мировую известность, находятся в ряду фундаментальных, на их основе воспитывались многие отечественные и зарубежные исследователи.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы осветить основные этапы научной деятельности А. В. Смоляк, показать её выдающуюся роль в формировании этнографических знаний о народах Амуро-Сахалинского региона, выявить вклад в развитие таких важных тем, как этногенез, этническая история, традиционная материальная культура, рыболовная культура, шаманизм.

А. В. Смоляк (до замужества Стренина) родилась в Москве в семье рабочего красильной фабрики Василия Васильевича Стренина и швеи Татьяны Зиновьевны Блудовой. По воспоминаниям самой Анны Васильевны, отец был «выдающимся человеком — интеллигентным рабочим», который прекрасно знал русскую литературу, детей воспитывал в любви к чтению и ко всему живому [3, с. 17]. В 1939 году Анна Стренина поступила на исторический факультет Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ), считавшегося в те годы одним из лучших гуманитарных вузов в стране, но учёбу прервала Великая Отечественная война. Институт был эвакуирован в Ашхабад, но Анна Васильевна, несмотря на серьёзную военную угрозу, осталась в Москве. Работала на швейной фабрике, где шила телогрейки и шинели для бойцов, дежурила по ночам в госпитале, сдавала кровь. Спустя годы А. В. Смоляк была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1943 году многие вузы вернулись из эвакуации в Москву, однако МИФЛИ к тому времени прекратил существование и вошёл в состав Московского государственного университета. А. В. Смоляк стала студенткой исторического факультета МГУ, выбрав кафедру этнографии, потому что «хотелось посмотреть мир» [3, с. 19]. Среди её педагогов были крупные советские этнографы М. О. Косвен, С. А. Токарев, М. Г. Левин, а также Н. Н. Чебоксаров, ставший в дальнейшем руководителем её дипломной работы, посвящённой женской национальной одежде дунган. Студенты-этнографы много работали в музеях, по специальным программам изучали азы антропологии (в 1945 году А. В. Смоляк под руководством М. Г. Левина и Г. Ф. Дебеца собирала массовый антропологический материал по различным локальным группам японцев в лагере военнопленных в Тайшете), выезжали в подмосковные селения, где на практике изучали основные методы полевой работы — описание устройства домов и хозяйственных построек, фиксация отдельных элементов материальной культуры, используя такие методы, как замеры, чертежи, зарисовки [4, с. 166]. В дальнейшем эти важные навыки пригодились исследователю в многочисленных экспедициях на Дальний Восток, во время которых формировался значительный объём полевого материала, скрупулёзный анализ которого позволял затем делать обоснованные выводы.

Первая поездка А. В. Смоляк на Нижний Амур состоялась в 1947 году в составе комплексной антрополого-этнографической экспедиции Института этнографии. К тому времени она уже защитила дипломную работу и поступила в аспирантуру Московского института этнографии. Нижнеамурская экспедиция заняла полгода и в результате повлияла на всю дальнейшую научную деятельность исследователя. Работая по антропологической тематике, Смоляк удалось зафиксировать обширные сведения по этнографии ульчей, вошедшие позднее в кандидатскую диссертацию *«Материальная культура ульчей и проблема их этногенеза»*, успешно защищённую в 1957 году. Часть собранных в той экспедиции данных была опубликована в статье *«Этнографическое изучение ульчей в 1947 г.»* и содержала новые факты по материальной культуре этого народа [5]. В частности, впервые подробно описана охота на нерп у ульчей, зафиксировано множество ранее не известных названий ульчской обуви, на основе материалов ульчей, нивхов и орочей сделана классификация обуви народов Сибири (Смоляк пришла к выводу о бытовании двух типов обуви, которые она назвала «тунгусским» и «амурским»), рассмотрена технология строительства зимних жилищ на Амуре и введён в научный оборот термин «пазовая техника» [3, с. 21].

Плодотворная работа в «поле» во многом стала возможной благодаря сложившимся контактам с коренными жителями национальных селений, которые оказали начинающему исследователю большую помощь в описании старых жилищ, одежды, музыкальных инструментов, шаманских ритуалов, рыболовных обрядов и т. д. Особую роль в жизни молодого учёного сыграл Павел Васильевич Салданга из села Монгол Ульчского района Хабаровского края, который рисовал для неё те или иные предметы, давал их точные названия. Их общение началось с самой первой поездки Смоляк на Нижний Амур и продолжалось более 15 лет.

До конца жизни Анна Васильевна считала этого человека своим учителем [4, с. 167; 9, с. 267].

В 1952 году А. В. Смоляк приступила к работе в секторе Сибири Ленинградского отделения Института этнографии, где в соавторстве с Б. А. Васильевым занималась завершением раздела по Нижнему Амуру в справочнике «Народы Сибири», начатого ещё до войны. Анна Смоляк уже имела за плечами неплохой этнографический багаж и, по воспоминаниям Е. А. Алексеенко, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук, «по духу была вросшая во всё это» [1, с. 10]. Спустя два года её включили в состав комиссии по обследованию условий жизни коренного населения на Чукотке. Экспедиция в Чукотский район Чукотского национального округа заняла несколько месяцев, и научным результатом, помимо специального отчёта для Совета Министров РСФСР, стали две статьи А. В. Смоляк — *«Материалы к характеристике социалистической культуры и быта коренного населения Чукотского района»* и *«Об одном древнем типе жилища на северо-востоке Азии»*, а также *рецензия на книгу Ю. Рытхэу «Чукотская сага»*, опубликованные в 1957 году [3, с. 22; 5, с. 546].

Когда в Московском отделении Института этнографии был создан сектор по изучению социалистического строительства у малочисленных народов Крайнего Севера, исследователь вернулась в Москву, и с августа 1956 года это стало главным местом её работы. Здесь, по словам Е. П. Батьяновой, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии Российской академии наук, в полную силу раскрылся исследовательский талант А. В. Смоляк, она приобрела международную известность как один из крупнейших специалистов по этнографии народов Амуро-Сахалинского региона, её статьи и доклады публиковались в Канаде, США, Германии, Франции, Венгрии [3, с. 22].

Серьёзный временной отрезок — с конца 1950-х и до середины 1980-х годов — можно сравнить с одной большой этнографической экспедицией. А. В. Смоляк практически ежегодно приезжала на Нижний Амур и Сахалин, и каждая её работа в «поле» длилась от трёх до пяти месяцев. В 1957 году она провела пять месяцев среди нивхов и ульчей и столько же времени в 1958-м — среди ульчей и нанайцев. В общей сложности исследователь осуществила более 20 полевых сезонов, побывав не единожды почти во всех национальных селениях Нижнего Амура и Сахалина, получая подробные сведения от ороков, орочей, негидальцев, нанайцев, нивхов, удэгейцев, ульчей, эвенков, делая зарисовки, аудио- и фотофиксацию.

Не зная языков коренных народов, Смоляк записывала большое количество терминов, связанных с различными областями традиционного хозяйства и культуры народов Амуро-Сахалинского региона, в том числе с их обрядовыми практиками, религиозными верованиями, комплексом рыболовной культуры, проверяла и перепроверяла собранные материалы, чтобы в дальнейшем представить их с предельной точностью и достоверностью. Коллеги Анны Васильевны всегда ценили в ней тщательность, скрупулёзность в сборе полевых материалов, в работе с архивными источниками, бережное отношение к трудам предшественников и особо подчёркивали, что по обширности базы этнографических источников работы Смоляк являются образцом для всех последующих поколений исследователей [3, с. 7].

В 1950-е – 1980-е годы в отечественной науке сложились два основных направления этнографических исследований: традиционная культура и этногенез и изучение современности [2, с. 243]. Работы А. В. Смоляк охватывают весь диапазон — от традиционного хозяйства до социалистических преобразований на Севере. Материалы её полевых исследований обобщались не только в статьях и монографиях, но и в докладных записках и научных разработках, которые предназначались для директивных органов, проходили под грифом «для служебного пользования» и представляли реальное состояние рыболовецких колхозов, их экономические и социальные проблемы. По итогам своих экспедиций на Нижний Амур А. В. Смоляк сделала более 20 научных разработок — докладов по целому ряду экономических проблем, обращая внимание на сложное положение национальных рыболовецких колхозов, на необходимость обеспечения коренных жителей рыбой, на недостатки в образовании, в медицинском и культурном обслуживании населения и многое другое [3, с. 24]. Сегодня эти материалы также являются важными документальными источниками.

Первой монографией Смоляк стала книга *«Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем»*, опубликованная в 1966 году в издательстве «Наука» [8] и ставшая одним из первых научных трудов, где дана максимально полная этнографическая характеристика этого амурского народа, в новом ракурсе рассмотрены такие важные моменты, как происхождение и основные функции ульчских родов. Но самое главное, в исследовании впервые всесторонне показан послереволюционный период в жизни ульчей, рассмотрены трансформации в их традиционном хозяйственном укладе, социальных отношениях, сфере духовной культуры. Книга А. В. Смоляк получила высокую оценку в научном мире, рецензенты отмечали весомый вклад автора в развитие дальневосточной этнографии [3, с. 22].

Одной из центральных проблем, разрабатываемых

А. В. Смоляк на протяжении многих лет, оставалась проблема этногенеза. Поставив перед собой задачу выяснить происхождение практически каждого рода, закрепившегося в Амуро-Сахалинском регионе к середине XIX века, этнограф подробно исследовала этнический и родовой состав населения, рассмотрела динамику его численности и определила этнические границы в этой части Дальнего Востока [5, с. 546]. В 1975 году в свет вышла вторая монография Смоляк *«Этнические процессы народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в.»*, основанная на обширных архивных и полевых материалах, где впервые полно и скрупулёзно даны сведения по этническому составу населения Амуро-Сахалинского региона и родовой структуре всех нижнеамурских народов.

Рецензент монографии В. Р. Кабо отмечал, что это «заметная веха в этнографическом изучении Советского Дальнего Востока» [4, с. 168]. К примеру, впервые в отечественной научной литературе здесь был представлен полный перечень нивхских родов. Это стало возможным благодаря тому, что автор обнаружила в государственном архиве Нижнеамурской области [в 1956 году реорганизован в филиал государственного архива Хабаровского края в Николаевске-на-Амуре] списки родов нивхов Амура и лимана: в 1920-е годы фамилий у нивхов ещё не было и при регистрации брака они указывали свою родовую принадлежность. Таким образом, брачные списки оказались единственным письменным свидетельством родового состава амурских и лиманских нивхов и были введены в научный оборот в монографии А. В. Смоляк.

Анализируя соотношения общины и рода, автор убедительно доказала, что род народов Нижнего Амура в XVIII–XX веках не являлся экономической единицей, не имел территориального единства, а функции регулирования хозяйственной жизнью осуществлялись не родом, а территориальной общиной [3, с. 27; 4, с. 168]. Смоляк одна из первых обратилась к вопросам о характере этнического самосознания нижнеамурских этносов и сделала важный вывод: жившие очень разбросанно, мелкими группами, различавшимися по культуре, языку и происхождению, эти народы не осознавали своего этнического единства, оно существовало лишь в масштабах рода либо территориальной группы, состоявшей из нескольких родов [9, с. 52].

Рассматривая межэтнические и внутриэтнические связи в Амуро-Сахалинском регионе, исследователь показывает значительные перемены, затронувшие во второй половине XIX века главную отрасль хозяйства — рыболовство, которое всё больше приобретало товарный характер [9, с. 177]. В монографии анализируются процессы культурной адаптации коренных народов в связи с наплывом пришлого населения, в результате которого условия рыболовного промысла кардинально менялись. Касаясь другой важной темы — распределения рыболовных угодий между коренными народами, Смоляк отмечает, что на Амуре они всегда находились в свободном пользовании, здесь не существовало «извечных», передаваемых по наследству рыболовных участков. Она приводит лишь отдельные примеры специфической «личной собственности» у нанайцев и ульчей, так называемых «зимовальных ям», где во время сильных морозов скапливалась рыба, и отмечает существование у всех местных народов принципа уважать право человека, промышляющего в данном месте [9, с. 160].

В 1984 году в издательстве «Наука» была опубликована монография *«Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект».* Определяя этот регион как своеобразный перекрёсток путей, по которому издавна проходили небольшие группы народностей различного происхождения, учёный подчёркивает, что, несмотря на обширную литературу, история, этнография и этногенез населяющих его народов исследованы далеко не полностью, и состояние обозначенной проблемы осложняется тем, что изучение этих народов началось очень поздно [10, с. 5].

Обращаясь преимущественно к этногенезу тунгусоязычных народов Нижнего Амура, автор рассматривает элементы их хозяйственной и материальной культуры и вводит в оборот обширные новые материалы, собранные во время полевой работы в течение более 20 лет у нанайцев, ульчей, нивхов, орочей, негидальцев, ороков, эвенков. А. В. Смоляк выявляет показатели (детали и термины), позволяющие решать этногенетические проблемы тунгусоязычных народов и, что очень важно, впервые в истории дальневосточной этнографии привлекает при работе над темой этногенеза материалы по рыболовству, таёжной охоте, морскому промыслу, транспортным средствам [10, с. 18].

Сопоставляя и анализируя их элементы, результаты археологических и лингвистических исследований, труды первых этнографов конца XIX – начала XX века, архивные материалы, словари, коллекции этнографических музеев, исследователь впервые показала процесс формирования и функционирования на этих территориях особой рыболовной культуры, оказавшей влияние на все сферы жизни коренных народов. Представляя тему рыболовства всесторонне, включая подробную терминологию, связанную с данной отраслью хозяйства, Смоляк выявила межэтнические и внутриэтнические связи на Нижнем Амуре и Сахалине. В работе содержится подробное описание рыболовных орудий и технологий их изготовления, способов лова у нанайцев, нивхов, ульчей, орочей, удэгейцев с обязательным указанием

места сбора записей, что является отличительной чертой всех научных трудов А. В. Смоляк. Автор делает вывод, что рыболовные орудия на Нижнем Амуре составляют единый комплекс, а его высокая эффективность способствовала возникновению специфической рыболовной культуры, дававшей населению не только главный источник пищи — рыбу, но и материал, служивший для изготовления одежды, обуви и для других нужд [10, с. 66].

Рассматривая конкретные данные по рыболовству народов Амуро-Сахалинского региона, исследователь приходит к важному выводу: бытование различных орудий промысла определялось не этническими особенностями той или иной группы, а экологическими условиями. Так, например, природные условия не позволяли некоторым нивхам, жившим на лимане, Сахалине и Нижнем Амуре, строить лососёвые заездки, и они рыбачили у своих селений только неводами, как и негидальцы, ульчи, нанайцы. На разных водоёмах условия промысла также были различны, поэтому способы лова у нанайцев на реках Горин, Амур, на озёрах были неодинаковы [10, с. 59].

Подробно анализируя рыболовческие термины амуро-сахалинских народов и определяя происхождение некоторых из них, А. В. Смоляк отмечает, что все орудия промысла имеют свою, различную у каждого конкретного народа терминологию, которая является важным материалом для этногенетических исследований [10, с. 60]. Сопоставляя названия рыболовных орудий и приспособлений, она приходит к выводу о преобладании в рыболовстве всех тунгусоязычных народов «аборигенной» терминологии, что подтверждает древнее происхождение местного комплекса рыболовной культуры. Рассматривая данные археологических исследований и собственных полевых материалов (в качестве примера берутся грузила и пряслица), Смоляк прослеживает преемственность рыболовной культуры между современными нанайцами и древним населением Нижнего Амура. Автор утверждает, что формирование здесь рыболовецкого населения на базе более древних неолитических поселенцев бесспорно [10, с. 67–68, 235].

Исследования А. В. Смоляк рыболовной культуры Амуро-Сахалинского региона позволили заполнить серьёзные пробелы в этнографии отдельных народов. К примеру, до публикации монографии «Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект» в литературе практически не имелось сведений о рыболовстве низовых негидальцев. Согласно материалам Смоляк, промысел этого народа мало отличался от промысла амурских нивхов и ульчей, поскольку они жили в сходных промысловых условиях и общались друг с другом [10, с. 50]. Отдельное внимание уделяется в монографии экологическим знаниям местных народов, позволявшим сделать промысел наиболее удачным. Рыбак всегда учитывал, где в данное время суток и при данном состоянии погоды находится рыба разных пород: в глубине, ближе к поверхности, ближе к берегу или к середине реки. Способы лова зависели от конкретного времени года и поведения рыбы в этот период. Например, в июле – августе в густых зарослях у самого берега собирались белые амуры, и нанайцы использовали способ, при котором рыбу пугали вёслами и она попадала в заранее подготовленную сеть. Эту же рыбу, кормящуюся в прибрежных зарослях, находили по обкусанной траве или по её колыханию. О местонахождении сазана рыбаки узнавали по пузырям на поверхности воды [10, с. 34, 42].

Обобщая данные своего обширного исследования, учёный делает вывод о том, что первым основным компонентом в составе нанайцев, ульчей и других тунгусоязычных народов Нижнего Амура является аборигенный, не нивхский субстрат. Носители древней культуры обладали комплексом элементов (его основные черты относятся к рыболовству), максимально приспособленных к местным природно-географическим условиям и характерных для всех областей хозяйства и культуры. Причём некоторые из них сохранились до настоящего времени — лососёвые заездки, особые удочки и крючки и т. д. Тщательный анализ традиционной одежды показал, что наиболее специфичным для аборигенной культуры являлось использование местных материалов: рыбьей кожи, нерпичьих шкур, кож различных животных. Автор монографии приводит более 100 специфических «аборигенных» терминов (названия орудий лова, предметов одежды и т. д.), относящихся к местной исконной культуре, и полагает, что они принадлежат к дотунгусскому населению Нижнего Амура, вошедшему позднее в состав современных тунгусоязычных народов Амуро-Сахалинского региона [10, с. 227–229].

В 1990 году по совокупности трудов по проблемам этногенеза и этнической истории А. В. Смоляк защитила докторскую диссертацию в форме научного доклада, а через год в свет вышла монография *«Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура)»*, которую считают главной книгой учёного. В 1998 году она издана в немецком переводе в Германии, затем в Венгрии напечатана рецензия на эту монографию, что окончательно определило место автора в ряду ведущих специалистов по религиям сибирских народов [4, с. 168; 5, с. 547]. Появлению этого, во многом уникального, научного труда предшествовали более 40 лет этнографических исследований на Нижнем Амуре, во время которых собирался обширнейший материал по религиозным верованиям нанайцев и ульчей. Был

опубликован ряд статей по проблемам религии, шаманизма, родовых и семейных культов, обрядовых практик: *«К вопросу о происхождении культа ритуальных стружек и медвежьего праздника»* (1961), *«Магические обряды сохранения жизни детей»* (1962), *«Религиозные верования ульчей»* (1966), *«Об обрядах ложных погребений на Амуре»* (1969), *«О культе близнецов у нанайцев»* (1974), *«Представления нанайцев о мире»* (1976), *«К вопросу о масках в культах народов Амура»* (1973), *«Новые данные об анимизме и шаманизме у нанайцев»* (1974) и др. [11, с. 9].

Полевые работы проводились среди представителей среднего и старшего поколений (в 1950-е годы это были в основном лица, родившиеся в конце XIX века). «Мои информаторы, шаманы и не шаманы, большая часть жизни которых прошла в советское время, были вполне современными людьми, активными членами общества, не отвергавшими нового в разных сферах жизни, — пишет А. В. Смоляк. — Все они были прекрасными знатоками нанайской и ульчской религий; и те и другие сообщали сведения как по шаманизму, так и по верованиям вообще» [11, с. 7]. Автор опирается на научные труды своих предшественников, использует этнографические коллекции Ленинграда, Хабаровска, Николаевска-на-Амуре и формирует прочную источниковедческую базу из фактов, собранных в «поле». Смоляк делала магнитофонные записи шаманских камланий (в общей сложности более 20 плёнок), затем расшифровывала их и дополняла подробными комментариями самого шамана, и такой метод позволял открывать новые грани во взглядах и верованиях, которые при обычной беседе с информаторами не вскрываются [6, с. 186; 11, с. 8].

Монография А. В. Смоляк «Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура)» выстроена с опорой на традиции и логику советской науки 1950–1980-х годов, связанную с позитивизмом, типологизацией духовных явлений, их генезисом, отмечает доктор исторических наук А. А. Сирина. Она подчёркивает, что Смоляк искала объяснение особенностям шаманства у народов Нижнего Амура не столько в индивидуальном шаманском опыте, сколько в традиционной культуре и истории этнических контактов, для чего обращалась к этногенетической проблематике отдельных родов нанайцев и ульчей, рассматривала фигуру шамана как характерного представителя своего рода, тесно с ним связанного [6, с. 186].

Привлекая материалы по аналогичным явлениям других народов Сибири и Дальнего Востока, автор анализирует представления нанайцев и ульчей о мире, даёт развёрнутую картину «мира духов», приводит важные сведения о таком понятии, как «душа человека». Впервые в науке подробно описаны обряды посвящения шаманов, зафиксированы и проанализированы типы и образцы камланий, приведена подробная шаманская терминология, классифицированы одежда, снаряжение и атрибуты шамана. Суммируя основные литературные материалы, А. В. Смоляк приходит к выводу, что по своим основным признакам шаманизм нанайцев и ульчей близок к аналогичному явлению, распространённому у большинства других народов Севера. При этом исследователь выделяет особые элементы, делающие шаманизм нижнеамурских народов своеобразным явлением: принципиальное отличие души шамана от души человека, отсутствие школы шамана, широкая «практика хранения душ детей и взрослых» в особых «потусторонних» хранилищах, представления о выдающихся способностях будущего большого шамана (касаты) выделять предметы своего снаряжения изо рта, специфическая форма экстаза, бубен особой формы и использование в ряде случаев погремушек, культ ритуальных стружек [11, с. 256].

В монографии с особой яркостью раскрылся талант учёного не только как этнографа-полевика, но и прекрасного рассказчика, благодаря чему на страницах книги оживают судьбы и характеры конкретных носителей традиционной культуры — шаманов, их родственников и помощников. Не случайно в опубликованной в журнале «Этнографическое обозрение» рецензии М. Д. Каракетова и Я. В. Чеснова сказано, что, благодаря доскональности подхода А. В. Смоляк, её работа заняла почётное место среди новых исследований проблемы шаманизма [3, с. 26].

В 1999 году в Японии был издан альбом экспедиционных фотографий А. В. Смоляк, а вскоре в издательстве «Наука» вышел фотоальбом «Народы Нижнего Амура и Сахалина», ставший последней книгой учёного. Словно подводя итог своей многолетней научной деятельности, Анна Васильевна включила в издание 769 фотографий из личного архива, снятых ею в экспедициях в течение почти четырёх десятилетий — в 1940–1970-х годах. Автор размышляет о том, что год от года меняется традиционный уклад жизни и культура коренных народов и в этой связи материалы полевых исследований за несколько прошедших десятилетий превращаются в полноценный исторический источник. Особую роль приобретают материалы научной фотофиксации полевых исследований, поскольку они зримо воссоздают во многом уже утраченные элементы быта и традиционной культуры [12, с. 25].

На фотоснимках, сделанных в нижнеамурских сёлах Дуди, Ухта, Кондон, Булава, Калиновка, на северо-западе Сахалина в селе Рыбное, отражены многие элементы рыболовной культуры — посадка плавной сети, лов с помощью неводов и мешкообразной сети, подготовка к лососёвой путине. Зафиксированы вешала для рыбы, берестяные

оморочки, виды удочек-махалок, сачков, орудий для вычерпывания льда из проруби и т. д. Показана сохранившаяся в 1940–1950-х годах практика применения рыбьей кожи на примере традиционной обуви, которая особенно широко использовалась во время зимней рыбалки, запечатлены кожемялка для рыбьей кожи и сам технологический процесс (селение Хаил, 1963), старые халаты, обувь, образцы орнаментов из рыбьей кожи, хранящиеся в семьях как память о своих родственниках (селения Джуен, 1962; Верхний Нерген, 1958). Наряду с этим показаны сшитые современными мастерами традиционные халаты из ткани, обувь из меха, ровдуги. Таким образом, из материалов фотоальбома видно, как постепенно древняя технология уходит из жизни коренного населения Нижнего Амура, исчезает ремесло, составлявшее в XVIII–XIX веках, по свидетельству Л. Я. Штернберга, славу амурским мастерицам [12, с. 8].

Более 60 лет наука являлась главным смыслом жизни Анны Васильевны Смоляк, её научные труды стали важной частью истории отечественной этнографии. Они позволяют проследить трансформации в традиционном укладе жизни народов Нижнего Амура и Сахалина в советское время, что ставит их в ряд основных и наиболее цитируемых источников по этнографии народов Дальнего Востока. Вклад А. В. Смоляк в изучение истории и культуры коренных народов Нижнего Амура и Сахалина уникален. На счету учёного интереснейшие фактологические находки и теоретические открытия в самых разных областях этнологического изучения тунгусо-маньчжурских народов, нивхов и айнов [3, с. 7].

Исследования А. В. Смоляк по-прежнему актуальны, они используются для восстановления утраченных знаний и позволяют защитить традиционные способы рыбной ловли при рассмотрении вопросов о внесении изменений в Закон о рыболовстве (например, сетевой промысел рыбы), поднимаемых Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Важно и то, что книги Смоляк востребованы не только исследователями дальневосточной истории и культуры, но и представителями самих коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Труды учёного можно встретить в домашних библиотеках как библиографическую редкость, что говорит о несомненном доверии к автору, добрая память о котором до сих пор сохраняется у жителей Нижнего Амура.

Список использованных источников

1. *Алексеенко, Е. А. …И можно сказать, что счастлив : интервью с Евгенией Алексеевной Алексеенко / беседа, запись, редактура и комментарии А. А. Сириной // Сибирский сборник — 2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2010. — 320, [2] с., [1] л. портр.: ил.*
2. *Алымов, С. Кушнер П. И. и развитие советской этнографии в 1920–1950 годы / С. Алымов. — Москва : ИЭА РАН, 2006. — 257 с.*
3. *Батьянова, Е. П. Шестьдесят лет в российской науке : (к 80-летию Анны Васильевны Смоляк) / Е. П. Батьянова // Шаманский дар. — Москва, 2000. — С. 17–29.*
4. *Батьянова, Е. П. Анна Васильевна Смоляк (28 декабря 1920 г. – 4 июня 2003 г.) // Этногр. обозрение. — 2004. — № 2. — С. 165–169.*
5. *Огрызко, В. Смоляк (до замужества Стренина) Анна Васильевна / В. Огрызко // Отечественные исследователи коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока : биобиблиогр. словарь / В. Огрызко. — Москва, 2013. — С. 545–548.*
6. *Сирина, А. А. [Рецензия] // Этногр. обозрение. — 2016. — № 5. — С. 186–188. — Рец. на кн.: Bulgakova, T. Nanai Shamanic Culture in Indigenous Discourse / T. Bulgakova. — Norderstedt : Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications, 2013. — 264 p.*
7. *Смоляк, А. В. Этнографическое изучение ульчей в 1947 г. // Краткие сообщ. Ин-та этнографии. — 1949. — Вып. V. — С. 40–53.*
8. *Смоляк, А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем / А. В. Смоляк. — Москва : Наука, 1966. — 290 с.*
9. *Смоляк, А. В. Этнические процессы народов Нижнего Амура и Сахалина: середина XIX – начало XX в. / А. В. Смоляк. — Москва : Наука, 1975. — 232 с.*
10. *Смоляк, А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина : этногенетический аспект / А. В. Смоляк. — Москва : Наука, 1984. — 246 с.*
11. *Смоляк, А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение / А. В. Смоляк. — Москва : Наука, 1991. — 276 с.*
12. *Смоляк, А. В. Народы Нижнего Амура и Сахалина : фотоальбом / А. В. Смоляк. — Москва : Наука, 2001. — 318 с., ил.*

Материал поступил в редакцию 13.01.2017 г.

Сведения об авторе: Глебова Елена Викторовна, редактор журнала «Страстной бульвар, 10» Союза театральных деятелей Российской Федерации (г. Москва), главный редактор культурно-просветительского журнала «Словесница Искусств» (г. Хабаровск), соискатель научной степени кандидата наук (Отдел Севера Института этнологии и антропологии Российской академии наук).
Контактные данные: e-mail: elena.glebova@mail.ru; тел. 8-915-096-16-13.

ПРИХОДЬКО ВИКТОРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

ПРАЗДНИЧНАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ ЖИТЕЛЕЙ ПРИАМУРЬЯ

В статье рассматриваются особенности женской праздничной одежды как отражение эстетического вкуса жителей Приамурья и проявление их социальной дифференциации. С опорой на «Словарь русских говоров Приамурья», насчитывающий свыше 7 000 слов и устойчивых выражений, даются названия и описания традиционных женских праздничных нарядов: головных уборов, платьев, юбок, кофт, верхней одежды, тканей и украшений; исследуются культурологические и этнолингвистические особенности праздничной одежды через призму эмотивности диалектоносителей.

Анализ диалектной лексики осуществляется в соответствии с лингвокультурологическим подходом. Описание эмоционально-чувственного мира жителей Приамурья сочетается с этнографическими сведениями. Одежда диалектной личности представлена в статье как специфика особенностей культуры переселенцев, как результат сложившихся на Дальнем Востоке обычаев и традиций.

Праздничная женская одежда в Приамурье рассматривается в качестве способности вызывать прежде всего положительные эмоции: удовольствие от изготовления нарядов и их демонстрации, восхищение окружающих, праздничное настроение, радость.

Ключевые слова: женская праздничная одежда, русские говоры Приамурья, лексемы, диалектология, язык, культура, традиции, эстетические чувства.

Keywords: women’s festive clothing, Russian dialects of the Amur Region, lexemes, dialectology, language, culture, traditions, esthetic sense.

В XIX веке по инициативе и большой поддержке царского правительства осуществлялось серьёзное освоение Дальнего Востока по всей протяжённости Верхнего и Среднего Амура. Территория, граничащая с Китаем, обживалась и укреплялась переселенцами из Забайкалья, разных уголков России, Украины, Белоруссии, в результате чего на востоке России сложился уникальный говор, с сильной славянской составляющей и с доминирующими северорусскими чертами. Приамурские говоры складывались на основе большой национальной и социальной дифференциации: Дальний Восток заселяли крестьяне, казаки, промышленники, «штрафованные» солдаты, старообрядцы. Поскольку в большинстве своём это был простой люд, необразованный, преимущественно крестьяне, диалектные формы «завезённых» языков (русского, белорусского, украинского) преобладали [2, с. 34]. Жителям образовавшихся поселений приходилось приспосабливаться к новому суровому климату, обустраивать в нелёгких условиях свой быт, много работать: корчевать лес, возделывать землю, строить дома, осваивать охоту, рыбалку. Несмотря на трудности и нацеленность на практические навыки выживания, находилось место праздникам. Православные праздники, такие как Рождество Христово, Пасха, престольные праздники, требовали посещения храмов, выхода в люди, и это обязывало выглядеть красиво, опрятно. Помимо эстетического вкуса, одежда отражала социальную принадлежность и достаток. Богатые праздничные наряды были не у всех, позволить их могли казачки, мужья которых находились на особом государственном положении, или зажиточные крестьянки. Однако, несмотря на сильное расслоение, женское стремление к красоте объективно отражает выявленный диалектный материал.

Эстетические чувства относятся к высшим эмоциям, а их проявлением можно считать «чувство прекрасного» и «эстетический вкус».

В «чувстве прекрасного» отражены такие явления действительности, которые доставляют человеку эмоции наслаждения: удовольствие, радость, восторг, умиление, удивление, интерес. «Прекрасное» — наивысшая эстетическая ценность, к которой стремится человеческая душа. «Чувства прекрасного» совпадают с представлениями о совершенстве, о чуде, о благе. «Прекрасное» — главная позитивная форма освоения бытия, примиряющая человека с трудностями быта и несовершенством жизни. «Прекрасное» тесно связано с понятием идеала. Наиболее близкие по значению понятия: *гармония, совершенство, красота* [5, с. 53].

Умение видеть «красивое» в окружающем мире доступно людям, развитым духовно и культурно. Методом сплошного выбора из «Словаря русских говоров Приамурья», насчитывающего свыше 7 000 диалектных слов и устойчивых выражений, выявлялись лексемы, у которых в поясняющих примерах к словарным дефинициям содержались слова «красивый», «красивое», «красивая», «красиво».

Выбранные из словаря лексемы, в дефинициях которых содержалась сема «красота» (425 единиц), распределились по тематическим группам («цветы», «животные», «природа», «результаты работы», «инструменты», «одежда», «обувь», «украшения», «домашнее убранство» и т. д.). Полученные группы свидетельствуют о том, что «прекрасное» в глазах диалектной личности имеет объективную основу, отражённую в универсальных и понятных ей канонах красоты: паттернов (в орнаменте вышивки, в окраске зверей и птиц), симметрии (например, в строительстве), меры (в украшениях, косметике, в убранстве дома), гармонии (например, в цветах, природных явлениях). Лексемы и приведённые контексты к ним, собранные в группы, показывают, что «прекрасное» во многом имеет конкретно-исторический характер и зависит от социальных условий, от образа жизни диалектоносителей. «Чувство прекрасного» диалектной личности связано с особенностями культуры переселенцев, со спецификой личного эстетического вкуса, индивидуальной культуры и принятых канонов прекрасного в социуме. Интересно, что «прекрасное» жители видят в хорошо выполненной работе: в красиво связанных «варьгах» (варежках), искусно изготовленной выкройке или швах, «в красиво замётанном зароде» (стоге), красиво сделанных углах — «в охряпку», «в чашку» при строительстве дома, красиво вырезанном орнаменте на ставнях или спинках кровати и т. д. Особую красоту жители Приамурья видят в плотницких и столярных инструментах («тёсла», «дорожники»), приспособлении для затейливого вырезания теста («красивый резец»). Красота видится информантам в искусно сделанной обуви, добротно и красиво сшитой одежде. А вот упоминание диалектоносителей, что танцы и игры красивы, несмотря на многочисленные описания танцев, игр, песен, встретилось в «Словаре русских говоров Приамурья» всего дважды, что наглядно демонстрирует правдивость пословицы: «Делу время — потехе час». Ср.: *Коробочку танцевали, красивый такой танец. Пары ходят, потом расходятся, потом кружатся. Коробочку на вечо́рках танцевали, медленно танцевали, вежливо и пели* [3, с. 195]. *Песню на голоса подымают, подымут на голоса — красиво* [3, с. 328].

Эстетический вкус в данной статье рассматривается как присущая человеческой природе способность судить о прекрасном, как эмоциональное стремление индивидуума к гармонии и определяется чёткой избирательностью чего-либо и приверженностью к чему-либо, означает также наличие строгих предпочтений и собственного мнения о предметах или явлениях. Под эстетическим вкусом в одежде в данной статье понимается гармоничное сочетание в женском образе

всех элементов одежды (головные уборы, платья, кофты, юбки, фартуки, верхняя одежда) и аксессуаров (украшения).

В статье лексемы, имеющие в лексическом значении сему «красота», выделяются подчёркиванием. Эстетический вкус, проявляющийся в женском праздничном костюме, рассматривается как стремление переселенцев к совершенству.

В «Словаре русских говоров Приамурья» зафиксировано слово «**чура**». Ср.: ***ЧУРА*** *'устар. мера в работе, отдыхе, еде и др.'* [3, с. 489]. В понимании жителей Приамурья, кто не знает чуры, тот не знает меры в чём-либо и нарушает определённые сложившиеся нормы, например, нормы поведения, внешнего вида и т. д. Главным критерием в определении красоты и совершенства является мера.

Праздничные наряды жителей Приамурья были разнообразными и отличались от будничной одежды яркостью и оригинальностью, узорами и вышивкой. Одеться празднично, означало одеться «баско». Ср.: ***БА́СКО***, нареч. 1. *Красиво, нарядно. Ваша маменька в бане моется, да ба́ско рядится, к царю ладится [из песни]*. ***БА́СКО́Й***, *ая, ое. Красивый, нарядный. А невеста-то баска́я* [3, с. 26].

Жительницы Приамурья были настоящими рукодельницами: самостоятельно шили одежду: юбки, кофты, платья, фартуки и т. д. Особое внимание уделялось головным уборам. Головные уборы и платья расшивали бисером, кружевом. «Словарь русских говоров Приамурья» фиксирует множество названий женских праздничных головных уборов, неизвестных литературному языку: «головочка», «модник», «набойничек», «пёсики», «подзатыльник». Ср.: ***ГОЛО́ВОЧКА***, *и,* ж. *1. Праздничный женский головной убор. Кись с бисеру связана куклой, она сшита там, а это надета головочка, с зубцами-то* [3, с. 251]; ***МО́ДНИК***, а, м. Устар. *Праздничный головной убор замужней женщины. Модник из шёлковых ниток, на шнурке, вроде шапочки затягивают. А сверху модника шёлковый платок надевали. На собрания ходили в них, аграмантом, бисером модники обшивали* [3, с. 242]; ***НАБО́ЙНИЧЕК***, чка, м. *Головной убор, <u>украшенный кружевами</u>. Бабушка моя носила набойнички* [3, с. 251]; ***ПЁСИКИ***, *ов,* мн. *Праздничные уборы из бисера, серьги (?). Пёсики — праздничные уборы <u>одевают в церковь</u>* [3, с. 312]; ***ПОДЗАТЫ́ЛЬНИК***, *а,* м. Устар. *Часть женского головного убора — кички, покрывающая затылок. Впереди кичка, а сзади красивый такой подзатыльник. Кичку надевали, а там подзатыльник. А раньше подзатыльники были* [3, с. 323].

В «Словаре русских говоров Приамурья» лексеме «шаль» (в различных вариантных модификациях слова), как предмету праздничной, нарядной женской одежды, радующему глаз и приносящему эстетическое наслаждение, отведено множество словарных статей с соответствующими пояснениями диалектоносителей. Ср.: ***ШАЛЁНКА***, *и,* ж. *То же, что шалю́шка. Женщины носили шалёнки <u>по праздникам</u>: белые, чёрные, узорчатые* [3, с. 491]. ***ША́ЛЬКА***, *и,* ж. *Большой платок; шаль. Одеться тепло: куфайку, шальку да катанки, чтобы не остыть*. ***ШАЛЮ́ШЕЧКА***, *и,* ж. Ласк. *к шалю́шка. Кто побогаче́ жил, тот шалюшечку оденет.* ***ШАЛЮ́ШКА***, *и,* ж. *Тёплый вязаный или тканый головной платок; небольшая шаль. Шалюшка была, приданое дали. Платки надевали, шалюшки вя́заны, кашемировы были. Шарфы и шалюшки вязали. Шалюшки — большие платки. Платки, шалюшки продавали, у нас-то шалюшек не было. <u>Шалюшки таки красивы были</u>, мы их зимой носили. Шалюшки вязала сама мама, сидит и на веретёнке вяжет шалюшки. Шали, шалюшки носили, чулки, варежки.* ***ШАЛЮШО́НКА***, *и,* ж. Пренебр. *к шалю́шка. На голове платки, как вот счас шалюшонки* [3, с. 491].

Ещё в двух словарных статьях и контекстах к словам «шерстной» и «файшонка» в «Словаре русских говоров Приамурья» зафиксировано, что шаль — праздничный атрибут одежды, особенно ценившийся женщинами, придававший им статус богатых, зажиточных людей. Ср.: ***ШЕРСТНО́Й***, *а́я, о́е. Шерстяной. <u>В праздник</u> фальшо́нки были платки шерсны́е. Да вся́ки носили платки: и просты́, и шерсны́* [3, с. 495]. ***ФАЙШО́НКА, ФАЛЬШО́НКА,*** *и,* ж. Устар. *То же, что коси́нка в 1-м знач. Файшонки — это косыночки белые, чёрные, с зубчиками по краям, кружевные. Файшонки мама носила. Были они чёрные, белые или кофе с молоком. Покупали файшонку или вязали. <u>На праздник я файшонку надену и на гулянье иду</u>. Ой, файшонки ещё <u>были подвенечные</u>. Кружевна така косынка треугольна. Фальшонка чёрна быва́т, вя́зана так, их называли фальшонки. Косынка без кистей чёрная. Бога́ты носили фальшонки вязаные; шарфы и платки звали. Фальшонка сделана, она шёлкова, <u>только в це́ркву ходить</u>. Их вязали и покупали. Свахе фальшонку надели, а перед церквей снимали фальшонку* [3, с. 461].

Невест на свадьбах также наряжали в шали и платки, это считалось красивым и статусным. Ср.: ***АРТАВСКО́Й ПЛАТО́К***. *Большой платок с кистями, шаль. Артавски́е платки. Когда нет такой шали, бедная невеста была* [3, с. 17]. ***ХРУ́СТКА***, *и,* ж. *Женский головной платок. Хрустку жених ей подарил* [3, с. 470].

Если повседневная одежда была максимально простой, её крой стремился повторять формы человеческого тела для удобства работы, то праздничный костюм, надеваемый в основном в церковь, был разнообразным, здесь проявлялся эстетический вкус, необычная фантазия, развитое чувство прекрасного. К нарядным вещам относились бережно, трепетно, хранили их десятилетиями. Ср.: ***НАРЯ́ДКИ***, *ков,* мн., собир. *Праздничная одежда. В праздники надевали нарядки всей семьёй, затем снимали и берегли до следующего праздника* [3, с. 263]. ***ОБРЯ́Д***, *а,* м. *Наряд. У бабки моей есть обряд старинный. Обряд был хороший, бра́вый,*

не то, что счас. Обряд старинный я им показывала [3, с. 278]. ***ОБРЯ́ДНЕНЬКИЙ****, ая, ое.* Ласк. *Хорошо одетый, нарядный. Девчонки обрядненькие да хорошенькие. Обрядненькие на работу не ходили* [3, с. 278].

Женский праздничный костюм отличался особой изысканностью и оригинальностью: изобиловал буфами, складками и рюшами. Такие наряды были не просто одеждой, а воплощением эстетических вкусов, положительных эмоций радости, праздничного настроения, определённых культурных смыслов и функций, указывающих на возраст, семейное положение, социальный статус. Женщины на праздник надевали праздничные юбки, которые береглись для исключительных случаев и не надевались на повседневную работу. Слово «юбка» трактуется как «женская одежда, облегающая фигуру от талии книзу (ниспадающая свободными складками, прямая или суженная в подоле и т. п.)» [4, с. 1970]. Жительницы Приамурья широкую юбку на резинке называли «татьянкой», считали её удобной и красивой, также «татьянкой» называли расклешённое книзу платье. Ср.: ***ТАТЬЯ́НКА****, и,* ж. *Вид женского лёгкого платья. Татьянка, она шьётся до пояса в обтяжку, а юбка широкая, клёш; на сборках* [3, с. 435]. ***РАСКО́РШИТЬ****, у, ишь, сов., что. Расклешить. Юбка раскоршена, <u>на татьянке</u> тоже <u>красива юбка</u>* [3, с. 364].

Ещё одним элементом одежды, надеваемой женщинами по праздникам и в будни, была кофта. Её шили из той же ткани, что и юбку, такой комплект назывался «парой», или «паркой». «Словарь русских говоров Приамурья» зафиксировал примеры, подтверждающие предпочтение приамурскими женщинами юбок и кофт: ***БОРЧА́ТКА***, ***БОРЩА́ТКА,*** *и,* ж. *2. Юбка с оборками. Борча́тка. Раньше пла́ття не носили — всё юбки с кофтами. Юбки пышные делали, с оборками, борчатками звали* [3, с. 40]. ***БО́РЧИКИ****, ов,* мн. *То же, что бо́рики в 1-м знач. Всяк одежда раньше у нас была. Юбки с борчиками носили и под резиночку.* ***БОРЫ́****, о́в,* мн.; ед. *бор, а,* м. *1. Сборки, мелкие складки на одежде, на лёгкой обуви. Ох, раньше и платья шили! Бор на боре́. <u>Красиво было</u>. Прямая юбка, тут боры наберут. Боров-то побольше. Раньше всё по старинке шили: и с борами шили. Пла́тьички до колен, с борами* [3, с. 40]. *Юбки носили с бора́ми, туды гашник вдёрнут. Гашник продевают, кому надо ремённый поясочек поддерживать* [3, с. 84].

Плюшевые кофты считались у жительниц Приамурья богатой одеждой, стоили дорого, были в моде. Плюшевая ткань была блестящей, мягкой, приятно облегала тело. В народе она называлась «плюшкой». Информант Анна Сидоровна Кутнюк, с. Лермонтовка, 1905 г. р., свидетельствует: *«Ох, <u>и красива</u> у меня плюшка, <u>модна</u>! Я <u>такая радая была</u>, када Андрей её купил. С собой её всегда беру: <u>и в пир и в мир</u>»* (запись сделана автором в 1991 г.). Иногда кофта трансформировалась в полупальто. Этому есть подтверждение в «Словаре русских говоров Приамурья»: ***ПЛЮ́ШКА****, и,* ж. Устар. *Женское полупальто, сшитое из плюша. Плюшки дороги́ были, их по праздникам носили. Прита́лена плюшка шилась. Счас у меня плюшка, а когда-то сак. Плюшки под вид курму́шки ли, пальто* [3, с. 318]. Верхнюю одежду называли ещё «сочок»: ***СОЧО́К****, а́,* м. *Женская верхняя одежда. Женщины носили сочок, сестре <u>такой красивый сочок</u> купили. Сочки <u>сделаны красиво</u>* [3, с. 413]. «Плюшку» могли сшить по типу «корсетки». Ср.: ***КОРСЕ́ТКА****, и,* ж. *1. Женская одежда в виде жилета. Корсетка недлинная, без рукавов. Вниз для тепла надевали. 2. Широкая нарядная блуза, присобранная сзади. Раньше корсетки носили. Она вся присобрана и широкая* [3, с. 196].

Облегающую кофту, которую любили носить жительницы Приамурья, называли «баской»: ***БА́СКА****, и,* ж. *Женская блузка облегающей формы, с широким воланом от талии до линии бедер. Баски носили: кофточки лёгки, по талии, а книзу оборка, расширена книзу* [3, с. 26].

Кофты с буфами на рукавах и узкими манжетами называли «казачкой». Ср.: ***КАЗА́ЧКА****, и,* ж. Устар. *Женская кофта в талию с буфами на плечах и узким рукавом. Раньше мы в казачках ходили. Это така́ кофта в обтяжку. Девки <u>на праздник</u> казачки надевали. Казачки — кофты, их изрежут все, как клинушками* [3, с. 170]. Ср. там же: ***КАЗАЧО́К****, чка́,* м. *1. Короткий женский жакет в талию. Фуфаечки таки были, называли курму́шечки, казачки, приталены жакеточки. Всё больше обтяжны́ были курму́шечки, казачок называли. Юбки кошёны были, казачки носили. 2. Длинное женское платье в талию, с узким рукавом. Раньше казачки шили, дли́нны таки́ пла́ття, рукав гри́бом сделан, а дальше в обтяжку, вот их и называли казачками. Помню, у мамы был казачок из чёрного и синего бархата. Платтятода мы носили приталены, таки платтяназывали казачок* [3, с. 170].

Пышные, присборенные или в складку юбки назывались «сборисками» и «спидницами»: ***СБОРИ́СКА****, и,* ж. *Присборенная на талии юбка. А зимой носили сбориски. Их надевали под юбку, были они присборены. Очень красивые кофточки* [3, с. 383]. ***СПИДНИ́ЦА****, ы,* ж. *Нижняя или верхняя юбка. Нижние и верхние юбки назывались спидницами. В наше время <u>спидницы красивы были</u>, в складочку и пышные. Спидницу всегда под юбкой носят, её белую шили. Раньше все бабы спидницы носили. Платок назывался у нас кустка, а юбка — спидница* [3, с. 415].

Поверх платьев нередко надевался затейливый передник, называемый ***ЗАПО́НКА****, и,* ж. и ***ЗАПОНО́К,*** *нка́,* м. *То же, что запо́н. Раньше женщины <u>красивые запо́нки</u> носили. Запонки носили поверх платья. Сшитые белые фартуки запонками назывались.* ***ЗАПО́Н***, ***ЗАПУ́Н,*** *а,* м. *Передник, фартук. Запон — фартук, и с нагрудничком но-*

сили, с про́ймочкам, обязательно фартучек. Запуны шили с оборками. Запуны были до живота, обделанные широкими рюшами. Фартук без нагрудника. Запон только вниз, а фартук уже с нагру́дкой [3, с. 151].

«Словарь русских говоров Приамурья» выдаёт контексты, из которых следует, что женщины Приамурья любили носить яркие, пёстрые кофты, украшенные буфами, кружевом и вышивкой, особенно красивым считалось украшение одежды бисером, или «аромантами»: ***АРОМА́НТЫ****, ов,* мн. *Украшения. Модная кофта вся как есть в аромантах ушита и бисером вся уделана* [3, с. 17]. Возможно, по аналогии со словом «казачка», амурские женщины стали называть свои кофты «японка», причём «японками» именовали не только кофты, но и юбки. Ср.: ***ЯПО́НКА****, и,* ж. *Женская кофта с неотрезным широким рукавом, сильно зауженная к талии. Шили юбки без складок, японки. Мама японку носила, красивая такая, рушечкой отделана* [3, с. 507].

Беременные женщины на Амуре носили свободные, просторные кофты, которые назывались «мотыне». Ср.: ***МОТЫНЕ́****,* нескл., ср. Устар. *Широкая блуза, в которой ходили беременные женщины. Мотыне — кофта дли́нна, краси́ва, большинство бере́менны носили. Счас бы соше́й кто-нибудь, и кажной бы женщине захотелось сошить мотыне* [3, с. 247].

Уделялось также внимание аксессуарам: бусам, ожерельям, браслетам, гребёнкам. Так, на праздники надевались «дукачи», «жарелки», «намисто», «бруслеты», «кальвы», «пипилетки», «чупники», «коральки»: ***ДУКАЧИ́***, ей, мн. *Крупные бусы. Невеста дукачи надевала, и девушки дукачи носили* [3, с. 120]; ***ЖАРЕ́ЛКИ****, ок,* мн. *Бусы разноцветные. А мы молодые жарелки носили. Они были таки больши, разноцветны* [3, с. 128]. ***НАМИ́СТО****, а,* ср. *Монисто. На праздник намисто надевали, чтоб красивы были. Мама на базаре намисты купит* [3, с. 259]. ***БРУСЛЕ́Т,*** *а,* м. *Браслет. Бусы вся́ки ра́зны носили, бруслеты. Какой красивый бруслет! Да бруслеты, мане́йки носили* [3, с. 45]. ***КА́ЛЬВЫ,*** *ов,* мн. *Монисты, украшения для женщины, девушки. На свадьбу всегда женщины кальвы одевали. Они красивые, на свету переливаются* [3, с. 172]. ***ПИПИЛЕ́ТКА****, и,* ж. *Заколка. Такая пипилетка была у меня красивая. Она и с камушками была, вся переливалась* [3, с. 315]; ***ЧУПНИ́К****, а́,* м. *Большая гребёнка, используемая в женской причёске. Чупник — большая красивая гребёлка, с чупниками делали причёску* [3, с. 488]; ***КОРА́ЛЬКИ́****, ко́в,* мн.; ед. *коралёк, лька́,* м. *Бусы. Коральки были на косынках. Это крупна цветна би́сера. Я не любила коральки надевать на вечёрку, а другие носили, ещё и серёжки наденут. Коральки покупали у китайцев. Я коралёк нашла, поишшу́ ешшо, бусы сделаю. Приехали с Западу, думали, тут коральки на леси́нках висят, ничем не поджились — работать везде надо.* ***КОРАЛЁЧЕК****,* чка, м. *Ласк. к коралёк. В голову причёски надевали, гра́белки по три-четыре, кольцовые, роговые с беленькими коралёчками* [3, с.196].

Те, кто не мог позволить купить себе украшения, пытались изготовить их самостоятельно, например из ягод шиповника, который называли «шипишкой», «шипочником». Ср.: *Шипишку в пять рядов надевали — вот и бусы. Бусы делали из шипишки* [3, с. 497]. ***МОНЕ́ЙКИ****, не́ек,* мн. Устар. *Бусы, ожерелье. Бусы называли монейки. Я монейки не носила, мать у нас носила. Монейками называли бусы вся́ки ра́зны. Только краснеть начнёт шипочник, мы монейки наделаем, носили монейки. А раньше мы монейки делали, коральки́. Нов.-Даур.: Мане́йко — монисто, ожерелье* [3, с. 244].

Большую роль при выборе и пошиве праздничной одежды играли такие ткани, как креп, шёлк, ситец, марлевая ткань. Ср.: ***КРЕПЬ****, и,* ж. *Креп. Крепи возили с Китая. Така красива, шёлкова ткань. Крепь разна была: розова, бела, синя, красна. Вот как марля, така же тоненька. Девки брали на кофты* [3, с. 203]. Ткань считалась красивой, если она была ярких цветов, хорошо прокрашена, тонкая, «дышащая». Ткань должна быть, с точки зрения диалектной личности, «ятной», то есть яркой. Ср.: ***Я́ТНЫЙ,*** *ая, ое. 1. Отчётливый, хорошо воспринимаемый. 2. Яркий (о расцветке ткани). Купила сёдня мате́рие, он ятный, не линю́чий, ятный. Постира́шь это пла́тте — оно такое голубое, ятное* [3, с. 508].

Красивыми считались «тухли» (*туфли*), но туфли, как видно из контекста, носили только богатые. Ср.: ***ТУ́ХЛИ****, е́й,* мн. *Туфли. Богатые собирались отдельно от нас, в тухлях. Они красивые, а мы, бедняки, в чём на работу, в том и на гулянье* [3, с. 448].

Красивой обувью, в представлении жителей со скромным достатком, считалась хорошо сшитая, мастерски сделанная, тёплая, лёгкая, комфортная и удобная обувь: валенки («тёсанки»), стёганные, меховые сапоги («дынки»), женские полуботинки («шитанки»). В данном случае «красота» приравнивалась к понятиям «удобство», «тепло», «мягкость», «лёгкость», «качественная работа». Ср.: ***ДЫНКИ, ДЫ́НЬКИ****,* *ов,* мн. Устар. *Меховая или стёганая женская обувь. Дынки раньше шили с ваты, простежа́т, и дынки. Женски дынки шили. Дыньки из козу́льих лап. Унты ещё дыньки называли. Они невысо́ки, осую́жишь их, застежи́шь, оболочи́шь разным, чтоб краси́вше было. Дыньки из матерьяла и ваты: переда́, голя́шки, ватки положи́шь и прострочишь* [3, с. 122]. ***ТЁСАНКИ****, нок,* мн. *Тонкие валенки. Зимой в тёсанках ходили, в лёгких, красивых* [3, с. 437]. ***ШИ́ТАНКИ****, нок,* мн. *1. Самодельная лёгкая обувь из мягкой кожи или материи с голенищами и без голенищ. 2. Самодельные стёганые женские тёплые ботинки. Шитанки сделаны как высокие полуботинки со шнурочками. Из тряпочки сошьёшь, скотскую кожу выделают, обсою́зят и подошву ко́жану делали. Из тряпочки стежили шитанки. Мама кожини́чку пришьёт*

и носили. Шитанки сошьют по праздникам. Шитанки — это ботинки такие, чтоб лёгоньки были. Мы шитанки только по праздникам носили: тёплые тёплые они были и удобные и по тем временам красивые [3, с. 498]. ***ГОЛО́ВОЧКИ***, *чек,* мн. *1.* Ласк. *к голо́вки в 1-м знач. Купили одни головочки, голяшек-то нет. Ну сошьют, вот так головочки, а потом голяшки пришивают. 2.* Ласк. *к голо́вки. Лёгкая обувь без голенищ, сшитая из кожи преимущественно домашней выделки. Раньше головочки с опушечками были, красивеньки таки́. А родители-то в ичигах ходили и в головочках. Головочки из кожи шили* [3, с. 90].

Таким образом, женский праздничный костюм в Приамурье отличался особой изысканностью. Он включал в себя головные уборы («головочка», «модник», «пёсики», «подзатыльник», «набойничек»), расшитые бисером, кружевом. Голову также могли украшать яркие тонкие кружевные «косинки», «шайфонки», «платки», «файшонки» и т. д., в непогоду женщины покрывались добротными шерстяными шалями. Женщина с непокрытой головой считалась неприбранной, то есть «простоволоской». Ср.: ***ПРОСТОВОЛО́СКА***, *и,* ж. *Неодобр. Женщина с непокрытой головой. Много будет девок-самокруток, и бабы-простоволоски будут* [3, с. 353].

Праздничные кофты «казачки» и «японки» украшались искусной вышивкой, буфами, клиньями, кружевами и «аромантами» (бисером). Юбки («татьянки», «сбориски», «спидницы») были на резинке, свободные, с рюшами, оборками, с борами («борчатки»), нередко составляли пару с кофтой. Модными и красивыми считались изделия из плюшевой ткани — «плюшки», которые шили, как куртки, полупальто, «корсетки» («безрукавки»). Беременные женщины старались выглядеть красивыми и шили свободную, лёгкую одежду под названием «мотыне». Украшениям тоже уделялось определённое внимание, женщины надевали бусы, браслеты, гребёнки: «дукачи», «жарелки», «намисто» и т. д. Интересно, что в украшениях диалектную личность восхищает их переливчатость, сверкание на свету, сияние. Возможно, любовь женщин к блестящим украшениям связана с древним архетипом поклонения воде, блеску волн, их сверканию, а также с отождествлением в коллективном бессознательном женского начала и водной стихии [1].

Праздничная женская одежда в Приамурье призвана была вызывать прежде всего эстетические чувства, а именно: чувство прекрасного, которое было тесно связано с другими положительными эмоциями: с удовольствием изготовления нарядов, их демонстрацией, с восхищением окружающих, праздничным настроением, радостью. Помимо эстетического вкуса, женская праздничная одежда чётко отражала социальную принадлежность, достаток или отсутствие такового.

Список использованных источников

1. *Маковский, М. М. Индоевропейская этимология: предмет, методы, практика / М. М. Маковский. — Москва, 2013. — 352 с.*
2. *Оглезнева, Е. А. Языковая ситуация в Дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей / Е. А. Оглезнева. // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2012. — № 356 — С. 33–38.*
3. *Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : БГПУ, 2007. — 544 с.*
4. *Словарь современного русского литературного языка (Большой академический словарь) : в 17 т. — Т. 17 / Л. С. Ковтун, В. П. Петушков. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965. — 2126 с.*
5. *Степанов, А. Н. Революционно-демократическая концепция эстетизации общественных отношений в России XIX века / А. Н. Степанов: дис… канд. филос. наук. — Самара, 2005. — 188 с.*

Материал поступил в редакцию 24.10.2016 г.

Сведения об авторе: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: 680000, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 21; e-mail: ulius-viktori@mail.ru, тел. (4212) 22-73-80.

ВЛАДИМИР БАБУРОВ: «МОЁ БЫТИЕ МНЕ НРАВИТСЯ»

Интервью с хабаровским художником Владимиром Бабуровым знакомит читателя с важными вехами его творчества, взглядом на искусство и творческий процесс, его позицией по отношению к малой родине. Автор известного памятника писателю Николаю Задорнову (центральная набережная, г. Хабаровск) предстаёт во всей широте своего созидательного диапазона — педагог, ювелир, эмальер, график, скульптор, поэт…

Ключевые слова: Владимир Бабуров, Хабаровск, Всеволод Сысоев, Николай Задорнов, политен, Хабаровский педагогический институт, Арсеньев, «Чёрный квадрат», «Дерсу Узала», счастье.

Keywords: Baburov Vladimir, Khabarovsk, Vsevolod Sysoev, Nikolai Zadornov, PNU, Khabarovsk Pedagogical Institute, Arsenyev, “Black Square”, “Dersu Uzala”, happiness.

Справка

Бабуров Владимир Филиппович родился в 1946 году в Кирове Калужской области. На Дальнем Востоке — с 1952 года. В 1968 году Владимир Бабуров окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Член Союза художников России с 1993 года. Он — автор более 20 осуществлённых памятников и мемориальных досок в Хабаровском крае. Среди них памятник, установленный в устье реки Ульи, посвящённый Ивану Москвитину сотоварищи, — первым русским, вышедшим к берегам Тихого океана (Охотский район); памятник в честь 30-летия Победы, расположенный в Хабаровске возле ТОГУ; обелиск с барельефным изображением Геннадия Невельского (Петровская коса, залив Счастья под Николаевском-на-Амуре); памятник односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (с. Могилёвка, район им. Лазо); памятный знак «Журавли» в честь выпускников школы № 20 г. Вяземского, павших смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны; памятник писателю Н. П. Задорнову (г. Хабаровск); памятник заслуженной артистке России Валентине Соловых (г. Хабаровск); мемориальные доски, посвящённые известным людям (установлены в Хабаровске): академику Вячеславу Фёдорову в МНТК «Микрохирургия глаза», художнику Григорию Зорину на доме по ул. Фрунзе, 65, председателю Хабаровского крайисполкома Григорию Подгаеву и первому секретарю Хабаровского крайисполкома КПСС, почётному гражданину города Алексею Чёрному на здании Хабаровской краевой думы, первому ректору ТОГУ профессору Михаилу Даниловскому и др.

Моей первой воплощённой работой, по сути, стал дипломный проект — барельефная композиция в спортивном корпусе Хабаровского педагогического института. Стена с моими спортсменами просуществовала лет 20. Потом после реконструкции её снесли. Оканчивал я худграф в 1968 году… Это было время, когда любой «изм» в искусстве считался крамолой, даже импрессионизм. Только — махровый реализм. Если спортсмены, то должны быть в трусах и майках. И вдруг я делаю вот такую композицию. Причём защищал её уже в материале, она была воплощена на стене. Недели за две до защиты мой руководитель говорит: «Володя, тебе надо другую тему брать». (Я над этой работой год работал.) — «Как другую тему?» — «Тебе “двойку” за такое поставят». — «Почему?» — «Приезжает академик Беда, будет председателем комиссии, а он такой ретроград… он тебе “двойку” поставит. Давай хоть по черчению какую-нибудь тему возьми».

Но я был к тому времени без сил (ведь столько уже сделал) и подумал: «Будь что будет. За трудоёмкость хоть “тройку” да поставят».

А защита дипломного проекта проходила на месте, около стены. Я пришёл заранее. Обычно защита идёт по такому протоколу: секретарь зачитывает фамилию студента, ты выступаешь, потом слово берёт руководитель, после — оппонент, далее обсуждают отметку. А тут входят, академик Беда посмотрел на работу и говорит: «Я много раз возглавлял комиссии и первый раз вижу, чтобы дипломная работа была в таком объёме, материале и на таком высоком уровне исполнена. Я предлагаю “пятёрку”». Ещё фамилию мою не зачитали… Вот так прошла моя защита. Вот тебе и ретроград.

Учеников у меня полно! Это я сейчас только репетирую — готовлю детей по рисунку к поступлению. А раньше преподавал и на худграфе своей альма-матер, и в политене. Именно мои ученики стали первыми художниками-ювелирами в Хабаровске.

Дипломный проект Владимира Бабурова (1968 г.).

В désинституте я проработал два года, но после мне лет десять давали дипломников. Из них многие стали моими учениками. Дипломная работа — это уже профессия, ведь нужно что-то руками сделать.

На архитектурном факультете политена я преподавал скульптуру и рисунок. Это были непрофилирующие предметы. Скульптура — 2 семестра и рисунок — 4 семестра. Но многие мои выпускники (меня частенько приглашают на юбилейные встречи выпусков разных лет) говорили мне: «Владимир Филиппович, вы нам мировоззрение изменили». Я на скульптуре больше им мозги вправлял. Читал много лекций, хотя это не входило в круг этой дисциплины. Я думал, для чего архитектору скульптура? Вот как-то был в Московском архитектурном институте на повышении квалификации и одного преподавателя-скульптора из Горького спросил: «Что ты студентам даёшь?» — «Ну что я им за два семестра дам? Они у меня ногу лепят». — «Для чего им нога твоя?» — «Ну как же! В академии за 12 семестров студенты успевают всю фигуру пройти. А мои — только ногу». — «Как же так? Ты ведь преподаёшь архитекторам, зачем им нога? Им надо понимание места скульптуры в архитектурном пространстве. Вот для чего нужна им скульптура». Да, есть такие педагоги.

Мне даже удалось добиться того, чтобы с кафедрой архитектурного проектирования мы согласованно давали задание (на втором курсе студенты делали охотничий домик), чтобы был обязательно включён синтез искусств в архитектурный объём. Ведь строечно-балочная система архитектуры мёртвая, она не несёт никаких эмоций, по сути, дисгармонична, пока в неё не внесено что-то природное (дерево, ландшафт, вода). Вот возьмите новый микрорайон — он унылый, сухой и противный, пока в нём не растут деревья, пока он не насыщается природными элементами. И скульптурой. Представьте, вы заходите в современный квартал — серый, прямой, и вдруг раз — такая скульптурина в духе Генри Мура, она будет всё держать, вам будет легче дышать в таком пространстве. Вы получите эмоциональный отклик. Роль скульптурного объёма — как раз внести иррациональное, эмоциональное, добавить в эту мёртвую, схематичную конструкцию живую струю и тем самым достичь гармонии. Действительно, это работало, студентам было интересно мыслить комплексно, а не по накатанной. Для них профессионально необходимо понимать место скульптуры. Не просто памятник поставить, а организовать пространство. И для скульптора важно видеть эту взаимосвязь. А некоторые не придают этому значения. Может, у меня так, потому что я немного в архитектуре поработал… Не знаю, но мировоззрение, благодаря преподаванию и общению со студентами, точно обогатилось.

Возможно, именно такой «Дерсу Узала» (фрагмент памятника Арсеньеву) появится в сквере дома по ул. Калинина, 72 (Хабаровск).

Сейчас обсуждается возможность установки скульптуры Дерсу Узала в Хабаровске, в сквере дома по ул. Калинина, 72. Реставрацией этого памятника архитектуры занимается бизнесмен Валерий Хидиров, на счету которого уже есть подобные успешно осуществлённые проекты. В этом сквере планируется проведение различных творческих вечеров, встреч поэтов и музыкантов нашего города. Дерсу Узала будет кстати в этом камерном месте, он впишется в пространство и ландшафт.

Образ Арсеньева у меня — трагичный. Ведь до сих пор ходят легенды, что он японский шпион. Он был разведчиком нашего генштаба, его послали с заданием нанести на карты наши дальневосточные территории. Только что закончилась война с Японией. Мы проиграли. Владивосток и южные районы были спорными территориями. Разговор дипломатический вести невозможно на словах, нужны карты. Карта — это единственный документ, по которому де-факто можно «застолбить» территорию. На ней проводится граница и ставятся подписи и печати заинтересованных сторон. Карт тогда не было. О чём можно было говорить на дипломатическом уровне? Представляете, какая у него миссия была? Он фактически присоединил дальневосточные земли, создав документ, на основе которого это стало политически признанным фактом. А до этого всё было в подвешенном состоянии. Здесь и китайцы ходили свободно, и были целые поселения корейцев — они все считали, что живут на своей земле. И как с ним обошлась советская власть, с его женой? Детей репрессировали… Его дочь сошла с ума от всего пережитого. Если бы он не умер вовремя, был бы тоже репрессирован…

А вот этот ковёр — Арсеньева [показывает на ковёр, расстеленный на диване в его творческой мастерской]. И вот

Бюст В. К. Арсеньева, подаренный В. Ф. Бабуровым ДВГНБ.

как он ко мне попал. Я же учился в вяземской школе. А там есть лесной техникум, директором которого когда-то был известный учёный-лесовод Усенко. Его дочь Людмила в своё время переехала в Хабаровск и иногда заходит ко мне (кстати, именно она была инициатором памятника Дерсу Узала). И как-то она принесла этот ковёр и сказала, что его подарил её папе Арсеньев. Николай Владимирович учился в университете во Владивостоке, когда там читал свои лекции Владимир Клавдиевич, и они сдружились. На память Арсеньев подарил её отцу этот ковёр. Все эти годы он хранился её семьёй. А теперь она принесла его мне.

Недавно директор научной библиотеки [ДВГНБ] Татьяна Юрьевна [Якуба] приходила ко мне в гости с дагестанцем Бейдулахом Исаевым [постпред Правительства Республики Дагестан в Хабаровском крае]. Он увидел этот ковёр, весь его обсмотрел: «Это старинный аварский ковёр ручной работы! Это с моей родины ковёр». Представляете!

А вот ещё несколько любопытных историй вещей.

Есть у нас в семье часы, которые переходят от отца к сыну. А началось всё с моего деда. Он воевал здесь, на Дальнем Востоке, в Русско-японскую войну. Стал участником знаменитого боя в акватории Порт-Артура, когда японцы заблокировали и уничтожали нашу эскадру. Дед был каптенармусом на миноносце, то есть отвечал за всё хозяйство, включая вооружение и солдатские портянки. По-нашему, зав. АХЧ. Миноносец был потоплен. И дед вплавь добирался до берега, где адмирал флота со свитой наблюдал картину боя [показывает руками, как адмирал смотрел в подзорную трубу]. А дед по судовой роли в случае гибели судна должен был спасать судовые документы. И вот он плывет с портфелем с документами в зубах. Приплыл к ногам свиты. Адмирал, видя такой подвиг, при всех его обнял, поблагодарил за хорошую службу и подарил собственные часы — «Павел Буре» в серебряном корпусе. С этими часами мой отец пошёл в армию в 1938 году. Только отслужил, и война началась — и ещё пять лет. Фронт прошёл с этими часами. Потом он их мне передал. А я в своё время — сыну. Вот такая семей-

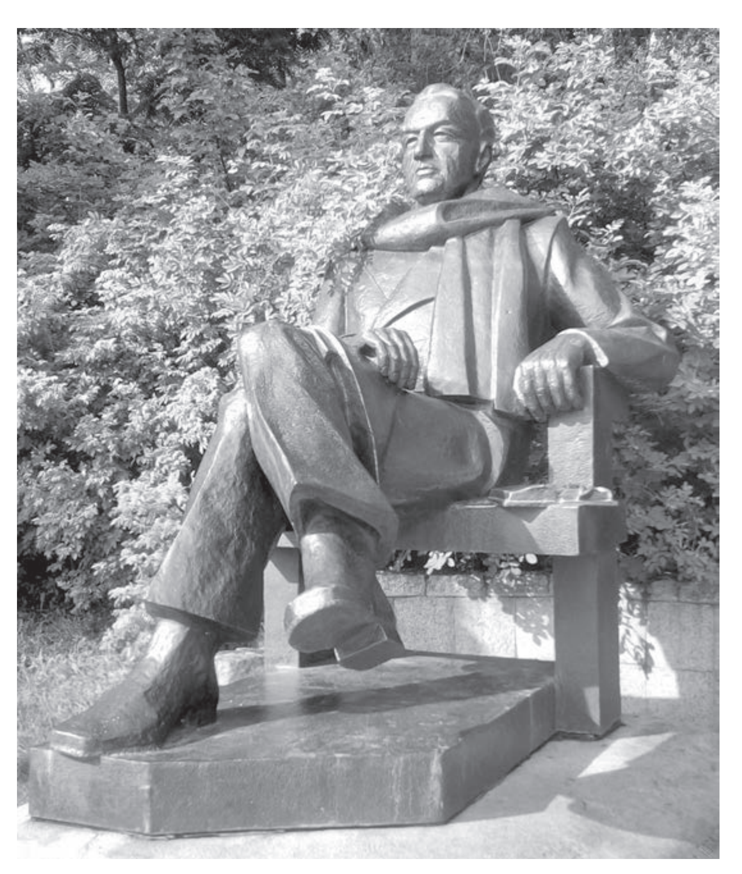

Дед Владимира Бабурова (Санкт-Петербург, 1912 г.).

ная реликвия, часы адмирала.

Вот ещё интересные часы — настенные. Корпус мне принесли позже от других часов, но от точно таких же. Когда я работал в политене, был у меня приятель, физик-ядерщик Яша Шмуклер. Он уезжал в 1990-е годы в Израиль. И перед отъездом приходит ко мне, достаёт мешочек и говорит: «Володя, вот я уезжаю. С этими часами моя семья в 1932 году приехала на станцию Тихонькая. (То есть это первые переселенцы-евреи в Биробиджане. И эти часы они довезли в виде груды шестерёнок. Был только циферблат и сам механизм, без маятника.) Я их всю жизнь хранил. Не повезу же я их в Израиль. На тебе, ты их восстановишь». Механизм у них «Рояль Париж». А эти часы [показывает на висящие рядом] — противоположные еврейским часам. Их мне принёс один знакомый, чтобы я помог их восстановить. И не забирает что-то. У него отец погиб на фронте, и родным кто-то привёз его вещмешок, а там оказались эти часы. На их механизме изображена свастика. Это немецкие трофейные часы. И вот они висят на одной стене — еврейские часы и немецкие. А рядом — православная икона. И она, и эти часы для меня — предметы искусства. В итоге искусство всё уровняло.

Почему я взялся за памятник Николаю Задорнову? Пришёл ко мне Сысоев и говорит: «Володя, понимаешь, Миша конкурс объявил на памятник отцу. Прими участие». — «Да ну, Всеволод Петрович, бросьте, я не скульптор». — «Володя, надо Мишу поддержать хотя бы участием».

А я-то видел Николая Павловича, был с ним знаком лично. Это для меня существенный фактор. Иначе бы не взялся… Победа в конкурсе стала полной неожиданностью! Ведь было подано восемь работ (были даже коллективные участники). И я скульптор вроде как несерьёзный, у меня даже образование не скульптурное. А тут обошёл этих профессионалов… Многие не верили, что у меня что-то получится… Все полтора года, в течение которых я работал над памятником, и в глаза, и за глаза это говорили…

Памятник Николаю Задорнову на набережной р. Амур в Хабаровске.

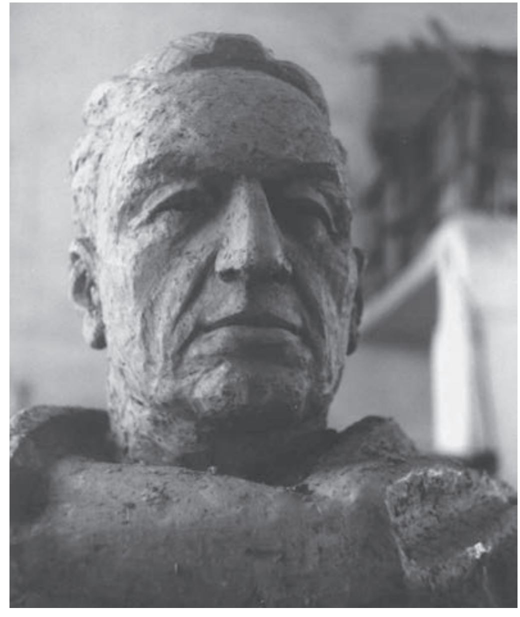
На открытии памятника Михаил Задорнов отметил, что автору удался образ отца: и поэтичный, и интеллигентный... В общем, похвалил.

Как я работал над памятником? На конкурс были представлены эскиз в виде вылепленной из пластилина маленькой модели, окружающий ландшафт (как скульптура впишется в пространство), а также план с ориентировкой по сторонам света. Когда специальной комиссией были определены победитель (мой проект) и эскизы, занявшие второе и третье места, их послали семье Задорнова. Они также выбрали мою работу. И мне была вручена премия за эскиз. Дальше надо было воплощать. Делается рабочая модель в масштабе 1:10. Всё детально прорабатывается — лицо, руки. По рабочей модели исполнители уже могут сделать саму скульптуру. И она тоже согласовывается. В Хабаровск приезжали Михаил Задорнов и его сестра — и они подсказывали, где подправить, чтобы было похоже на отца. Потом сделали фотографию и послали маме в Ригу. Опять вносили правки в пластилиновую модель.

Потом скульптура в натуральный размер — 3 метра — лепится из глины. Варится каркас из стальной арматуры, на него навешиваются крестики из палочек, они держат глину, чтобы она не сползала. И начинается воплощение — с этого масштабированного размера на большой. И снова: похож — не похож. Ведь нужно уловить сходство, передать характерную мимику. И в то же время не забывать, что это скульптура и у неё своя пластика, своя музыка поверхности. Если лепить всё, как у человека, это будет музей мадам Тюссо — натурализм, неприятный, противный и гадкий. Должна быть определённая условность. То есть нужно соблюсти тонкую грань между сходством с живым человеком и условностью скульптуры. Почти год у меня ушёл на эту работу (я уезжал в 9 утра в скульптурный цех и приезжал в 12-м часу ночи).

После делается гипсовый слепок (в виде корки), он отрывается кусками. В его пустоты заливается бетон. И уже

Работа над памятником Николаю Задорнову.

по этим бетонным фрагментам (формам) из медного листа выколачивается скульптура. Памятник Задорнову — это выколотка из медного листа толщиной 2 миллиметра, не литьё. Потом эти фрагменты свариваются, обрабатываются швы. Лицо выколачивал сам специальным молотком — добивался схожести (здесь уже речь о нюансах, миллиметрах). А за остальными деталями осуществлял авторский надзор. Вот попросил ребят, которые варили каркас, вставить в ногу, что на отлёте, швеллер — знал, что будут по памятнику лазить, на коленках сидеть, а эта нога — основной рычаг.

Все эти полтора года сюда, в скульптурный цех, ездила режиссёр нашего телевидения [ГТРК «Дальневосточная»] Лидия Славутская — снимала фильм (от начала работ до воплощения). Хотя, когда вышли на финишную прямую, уже стала терять интерес, даже разуверилась в успешном завершении работы (ей, наверное, что-то наговорили про меня). Но всё равно досняла до конца. В итоге у неё получился 40-минутный фильм, который она посылала на какой-то конкурс в Москву. Его там заметили и даже, по-моему, присудили какое-то место.

Самое сложное для меня в творческом процессе — степень ответственности. Например, памятник Задорнову. В творческом смысле это рядовая заказная работа. Но степень ответственности… Ведь скульптура будет стоять долгие годы на глазах у всех, и если ты где-то ошибся, то это скажется на твоей репутации, твою ошибку увидят. Это требует определённого мужества…

Когда что-то делаешь у себя в мастерской и не получилось — просто выкинул. Или спрятал. А это уже не спрячешь. Заявка на публичность требует принудительного усилия. Даже на выставку несёшь, поджилки трясутся, хотя, казалось бы, не вчерашний студент.

Искусство — вещь кровавая и жестокая. Всегда найдутся недоброжелатели, которые будут уверены в твоём позоре. Но здесь и конкуренция с самим собой. Художник творит, когда он уверен, что творит нечто новое. Иначе не будет мотивации.

Меня часто критиковали: «Что ты разбрасываешься? Бил бы в одну точку, достиг бы большего». А я вот в одну точку не бью… Для меня одинаково, что я перстень делаю, что памятник ваяю, что чеканку изготавливаю, что эмаль. Это всё — творческий процесс. Это — создание новой формы, которой до тебя ещё никто не создал — ни природа, ни люди. Через это ты с каким-то посылом обращаешься к человечеству. Просто разные материалы и разные техники. Иногда я делаю ножи (изживаю свой комплекс охотника и воина), раньше увлекался изготовлением курительных трубок. Бывает, на губной гармошке джазовые вариации наигрываю. А стихи… Какая-то часть меня, наверное, оказалась невыплеснутой во вне. К своим стихам я отношусь с большим юмором — как к казусу. Просто у меня была потребность написать.

Сейчас делаю абстрактные композиции. Такое искусство в моём понимании — вершина, до которой я пытаюсь дотянуться. Гораздо проще делать конкретное. Мы привыкли, что искусство изображает. Но ещё в конце XIX века с развитием науки, философии появились абстрагированные представления, которым нет аналогов в природе, в предметном мире.

Вот автомобиль. Кого он изображает? Но на некоторые мы смотрим, и они вызывают восхищение, а другие — уродливые коробочки. Художник не обязан изображать. Он может создавать мир. Зачем Кандинскому было изображать, когда он выплёскивал эмоции? Ему изображение мешало. Он выплеснул, и эта энергетика осталась на холсте, и через неё можно войти в диалог с художником. На картинах передвижников, допустим, всё изображено, всё содержание пересказано, умом вы восприняли: да, талантливо, да, мимика, одежда. Но больше там ничего нет. Второй раз смотреть — зачем? Я уже видел. В чём ценность абстрактного искусства? Оно воздействует на эмоции. А эмоции сегодня одни, завтра — другие. Разный контекст. Поэтому ваше восприятие одной и той же вещи будет разным в зависимости от состояния вашей души. Помните «Руанский собор» Клода Моне, который он писал в разное время суток? Это не изображение здания, а впечатление от него. Французская академия художеств назвала эти работы мазнёй. Привыкли, что художник должен изображать как можно точнее — передавать все детали. А у Моне — утро, туман, дымка (практически леонардовское сфумато), солнце пронизывает воздух… Он сумел передать это состояние в преддверии дня, когда ещё ничего гадкого не случилось, когда кажется, что этот день будет счастливым и радостным… Это совсем другое, это ассоциативно-эмоциональный образ. Люди, привыкшие видеть только изображение, его там не увидят. И будут возмущаться. Пришли в хлебный магазин и спрашивают гвозди: «Почему это у вас гвоздей нет?» Идите в другой магазин за гвоздями — вот решение. А у нас привыкли: чего там нарисовано?

Что нарисовано в «Чёрном квадрате» Малевича? Я тоже, мол, так сумею… Сумел бы сумел, да не посмел. Это уже не изобразительное искусство. Это концептуальный, философский взгляд на мироздание, иная форма восприятия мира. Абстрактное искусство обладает множественностью содержательных планов. Сколько можно увидеть содержаний

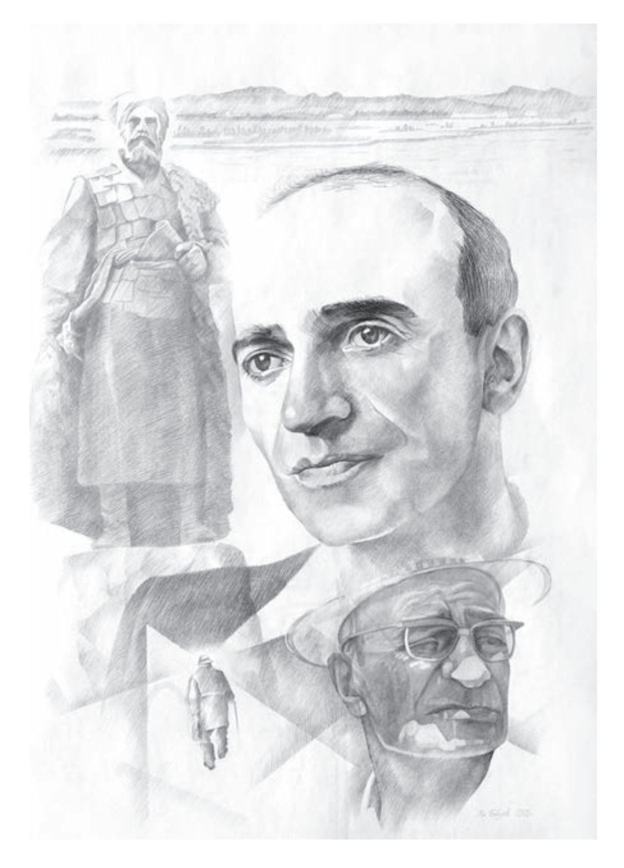
в «Чёрном квадрате»? Фактически это пиксель. Кирпичик мироздания, из которого состоит всё остальное. Возьмите первородный взрыв, в его результате только водород образовался, из которого впоследствии стали складываться молекулы, атомы, в итоге мы состоим из этих кирпичиков. Ведь это какая глубочайшая мысль. Хотя сам Малевич наверняка так масштабно не мыслил. Но диапазон воздействия абстрактного искусства широк, потому что всякий раз оно вступает в диалог с конкретным человеком, у которого свой собственный генетический опыт, личный опыт, интеллект или его отсутствие, своя широта (или узость) восприятия. В своём стихотворении я выразил лишь свою версию восприятия «Чёрного квадрата», у другого человека — своя версия, и это тоже будет правда… Эта картина признана мировым шедевром, потому что она — свидетельство иного философского осмысления бытия в начале XX века. Никто же до него это не сделал… А после уже легко говорить, что я так тоже могу. Он много размышлял: из чего состоит свет, почему в природе цвета имеют такое многообразие оттенков, и нужно ли это художнику, когда он берёт краски, которые ограничены палитрой. Как вместить то многообразие в эту ограниченность? Начинает работать мозг: а не привести ли эту ограниченность к основным цветам, некой концентрации. Это поиск первоосновы. Почему астрономы сейчас обращаются к первородному взрыву? Потому что через него мы понимаем механику всего остального. «Чёрный квадрат» — это философское исследование через область искусства. Не через осмысление теории, а через чувственное осмысление гармонии. Просто другая сфера деятельности изучает этот вопрос. Малевич искал, как и учёный, первоосновную причину, и он привёл её к гениальнейшей мысли — чёрному квадрату. У китайцев есть понятия, связанные с разными драконами: чёрный — река Амур, красный — праздничный, золотой — символ императорской власти, белый дракон — символ ужаса, самого ужасного ужаса, который может быть (абстрактное понятие). Он изображается просто квадратиком. Это настолько ужасное, что его ничем не изобразишь. В моих стихах я говорю: «И, может быть, это — по сути, и есть Единственно верный из образов Бога». Бог — это тот, кто создал не только эту комнату, где мы с вами сидим сейчас, но и миллиарды вселенных… Этот создатель — ну неужели это дядька с бородой, сидящий на облаке? Не зря у тех же иудеев и мусульман бога изображать нельзя, потому что нет эквивалента понятию бога в природе. И «Чёрный квадрат», как и белый квадрат у китайцев, наиболее всеобъемлющий образ, подходящая икона для выражения понятия бога. Самое оптимальное. Оно может в таком виде уложиться у нас в голове.

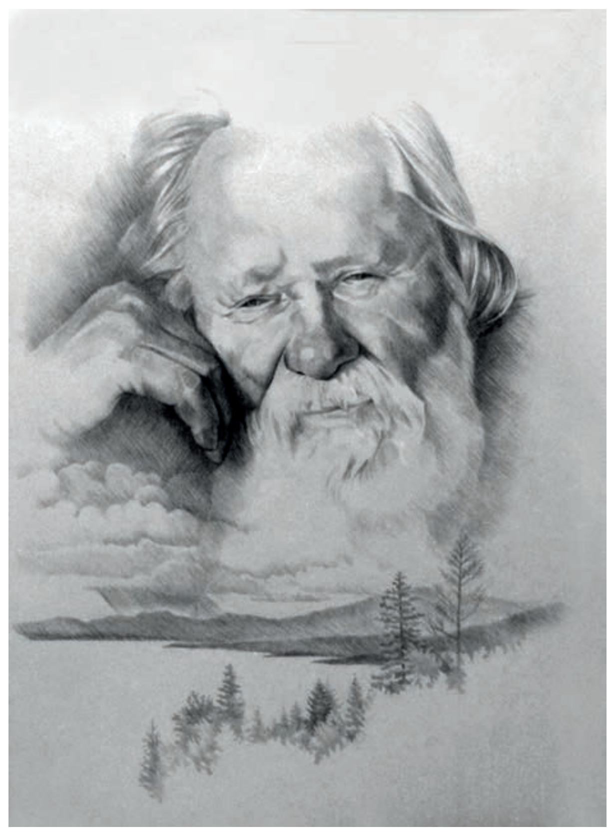
В шесть лет я прочитал «Дерсу Узала». Вообще я очень рано начал читать. Когда мне было где-то 2,5 года, случилась такая история. Мы тогда жили на западе, в Калужской области (город Киров), рядом с нашим домом был пруд с мостками, где женщины полоскали бельё. Я со своей старшей сестрой пошёл туда, поскользнулся и упал под мостки. Меня оттуда вытянули, я сильно испугался, плакал. Меня привели домой, посадили на русскую печь… Чтобы меня утешить, отец купил мне книжку Маяковского «Детям» с такими яркими картинками! В ней были стихи «Конь-огонь», «Крошка сын к отцу пришел…». Именно с этой книги я начал читать, по ней учил буквы. Когда мы переехали в другое место, я стал ходить с сестрой в библиотеку, мне тогда было 4–5 лет (помню, читал сказку «Лисичка со скалочкой»).

Мои родители работали учителями в железнодорожной школе. Тогда такие учреждения были военизированными. Все носили форму с погонами. Как-то с проверкой приехал в нашу школу генерал. На собрании он предложил учителям переехать на Дальний Восток. Моя мать (учитель географии) прикинула, что эти места (Хабаровск и южнее) находятся в субтропиках и здесь не только есть виноград, но и помидоры вызревают (на западе их, как в нашем Приморье, в валенках держат). В семье было четверо детей, у родителей, сами понимаете, зарплата небольшая. Собственный огород имел важное значение. Поэтому и решились поехать. И мама, готовясь к переезду, купила книжку Арсеньева «Дерсу Узала» и дала мне, шестилетнему, в поезде её почитать. Будучи взрослым, я не раз перечитывал этот роман и убедился — в принципе в детстве мне всё было понятно в этой книге. Так что прочёл я её тогда не рано для своего возраста. Мне было интересно. На западе тайги нет — там всё в полях. А тут я читаю про тайгу, Дерсу Узала…

И вот мы приехали в Хабаровск в декабре 1952 года. Вокзал был ещё старый с проходом через здание. Мы заходим в холодный тамбур, бетонный, заплёванный. Первое, что я вижу на Дальнем Востоке, на полу сидит существо (человек ли это?) в какой-то шкуре (вроде мешка из меха собаки), с голыми руками и голой грудью кормит ребёнка. Это была нанайка. Её не пустили в помещение вокзала. Вот мы куда приехали!

Выходим на площадь перед вокзалом (памятника Хабарову ещё не было). Где сейчас трамвайное кольцо, там стояла деревянная столовая, а за ней был глубокий овраг, много круглых фанз и несколько обычных изб. Справа — булыжная мостовая. И в бесконечность, казалось, уходит это большое количество фанз с конусными крышами. Тогда ещё речка вместо бульвара была. Ну, думаю, экзотика! Женщина — полуживотное, какие-то дома круглые. И

Графические портреты современников — скульптора А. П. Мильчина и писателя В. П. Сысоева.

где-то далеко редкими зубьями торчат каменные двух- и трёхэтажные здания на нынешней Муравьёва-Амурского. Остальное — Шанхай.

Я застал то время, когда японские военнопленные возвели партшколу только до третьего этажа. Мединститута не было. Где книжный магазин [«Книжный мир»] — летом был цирк-шапито.

Через речку Чердымовку были перекинуты деревянные мосты. Помню, иду как-то и вижу, что в ней самосвал колёсами кверху лежит — свалился. А внизу, под мостом, домишки, огородики…

Меня как-то спросили, жалко ли мне старый Хабаровск? Старый город вроде был хороший, а сейчас чего-то строят и строят… Я в свою очередь поинтересовался, есть ли у них дети, взрослые ли они? А любили ли их, когда они были маленькие? — «Конечно!» — «А где те дети сейчас? Куда они делись?» Так и город. Это живой организм. Он не может маленьким голопузиком у вас под ногами бегать. Он растёт и развивается.

Помню, в 1963 году я летел в самолёте над Хабаровском — сплошной частный сектор, только улицы Карла Маркса и Ленина выделялись да редкие одинокие высотки торчали. Что такое сегодня Хабаровск без единого силикатного или панельного дома? Остальное уже тогда было. Сломали только ветхое, деревянное.

Моя приятельница, коренная москвичка, однажды гостила тут летом — говорит: «Если бы не говорили по-русски, подумала, что я где-то в Швейцарии, за границей». Знакомые итальянцы тоже, когда были у меня, отмечали, какой европейский город.

Как-то был в книжном магазине и услышал разговор на английском. Повернулся — продавщица не может понять, что от неё хочет иностранная молодая пара. Предложил свою помощь. Им нужна была карта Голландии (они оттуда, хотели своему знакомому хабаровчанину показать, где они живут). Я у них, пользуясь случаем, спросил, где они ещё были. В Санкт-Петербурге, Москве, Новосибирске — городов шесть российских назвали. Как Хабаровск? — Самый хороший, лучший из всех городов!

Хабаровск очень комфортный. Он по размеру человека, по масштабу. Не давит, как Москва. Хабаровск — как хорошая одежда: «сшит» по фигуре.

Хабаровск — самый любимый город, лучший город на земле. Я это особенно осознал, находясь в Эмиратах… Пришлось за свою жизнь много где поездить (есть с чем сравнить): был неоднократно в Прибалтике (в советское время это вообще почти заграница была), Новосибирске, Тюмени, Тобольске, Пскове, Костроме, Рязани, Москве, Ленинграде…

Тогда тоже стремились все на запад из Хабаровска, из

«этой дыры»… Я как-то был на творческой всесоюзной даче в Паланге (Литва) по линии Союза художников. Приехали коллеги из Грузии, Москвы, Прибалтики, Ленинграда. Жили там два месяца. Руководителем рижан был Индулис Урбан. Мы с ним сдружились, и он мне как-то говорит: «Володя, приезжай в Ригу, я тебе помогу…» — «Нет, не хочу». — «Почему? Все же хотят». — «Я живу в Хабаровске и хочу, чтобы Хабаровск стал как Рига. И чтобы в Хабаровск хотели ехать». Где-то в шутку, конечно, сказал. А на одном из вечеров Индулис взял слово и говорит, какой Владимир молодец. И пересказал наш разговор…

Эмираты! Голубая мечта многих. Ах, Эмираты, ах, Шарджа! Тоже туда ехал в восторге. Архитектура, роскошные магазины (особенно в конце 1990-х годов). У нас дефицит всего ещё сохранялся. Приезжаю — всё роскошное! Ну неделю, две, месяц эйфория. Вечером, бывает, возьмёшь такси, едешь по Альварда-Роуд, магазины, витрины, рестораны без алкоголя (в Шарджи сухой закон)… Вот и всё развлечение. Духовной жизни в нашем понимании нет вообще. У них духовная жизнь в мечети. А больше ничего нет. Ну море. Летом дневная температура +52. В море купаться возможно только ночью, когда хоть какая-то прохлада (+37). Заходишь в воду — как горячая ванна у нас зимой. Выйдешь — прохладный ветерок из пустыни чуть-чуть обжигает. Пекло! Это экстрим, как Чукотка, только с другим знаком.

В январе не выдержал и купил билет на самолёт до Москвы. Улетал, было +35, через 2,5 часа лёту — Москва. Здесь –18, пронизывающий ледяной ветер и колючие снежинки. А я как божественной влагой упиваюсь этим морозом! Целый день ходил по Москве, гулял по Арбату, вечером был самолёт на Хабаровск.

Да, в молодости, когда нигде не был, казалось, что есть где-то лучезарные места. А когда в этих местах побываешь…

А наш Хабаровск великолепен! Для жизни места лучше не придумаешь. Не знаю: может, я так хорошо устроился…

Не приживаются тут снобы;
Натура каждого видна.
Народ живёт в краю особый,
И люди самой высшей пробы
Здесь чашу пьют свою до дна.

[Цитата из стихотворения В. Ф. Бабурова
«В далёком крае».]

Знаете, что такое счастье в моём понимании? Закон гармонии правит и макромиром, и микрокосмом. Ему подчинены всё и вся. И человек создан по нему. Он — сочетание разума и эмоций, двух опытов (генетического и практического). Если эти два опыта в гармоничном сочетании — то личность гармоничная. Так вот, когда человек находится в состоянии гармонии, только тогда он воспринимает своё бытие как счастливое. В этом смысле я могу себя считать счастливым человеком. Потому что мне моё бытие нравится.

В декабре 2016 года Владимир Бабуров стал лауреатом премии губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства.

У меня есть роскошь заниматься тем, что нравится, что интересно. Когда дело нравится, значит, оно соответствует твоей гармонии. В противном случае это мучение, дисгармония.

Я был в дисгармонии, когда после окончания вуза по распределению попал в школу в Северо-Эвенск Магаданской области. С детьми я управился быстро, навёл дисциплину, заинтересовал своим предметом. Правда, одного я наказал, выгнал с урока, толкнув его в дверь. Он бежал по посёлку и голосил. Но не от боли, а от обиды. Учителя мне говорили, когда узнали: ты что наделал? Это же сын первого секретаря… Я об этом не знал. Этот пацан третировал всю школу. Он настолько обнаглел! Мог на уроке ходить, тыкать учителям… Через три дня увидел его на улице — идёт по противоположной стороне улицы и, сняв шапку, кланяется мне, здоровается. Папа, наверное, мозги вправил. Но сама атмосфера в школе, чинопочитание, кто-то лебезит перед

директором. А куда учителям деваться? Тут — тундра, там — море с Чукоткой… Школа одна. Вот и выкручивались, боялись место потерять. Я вступил в конфликт практически с первых дней. Через четыре месяца написал заявление и улетел в Хабаровск.

Современной молодёжи я посоветовал бы прочитать к 15-летнему возрасту метровую стопку классической литературы. Чтобы обрести гармонию, выходящую за диапазон твоего личного жизненного опыта, человечество научилось копить и транслировать опыт поколений через литературу и искусство. Что такое классическая литература? Литература становится классической, когда остальное отвергнуто, а её люди продолжают читать. То есть она прошла испытание временем. Почему нам интересно читать Стендаля? Или Мериме? Не события нам важны, не сюжет — отношения, как в той или иной ситуации люди себя ведут. Я в подростковом возрасте прочёл «Айвенго» Вальтера Скотта. Недавно перечитал. Да, уже забыл сюжетную линию, но вот это ощущение, что рыцарь не ворует, не обижает слабого, это человек, исполненный благородных качеств, — осталось на всю жизнь. Перечитывал «Анну Каренину». Ну, казалось бы, что нас там должно взволновать — баба изменяла мужику с другим. Но как выстраиваются поведенческие, отношенческие перипетии — вот это интересно.

Прочитав стопку классики, человек увеличит свой диапазон — он в любой компании будет принят. Он в принципе станет человеком. Вот английский джентльмен — он всегда в любой компании в своей тарелке: и в портовом кабаке, если нужно, морду набьёт, и на приёме английской королевы, одетый с иголочки, будет вести себя уместно. Прочтение литературы формирует диапазон личности. Кто прочитал — тот джентльмен. А кто нет — он так и останется Васькой Пупкиным.

Подготовила Ольга Волкотрубова.
Фотографии из архивов ДВГНБ и Владимира Бабурова.

НАУМОВА РАИСА ВЯЧЕСЛАВОВНА

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА НИВЕ СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ И ПРОДВИЖЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОЙ КНИГИ

(из опыта соработничества Хабаровской епархии и Дальневосточной государственной научной библиотеки)

Автор статьи представляет информацию об успешных практиках плодотворного сотрудничества Дальневосточной государственной научной библиотеки и Хабаровской епархии в сфере просветительства и сохранения духовных традиций русской культуры. Основные векторы эффективного соработничества, среди которых — формирование и использование православных информационных ресурсов; просветительская, образовательная, научно-исследовательская, выставочная, проектная, а также грантоведческая деятельность, демонстрируют масштаб и разноплановость работы.

Ключевые слова: Хабаровская епархия, Дальневосточная государственная научная библиотека, православная литература, православная культура, государство и Церковь, «Радость слова».

Keywords: Diocese of Khabarovsk, Far Eastern State Scientific Library, Orthodox Literature, Orthodox culture, the state and the Church, “The joy of words.”

В Дальневосточной государственной научной библиотеке 27 ноября 2015 года прошла работа секции «Искусство и православная традиция: пути взаимодействия светской и церковной среды» в рамках проведения в Хабаровске регионального этапа XXIV Международных Рождественских образовательных чтений под эгидой Хабаровской епархии. В ней приняли участие 62 специалиста из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Вяземского муниципального района. С докладами выступили сотрудники краевых учреждений культуры, представив практический опыт взаимодействия с Хабаровской епархией в области духовного просветительства.

После завершения региональных этапов чтений 25 января 2016 года в Государственном Кремлёвском дворце в Москве состоялось торжественное открытие XXIV Международных Рождественских образовательных чтений «Традиция и новации: культура, общество, личность».

В форуме приняли участие более 17 тыс. человек из стран канонического присутствия Русской Православной Церкви. В рамках Рождественских чтений прошло более 150 конференций, круглых столов, презентаций, мастер-классов, на которых участники обменялись накопленным опытом, представили новые разработки в области образования, духовно-нравственного просвещения, миссионерской и катехизаторской деятельности, социального, молодёжного, тюремного служения, взаимодействия Церкви с обществом и СМИ.

На заседании секции «Епархиальные древлехранители и музейные работники: обмен опытом» автором был представлен доклад по актуальной теме продвижения духовно-нравственной литературы и чтения.

***

Основной деятельностью публичных библиотек является продвижение чтения и книги как одного из важнейших средств формирования духовно развитой личности. Эффективность данного направления деятельности напрямую зависит от тесного взаимодействия государственного библиотечного сектора и церковных служб. На современном этапе прослеживается системная, планомерная и масштабная работа библиотек совместно с региональными епархиями, направленная на раскрытие духовных основ русской культуры, развитие духовно-нравственного потенциала, утверждение ценности гражданского общества на православной основе. При реализации инновационных проектов и программ по продвижению чтения православной, духовной литературы используются презентационные, интерактивные, мультимедийные формы работы.

Дальневосточная государственная научная библиотека является крупнейшим в регионе центром популяризации православной, духовной, исторической литературы. Ежегодно библиотека оказывает информационную поддержку социально-культурным программам Хабаровской епархии. В Хабаровском крае разработан стратегический документ о сотрудничестве Дальневосточной государственной научной библиотеки с Хабаровской епархией Русской Православной Церкви на 2015–2017 годы. В нём отражены основные концептуальные модули: организация и проведение информационно-просветительских мероприятий; образовательные семинары для библиотечных специалистов; серии книжных выставочных проектов, посвящённых празднованию священных событий и дней памяти особо чтимых святых; цикл публичных открытых лекций о ценностях и традициях многовековой православной культуры; выставки-ярмарки православной литературы. Библиотека ежегодно выпускает печатную продукцию малых форм с целью формирования православной культуры: «Праздники Святой Руси», «Православие и образование в Интернете», «Православные храмы Хабаровска».

В Хабаровском крае широко отмечается День православной книги, ряд проектов стал традиционным и получил положительный общественный резонанс. Ежегодно проходит выставка одной православной книги, например, в 2014 году была представлена выдающаяся богослужебная книга XVII века — «Большой требник Петра Могилы».

Впервые на региональном уровне специалистами Дальневосточной государственной научной библиотеки было подготовлено и выпущено научно-популярное электронное издание «Православная культура на Дальнем Востоке России» в рамках Всероссийского конкурса «Православная инициатива». Это первая попытка в истории Хабаровского

Торжественное открытие Межрегиональной православной книжной выставки-форума «Радость Слова» в основном здании ДВГНБ. Хабаровск, 18 марта 2015 г.

края собрать в электронном виде обобщающие сведения об исторических событиях православной жизни, информацию о православных храмах и священнослужителях Дальнего Востока. Данное электронное издание подготовлено для педагогов, библиотекарей в качестве методической и информационной помощи в благочестивом деле духовно-нравственного и патриотического воспитания молодого поколения. Отдельной частью проекта являлась просветительская составляющая — продвижение электронного продукта. Была проведена серия публичных презентаций (всего пять) электронного издания «Православная культура на Дальнем Востоке России» в различных городах Дальнего Востока: Хабаровске, Амурске, Бикине, Комсомольске-на-Амуре, Владивостоке.

Одним из ярких событий в культурной, духовной жизни Хабаровского края стало проведение в Хабаровске Межрегиональной православной книжной выставки-форума «Радость слова» (18–22 марта 2015 года), организаторами которой выступили Издательский совет Русской Православной Церкви и Хабаровская епархия. В торжественной церемонии открытия выставки приняли участие губернатор Хабаровского края В. И. Шпорт, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви митрополит Калужский и Боровский Климент, митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий.

В Год литературы на площадке библиотеки развернулась экспозиция новой православной, духовной, исторической, детской литературы; прошла конференция, посвящённая 1000-летию памяти святого равноапостольного князя Владимира, были организованы круглые столы, фотовыставки, встречи с писателями. За весь период работы выставки-форума её посетило около пяти тысяч человек.

Ежегодно Дальневосточная государственная научная библиотека совместно с Хабаровской духовной семинарией проводит для библиотечных специалистов образовательный семинар-тренинг «Современный репертуар православной книги». На семинаре обсуждается широкий круг вопросов, связанных с сохранением ценностей отечественной культуры в эпоху глобализации, историей и современным состоянием православного книгоиздания. В течение пяти лет (начиная с 2010 года) программа семинара включала актуальную информацию по истории православной книги (к 450-летию первой русской печатной книги «Апостол»), об инновационных проектах православной тематики, электронной православной книге в фондах Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина. Даны анализ современного репертуара православной книги, характеристика православных периодических изданий.

«Желая возродить величие Отечества, мы не должны забывать, что немыслимо возродить культуру, нравственность, духовность без основ христианства, без тесного соработничества государства с Русской Церковью, ведь именно на православных идеалах формировались доброта, милосердие, совестливость, умение прощать, готовность к бескорыстной помощи, честность, патриотизм, культура межэтнического общения, трудолюбие, чувство ответственности за порученное дело» — так чрезвычайно актуально звучит цитата из доклада епископа Тамбовского и Мичуринского Феодосия «Традиционная духовная культура и нравственное воспитание молодого поколения» [5].

Государство и Церковь объединяют свои силы для защиты духовности и культуры нашей страны в условиях слаженного взаимодействия и системного подхода к выполнению поставленных задач.

Список использованных источников

1. *Андрюшина, С. В. Духовное просветление / С. В. Андрюшина // Библиотековедение. — 1996. — № 4/5. — С. 68–73.*
2. *Бубнов, В. П. Библиотеки и религия: грани сотрудничества / В. В. Бубнов, В. П. Яковец // Образование и о-во. — 2001. — № 3. — С. 75–77.*
3. *Мелешко, А. Л. Духовная литература и современная библиотека. / А. Л. Мелешко // Библиография. — 2001. — № 6. — С. 51–52.*
4. *Соболева, А. А. Библиотека и формирование духовных интересов молодёжи / А. А. Соболева // Библиотекарь. — 1995. — № 1. — С. 99–109.*
5. *Феодосий, епископ Тамбовский и Мичуринский. Традиционная духовная культура и нравственное воспитание молодого поколения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тамбовской епархии. — Режим доступа: http://www.eparhia-tmb.ru/index.php/archierey/trudy-vladyki/tradicionnaya-duxovnaya-kultura-i-nravstvennoe-vospitanie-molodogo-pokoleniya/.*
6. *Харитонова, О. Сохраняя традиции искать новые / О. Харитонова // Библиотека. — 2000. — № 12. — С. 15.*

Фотография предоставлена автором статьи.
Материал поступил в редакцию 26.10.2016 г.

Сведения об авторе: Наумова Раиса Вячеславовна, заместитель генерального директора Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: rnaumova@mail.ru; тел. (4212) 30-61-19.

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА

РУССКОЕ ЭХО. «УСАДЬБА “ВОЛГА”» КАК ТОЧКА СБОРКИ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

Автор, опираясь на личный опыт участия в проектировании отдельных элементов «Усадьбы “Волга”» (Харбин), выстраивает концепцию усадьбы как идеального русского микрокосмоса. Предлагается попытка анализа планировочного решения усадьбы, рассматриваются объёмно-пространственные композиции и архитектурно-стилистические решения ключевых объектов. Сделана попытка дешифровки символики построек, возведённых в «Усадьбе “Волга”» в 2010–2015 гг.

Ключевые слова: «Усадьба “Волга”», русский стиль, Приамурская выставка 1913 г., романтизм, русская архитектура Харбина.

Keywords: the Volga Manor, Russian style, Amur exposition 1913, romanticism, Russian architecture of Harbin.

Парковый комплекс «Усадьба “Волга”», расположенный в 10 км от Харбина (КНР), является уникальным культурным объектом, чьё значение выходит за рамки туристического бизнеса. Участок 60 гектар — плоский заболоченный рельеф, заросший невзрачным кустарником, ивой и ольхой, был приобретён группой китайских инвесторов в 1992 году. Первые постройки датируются 2006 годом, основное строительство ведётся с 2010-го, проект ещё далёк до завершения, но уже сейчас можно говорить о сложившемся ансамбле, не уступающем по живописности историческим дворцово-парковым ансамблям России и Европы.

Автором концепции и основным инвестором является Хуан Цзу Сян, генеральный директор крупной машиностроительной компании «Дунь Цзянь». Есть мнение, что в «Усадьбе “Волга”» материализована ностальгия по детским годам хозяина поместья, прошедшим в атмосфере любви и уважения к русской культуре.

Панорама «Усадьбы “Волга”».

Изначально парк задумывался как пространство престижного отдыха: на его территории сосредоточено несколько крупных гостиниц, где могут разместиться около 700 человек, полдюжины гостевых шале, два VIP коттеджа, четыре больших ресторана и четыре кафе, два дворца бракосочетаний, два выставочных комплекса, русские бани, гольф-клуб с профессиональным полем для гольфа, административные корпуса, клубы, сувенирные магазины, конюшни и проч. Но в процессе строительства архитектура постепенно затмила утилитарные функции, и сегодня усадьба в первую очередь воспринимается как заповедник европейской культуры, музей под открытым небом, где в концентрированном виде представлены основные этапы русской истории от Ивана Грозного и Алексея Михайловича до 30-х годов XX века, символом которых стал «Белый Харбин». Известная книга профессора Н. П. Крадина называется «Харбин — русская Атлантида». «Усадьбу “Волга”» можно назвать «Харбинским градом Китежем» — по названию легендарного русского города XII века, ушедшего на глазах армии хана Батыя под воду озера Светояра, где он и покоится до сих пор со всеми своими теремами, церквями и хоромами, открываясь взору избранных. Подобно сказочному Китежу, «Усадьба “Волга”» открывается перед ошеломлёнными туристами, выплывая под звон курантов из рассветного тумана силуэтами шатров, куполов и башен.

Планировочное решение усадьбы с рукотворными каналами и насыпными холмами обусловлено классической китайской традицией паркостроения. В то же время мягкое обаяние пейзажа с еловыми перелесками, берёзовыми рощами и стройными группами пирамидальных тополей напоминает английские ландшафтные парки, получившие распространение в России в конце XVIII – середине XIX века.

Усадьба носит имя священной русской реки Волги, поэтому главную роль в создании парковой зоны играет вода. Несмотря на славянское название и шатровые силуэты многочисленных теремов, первая очевидная ассоциация, возникающая у каждого, кто попадает в усадьбу (помимо града Китежа), — Венеция. С востока и северо-востока усадьбу окружает река Ашихэ, чьи очертания напоминают классические изгибы венецианского Гранд-канала; на северо-западе расположено большое овальное озеро, разрезанное надвое высокой насыпной дамбой; с севера на юг вытянуто углублённое и расширенное в процессе строительства до размеров озера старое русло реки, которая служит южной границей усадьбы. Таким образом, комплекс со всех сторон окружён водой. Множество романтичных островков, мысы с причалами, бухты и пристани, лагуны, заросшие тростником, где прячутся рыбацкие хижины, 12 мостов, с которых открываются завораживающие панорамы, — всё это создаёт незабываемую атмосферу «водного мира», особенно эффектного при ночной подсветке.

Николаевский собор. Реконструкция профессора Н. П. Крадина.

На первый взгляд живописная планировка парка подчиняется прихотливым очертаниям береговых линий многочисленных водоёмов; дорожки петляют по дамбам и перешейкам, кружат среди холмов, разветвляются на перекрёстках; единственный, относительно прямой отрезок аллеи (дважды за сто метров проходящий по мостам) проложен от входной зоны до первой видовой точки под огромным столетним вязом; обилие поворотов хорошо продуманных маршрутов и разнообразие вертикальной планировки ведёт к постоянной смене ракурсов, дезориентирующей посетителя, — парк кажется значительно больше реальных размеров. Однако, если взглянуть на карту или подняться на видовые площадки, в объёмно-пространственном решении ансамбля можно проследить две главные, взаимно перпендикулярные, композиционные оси: ось запад — восток, начинающаяся у административного корпуса, проходит через павильон «Берёзка» и заканчивается у гольф-клуба «Богатырь». Перпендикулярная ось север — юг визуально соединяет самую высокую точку комплекса — расположенный на вершине крутого холма Храм Лилий (Дом Девы Марии), и замыкающий южные перспективы Павловский замок. В точке пересечения этих осей расположен сакральный центр и сердце «Усадьбы “Волга”» — точная копия ныне утраченного харбинского Свято-Никольского собора, возведённого по сохранившимся чертежам под руководством профессора Н. П. Крадина в 2007 году. Шатёр собора виден с любого ракурса и организует всё прилегающее пространство, вокруг него плавно разворачиваются спирали каналов и дорожек, на него ориентирован большой Николаевский мост.

Николаевский собор. Реконструкция профессора Н. П. Крадина.

Функциональное зонирование. В свободной планировке «Усадьбы “Волга”» отсутствует чёткое зонирование по функциям — административные и офисные постройки соседствуют с ресторанами, клубами, гостевыми домиками и отелями. Входная зона артикулирована въездной башней, в центральной репрезентативной зоне сосредоточены все знаковые объекты усадьбы; музейно-этнографическая зона (деревня «Алёнка»), зона VIP резиденций («Лесные коттеджи»), зоны свадебных торжеств, поляна пикников (где в зимний период заканчивается вылет колоссальной Катальной горки), спортивная зона (поля для гольфа) и детская игровая площадка («Сказочный лес») — все эти пространства, свободно перетекающие друг в друга, создают ощущение маленького, но плотно застроенного исторического города с улицами, набережными, площадями и разновременными пластами застройки. На этой особенности следует остановиться подробнее.

Символика архитектуры «Усадьбы “Волга”». Каждый объект, возведённый на территории усадьбы, является обобщённым архитектурным образом определённой исторической эпохи. Например, ворота усадьбы напоминают о раннем этапе становления Российского государства, связанного с именем Ивана IV Грозного, когда казаки, ведомые Ермаком, присоединили Сибирь и двуглавый орёл стал гербом России. Главный архитектурный символ царствования Ивана IV (1547–1584) — собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, более известный как собор Василия Блаженного, был построен на Красной площади в Москве (1555) в честь взятия Казани — столицы татарского ханства. Его характерные, похожие на чалмы, пёстрые витые купола можно видеть на двух постройках «Усадьбы “Волга”» — 4 купола и шатёр Василия Блаженного украшают Треугольный павильон, а разноцветный луковичный купол — кафе «Соловушка».

Треугольный павильон.

Самая знаменитая постройка эпохи первых Романовых (середина XVII в.) — дворец царя Алексея Михайловича в

селе Коломенском под Москвой, своим богатым экзотическим декором неизменно вызывавший восхищение у видевших его иностранцев, — послужила источником вдохновения для нескольких теремов в неорусском стиле, которые являются наиболее живописными объектами усадьбы.

Период Петра Первого (1682–1721), русского царя, «прорубившего окно в Европу», довольно скромно представлен зданием администрации и корпусом персонала, выполненных в стиле, который можно условно назвать «петровское барокко».

О роскошной эпохе Екатерины II, прозванной Великой (1762–1796), напоминают барочный отель «Ориент», а также несколько построек из красного кирпича в стиле «баженовской» готики, названной так по имени придворного архитектора Василия Баженова, построившего для Екатерины загородный дворцово-парковый ансамбль «Царицыно».

Сын Екатерины, император Павел Первый, правил всего 5 лет (1796–1801), но за эти годы успел построить несколько замков. Точная копия одного из них — замка Бип, воспроизведена в «Усадьбе “Волга”».

«Золотой век» русской культуры — царствования Александра Первого (1801–1825) и Николая Первого (1825–1855), представлен на территории «Усадьбы “Волга”» многочисленными мраморными скульптурами в стиле классицизма. На первый взгляд обилие мраморных статуй, расставленных среди русских теремов, на фоне берёзовых рощ и еловых чащ вызывает недоумение. Но стоит вспомнить знаменитые русские сады и парки — Летний сад в Петербурге, Екатерининский и Александровский парки в Царском Селе, где среди мраморных греческих богов и римских героев гулял юный Александр Пушкин, сочиняя свои первые стихи, как становится очевидным, что античная скульптура является обязательной частью великого русского ампира. Сам Пушкин в начале 8 главы «Евгения Онегина» так вспоминает о своей юности:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Кажется, что это написано про «Усадьбу “Волга”», напоминающую своими озёрами, «таинственными долинами», живописной архитектурой и копиями античных статуй классические русские парки. Память об Александре Сергеевиче Пушкине здесь увековечена бронзовой статуей

Входная группа — реконструкция въездных башен сибирских острогов.

поэта, задумчиво сидящего на скамейке, а также Пушкинским салоном, где проходят выставки русского искусства.

И, наконец, эпоху Николая Второго, последнего русского императора (1894–1917), олицетворяет Свято-Никольский собор — лучший храм «русского» Харбина.

На относительно небольшом пространстве «Усадьбы “Волга”» представлены не только здания, символизирующие главные периоды русской истории, но и все основные типы построек, характерные для русской архитектуры: культовые — Свято-Никольский собор и Иверская часовня, оборонительные (въездные ворота, частокол, сторожевые вышки), утилитарные (мельница), а также жильё разных социальных слоёв — дворцы аристократов (отель «Ориент»), боярские терема («Золотое кольцо», «Берёзка», здание администрации), купеческий особняк (Пушкинский салон), дворянские особняки («Лесные коттеджи»), миниатюрная деревня «Алёнка» из русских изб, рыбацкие лачуги и проч.

Стилистически большинство построек восходят к двум традициям: русскому деревянному зодчеству и северо-балтийской архитектуре. Для обеих характерны высокие шатровые завершения, острые динамичные силуэты, живописные объёмно-пространственные композиции, использование

щипцовых скатных кровель, пропильная резьба, солярная символика в декоре, поэтому в некоторых случаях трудно выявить первичную стилеобразующую систему, настолько органично синтезированы оба направления. Кроме того, в усадьбе расположено несколько объектов, декорированных ордерными элементами, а также три кирпичных замка разного размера.

Рассмотрим наиболее значительные постройки «Усадьбы “Волга”».

Входная зона решена в виде фрагмента средневекового русского острога (деревянной крепости) с мощной въездной башней и частоколом из вековых лиственниц. Массивную, брутальную башню фланкируют две дозорные вышки, образуя стройную симметричную композицию. Похожие остроги возводили от Урала до Якутска. Въездная башня «Усадьбы “Волга”» является копией Спасской проезжей башни Илимского острога (1669) с Казанской надвратной часовней (1669). Этот памятник деревянного фортификационного искусства сегодня можно увидеть в этнографическом музее «Тальцы», расположенном под городом Иркутском, недалеко от озера Байкал.

Озёрный край. От входной зоны расходятся три маршрута. Главный проложен по высокой дамбе, возведённой посреди живописного рукотворного озера. Аллея, обсаженная голубыми елями, ведёт от средневекового острога к боярскому терему (административный офис и магазин русских товаров), выполненному в стиле русской деревянной архитектуры первой половины XVII века, когда на престол взошла династия Романовых. В 1913 году вся Россия торжественно отмечала трёхсотлетие правящей династии, и вошедшие в моду архитектурные мотивы XVII века широко использовались в частных и общественных постройках. Этот неорусский стиль видим в архитектуре гостиничного комплекса «Волга», чей выразительный силуэт с мощными скатными кровлями и шатровыми башенками формирует правобережную панораму озера. Лучший вид на «Волгу» открывается с «мостов Грифонов», украшенных скульптурами из розового мрамора, — крылатые создания с когтистыми лапами, помесь льва и орла, сторожат главную дорогу, ведущую в усадьбу.

К отелю «Волга» ведёт маршрут, огибающий озеро с запада. Маршрут, идущий по восточному берегу, проходит мимо действующей ветряной мельницы, которая является точной копией русских деревянных мельниц XVIII века, мимо дворца свадебных торжеств «Красивый», мимо административного корпуса и приводит к отелю «Ориент». Пространственная композиция двухчастного овального озера строится на контрасте: западная его часть представляет собой открытое водное зеркало, позволяющее охватить взглядом протяжённый фасад гостиничного корпуса «Волга»; восточная — напротив, заполнена цепочкой из четырёх островков разной высоты и размера, каждый из которых имеет собственный характер.

Отель «Волга».

Гостиница «Волга» — вариация на тему русского деревянного зодчества. Прототипом постройки является павильон Нижегородской выставки 1896 года.

Центральная зона. По берегам старого русла реки Ашихэ, соединённого узкими проливами с Большим каналом, расположены все ключевые объекты, формирующие знаменитые виды «Усадьбы “Волга”». С севера озёрную панораму завершает небольшая, но исключительно эффектная постройка — причал «Чайка», с юга — ресторан «Русалка». На западном берегу расположены клуб «Фантазия», театр миниатюр, административный корпус, ресторан «Золотое кольцо». На восточном берегу возвышается собор, к югу от него находится Павловский замок, а на севере — относительно небольшой шестиугольный в плане павильон — кафе «Соловушка». Главные видовые точки открываются с двух мостов, соединяющих между собой ключевые объекты: железный арочный двухпролётный ведёт от административного корпуса к Свято-Никольскому собору, однопролётный арочный мост соединяет Павловский замок и ресторан «Золотое кольцо». Ансамбль состоит из нескольких крупных островов, разделённых каналами; с многочисленных мостов (всего их 12) открываются поразительные виды.

Павловский замок, эффектно замыкающий главную композиционную ось парка, является вольной вариацией на темы русской «рыцарской архитектуры», недаром он назван в честь Павла Первого, которого Пушкин считал «самым романтичным российским государем». Павел приютил в России рыцарей Мальтийского ордена, изгнанных Наполеоном с острова Мальта. Русский император сам принял

Павловский замок — реконструкция замка Бип в Павловске.

титул гроссмейстера Мальтийского ордена; по царскому приказу итальянские и шотландские архитекторы возвели в Петербурге и его окрестностях, Павловске и Гатчине, несколько замков в средневековом стиле. Павловский замок в «Усадьбе “Волга”» воспроизводит один из них. Композиция объекта строится на контрасте квадратной в сечении въездной башни и круглого донжона под высоким шатром. Вид, открывающийся на Павловский замок с северо-запада, вызывает в памяти башни и зубчатые стены миланского замка герцогов Сфорцо и веронского замка Кастельвеккио. Однако знаток русской архитектуры сразу опознает в трёхбашенном силуэте замок Бип, построенный архитектором Винченцо Бренна по приказу Павла Первого в дворцово-парковом комплексе «Павловск» (25 км к югу от центра Санкт-Петербурга), на развилке рек Славянки и Тызьвы, в 1795–1797 гг. Павловская крепость, замок Бип (официальное название — Мариенталь) — архитектурный каприз Павла Первого, выполненный по всем правилам фортификации — с бастионами, равелинами, люнетами, флешами, рвом и разводным мостом. В замке было 28 артиллерийских орудий; на заходе солнца поднимали разводной мост, в полдень делали выстрел из пушки. Иногда название крепости расшифровывают как «Бастион императора Павла». Замок сгорел во время артобстрела в годы Второй мировой войны и заново отреставрирован только в начале XXI века. Замок в «Усадьбе “Волга”» полностью повторяет оригинал, за исключением фортификационных сооружений. Каменное двухэтажное здание с круглой угловой пятиэтажной башней имеет форму вытянутого неправильного пятиугольника. Внутри находится такой же формы двор, перекрытый стеклянным куполом.

Ресторан «Золотое кольцо» расположен на южной границе парка, хорошо просматривается с шоссе и претендует на роль новой визитной карточки «Усадьбы “Волга”». Это обширное строение, окружённое широкой верандой и увенчанное мощным четырёхгранным куполом, несмотря на свой несколько экзотический ориентальный вид, напоминает о важнейшем событии русской истории.

В юбилейном для всей России 1913 году отмечалось и 55-летие города Хабаровска. По инициативе генерал-губернатора Н. Л. Гондатти к празднествам была приурочена грандиозная выставка достижений всех сфер деятельности Приамурского края, получившая официальное название «Выставка Приамурского края в ознаменование 300-летия Дома Романовых». Располагалась она на территории современного парка «Динамо» в г. Хабаровске и занимала площадь около 26 гектар. Выставку готовили в течение продолжительного времени, и по идее её устроителей она должна была предоставить публике возможность «осмотреться кругом и подвести итоги тому, что даёт Приамурский край, что он имеет и чего ему недостаёт». В 44-х павильонах и 20 постройках была организована экспозиция, представляющая полную картину современного состояния края, его естественные богатства и результаты работы населения. За два месяца работы выставку посетило 110 550 человек. Это событие стало заметным явлением в российском выставочном движении, ярко продемонстрировало существенные изменения в облике края, во всех областях его жизни. «Эта выставка является лучшим показателем того, что наша далёкая окраина усиленным темпом идёт по пути прогресса» (из речи настоятеля Градо-Хабаровского Успенского собора на открытии выставки 15 июля 1913 г.).

Ресторан «Золотое кольцо»— вариация на тему павильона ТД «Кунст и Альберс» на Приамурской выставке 1913 г.

Большинство павильонов было выполнено в формах национальной русской архитектуры первой половины XVII века, когда династия Романовых вступила на престол.

Главной архитектурной сенсацией Приамурской выставки стал павильон немецкой фирмы «Кунст и Альберс». Именно эта постройка является прототипом ресторана «Золотое кольцо». К 1913 году немецкая фирма «Кунст и Альберс» владела множеством универмагов и магазинов, расположенных буквально в каждом городе и селе русского Дальнего Востока. Эта была могущественная корпорация с собственным флотом, возившим товары из Европы и Одессы, с сетью филиалов, раскинувшихся от Москвы до Японии, с собственной денежной системой (бонны) и специально выделенной правительством Германии кредитной линией. У компании был даже собственный флаг, гордо реявший над её клиперами и универмагами. Выставка стала для фирмы «Кунст и Альберс» зенитом — казалось, что все конкуренты окончательно сломлены. Но через год началась Первая мировая война, немецкие коммерсанты были объявлены шпионами, зато дела Торгового дома «Чурин и К°» уверенно пошли в гору. Об этом драматичном, шекспировском противостоянии двух великих дальневосточных фирм и напоминает реконструированный в «Усадьбе "Волга"» павильон «Кунст и Альберс», ошеломивший современников фантастической архитектурой и роскошными интерьерами. Как писала специально учреждённая газета «Выставка Приамурского края 1913 г.», «строение прежде всего поражает своей мощностью. Оно выполнено в чисто русском стиле по проекту инженера Михаила Осколкова. Взгляд зрителя здесь может отдохнуть, созерцая красивые остроконечные выступы, множество башенок и главный купол, который рассказывает о далёкой старине прошлого, о величии московских теремов».

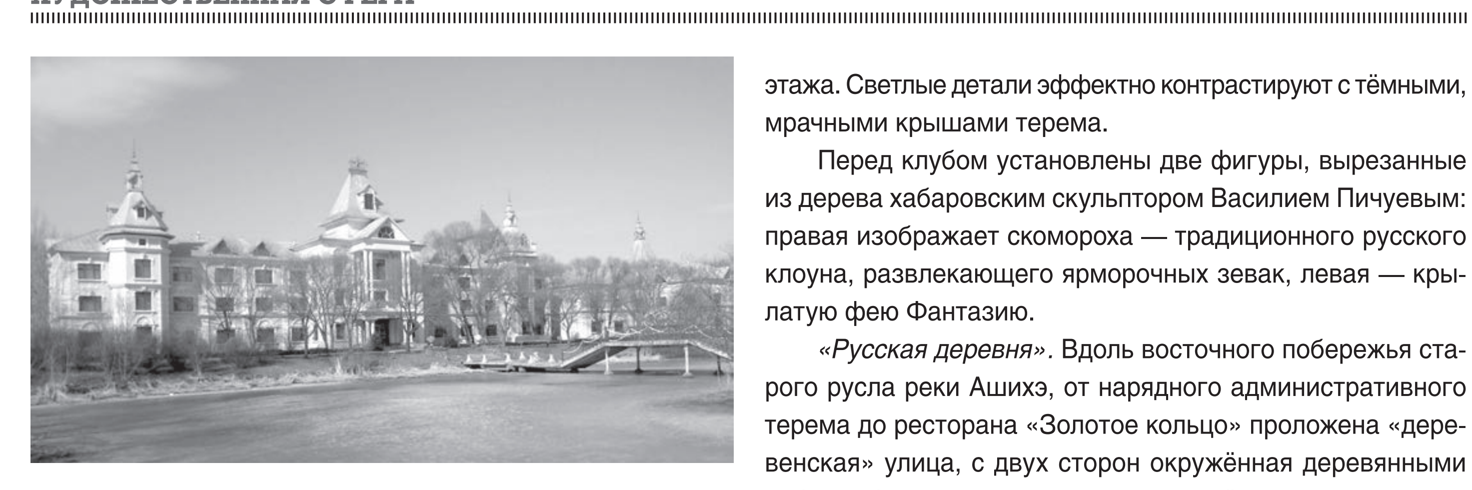
Михаил Осколков в 1911–1918 гг. работал городским инженером в Хабаровске, и здание павильона Торгового дома «Кунст и Альберс» принесло ему заслуженную известность, однако по-настоящему талант архитектора раскрылся в Харбине, куда он переехал в 1920 году и где построил сотни частных особняков, несколько часовен, реконструировал старую харбинскую синагогу и проч. Главной работой Осколкова стало возведение церкви в честь Софии Премудрой (1933), которая и сегодня является символом русского Харбина. Газеты называли его «инженером-пионером русской культуры на востоке Азии». Поэтому реконструкция павильона «Кунст и Альберс», помимо прочего, является данью уважения памяти человека, посвятившего Харбину значительную часть своей жизни.

В фантастической архитектуре павильона немецкой фирмы обыгрывался образ деревянного дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском под Москвой, но смелая объёмно-пространственная композиция не имела прямых аналогов. Основной, квадратный в плане объём, где расположен двухсветный атриум, перекрыт громадным кубоватым куполом, от центрального объёма под углом расходятся два крыла, фасады которых фланкируются парными башнями с шатровыми завершениями. Главный фасад по периметру огибает веранда — навес, поддерживаемый фигурными столбами с резными кронштейнами.

Следует сказать несколько слов о названии ресторана в «Усадьбе "Волга"». «Золотым кольцом» называют легендарный туристический маршрут, проходящий по древним русским городам, в которых сохранились уникальные памятники истории и культуры. Традиционно в «Золотое кольцо России» входят восемь основных городов — Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострома, Иваново, Суздаль и Владимир. Гербы этих городов, а также гербы Москвы и Хабаровска можно видеть в огромном атриумном холле ресторана, украшенном грандиозной каскадной люстрой и копией картины чешского художника Альфреда Мухи. Так как города, входящие в «Золотое кольцо России», являются центрами народных ремёсел и промыслов, залы ресторана символически декорированы традиционными народными мотивами. Лучший вид на ресторан открывается с середины деревянного моста, идущего от Павловского замка. Мост ориентирован на главный вход ресторана. Благодаря огромным размерам и сложному живописному силуэту объект хорошо читается с больших расстояний.

Отель «Ориент» назван в честь гостиницы, существовавшей в Харбине в первой половине XX века. Это сдержанно-элегантное здание построено в духе французского барокко. Главный фасад имеет трёхчастную структуру: три гранёных ризалита объединены вставками пониженной этажности. Центральный ризалит выделен двухъярусным портиком: вход оформляют парные дорические колонны, второй и третий этажи объединены дорическим гиперпортиком с треугольным фронтоном. По вертикали фасадная плоскость расчленяется коринфскими пилястрами, в роли горизонтального членения выступают межэтажные профилированные карнизы. Вся фасадная плоскость расшита горизонтальным «французским» рустом. Окна декорированы фигурными сандриками, окна первого этажа, кроме того, украшены полукруглыми тимпанами с лепным декором флористического характера, накладные барочные детали расположены также в межоконных простенках. Большое прямоугольное окно, фиксирующее ось симметрии фасада, подчёркнуто карнизом на фигурных кронштейнах. Колористическая гамма «Ориента» типична для русского ампира: на фоне светлой охры, которой оштукатурены фасады, эффектно выделяются белые ордерные элементы и лепные детали.

В комплекс «Ориент» входят несколько корпусов. Трёх-

Отель «Ориент».

этажный главный корпус обращён парадным фасадом к озеру, прямо от парадного крыльца ступени ведут к пристани, украшенной большими мраморными вазами-скифосами с резными барельефами, символизирующими плодородие, и мостику, перекинутому на самый романтичный островок во всём парке, — остров Кариатид.

Боковой корпус, перпендикулярный главному, фланкирует большую площадь перед клубом «Фантазия» — ещё одно историческое название, позаимствованное в старом Харбине.

Клуб «Фантазия». Эта монументальная постройка с мощной восьмигранной башней под высоким шатром, увенчанным смотровой площадкой, как будто вышла из тёмного русского средневековья, омрачённого бесконечными набегами степных кочевников; стены, сложенные из вековых брёвен, кажутся почерневшими от пожаров и осад. Летними ночами на площади перед теремом зажигают костры, и в отблесках пламени стены и башня выглядят особенно романтично. Однако, несмотря на свой брутальный неприступный вид, здание является ночным клубом, позаимствовавшим название у клуба «Фантазия», процветавшего в Харбине в первой половине XX века. Интерьеры клуба, прячущиеся в таинственных сумерках цветных витражей, соответствуют его романтичному фасаду. Справа и слева от двухсветного холла с резной галереей расположены кафе «Миша» и «Маша» с узорчатыми деревянными витринами в русском стиле и площадками для «горячих танцев». Прямо из холла неприметный переход ведёт в огромный, прекрасно оборудованный зрительный зал (с белым роялем на сцене), о существовании которого невозможно заподозрить, глядя на средневековый облик здания. В оба кафе с улицы — отдельные входы, декорированные навесами с килевидными арками и резными деревянными столбами; на фронтонах изображены силуэты волшебных райских птиц Сирина и Алконоста, часто упоминаемых в древнерусских легендах. Резные наличники со ставнями оформляют окна первого этажа. Светлые детали эффектно контрастируют с тёмными, мрачными крышами терема.

Перед клубом установлены две фигуры, вырезанные из дерева хабаровским скульптором Василием Пичуевым: правая изображает скомороха — традиционного русского клоуна, развлекающего ярморочных зевак, левая — крылатую фею Фантазию.

«Русская деревня». Вдоль восточного побережья старого русла реки Ашихэ, от нарядного административного терема до ресторана «Золотое кольцо» проложена «деревенская» улица, с двух сторон окружённая деревянными избами: береговую линию занимают тёмные двухэтажные срубы, входящие в комплекс «Усадьба “Банная”», напротив расположены светлые новенькие избушки, объединённые тесовыми воротами, — это деревня «Алёнка», реконструированный фрагмент настоящей русской деревни — с палисадниками, огородами, козочками и коровой, с гусями и курами, колодцем, хлевом и цехами, где на глазах посетителей производятся натуральные, экологически чистые продукты. Открытие деревни «Алёнка» состоялось в 2015 году. По задумке новый объект усадьбы будет способствовать развитию агротуризма — это новое направление, без сомнения, заинтересует гостей «Усадьбы “Волга”».

Комплекс «Усадьба “Банная”» включает большую двухэтажную избу для спа-процедур и два жилых коттеджа «У Кузьмича», выполненных в стиле шале и напоминающих, скорее, альпийские домики, чем традиционные жилища русских крестьян. Восточные фасады этих построек выходят на набережную со множеством причалов, пристаней, видовых площадок и оборудованных мест для рыбалки. Среди зарослей тростников и на солнечных пригорках можно заметить многочисленные фигуры девушек-купальщиц, выполненные из разноцветного мрамора, а у ворот бань стоит копия античной Венеры, выходящей из воды. Вход на набережную

Одна из многочисленных скульптур, украшающих «Усадьбу “Волга”».

оформлен резной деревянной аркой, у подножия которой сидят крылатые мраморные львы, а на развилке дорожек, ведущих в «Русскую деревню», установлена мраморная скульптурная группа. Романтичная девушка на большой раковине неизбежно вызывает в памяти сюжет «Рождение Венеры», но присутствие лебедя, нежно прижимающегося к девушке, отсылает к мифу о царевне Леде, соблазнённой Зевсом, принявшим облик прекрасной птицы (как известно, от этого союза родилась Елена Прекрасная, из-за которой разразилась Троянская война).

Храм Лилий (Дом Девы Марии). Главной композиционной доминантой дворцово-паркового ансамбля «Усадьба “Волга”» является деревянная белоснежная кирха в скандинавском стиле, чей парящий силуэт виден издалека, за несколько километров. Храм, предназначенный для торжественных церемоний бракосочетания, расположен на вершине насыпного холма, которая является самой высокой точкой парка. С террасы, украшенной мраморными коленопреклонёнными ангелами, можно бесконечно рассматривать купола, шатры и башни многочисленных теремов и замков усадьбы; можно подняться ещё выше — на смотровую площадку, огибающую башню по периметру, — оттуда открывается захватывающий панорамный вид на всю «Усадьбу “Волга”» и её окрестности. Видны изгибы матово блестящей под солнцем реки Ашихэ, тающие в дымке бескрайние поля и тополиные рощи, далёкие деревни и смутные очертания надвигающегося Харбина. Лучший вид на сам Храм Лилий открывается с противоположного берега залива и с мостов, перекинутых через старое русло реки Ашихэ. Лёгкий, изящный силуэт Храма Лилий кажется «крылатым» благодаря навесам над боковыми входами, создающими своеобразный сквозной трансепт. Над средокрестием Храма Лилий, образуемым пересечением главного нефа и трансепта, возвышается

Храм Лилий.

высокая, квадратная в сечении башня под красным четырёхгранным шатром, её стройные очертания перекликаются с острым «готическим» шатром расположенного у кромки воды причала «Чайка» и круглым шатром «средневековой» башни у подножия холма. Вместе эти постройки образуют вписанный в треугольник романтичный ансамбль в североевропейском духе.

Прямоугольный объём храма прорезан высокими стрельчатыми окнами и перекрыт двускатными крышами. Особенно живописно нагромождение многоярусных кровель выглядит на северном фасаде. На фронтоне главного фасада размещены куранты, играющие каждый час, и балкончик. Входные группы выделены треугольными фронтонами на парных колоннах с резными кронштейнами. Колористическое решение Храма Лилий строится на контрасте белоснежных стен и красного цвета кровель, — это сочетание цветов символизирует жертвенность и чистоту.

Светлый, пустой и просторный интерьер Храма Лилий выдержан в бело-золотых тонах и украшен витражами; согласно протестантской традиции в храме стоят скамьи для посетителей (в русских ортодоксальных церквях скамеек нет, и прихожане всё богослужение слушают стоя).

К храму ведёт бесконечно длинная лестница, украшенная молодыми туями; впрочем, можно воспользоваться открытым монорельсовым фуникулёром, который поднимается летом до самой вершины холма. Зимой же прямо от крыльца Храма Лилий до противоположного берега устраивается гигантская Катальная горка, которая является главным зимним аттракционом «Усадьбы “Волга”»: спуск по ней напоминает головокружительные зимние забавы, принятые в России, — знаменитые «Русские горки».

«Лесные коттеджи». Приватные резиденции для VIP гостей «Усадьбы “Волга”» расположены на юго-западном берегу реки Ашихэ, между Павловским замком и Пушкинским салоном, среди молодого ельника и подросших сосен. Два элегантных коттеджа в романтичном средневековом стиле, несмотря на небольшие размеры, являются настоящими жемчужинами усадьбы.

Коттедж № 1 имеет цвет топлёных сливок, коттедж № 2 — розового цвета, что, возможно, объясняется соседством Павловского замка. Император Павел Первый, как известно, велел покрасить построенный для него колоссальный Михайловский дворец (Инженерный замок) в розовый цвет, в честь подобранной на балу перчатки своей тайной возлюбленной — графини Анны Лопухиной.

Оба коттеджа имеют сложные объёмно-пространственные композиции, составленные из разновысотных объёмов и рассчитанные на круговой обход. С каждого ракурса постройки выглядят по-другому, поражая фантазией архитектора,

«Лесные коттеджи».

свободно комбинирующего высокие щипцовые фронтоны, лёгкие балкончики с резными ажурными балюстрадами, аркады с архивольтами и прочие элементы, придающие этим миниатюрным замкам сказочный вид. Лучшая панорама ансамбля открывается с пристани, расположенной на противоположном берегу, между рестораном «Золотое кольцо» и деревней «Алёнка». Грациозные силуэты «Лесных коттеджей» с башенками, флюгерами, эркерами, парящими верандами и террасами кажутся ожившими декорациями к вагнеровским «Трубадурам».

Композиционными доминантами обеих построек являются башни, перекрытые шатрами. Трёхэтажная башня коттеджа № 1, квадратная в сечении, увенчана четырёхгранным шатром с позолоченным флюгером; в коттедже № 2 башня круглая, и шатёр, обрамлённый зубцами-машикули, соответственно также круглый. Постройки установлены на высокие цокольные этажи, сложенные из дикого камня; парадные лестницы ведут на просторные террасы. Главный вход в розовый коттедж охраняют две гибкие пантеры из полированного гранита; лестница коттеджа № 1 украшена каменными вазами с резными цветами и фруктами.

Роскошные интерьеры соответствуют изысканной архитектуре коттеджей: на первом этаже располагаются холлы с мраморными статуями и большими каминами, освещаемые разноцветными витражами, а также номера «люкс» с комнатами для переговоров. В эркерах, выходящих на террасу, устроены элегантные рабочие кабинеты, а на верандах — курительные комнаты. На втором этаже расположены спальные комнаты, оклеенные шёлковыми обоями и обставленные светлой мебелью в стиле Людовика XV (кровати со стёганными шёлковыми изголовьями, зеркала в тяжёлых резных рамах и туалетные столики на гнутых ножках, кресла, козетки, пуфики и проч.), на стенах висят репродукции картин Франсуа Буше, всюду расставлены фарфоровые вазы и бронзовая пластика, окна декорированы портьерами с ламбрекенами; особенно следует отметить замечательные многорожковые люстры, выполненные по индивидуальному дизайну и являющиеся главным украшением интерьеров. Винтовые лесенки ведут на мансардный этаж с просторными верандами и небольшими номерами, убранными в английском стиле: стены затянуты штофными обоями в мелкий цветочек и расставлены кресла-качалки. Во всех помещениях, за исключением холлов и ванных комнат, высококачественное ковровое покрытие. В цокольных этажах расположены столовые в средневековом духе — с каминами и кованными светильниками, помещения для прислуги и бильярдные залы.

Участки, прилегающие к коттеджам, огорожены зелёными деревянными заборчиками и благоустроены в традиционном усадебном духе: качели, беседки, садовые скульптуры и гравийные дорожки, кедровые сосны и сирень; ворота крепятся на массивных каменных столбах, которые увенчаны круглыми фонарями.

Хотя на территории «Усадьбы "Волга"» расположено два десятка объектов в различных исторических стилях, её главными «архитектурными аттракционами», вызывающими наибольший интерес туристов, являются постройки в «русском стиле», олицетворяющие сказочную Русь: административный корпус, отель «Волга», кафе «Берёзка» и ресторан «Золотое кольцо».

Павильон «Богатырь».

Основоположником «русского стиля» традиционно считается архитектор Иван Павлович Ропет (настоящие фамилия, имя и отчество — Петров Иван Николаевич, 1845–1908 гг.), открывший стране и миру экзотичную красоту русского средневековья так же, как Виолле-ле-Дюк заново открыл готику для европейцев.

С лёгкой руки Ропета в моду вошли высокие шатры, деревянные кружева и фантастическая солярная символика, однако его проекты часто были перегружены мелким дробным декором и слишком схематичны. Более поздний,

Павильон администрации.

более цельный и выразительный вариант национальной архитектуры называют неорусским стилем, для которого также характерно романтическое мироощущение, уходящее в мир русской сказки, в мир народных образов.

В качестве конкретного прототипа административного корпуса «Усадьбы “Волга”» можно назвать Царский павильон в Москве, построенный лучшим русским архитекторам Фёдором Шехтелем к коронационным торжествам Николая Второго. 9 мая 1896 года император торжественно въехал в Москву через Триумфальные ворота у Тверской заставы, сама процедура восшествия на престол проходила 14 мая в Успенском соборе Кремля.

Это было важнейшее событие для всей России. Улицы и площади Москвы были украшены множеством праздничных построек, но только павильон Шехтеля вошёл во все монографии по истории архитектуры как прекрасный образец неорусского стиля. Шехтель также работал для Нижнего Новгорода, где проводилась приуроченная к коронации Всероссийская художественно-промышленная выставка. Им были выполнены интерьеры Главного дома Нижегородской ярмарки, сооружены въездная башня, арка-корабль, царская пристань, витрины многочисленных мануфактур, ряд других построек. Не исключено, что и павильон льно-джутовой мануфактуры Д. Н. Лебедева выполнен по его эскизам. К сожалению, временные деревянные сооружения, возведённые в рамках коронационных торжеств в Москве и Нижнем Новгороде в 1896 году, до настоящего времени не сохранилась, но их реконструкции в «Усадьбе “Волга”» дают возможность почувствовать себя современником тех судьбоносных для России событий.

Все три павильона — московский, нижегородский и харбинский — имеют центричную композицию и ярко выраженную вертикальную доминанту: квадратную в сечении башенку под сложносоставным четырёхскатным шатром, прорезанным люкарнами. Основное отличие павильонов — в оформлении входной группы: Шехтель использует килевидную арку, в нижегородском павильоне — трёхлопастное завершение, а в харбинском тереме — высокий треугольный фронтон, в который вписана трёхлопостная (клеверовидная) арка. Высокий шатёр позволяет создать эффектный торжественный интерьер: крылья расходятся от атриумного холла, залитого верхним светом.

«Усадьба “Волга”» является уникальным «историческим аттракционом», предлагающим своим гостям погружение в идеальный мир русской культуры. Утраченные объекты, профессионально реконструированные в усадьбе, служат нам одновременно упрёком и примером. Невольно задаёшь вопрос, почему эти объекты восстановлены в Китае, а не в России? Почему китайцы трепетно и бережно относятся к сохранившимся фрагментам «русской Атлантиды», а мы зачастую равнодушны к собственному наследию?

Список использованных источников

1. *Козыренко, Н. Е. Архитектурное наследие Харбина / Н. Е. Козыренко, Ян Хунвэй, А. И. Иванова. — Хабаровск : изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. — 360 с.: ил.*
2. *Козыренко, Н. Е. Градостроительное наследие Харбина / Н. Е. Козыренко, Ян Хунвэй, А. И. Иванова. — Хабаровск : изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. — 360 с.: ил.*
3. *Крадин, Н. П. Харбин — русская Атлантида : [страницы истории Харбина — бывшего русского города в Китае : очерки] / Н. П. Крадин ; Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостр-ва Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Тихоокеан. гос. ун-т. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2010. — 365 с. : ил.*

Фотографии предоставлены автором статьи.
Материал поступил в редакцию 20.10.2016 г.

Сведения об авторе: Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды факультета архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: iva.nova@mail.ru.

КОНДРАШЕВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

ЛИТЕРАТУРА СТРАН АТР В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ЖУРНАЛИСТОВ

В статье автор рассматривает изучение литературы стран АТР, в частности Японии и Китая, как эффективное средство приобщения студентов к культурному наследию других цивилизаций, позволяющее раскрыть духовную близость между народами и способствующее формированию объективного мышления и поликультурного мировосприятия, что особенно важно в профессии журналиста.

Ключевые слова: вопросы межкультурной коммуникации, литература Японии и Китая, китайская и японская литература, журналистика.

Keywords: issues of cross-cultural communication, literature Japan and China, the Chinese and Japanese literature, journalism.

Мир развивается, появляются новые виды общения. Чтобы сложился диалог между народами и культурами в многополярном мире и понимание было полным, необходимо научиться толерантности, уважению партнёров. Всё это на повестку дня поставило вопросы межкультурной коммуникации, в решении которых большая роль принадлежит именно журналистике, опирающейся на речь и литературу.

По этой причине в подготовке журналистов важное место занимает изучение литературы. Именно она помогает понять и особенности культуры, и особенности менталитета народов, населяющих страны Азиатско-Тихоокеанского региона, к числу которых относятся Китай и Япония.

Менталитет этих двух народов отразился на всех сторонах их жизни, в том числе и на литературе, поэтому видится целесообразным давать будущим журналистам систематизированные знания о культурном своеобразии этих народов. Это особенно актуально в связи с тем, что на данный момент изучение китайской и японской культуры представляет не только теоретический, но и практический интерес. Китай и Япония, безусловно, активно заимствуют достижения цивилизаций Запада, но при этом они не утрачивают самобытности, сохраняя традиции, складывавшиеся тысячелетиями, органично вписывая их в современную экономическую и политическую систему и систему культурных ценностей.

Ещё с первых своих шагов советское литературоведение считало литературу Японии и Китая неотъемлемой частью мировой. Однако в план изучения истории зарубежной литературы изучение литературы стран АТР, в том числе в педагогических вузах, долгое время не входило, за исключением специальных курсов. Но за последние два десятилетия положение изменилось, появились экономические и политические условия активного взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в соответствии с этим усилился интерес к культуре и литературе народов, населяющих его. Современное литературоведение, безусловно, рассматривает мировую литературу как единую систему, включающую и Запад, и Восток.

В связи со всем вышесказанным, курс «Литература стран АТР» органично вписался в цикл дисциплин, которые предлагаются студентам Тихоокеанского государственного университета, обучающимся по направлению «Журналистика».

Задачей данной дисциплины является знакомство с основными этапами развития литературы Китая и Японии с древнейших времён до конца XX века. Начинается изучение литературы с мифов и легенд, что особенно интересно, так как практически параллельно в курсе дисциплины «История зарубежной литературы» происходит рассмотрение мифов древнейших цивилизаций Европы.

В процессе изучения уделяется внимание в том числе и основам философско-религиозных учений, способствовавших формированию особого менталитета и миропонимания, в корне отличающихся от западноевропейского.

Безусловно, при изучении истории этих двух литератур делается акцент на том, что в течение длительного времени японская литература развивалась под значительным влиянием китайской литературной традиции, однако на определённом этапе японская литература пошла по своему, самобытному пути.

Внимание в процессе изучения китайской и японской литературы обращается на текст и его функцию, которую литературное произведение выполняет в этих двух культурах. Делается акцент не только на том, что объединяет, но и на том, что отличает: в синтоистской литературной традиции существовала наряду с религиозной литературой и светская литература, но в ней, к примеру, не был известен свойственный даосизму жанр теоретико-практического трактата. В качестве иллюстрации приводится даосский трактат «Дао Дэ Цзин». Рассматриваются древнейшие памятники литературы Японии («Кодзики», «Манъёсю» и «Кокинсю» и др.) и Китая («Щицзин», «Шуцзин» и др.), помогающие заглянуть в глубь времён, в исток формирования этих двух цивилизаций. Обращается внимание на то, что и в даосизме, и в конфуцианстве почитается ряд книг, составляющих общепризнанный канон.

В процессе обучения рассматривается роль поэзии в китайском и японском обществах. Фактически в обеих культурах труд поэта являлся наиболее почитаемым видом творческой деятельности и в течение длительного времени занимал главенствующее положение в литературе. В японской и китайской культурах присутствовало представление о поэзии как о даре, имеющем божественное происхождение. Социальный функционал поэзии в обеих традициях практически одинаков, но религиозно-философские учения этих двух народов различаются, что обуславливает и различия, существующие в поэзии.

Китайская поэзия может быть и сюжетной, и описательной, в ней главенствует дидактический компонент. Японская же практически не имеет сюжета и развёрнутого описания, обозначая конкретную ситуацию, наводя на размышления. Японский стих воспитывает человека не только как члена социума, сколько в первую очередь как личность, отличается большим вниманием к внутреннему состоянию человека. Разнятся и критерии оценки произведения в этих двух культурах: в Китае (если мы говорим о даосской традиции) важно было соответствие произведения Дао, важнейшему

критерию китайской философии, основе всего сущего и закону, по которому всё происходит в этом мире; в Японии — соответствие «кокоро», то есть «сердцу», в более широком смысле — духовной основе японской культуры. «Кокоро» и его свойства были объектом размышления японских поэтов и философов.

В китайском обществе владение поэтическими навыками, знание древнейших текстов служили безусловным признаком хорошего образования и давали возможность незнатному человеку продвинуться по социальной лестнице. В Японии же подобное было практически невозможно.

Говоря о литературе Китая, необходимо упомянуть о том, что китайская поэзия — это обособленная сфера деятельности, а японская — тесно связана с другими видами творчества, например, с театром и живописью.

В литературе этих двух стран литературному персонажу героический статус придаёт достойная смерть, однако в Китае такой финал не является непременным атрибутом судьбы героя. Японского же героя, наоборот, сама судьба ведёт к смерти, и чем моложе погибший воин, тем значительнее его подвиг.

Безусловно, изучение литературы стран АТР не ограничивается лишь древними литературными памятниками, обращается внимание и на более современную литературу вплоть до конца XX века, что помогает увидеть связь времён, преемственность традиций, смену проблем, волнующих разные поколения. Особый интерес представляет рассмотрение вопроса о влиянии русской литературы, например, на литературу Японии.

В какой-то степени различие между эстетическими традициями двух культур обусловлено большей склонностью китайцев, чем японцев, к абстрактно-теоретическому осмыслению реальности и особой, по сравнению с любым другим традиционным обществом, значимостью в Китае ритуала. Применительно к обеим культурам можно говорить о мифологическом мышлении, которому характерен символизм. Однако восприятие мира, общества и самого человека, его жизни и судьбы через символ в большей степени всё же характерно именно для Китая, чем для Японии. Эстетика Китая учит находить смыслы, спрятанные за символами творческих форм. Японская эстетика призывает вглядываться в природу, вслушиваться в музыку, полагаться на ассоциации, вчитываясь в поэтическое произведение, наблюдать, созерцая и отстраняясь.

Литературный процесс современных Японии и Китая сложен и противоречив. Многообразны направления, стили и жанры, так же, как разнообразны и поколения писателей, уже давно создающих свои произведения или делающих первые робкие шаги на литературном поприще. Литература этих двух стран представлена писателями, отличающимися разным видением мира и различным пониманием социальных и духовных проблем общества, по-разному оценивающих прошлое своих государств и по-разному представляющих будущее.

Изучение литературы стран АТР — эффективное средство приобщения студентов к культурному наследию других цивилизаций, позволяющее раскрыть духовную близость между народами и способствующее формированию объективного мышления и поликультурного мировосприятия, что особенно важно в профессии журналиста.

Мировоззрение восточных культур заключает в себя представление о мире как едином целом, в котором все части зависят и влияют друг на друга. Мир воспринимается как гармоничная система, в которой стремление каждой части совпадает со стремлением целого. И человек, его действия тоже должны быть гармоничны, соответствовать естественным закономерностям природы. Условиями приближения к этому идеалу являются самовоспитание и самоограничение. Этим объясняется неуклонно возрастающий интерес и к восточной культуре в целом, и литературе как её части.

Материал поступил в редакцию 11.01.2017 г.

Сведения об авторе: Кондрашева Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры «Журналистика» Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: kev1605@mail.ru; тел. 8-924-307-40-61.

РОМАШКИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

СОТРУДНИЧЕСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ С НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ БЕЛАРУСИ В РАМКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Цель статьи — рассказать о методике проводимого в настоящее время сотрудниками Дальневосточной государственной научной библиотеки научного исследования по изучению кадровых ресурсов общедоступных библиотек Хабаровского края. Работа осуществляется в рамках договора о партнёрстве и международном сотрудничестве с Национальной библиотекой Беларуси.

Ключевые слова: Дальневосточная государственная научная библиотека, Хабаровский край, Национальная библиотека Беларуси, общедоступные библиотеки, кадровые ресурсы библиотек, профессиональные компетенции библиотекаря, дополнительное профессиональное образование библиотекарей.

Keywords: Far Eastern State Science Library, Khabarovsk Krai, the National Library of Belarus, public libraries, library staff resources, professional competence of librarians, additional professional education of librarians.

Стремление российских библиотек войти в мировое информационное пространство стимулирует развитие международного сотрудничества. Опыт такого профессионального взаимодействия имеют и библиотеки Дальнего Востока, которые активно развивают связи с библиотеками ведущих стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, например, долгосрочные партнёрские отношения (более 25 лет) связывают Дальневосточную государственную научную библиотеку и Хэйлунцзянскую провинциальную библиотеку (Харбин, КНР). В рамках сотрудничества ДВГНБ и коллег из Китая осуществляется международный книгообмен, поездки с целью изучения зарубежного опыта, участие в научных встречах-конференциях, семинарах, круглых столах [10].

Расширению географии зарубежных связей ДВГНБ способствовало Соглашение между правительствами Хабаровского края и Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (заключено в 2003 г.), благодаря которому были налажены профессиональные коммуникации и в библиотечной сфере.

В июне 2015 года Национальная библиотека Беларуси (Минск) и Дальневосточная государственная научная библиотека заключили договор о партнёрстве и научном сотрудничестве, в рамках которого было предусмотрено проведение совместной научной работы по исследованию актуальной для обеих библиотек теме «Кадровые ресурсы публичных библиотек: современные требования к профессиональной деятельности и возможности для её реализации» [1].

Актуальность темы обусловлена следующими факторами:

• современные библиотекари переживают период трансформации профессии. Поле деятельности библиотекаря значительно расширило предъявляемые ему требования, сформировало новый круг его профессиональных компетенций;

• в отечественном библиотековедении широко используются социологические подходы в изучении читательских предпочтений, читательской аудитории и т. д., однако крайне редки исследования, касающиеся самого характера библиотечного труда, мотивации и стимулирования его в библиотеках, профессионального библиотечного сознания и ценностных ориентаций библиотекарей;

• в Хабаровском крае существует настоятельная необходимость выработки стратегии управления персоналом, направленной на ликвидацию дефицита квалифицированных кадров и повышение престижа библиотечной профессии. В то же время ощущается явный недостаток информации по кадровым вопросам, что не позволяет полномасштабно представить картину кадрового потенциала библиотек Хабаровского края и получить исходные показатели для сравнительного анализа;

• планы сохранения и развития кадровых ресурсов библиотек нашли отражение в «Стратегии развития сферы культуры Хабаровского края на период до 2025 года» [9] и «Концепции развития Краевого государственного бюджетного научного учреждения культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека» до 2020 года» [5].

Осуществление совместного научного проекта Национальной библиотеки Беларуси и Дальневосточной государственной научной библиотеки началось в январе 2016 года и рассчитано на два года.

Цель исследования: анализ деятельности руководителей и специалистов общедоступных библиотек в контексте новых требований к комплексу профессиональных компетенций и разработка рекомендаций по развитию трудовых ресурсов.

Для её достижения были поставлены следующие задачи:

1. Выявить характерные особенности кадровых проблем общедоступных библиотек Хабаровского края.

2. Рассмотреть деятельность общедоступных библиотек по формированию и развитию кадрового потенциала.

3. Определить потребности руководителей и специалистов публичных библиотек в развитии значимых профессиональных компетенций.

4. Изучить факторы, влияющие на развитие комплекса значимых профессиональных компетенций специалистов и руководителей общедоступных библиотек.

5. Установить средства мотивации (стимулирования) труда в библиотеках.

6. Охарактеризовать сложившуюся в крае систему дополнительного профессионального образования библиотечных работников.

7. Проанализировать мнения руководителей и специалистов общедоступных библиотек о роли дополнительного образования в формировании профессиональных компетенций.

8. Получить конкретные статистические и социологические данные, характеризующие развитие библиотечной профессии.

9. Провести комплексный анализ собранной в ходе опроса информации.

10. Разработать рекомендации по итогам исследования.

Предварительный этап исследования в ДВГНБ начался с изучения изданий по вопросам методологии, методики и организации библиотековедческих исследований [4; 8] и составления технического задания на проведение научно-исследовательской работы (НИР), в которой определялись цели, содержание и основные требования, исполнители и имеющийся у них научный и практический опыт, этапы

НИР, ожидаемые результаты, их научная и практическая ценность, документация, представляемая по окончании работы.

Исследование проводилось на основе методики, разработанной специалистами научно-исследовательского отдела библиотековедения Национальной библиотеки Беларуси. В качестве метода сбора социологической информации было использовано анкетирование — письменный опрос библиотекарей общедоступных библиотек Хабаровского края по вопросам, касающимся развития кадровых ресурсов и формирования профессиональных компетенций библиотечного персонала. Под компетенцией в исследовании понимается интеллектуальный ресурс библиотечного работника, выраженный в его способности применять свои знания, умения и навыки в соответствии с необходимостью решения производственных проблем в изменяющихся условиях [2, с. 120]. Отметим важность выявления мнений библиотекарей-практиков о необходимых в работе профессиональных компетенциях, так как в современном информационном обществе меняется представление о том, что такое профессиональное мастерство и профессиональные компетенции библиотекаря.

Был составлен план совместной деятельности, согласно которому белорусские исследователи предоставили разработанные ими формы анкет, поделились методикой и подходами к определению выборки.

В число респондентов вошли сотрудники 317 общедоступных библиотек Хабаровского края, находящихся в ведении Министерства культуры Российской Федерации: три библиотеки краевого уровня — Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ), Хабаровская краевая специализированная библиотека для слепых (ХКСБС), Хабаровская краевая детская библиотека им. Н. Д. Наволочкина (ХКДБ) — и 314 муниципальных городских и сельских библиотек, объединённых в 14 централизованных библиотечных систем.

Численность основного персонала общедоступных библиотек края на 1 января 2015 года составляла 1 013 человек [6]. Согласно предложенной методике данная генеральная совокупность была разделена на две независимые части (руководители и специалисты), и выборка строилась для каждой из них.

К категории руководителей были отнесены: директор, заместитель директора, заведующие структурными подразделениями. В число анкетируемых библиотечных специалистов вошли сотрудники центральных и районных библиотек, библиотек-филиалов, самостоятельных библиотек и библиотек — структурных подразделений клубов. Всего, согласно выборочной квоте, в опросе должны были принять участие не менее 287 человек основного состава общедоступных библиотек края.

На следующем, технологическом, этапе сотрудники отдела научно-исследовательской и научно-методической работы (ОНИНМР) ДВГНБ занимались рассылкой и сбором анкет, разработкой и заполнением форм фиксации результатов опроса.

Рассылка анкет и сопроводительных писем к ним велась в течение первого полугодия 2016 года. К началу второго полугодия из муниципальных библиотек края были получены последние заполненные опросные листы.

Всего в ДВГНБ для анализа поступило 309 анкет (147 — заполненных руководителями библиотек и 162 — библиотечными специалистами), что обеспечило репрезентативность выборки и соответствовало методике сбора данных, разработанной белорусскими специалистами. Если учесть количество основного персонала муниципальных библиотек края, в анкетировании приняли участие 30,5% библиотекарей.

В конце 2016 года зафиксированные в анкетах данные перенесены специалистами ОНИНМР в таблицы программы Excel. После технической обработки анкет исследователям предстоит провести анализ полученных сведений.

Как уже отмечалось, инструментарий исследования представлен двумя вариантами анкет: для руководителя библиотеки и для библиотечного специалиста. Заданные вопросы нацелены на отражение реальной кадровой ситуации в крае и выявление факторов, влияющих на развитие профессиональных компетенций библиотечных руководителей и специалистов, степень их удовлетворённости своим трудом.

Оба опросных листа довольно большого объёма (84 вопроса — в анкете для руководителя и 83 — в анкете для специалиста). Руководствуясь требованиями, проверенными на практике и повышающими обоснованность и надёжность анкеты, разработчики использовали основные и контрольные вопросы открытого, закрытого и полузакрытого типа, вопросы-таблицы, вопросы-фильтры. Так, открытые вопросы дают возможность внести свои предложения и пожелания по улучшению кадровой ситуации в библиотеке. Вопросы-таблицы предлагают вариативность выбора. Вопросы-фильтры, сопровождающиеся указателями «перехода», выполняют функции сортировки ответов и позволяют респонденту пропускать для экономии времени те группы вопросов, которые к нему не относятся. Важное место в вопроснике занимают альтернативные вопросы, чья конструкция основана на представлении исчерпывающего перечня возможных вариантов ответов. Тем респондентам, чьё мнение не совпало ни с одним из вариантов, предлагается написать свой ответ в отдельном поле.

С целью последующего сопоставления результатов большинство вопросов в анкетах и для руководителей, и для специалистов дублируется.

Завершает опросный лист блок социально-демографических вопросов, касающихся возраста, пола, стажа и образования респондентов.

На 2017 год запланирован аналитический этап исследования, когда полученные в ходе анкетного опроса цифры, факты, предложения позволят выявить и проанализировать данные о кадровом состоянии библиотечной отрасли края и об уровне профессиональных компетенций сотрудников. Выводы и предложения по итогам исследования дадут возможность внести новаторские изменения в их формирование и расширение, а также позволят разработать оптимальную модель системы дополнительного профессионального образования библиотекарей, нацеленного на компенсацию недостающих знаний и навыков, своевременно скорректировать политику развития кадров общедоступных библиотек Хабаровского края.

Список использованных источников

1. *Данилова, Л. Ю. 120 лет на службе науки и просвещения. Дальневосточная государственная научная библиотека / Л. Ю. Данилова // История и культура Приамурья. — 2014. — № 2 (16). — С. 28–42.*
2. *Елепов, Б. С. Компетентность и компетенции библиотечных специалистов: как и зачем их оценивать / Б. С. Елепов, Е. М. Крючкова // Библиотековедение. — 2009. — № 3. — С.117–124.*
3. *Ильяева, И. А. Использование социологических методов исследования для повышения качества работы библиотек / И. А. Ильяева // Библиотековедение. — 2009. — № 4. — С. 119–125.*
4. *Качанова, Е. Ю. Исследовательская деятельность библиотек: назначение, методика, документирование : практ. пособие / Е. Ю. Качанова; М-во культуры Хабар. края, КГБНУК «Дальневост. гос. науч. б-ка». — Хабаровск : РИО ДВГНБ, 2012. — 71 с.*
5. *Концепция развития Краевого государственного бюджетного научного учреждения культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека» до 2020 года / авт.-разработчики: И. В. Филаткина, Р. В. Наумова. — Хабаровск, 2011. — С. 16–17.*
6. *Общедоступные библиотеки Хабаровского края в 2014 году : анализ деятельности / Дальневост. гос. науч. б-ка ; [ред.- сост. Л. Б. Киселёва ; авт.: Л. Б. Киселёва, С. А. Горячев, Л. В. Кошелева ; ред. кол.: Р. В. Наумова (гл. ред.) и др.] — Хабаровск : ДВГНБ, 2015. — 53 с.*
7. *Ромашкина, Т. А. Организация дополнительного профессионального образования сотрудников общедоступных библиотек Хабаровского края: по итогам исследования / Т. А. Ромашкина // История и культура Приамурья. — 2014 — № 2 (16). — С. 103–108.*
8. *Самохина, М. М. Социолог в библиотеке, или Библиотекарь как социолог: практ. пособие для тех, кто хочет и любит исследовать / М. М. Самохина. — Москва : РГЮБ, 2008 — 194 с.*
9. *Стратегия развития сферы культуры Хабаровского края на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Хабаровского края от 16 марта 2011 г. № 59-пр // Сайт М-ва культуры Хабар. кр. — Режим доступа: http://kultura27.ru/document/mincult/o-strategii-razvitiya-sferyi-kulturyi-habarovskogo/. — Дата обращения: 2.02.2017 г.*
10. *Филаткина, И. В. Сотрудничество Дальневосточной государственной научной библиотеки и Хэйлунцзянской провинциальной библиотеки.1990–2007 гг. / И. В. Филаткина // Вестн. Дальневост. гос. науч. б-ки. — 2007. — № 1 (34). — С. 102–111.*
11. *Филаткина, И. В. Стратегические направления развития кадровой работы в Дальневосточной государственной научной библиотеке / И. В. Филаткина // Проблемы кадрового обеспечения сферы культуры и искусства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию Хабар. гос. ин-та искусств и культуры (16–17 апр. 2013 г.) / науч. ред. и сост. Е. В. Савелова. — Хабаровск, 2013. — С. 39–44.*

Материал поступил в редакцию 13.12.2016 г.

Сведения об авторе: Ромашкина Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: tar2805@mail.ru; тел. (4212) 31-28-01.

БАБКИНА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,
ИВАНОВА ЮЛИАННА ЗАХАРОВНА

ЭТНИЧЕСКИЕ СМИ РОССИИ: ТИПОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Статья посвящена изучению особенностей функционирования этнических СМИ в России. На основании сложившихся в современной науке понятий «этнос», «этническая журналистика» и проведённого мониторинга функционирующих на территории Российской Федерации СМИ определённых этнических групп авторы исследуют специфику функционирования и типологические особенности изданий данного типа. Статья предназначается широкому кругу читателей.

Ключевые слова: этнос, журналистика, СМИ, типология.

Keywords: ethnicity, journalism, media, typology.

Этническая гетерогенность населения России — фактор, создающий особые условия для формирования национальной идентичности. На сегодняшний день в стране проживает более 200 национальностей, говорящих на собственных языках, в большинстве своём являющихся государственными языками республик Российской Федерации.

Множество людей определённой этнической принадлежности желает общаться на родном языке и, сохраняя свою идентичность, передавать последующим поколениям национальные традиции. Однако даже во Всемирной паутине этническая пресса занимает весьма шаткие позиции. Это в первую очередь обусловлено причинами демографического характера — русские составляют 81% населения страны.

В сложившихся условиях особую актуальность приобретает проблема сохранения культурной гомогенности представителей конкретного этноса. Этнос — исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, объединённых общими объективными либо субъективными признаками, в которые различные направления этнологии (этнографии) включают происхождение, единый язык, культуру, хозяйство, территорию проживания, самосознание, внешний вид, менталитет и другое [8].

Представленная характеристика отражает только часть определения, выхватывая лишь сегмент из этого сложного явления. Впервые понятие «этнос» было употреблено и введено в научный оборот в 1923 году русским учёным С. М. Широкогоровым. Он представил анализ всех составляющих (культурных, социально-психологических, биологических и т. д.), которые осуществляют динамическое развитие этноса.

Теория другого исследователя — Ю. Бромлея — представлена дуалистической теорией этноса. Он предложил трактовку понятия в двух смыслах: узком и широком. В первом случае этнос именовался «этникос» и характеризовался как общность, объединённая общим языком, культурой, самосознанием. Широкий смысл подразумевал дополнение к выше обозначенным параметрам территориально-политических характеристик [3].

Историк-этнолог Л. Н. Гумилёв включил в содержание понятия «этнос» такие характеристики, как общность конкретной территории, единый ландшафт и сформировавшуюся модель поведения населения, проживающего на данной территории. Применив к этносфере общую теорию открытых систем, он акцентировал внимание на биологической основе этноса как факторе, имеющем большое значение для самоидентификации этноса. Исходя из данной концепции, этническую общность можно представить как социальный организм, который развивается за счёт заключения браков внутри этноса и осуществляет трансляционную функцию, то есть передаёт новому поколению язык, культуру, традиции, этническую модель поведения и т. д. [4].

Одним из продуктивных способов сохранения национальной идентичности и развития межкультурной коммуникации в современном обществе является журналистика.

Этническая журналистика — «журналистика, выполняющая функции самопознания народом своего этнического бытия, консолидации и интеграции этноса, сохранения и развития его культурной самобытности» [7]. Особенностью этнической журналистики является то, что создаётся она на языке этносов, а её адресат — представитель определённого этноса.

В изучении данной темы исследователь И. Н. Блохин раскрывает содержание употребляемого термина: «Во-первых, это журналистика, обращающаяся к тематике межэтнического взаимодействия, особенностям жизни и культуры других народов; во-вторых, это журналистика этнических меньшинств, журналистика диаспор, представленная в средствах массовой информации, издающихся на национальных языках» [1, с. 166]. Во втором значении цель журналистской деятельности состоит в консолидации этноса, включении его в систему межэтнических коммуникаций, сохранении и развитии национальной культуры. Этнический статус журналиста в данном случае, как правило, соответствует национально-культурной тематике СМИ, которая является главным критерием при определении его типа. Содержание второго значения, по мнению И. Н. Блохина, в гораздо большей степени соответствует смыслу категории «этническая журналистика».

Однако точки зрения исследователей в этом вопросе разделяются. Так, А. Н. Кондакова полагает, что к этнической прессе относятся все издания, выходящие в нашей стране на языках российских этносов, кроме русского [6, с. 16]. Такой взгляд достаточно распространён. Согласно ему этническая журналистика вообще возникла лишь в 1990-х годах, когда в России стали появляться СМИ, печатающиеся и вещающие на языках различных народов. В 2001 году, к примеру, в стране таких СМИ было 825, в 2004-м — уже 1 355. В начале 2011 года в России печатные издания выходили на 35 языках, а теле- и радиовещание велось на 50 языках народов, проживающих в стране [3, с. 95]. Исследователь О. А. Богатова придерживается другого мнения, считая, что «под этнической прессой понимаются средства массовой информации, главной задачей которых является освещение этнических проблем или реализация этнокультурных потребностей этнических групп» [2, с. 149].

Несмотря на различные трактовки в определении понятия, этнические СМИ не нашли должного освещения в трудах российских и зарубежных исследователей. На сегодняшний

день отсутствуют статистические данные относительно этнических изданий, функционирующих в России. Авторами данной статьи был проведён мониторинг по выявлению наиболее популярных этнических медиа России. Одной из самых прослушиваемых этнических радиостанций на территории Республики Саха (Якутия) является радиостанция «Виктория-Саха». Численность населения республики, по данным Госкомстата России, составляет 959 689 человек, из них носителей языка (по данным за 2016 год) 45,54%.

Якутская радиостанция «Виктория-Саха» начала своё вещание 30 декабря 1997 года. Её основателем является Александр Глотов. Главный редактор — Анна Исакова. Радиостанция вещает уже 19 лет, 24 часа в сутки на волне FM 104.5 MHz. В эфире транслируются якутские народные песни в исполнении эстрадных артистов, проводятся конкурсы, игры, интервью с интересными людьми. В прямом эфире можно услышать исполнение игры на гитаре, презентации новых песен. Главная цель — популяризация якутских песен, знакомство радиослушателей с новыми именами.

На основе проведённого анализа были выделены следующие типологические характеристики этнических СМИ:

- Территория вещания.

Активность этнических СМИ напрямую зависит от региона и области распространения, так как она направлена на определённую целевую аудиторию — этнос со своими языковыми, культурными и бытовыми особенностями.

- Наличие контента на нескольких языках.

Комбинация языковых версий может включать любой язык соответствующей этнической группы.

- Целевая аудитория.

Целевой аудиторией является конкретная этническая группа, проживающая на определённой территории.

- Функциональность.

Основной функцией этнических СМИ является прежде всего культурно-интегративная функция, цель которой направлена не на стирание культурных различий, а на объединение людей как в рамках одной культуры, так и за её пределами.

- Аксиологическое наполнение.

Кроме функциональных особенностей существует и определённая корреляция с различными группами содержательных элементов духовной жизни общества. Этнические СМИ связаны с ценностями как основаниями культуры. Журналист этнических СМИ лично поддерживает культуры (и собственную, и те, которые он исследует) как совокупности национальных ценностей. Главной культурной функцией этнических СМИ является просвещение аудитории через рассказ и разговор о культурах — национальных, массовых, суб- и контркультурах. Аксиологическая составляющая обуславливает тематическую направленность СМИ.

- Тематическая направленность.

Основная тематика — освещение и раскрытие общих тем как способ сохранения языка и национальной самобытности.

На протяжении многих лет СМИ прямо влияют на формирование массовых представлений людей, в том числе и в области межэтнических отношений. Понятие «толерантность» активно используется в последние годы журналистами, политиками, учёными во всём мире и предполагает признание людьми того факта, что наш мир многомерен и многообразен, что в нём в разных странах живут представители разных рас, конфессий и национальностей (или этносов), с разными национальными (или этническими) культурами, нормами поведения, со своими ценностями и привычками.

Список использованных источников

1. *Блохин, И. Н. Этнологическая культура журналиста // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. — 2008. — Вып. 2, ч. 2. — С. 302–307.*
2. *Богатова, О. А. «Конструирование этничности» и этническая пресса // Информационная политика в регионе: между прошлым и будущим : материалы Всерос. науч.-практ. конф. в МГУ им. Н. П. Огарёва 19 дек. 2002 г. / МГУ им. Н. П. Огарёва ; под ред. П. Н. Киричека. — Саранск, 2003. — С. 149–153.*
3. *Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. — Москва : Наука, 1983. — 418 с.*
4. *Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Гумилёв Л. Н. — Москва : Мысль, 1991. — 526 с.*
5. *Исхаков, Р. Л. Феномен этнической журналистики (к определению понятия) // Изв. Урал. гос. ун-та. — 2008. — № 60. — С. 93–98.*
6. *Кондакова, Н. Разноязычная пресса России // Пресса и этническая толерантность. — Москва, 2000. — С. 16–17.*
7. *Этническая журналистика [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Этническая_журналистика. — Дата вхождения: 29.10.2016.*
8. *Этнос [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Этнос. — Дата вхождения: 29.10.2016.*

Материал поступил в редакцию 16.01.2017 г.

Сведения об авторах:
Бабкина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика» социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: gussinda@yandex.ru; тел. 8-914-182-61-90.

Иванова Юлианна Захаровна, студентка 4-го курса кафедры «Журналистика» социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: jina_mars@mail.ru; тел.: 8-924-119-93-88, 8-924-661-75-44.

НАРЫЖНАЯ СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА,
ФИЛАТКИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА

«ГОРЕНИЕ»

(личный архив дальневосточного писателя и редактора Николая Митрофановича Рогаля)

В статье приводится обзор документов, содержащихся в личном архиве дальневосточного писателя и редактора журнала «Дальний Восток» Николая Митрофановича Рогаля, автора романа «На восходе солнца».

Ключевые слова: Н. М. Рогаль, Г. Г. Пермяков, А. А. Плешков (А. Гай), Д. Д. Нагишкин, Н. Н. Матвеев-Бодрый, М. Д. Рогаль, журнал «Дальний Восток», дальневосточная литература, личные архивы.

Keywords: N.M. Rogal, G.G. Permyakov, A.A. Pleshkov (A. Guy), D.D. Nagishkin, N.N. Matveev- Bodryi, M.D .Rogal, “Far East “ magazine, Far Eastern literature, personal archives.

Представленные в настоящей статье документы, связанные с жизнью и деятельностью дальневосточного писателя и редактора Николая Митрофановича Рогаля, долгое время находились в домашнем архиве его дочери Людмилы Николаевны Рогаль и были недоступны для изучения. Авторы статьи ознакомились с ними, провели их предварительную систематизацию и подготовили для передачи в Государственный архив Хабаровского края.

Возможно, знакомство с архивом позволит нам, наконец, понять, кем был Н. М. Рогаль, с которым мы когда-то встречались и которого немного знали. Редактором? Писателем? Литературным критиком? Общественным деятелем?

Среди различных документов обнаруживаем серую папку. На обложке надпись: «Н. М. Рогаль. Горение (воспоминания супруги Н. М. Рогаля). 21.3.81». В папке — два заполненных машинописным текстом листа под названием «"Огонь-человек" (вопросник для воспоминаний супруги Н. М. Рогаля о Н. М. Рогале)». С полной уверенностью можно сказать, что этот документ был составлен известным краеведом и востоковедом, другом семьи Георгием Георгиевичем Пермяковым. Часть текста на обложке и в тексте вопросника написана очень характерным его почерком. Судя по имеющимся датам, составлен он был уже после смерти Николая Митрофановича. Воспоминания о Н. М. Рогале Марией Семёновной, по всей вероятности, так и не были написаны, во всяком случае, в архиве они не обнаружены.

Приведём некоторые названия разделов вопросника: «Предки», «Детство Н. М.», «Партия», «Болезни», «Когда переехал в Хабаровск? Почему?», «Литературная работа», «Работа на посту главного редактора "Дальнего Востока"», «Николай Митрофанович Рогаль — Стасов Дальнего Востока», «Первая любовь», «Друзья Николая Митрофановича», «Иманский клад», «Фотографии Н. М.», «Мечты, планы, образованность, самообразование, начитанность, библиотека».

Г. Г. Пермяков был очень хорошо знаком с Николаем Митрофановичем. Формулируя разделы вопросника, он обращает внимание на многогранность его деятельности: «критик, писатель, журналист, советник молодых писателей, борец за мир, общественный работник, корреспондент товарищей, старый комсомолец, лектор, выступатель по радио, ТВ и в газетах-журналах»; на особенности его человеческой личности: «кристальная честность, бессребреник; заботливое сердце, горящее сердце, изумительная образованность».

Этот вопросник может служить своеобразным методическим материалом для тех, кто собирается писать воспоминания о каком-либо человеке. Авторами статьи он использован как план, по которому была организована работа и изучение имеющихся в архиве документов. В ходе исследования приходилось отклоняться от вопросника в связи с тем, что в распоряжении был не весь архив Н. М. Рогаля, собранный им самим и его родственниками.

Часть документов архива хранится в Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова, где он комплектовался в течение многих лет, начиная с 1979 года. Первые коллекции были переданы вдовой писателя и ответственным секретарём Хабаровской писательской организации В. Н. Александровским. Материалы Н. М. Рогаля сосредоточены в писательском фонде «Собрание документов личного происхождения писателей и писательских организаций Дальнего Востока и Хабаровского края» (фонд 52), который содержит в настоящее время 172 коллекции. Здесь хранится много материалов, связанных с общественной деятельностью Н. М. Рогаля как депутата краевого Совета депутатов трудящихся, его творчеством, включая черновые записи к роману «Пятое апреля», фотографии, письма, театральные афиши и т. п. (№№ фондов КП 8172, 9015, 12905).

Книги из личной библиотеки Н. М. Рогаля с автографами и дарственными надписями, рукописи его романа «На восходе солнца»; документы, собранные для написания биографического очерка о В. К. Арсеньеве, часть писем и других материалов хранятся в Дальневосточной государственной научной библиотеке, куда они были переданы дочерью писателя.

Но у неё всё ещё оставалась большая часть архива, который авторами статьи условно был разделён на несколько частей:

– записные и телефонные книжки;

– подготовительные материалы к его будущим и состоявшимся произведениям;

– документы служебной и общественной деятельности: личные выступления Н. М. Рогаля на собраниях, заседаниях, различных мероприятиях;

– рукописи рецензий, написанных Н. М. Рогалем;

– документы, связанные с жизнью его любимого детища — журнала «Дальний Восток», в котором он проработал главным редактором более 22 лет;

– личная, семейная и служебная переписка: письма, поздравительные открытки, телеграммы от коллег, друзей, знакомых, родных; письма Н. М. Рогаля в официальные организации в связи с его общественной деятельностью, писательской и редакционной. Это наиболее интересная часть архива, раскрывающая круг общения Н. М. Рогаля, отношение к нему адресантов;

– фотографии официальные и неофициальные: самого Н. М. Рогаля, его родных, близких, друзей. Эти важные документы требуют отдельного изучения, так как они многое могут рассказать о Николае Митрофановиче.

Обратимся к записным и телефонным книжкам, относящимся к разным годам. В них — адреса и телефоны его коллег, товарищей, друзей, знакомых; конспекты мероприятий, на которых ему пришлось присутствовать. Чаще всего выступления участников зафиксированы подробнейшим образом. Есть записи мыслей писателя по поводу этих выступлений. Следует отметить, что книжек великое множество, одни начаты и не дописаны, другие полностью заполнены. Они интересны для исследователя так же, как и переписка, в них представлен круг друзей, знакомых, известных и неизвестных общественных деятелей. Это всё окружение Николая Митрофановича Рогаля. В записных книжках фиксировались и какие-то важные факты и сведения, по всей вероятности, для того чтобы всегда быть под рукой. Все записи сделаны аккуратным почерком, текст легко прочитывается, хотя и прошло уже 55 лет. Это говорит об огромной собранности и определённой скрупулёзности Николая Митрофановича.

В архиве также были обнаружены документы, относящиеся к матери Рогаля — Марине Дмитриевне Рогаль. Среди них: копия её паспорта, выданная начальником паспортного стола и заверенная председателем Хорского поселкового совета, «Архивная справка» на имя директора Хабаровского крайгосархива Т. Цыбыктаровой от 25.01.1964 года; справка от 3 апреля 1964 года, выданная Государственным архивом Хабаровского края; справка из Хорского поселкового совета от 8 декабря 1964 года, копия заявления М. Д. Рогаль в Хабаровский крайисполком с просьбой о положительном решении вопроса о назначении ей персональной пенсии, как старому члену партии и активному советскому работнику в прошлом. Кстати, вопрос был решён положительно.

Используя эти документы, можно выстроить биографию Марины Дмитриевны Рогаль.

1. Рогаль Марина Дмитриевна родилась 14 июня 1891 года в с. Большой Самбор Конотопского района Черниговской области, по национальности — украинка.

2. 3 января 1926 года была избрана и несколько лет работала председателем Хорского сельсовета.

3. В 1926-м и 1927 году была делегатом I и II Некрасовских районных съездов Советов.

4. В 1926 году была избрана в члены Некрасовского райисполкома. Была членом президиума этого исполкома. Неоднократно участвовала в заседаниях его президиума и пленумов.

5. 9 марта 1926 года участвовала в работе секции Советского строительства Дальневосточного краевого съезда крестьянок-общественниц. Много лет вела активную работу среди женщин.

6. Являлась делегатом 1-го (1926 г.) и 2-го (1927 г.) Дальневосточных краевых съездов Советов.

7. Дважды избиралась членом Далькрайисполкома, в 1927 году — членом президиума Далькрайисполкома.

8. В 1930-м с организацией колхозов в с. Хор была избрана председателем колхоза и работала до 1934 года, когда произошло объединение колхозов сёл Хор и Дрофа.

9. С 1927 года — член КПСС. Состояла на партийном учёте в райкоме КПСС района им. Лазо.

10. У Марины Дмитриевны Рогаль было три сына: Николай, 1909 года рождения (проживающий в г. Хабаровске); Алексей, 1911 года рождения (пос. Хор), и Константин, 1913 года рождения (пос. Красная Речка).

11. М. Д. Рогаль в последние годы жила в пос. Хор района им. Лазо на улице Пограничной, 15а у среднего сына Алексея Митрофановича, рабочего Хорского лесокомбината (слесарь КИП гидролизного завода).

Документов, касающихся её родителей и мужа, в личном архиве Н. М. Рогаля не обнаружено.

Теперь, естественно, возникает вопрос об автобиографии Николая Митрофановича Рогаля. Составлял ли он её? Очень хотелось обнаружить этот документ в архиве. Но найден был только один листок, написанный от руки, на обороте другая биография — писателя-прозаика Ю. Л. Лясоты. Кажется, что Н. М. Рогаль, размышляя по этому поводу, написал краткую автобиографию, но полностью не успел реализовать свой замысел. Помешала неожиданная смерть.

Итак, Николай Митрофанович Рогаль родился 27 июня 1909 года в семье рабочего-железнодорожника Митрофана Рогаля на станции Кругликово Дальневосточной железной дороги. Более Кругликово нигде не упоминается, вероятно, семья перебралась в с. Хор. Отец погиб во время Гражданской войны, и большую роль в его жизни играла мать.

Трудовую жизнь начал рано — батраком, водовозом на железной дороге, при этом он упоминает, что несколько лет прожил в Приморье. Из его собственных заметок нам известно, что у него было среднее образование, а в некоторых источниках указывается — начальное. Из этого можно сделать вывод, что Н. М. Рогаль занимался самообразованием.

В 1924 году он вступает в комсомол и избирается секретарём ячейки РКСМ на Хорском лесозаводе, членом Хабаровского УКОМА комсомола. Руководящей работе в комсомоле в пос. Вяземском и г. Имане (ныне Дальнереченск, Приморский край) он отдал шесть лет. Н. М. Рогаль был завагитпромом Хабаровского окружкома ВЛКСМ, секретарём Хабаровского горкома комсомола, членом бюро Далькрайкома ВЛКСМ.

В мае 1929 года 20-летний Николай Рогаль принят в члены КПСС. Партийной работой занимался в Хабаровском

горкоме КПСС, в аппарате Хабаровского крайкома партии. 11 раз избирался на союзные конференции и съезды. Общественная работа, в которую он включился ещё мальчишкой, прошла через всю его жизнь.

Впоследствии Николай Митрофанович не прерывал связь с Иманом. Из этого города Николай Константинович Портягин в письме от 10 декабря 1968 года обращается к нему с просьбой принять пионеров и пишет о том, что на торжественном сборе всех отрядов тов. Рогаля избрали почётным пионером г. Имана на вечные времена. А в письме от 2 ноября 1968 года он с опозданием поздравляет Николая Митрофановича с 60-летием. Пишет о том, что в газете «Красное знамя» (г. Владивосток) была помещена большая статья тов. Самунина по поводу юбилея Николая Митрофановича и он полностью её одобряет, так как знает Н. М. Рогаля 42 года.

В архиве есть письмо от самих школьников Дома пионеров им. С. Лазо г. Имана. Следует заметить, что Николай Митрофанович был первым комсомольцем этого города.

Важное значение в жизни Рогаля имел и пос. Хор. Уже живя в Хабаровске, он часто приезжал туда к матери. Здесь 20 сентября 1937 года родилась его дочь Людмила.

В августе 1939 года, когда жена с дочерью находились в Ростове, он пишет им: *«На Хору, комары исчезли совсем, вода в реке тёплая, загорал и купался, уплыл на остров, ниже нашего сада, а там загорал на косе».*

А вот письмо к жене от 12 сентября 1939 года: *«Завтра выезжаю на Хор. К следующему выходному вернусь в город, и тогда, вероятно, получу свои авторские экземпляры "У границы"».*

В письме от 14 сентября 1939 года жене в Ростов он сообщает: *«Чувствую себя очень хорошо, это время — август и первые дни сентября — работал сравнительно мало — больше отдыхал, делал это нарочно. Зиму-то во всяком случае думаю быть на ногах. А не лежать в постели, как прошлую. Хабаровск такой же, как и прежде, шли дожди».*

Рогалю только 30 лет. Зиму 1938 года он всю проболел. Чем он был болен? Об этом не часто, но упоминается в письмах его друзей и товарищей. У него с юности была повреждена нога, он сломал её во время сплава по реке. В результате неправильного срастания перелома начался туберкулёз кости. Это болезнь прошла через всю его жизнь и часто укладывала его в постель. Он рано начал ходить с палкой.

В 1936 году писатель проживает в Хабаровске в общежитии, затем при больнице «Скорой помощи» на улице Запарина, в комнате, которую, как молодому специалисту, дали его супруге Марии Семёновне Рогаль (Пеньковой).

Мария Семёновна Пенькова родилась в Туле в семье путевого обходчика, окончила 1-й Ленинградский медицинский институт и приехала по распределению в г. Хабаровск с двумя подругами. Позднее она знакомится с Николаем Рогалем. Трудно сказать, была ли Мария Семёновна его первой любовью, его музой. В брак она вступила довольно поздно. Но заботилась о своём супруге, пока не заболела сама.

Об этой комнате Рогаль пишет жене в Ростов (письмо от 29 октября 1939 г.): *«При скорой помощи с квартирой всё еще без перемен. Я настаиваю на выселении бухгалтерии (в той комнате могу работать я) и неотложном ремонте. Это единственное, что может оказаться реальным».*

Кстати, о комнатах и квартирах, в которых жил Николай Митрофанович с семьёй. Вторую комнату они получили в 1940 году, перед войной. Она была в доме, расположенном на углу улиц Комсомольской, 84 и Карла Маркса (ныне ул. Муравьёва-Амурского). Дом был с частичными удобствами. Он сохранился до настоящего времени. Третья — последняя квартира, в которой он жил с 1954 года, — в доме на улице Карла Маркса, 11. Квартира 3-комнатная на пятом этаже. Лифта в доме не было. Сегодня здесь проживает его дочь Людмила Николаевна. На нём помещена скромная мемориальная доска, её текст гласит: «В этом здании в разные годы XX века жили и работали дальневосточные писатели: Ажаев Василий Николаевич, Рогаль Николай Митрофанович, Нагишкин Дмитрий Дмитриевич».

Помимо дочери, в семье был ещё сын — Сергей Николаевич Рогаль. Всю жизнь он проработал звукооператором на телевидении. Женат не был. Внуков у Николая Митрофановича нет, но он был главным в большой семье, заботился о братьях. Среднего брата Алексея, простого рабочего, дважды репрессировали. Он прошёл всю войну, воевал в штрафном батальоне. Вторично был арестован после войны и находился в тюрьме в г. Хабаровске. Оттуда его забирала Мария Семёновна.

Константин Митрофанович Рогаль, младший брат, работал директором Хабаровского мукомольного завода на Красной Речке. У него был сын, есть внуки и правнуки.

Несколько слов необходимо написать об отношении Николая Митрофановича к своим родным. Конечно, он любил свою семью, был главным, заботился о своих близких. В одном из писем из Москвы (от 22 октября 1967 г.) Рогаль пишет: *«В магазинах, кроме очередей ничего нет из заказанного вами. Я имею в виду обувь…*

Шляпу тебе Галина Семёновна Гай заказала мастерице. Они, вооружённые твоим размером — 56 — долго по телефону обсуждали фасон, характер твоего лица и т. д. Цвет и фасон…

Купил пока Серёже зажигалку, две катушки ГДР лески 0,7, да безразмерные носки…

Конфет пока не покупал. Нет ничего особенного.

Чемодан себе вряд ли найду. Есть очень плохонькие. Это меня не устраивает.

По возвращении из Ленинграда, на два дня остановлюсь у Гая. Договорился…

Самочувствие хорошее. Вот не знаю, что делать сегодня. Магазины закрыты в воскресенье…

Разве что отправиться на футбол, а вечером — к Пришвину».

Кстати, в Москве он себя всегда чувствовал хорошо, но не переехал туда, хотя звали. Он был патриотом дальневосточной земли.

Следует отметить, что в архиве много документов, справок относительно многогранной общественной деятельности Николая Митрофановича. Приведём лишь некоторые факты:

– в 1940–1956 годах — он ответственный секретарь Дальневосточного, а затем Хабаровского краевого отделения Союза советских писателей;

– с 1955 года — главный редактор журнала «Дальний Восток»;

– был участником Второго и Третьего всесоюзных съездов писателей; съездов писателей РСФСР;

– неоднократно избирался депутатом Краевого и городского советов депутатов Хабаровского края;

– был председателем Хабаровского краевого комитета защиты мира и членом различных организаций: Советского комитета защиты мира, крайкома Хабаровского края, Хабаровского клуба писателей, общества «Знание», правления Союза писателей СССР, правления Союза писателей РСФСР, Географического общества СССР, президиума Всемирного совета мира.

Приглашения, приглашения, приглашения, телеграммы… — все они сохранены в архиве Николая Митрофановича.

Но вернёмся к биографии Рогаля. Когда он почувствовал желание писать? Очень давно, во времена своей юности. Уже в 1926 году в ноябрьской подшивке газеты «Набат молодёжи» есть выпуск с короткой заметкой, подписанной юнселькором тов. Рогалем. Кстати, в архиве писателя очень мало печатных публикаций. Довоенный период его жизни вообще не представлен, исключения составляют четыре письма Н. М. Рогаля к жене (они приведены выше) и ответы на них.

Итак, первая заметка и далее материалы почти в каждом номере. Он часто пишет их прямо в редакции. Несомненно, что его тянет к журналистской работе. Он объезжает деревни и везде рассказывает о «Набате молодёжи». Собирает предложения и мнения о газете. Пишет заметки о тружениках села. Его интересует история Гражданской войны, ведь тогда у него погиб отец.

В архиве очень скромно представлена и жизнь Н. М. Рогаля во время Великой Отечественной войны. По рассказам дочери, он был военным корреспондентом здесь, на Дальнем Востоке. Этому периоду посвящена одна папка архива. В это время он задумал свой роман «На восходе солнца» и пишет отдельные главы. В папке много выписок и цитат о том, как писали А. М. Горький, Н. Гоголь, Гёте, Жорж Санд. Здесь же реферат доклада «XXIII годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции» и тезисы доклада «Гитлеровский «новый порядок» в оккупированных странах Европы, нарастание антифашистского движения в них» (дата не указана, но написано, что идёт 3-й год войны), рукопись доклада «Горький — великий русский писатель-патриот» (26 страниц, год не указан), рукопись доклада «Захватнические планы германского фашизма» (18 страниц), брошюра «Жизнь и творчество Лермонтова» (1941 г., 32 с.), лекция, прочитанная Н. М. Рогалем в г. Комсомольске, «Жизнь и деятельность т. Сталина» (тезисы), черновик материала Н. М. Рогаля «Рассказ и работа над ним» (14 страниц), рукописи лекций философа Фишера, 2 экземпляра текста рассказа Н. М. Рогаля «Тайная легенда» (он был написан в годы войны на основе легенды, рассказанной на берегу Катыни, одного из притоков Хора, лесным объездчиком Архиповым).

Позднее в архиве обнаруживаем конспект лекции (тезисы лекции) Н. Рогаля «Об уголовной ответственности гитлеровских преступников и возмещении материального ущерба, причинённого Советскому Союзу». Он написан каллиграфическим почерком в отдельной тетради, в него включены (вклеены) воспоминания очевидцев фашистских преступлений, напечатанные в каком-то издании.

В папке военного периода хранятся также 8 отпечатанных на машинке рассказов Н. М. Рогаля:

– Рогаль Н. Обыкновенная история. Рассказ. — Хор, 1943. — 9 с. — 4 экз.;

– Рогаль Н. Настоящее дело. Рассказ. — Хабаровск, 1943. — 4 с. — 1 экз.;

– Рогаль Н. Математик. Рассказ. — Хабаровск, 1942. — 5 с. — 2 экз.;

– Рогаль Н. Оленька. Рассказ. — Хор, 1942. — 5 с. — 4 экз.;

– Рогаль Н. Типичный случай. Скетч. — Хабаровск, 1942 — 10 с. — 1 экз.;

– Рогаль Н. Перед весной. Рассказ. — Хабаровск, 1944. — 7 с. — 1 экз.;

– Рогаль Н. Агафья Карповна. Рассказ. — Хабаровск, 1942. — 5 с. — 1 экз.

Возникает вопрос, а были ли они опубликованы? Первая публикация рассказов Н. М. Рогаля в журнале «Дальний

Восток» появилась в 1939 году. Это была повесть «Встреча»[1]. В следующем году выходит рассказ «Залом»[2]. Из сохранившихся рукописей рассказов в журнале «Дальний Восток» опубликовано только три: «Оленька» (1942)[3], «Обыкновенная история» (1944)[4], «Математик»[5] (1946). Следует заметить, что отрывки из неопубликованного романа «5 апреля» стали печататься в 1940 году во 2-м номере журнала «Дальний Восток», как часть романа «Форпост»[6].

А отрывки из романа «На восходе солнца» он начал публиковать в 1951 году во 2-м номере журнала, продолжение выходило в номерах за тот же год и в номерах 1957 года[7].

В архиве более системно представлены документы начиная с 1954 года, когда семья переезжает в новую квартиру и у Н. М. Рогаля появляется кабинет.

Находим достаточно большое количество материалов, связанных с рукописью романа «На восходе солнца». Имеются написанные от руки главы к роману «5 апреля». Размышления о нём, причинах, побудивших Н. М. Рогаля его писать, в архиве не обнаружены. Гражданская война прошла через детство и отрочество Рогаля и запечатлелась в его памяти. Вероятно, поэтому и была задумана трилогия. Но, к сожалению, замысел полностью не был осуществлён.

Часто к Н. М. Рогалю обращались авторы с просьбой написать рецензии на их произведения. Всего им было опубликовано около 50 рецензий. Кстати, сам Николай Митрофанович, подводя итоги своей деятельности, не включает рецензии в состав творческих работ. А жаль! Остановим внимание только на тех, речь о которых идёт в письмах, или же копии этих рецензий имеются в архиве.

С писателем Г. Марковым Рогаль был знаком с 40-х годов. В 1948 году в издательстве «Советский писатель» выходит роман «Строговы», и Николай Митрофанович пишет на него рецензию[8]. Их дружба продолжалась, и когда Г. Марков стал секретарём Союза писателей. Он очень беспокоился о Н. М. Рогале, его здоровье и жизни журнала «Дальний Восток».

Среди рукописей обнаруживаем и фрагменты рецензии на роман Д. Олдриджа «Дипломат», который Николай Митрофанович прочитал в 1952 году и который его очень взволновал[9].

Иван Георгиевич Машуков в 1955 году издаёт в Хабаровском книжном издательстве роман «Трудный переход», и Н. М. Рогаль в журнале «Дальний Восток» публикует на него рецензию[10]. Кстати, об этом романе и его издании много пишут товарищи Рогаля, вероятно, автор собирался издать его в Москве. Но, к сожалению, умер, не увидев его изданным даже в Хабаровске. Поэтому рецензия, написанная Н. М. Рогалем, была очень важна для его родных и близких.

В 1964 году опубликована рецензия Н. М. Рогаля на очерки «Дальневосточники» под названием «Военные традиции дальневосточников».

Сохранилась в архиве и рецензия Николая Митрофановича на роман «Орлиное гнездо», вышедший в издательстве «Советский писатель» в 1964 году. Она была опубликована в этом же году в журнале «Дальний Восток»[11]. Автор романа — дальневосточный писатель и художник Вадим Вадимович Павчинский — близкий друг Н. М. Рогаля. Ещё в 1959 году в Хабаровске вышел его роман о владивостокских кораблестроителях «Пламенем сердца». «Орлиное гнездо» — новое, переработанное издание этой книги. К сожалению, в 1971 году В. В. Павчинский уходит из жизни. В архиве также сохранилось несколько его писем и поздравительных открыток.

В 1965 году в Дальневосточном книжном издательстве выходит роман Ю. Лясоты «Красная осень» о событиях Гражданской войны в Приморье. По просьбе Юрия Людвиговича Н. М. Рогалем была написана рецензия на это произведение под названием «Роман о крахе белогвардейщины и интервенции»[12].

В архиве есть и упоминания о рецензии на книгу «Писатели-землепроходцы», выпущенную издательством «Советская Россия» в 1972 году.

Среди других материалов находим также рецензию на книгу директора Хабаровского книжного издательства Н. К. Кирюхина «Города Хабаровского края».

---

1 Рогаль Н. Встреча // Дальний Восток. — 1939. — № 1. — С. 90–124.
2 Рогаль Н. Залом // Дальний Восток. — 1940. — № 1. — С. 81–85.
3 Рогаль Н. Оленька // Дальний Восток. — 1942. — С. 46–50.
4 Рогаль Н. Обыкновенная история // Дальний Восток. — 1944. — С. 139–145.
5 Рогаль Н. Математик // Дальний Восток. — 1946. — № 3. — С. 134–137.
6 Рогаль Н. Пятое апреля. Отрывок из романа «Форпост» // Дальний Восток. — 1940. — № 2. — С. 33–76.
7 Указатель содержания журнала «Дальний Восток» 1933–1973 гг. — С. 23 [Рукопись].
8 Марков Г. Строговы. Роман. — Москва : Советский писатель. — 1948. — Рец. Рогаль Н. Роман о сибирском крестьянстве // Дальний Восток. — 1948. — № 6. — С. 126–128.
9 Олдридж Д. Дипломат. Роман. — Пер. с англ. — Москва : Изд-во иностр. лит. — 1952. — Рец. Рогаль Н. В интересах мира или войны? // Дальний Восток. — 1953. — № 3. — С. 169–174.
10 Машуков И. Трудный переход. Роман. — Хабаровск : Кн. изд-во. — 1955. — Рец. Рогаль Н. Судьба Егора Веретенникова // Дальний Восток. — 1956. — № 3. — С. 170–179.
11 Павчинский В. Орлиное гнездо. Роман. — Москва: Сов. писатель. — Рец. Рогаль Н. Орлиное гнездо // Дальний Восток. — 1964. — № 1. — С. 174–178.
12 Лясота Ю. Красная осень. Роман. — Владивосток. — Дальневосточное книжное изд-во. — 1965. — Рец. Рогаль Н. Роман о крахе белогвардейщины и интервенции // Дальний Восток. — 1966. — № 2. — С. 163–167.

Характеризуя работу Н. М. Рогаля как литературного критика, следует сделать вывод о том, что, во-первых, он часто откликался на просьбы авторов написать рецензию и поместить её в журнале «Дальний Восток». Во-вторых, он следил за творчеством своих товарищей, читал их произведения. Кроме того, он следил и за изданием произведений зарубежных авторов, особенно английских, прочитывал их, писал рецензии и публиковал их в журнале.

Возвращаясь к творчеству писателя, следует отметить его единственную изданную пьесу в 4-х действиях, семи картинах «Июнь-Корань», которая увидела свет в журнале «Дальний Восток»[13]. Стоит сказать, что опубликована она была ещё до того, как Николай Митрофанович стал главным редактором журнала. В архиве имеется целая папка документов, относящихся к ней, и представлен её полный текст на 76 страницах (рукопись). На титульном листе написано, что право первой постановки предоставляется Хабаровскому театру драмы. Здесь же представлена публикация из газеты «Тихоокеанская звезда» за 26 мая 1954 года, её автор — режиссёр-ассистент Е. Хигерович.

Сохранилось письмо к С. Чернявской от 20 ноября 1954 года, где Н. М. Рогаль пишет о том, что пьеса поставлена и в театре Тихоокеанского флота и идёт в театрах. Сохранена и программка спектакля «Июнь-Корань».

Николай Митрофанович выступал в журнале и как публицист, но в личном архиве представлены не все статьи. В частности, ещё в 1947 году в 4-м номере «Дальнего Востока» был опубликован критико-биографический очерк «В. К. Арсеньев». Следует отметить, что изучением жизни и деятельности Владимира Клавдиевича Рогаль занимался всю жизнь, ревниво следя за работой исследователей его жизни и творчества и собирая материал о нём. В журнале «Дальний Восток» он опубликовал более 20 статей об Арсеньеве разных авторов. Но сам, к сожалению, более ничего не написал.

Обнаруживаем достаточно большое количество материалов, связанных с развитием дальневосточной литературы, с событиями, происходившими в советской литературе. Так, в записной книжке 1961 года представлены материалы пленума Союза писателей СССР, который проходил 22–23 декабря 1961 года. В ней достаточно подробно законспектированы все выступления, в том числе К. А. Федина (вступительное слово), Г. М. Маркова (доклад), В. А. Смирнова и других. В этой же книжке конспекты докладов на совещании по идеологической работе 25–26 декабря 1961 года: Н. С. Хрущёва, Н. Г. Егорычева, С. А. Герасимова, Г. И. Серебряковой, А. Б. Чаковского, С. М. Михалкова и других. Н. М. Рогаль фиксирует, что всего выступило 35 человек, а записались на выступления — 103.

В архиве достаточно большое количество текстов статей, выступлений Николая Митрофановича на различных мероприятиях, планов работы, протоколов заседаний. Приведём лишь некоторые:

• текст доклада «О развитии художественной литературы на Дальнем Востоке за 50 лет Советской власти», прочитанного на выездном заседании секретариата правления Союза писателей в 1967 году;

• тексты двух передач по этой же теме на радио под названием «Рождённая Октябрём»;

• «Литературно-художественная критика и современность» (об итогах пленума правления Союза писателей СССР), 10 марта 1972 года;

• «Тридцатилетие журнала “Дальний Восток”» (на Хабаровском радио), октябрь 1963 года;

• «Советская литература на Дальнем Востоке» (открытие дня советской литературы на Дальнем Востоке), 1972 год;

• «Итоги поездки советских писателей по Дальнему Востоку»;

• статья «Суворовец» в юбилейный номер газеты «Суворовский натиск» от 22 мая 1973 года;

• конспект статьи «Посади дерево» (была опубликована);

• план работы Хабаровского краевого комитета защиты мира на 1973 год, заседания проводятся 1–2 раза в квартал;

• протокол № 1 заседания комиссии по литературному наследию В. Н. Иванова, 17 августа 1972 года, на котором присутствовали Н. М. Рогаль, В. Русское, М. Иванова и другие. Слушали вопросы: а) об архиве В. Н. Иванова; б) о мемуарах В. Н. Иванова и издании их в 2-х томах, т. к. в рукописях 3 тома, а также о переиздании книг В. Н. Иванова.

В 1965 году возникает идея издания серии книг, в которую вошли бы лучшие произведения дальневосточной литературы. В документах личного архива Рогаля хранится план под названием «Сводный план “Библиотека дальневосточного романа” (1966–1972 гг.)». План рассмотрен и утверждён редколлегией «Библиотеки» 26.II.1969 г.: *«1966 — 3 романа, 1967 — 4 романа, 1968 — 3 романа, 1969*

13 Рогаль Н. Июнь-Корань // Дальний Восток. — 1954. — № 4. — С. 16–59. Отдельным изданием пьеса не была издана. В 1965 году она была отредактирована (ответственный редактор Б. Андроникашвили; в ней стало 3 действия и 9 картин) и выпущена тиражом 40 экз. отделом распространения драматических произведений Всесоюзного управления по охране авторских прав (ВУОАП) для распространения Управлением театров Министерства культуры РСФСР среди театров страны. Один экземпляр хранится в Центре информационно-библиографического обслуживания, библиографии и краеведения ДВГНБ. До широкого читателя пьеса, по сути, так и не дошла.

— 5 романов, 1970 — 4 романа, 1971— 4 романа, 1972 — 4 романа, резерв — 4 романа. Примечание. Книги 1966–1968 гг. вышли в свет, книги 1969 г. находятся в печати. Гл. редактор «Библиотеки дальневосточного романа» Н. М. Рогаль. Издательства — Хабаровское и Дальневосточное. В резерве — Магаданское».

В архиве множество протоколов совещаний по вопросам издания «Библиотеки дальневосточного романа». Менялся состав редколлегии серии, принцип комплектования и другое.

Можно ещё много говорить о Н. М. Рогале как о литературном критике, публицисте, общественном деятеле. Но главным его детищем был журнал «Дальний Восток», именно ему, как собственному ребёнку, он отдал большую часть своей жизни — с 1941-го по ноябрь 1977 года.

Часто ли мы, читатели, заглядываем на оборот титульного листа издания, где размещаются выходные данные? В 40–50-х годах XX века они помещались в конце книги или журнала. Задумываемся ли мы о людях, благодаря которым был создан тот или иной номер журнала? Много ли мы знаем редакторов? Пишем ли мы им оду, как это делаем, например, говоря о талантливом авторе? Чаще всего нет. Но сейчас нам хочется воскликнуть: «Были в нашей истории русской советской литературы талантливые редакторы!» Широко известна деятельность А. Т. Твардовского на посту главного редактора журнала «Новый мир», редакторская деятельность В. П. Катаева, К. М. Симонова. Дальневосточники хорошо знают редактора газет «Тихоокеанская звезда» и «Биробиджанская звезда» М. М. Фрадкина. К числу талантливых редакторов относится и Николай Митрофанович Рогаль.

Главным редактором провинциального издания работать всегда было сложно. Денег не хватает, начальников над тобой много. А ведь именно главные редакторы этих журналов открыли и продолжают открывать дорогу многим авторам. К сожалению, когда подводят итоги литературных конкурсов, редакторов не так часто награждают и отмечают их деятельность.

Давайте заглянем в словарь и посмотрим, какое определение дано словам «редактирование», «редактор».

В Российском гуманитарном энциклопедическом словаре написано: «Редактирование (от латинского redactus — приведённый в порядок) — этап подготовки рукописи (а также аудио- и видеоматериала) к публикации (лит. стиль, логика изложения смысла, акценты и т. д.) авторского произведения… Редактирование художественного произведения — наиболее сложный и деликатный вид редакторской работы. На этапе редактирования возможно осуществление прямой и скрытой политической морально-этической, эстетической и проч. цензуры, в связи с чем возрастают требования к нравственным качествам редактора»[14].

В Российском энциклопедическом словаре читаем: «Редакция (от лат. redactus — приведённый в порядок). Процесс обработки редактором авторского произведения для публикации»[15].

А кто же такой главный редактор журнала? Каковы его функции? В энциклопедических словарях не находим объяснения этому понятию. На наш взгляд, это — главный менеджер. Он организует журнал, добывает финансовые средства, укрепляет редакцию, приглашает новых редакторов, расстаётся со старыми, выплачивает гонорары и при этом старается публиковаться как автор. Он осуществляет сотрудничество с местными и центральными издательствами, добиваясь у них публикаций произведений авторов. Он психолог, так как работает с авторами, иногда возвращая им рукописи. А ведь надо их не обидеть, не унизить.

Николай Митрофанович и был тем редактором, который, исследуя литературный стиль, логику изложения, смысл рукописи, готовил её к публикации. Ему необходимо было понять и осмыслить произведение и в итоге сделать вывод о необходимости публикации. Какая сложная, тонкая, ювелирная работа! Ведь от деятельности главного редактора во многом зависит репутация журнала.

Николай Митрофанович Рогаль имел славу прекрасного редактора. К сожалению, он часто болел, но и во время болезни всегда читал, читал и читал все поступавшие в редакционный портфель авторские рукописи.

Можно только удивляться, откуда он брал свои познания, ведь, как уже отмечалось, не имел даже среднего образования. По-видимому, у него было особое чутьё, он чувствовал и угадывал новых талантливых авторов. А ведь ему нужно было выступать ещё и цензором. Время-то советское, необходимо было ладить с партийными органами, что он и делал с достоинством.

Вновь вернёмся к материалам архива. Читаем записку Н. М. Рогаля (в то время он занимал пост главного редактора журнала «Дальний Восток»), адресованную инструктору отдела культуры ЦК КПСС: *«С января 1970 г. по август 1972 г. в редакцию поступило 2 287 произведений прозы разных авторов и жанров. Среди них — 40 романов, повестей — 320, рассказов — 965, очерков — 308.*

Стихи: только от авторов-дальневосточников в 1971 г. поступило более 70 000 стихотворений. Штат журнала: 8

14 Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3-х томах. — Москва: Владос : Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2002.— Т. 3. — С. 137.

15 Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. — Кн. 2. — Москва : БРЭ. — 2001. — С. 1310.

литературных сотрудников, включая гл. редактора и его заместителя».

И далее Н. М. Рогаль пишет: «*…Мы получили 2 лит. сотрудников, а объём работы возрос вдвое. Редакция не в состоянии своевременно отвечать авторам на поступающие рукописи (отвечать по существу — т. е. развёрнутыми рецензиями, давать заключение, советы по доработке произведений).*

Ответы, решения о судьбе рукописи задерживаются подолгу. Аппарат редакции сосредоточен на материалах, запланированных к публикации текущего года. Сдача в срок очередных номеров в производство даётся с трудом.

Сложно стало привлекать внештатных членов редакции, объём работы большой, а их труд не оплачивается, т. к. в смете не предусмотрен (в отличие от других журналов). Размер авторского гонорара журнала меньше, чем в других провинциальных журналах. У нас за авторский лист — 270 руб. У них («Дон», «Волга», «Сибирские огни») — 300 руб.

Просьбы, с которыми не раз обращались в правление Союза писателей РСФСР:

1. Ввести дополнительно в штат редакции:

а) зав. отделом очерков и публицистики со ставкой — 175 руб.;

б) зав. редакции со ставкой — 120 руб.;

в) 0,5 ставки тех. редактора, чтобы ставка стала полной;

г) т. е. дополнительный фонд заработной платы составит 4 896 руб. (из них 816 руб. районный коэффициент);

д) восстановить журналу размер гонорара за авт. лист в среднем — 300 руб., дополнительная сумма за год составит — 6 000 руб.;

е) через комитет по печати решить вопрос о выделении редакции средств для платы за читку материала внештатными членами редколлегии. Сумма должна быть определена в соответствии с практикой других журналов;

ж) поручить союзу писателей РСФСР или Хабаровскому Крайисполкому, который финансирует издание журнала, предоставить в будущем году выделение журналу легковой машины со ставкой шофёра.

Практическое решение этих вопросов существенно помогло бы нам создать более нормальную обстановку в работе редакции.

Гл. редактор Н. М. Рогаль».

Дата отсутствует — это черновик письма. Но можно предположить, что это 1972 год, так как рядом материалы, относящиеся к этому году. В этот период шла дискуссия о переходе журнала с двухмесячного на ежемесячный. Были ли эти предложения реализованы? На данный вопрос трудно ответить. Но в одном из писем А. С. Пришвина читаем: «*Кстати узнал, что в журнале «Дальний Восток» самый высокий в стране гонорар на номер. Молодцы ребята!*»

В материалах архива много интересной информации, часто встречаются перечни публикаций очередного номера, знакомые неписательские фамилии: С. А. Пайчадзе — книговед, доцент Хабаровского института культуры, С. Крившенко — доцент Хабаровского педагогического института, А. Н. Маслова — главный библиограф Дальневосточной государственной научной библиотеки.

В одной из записных книжек представлены сведения о подписке на журнал «Дальний Восток» в 1965 году — в Хабаровском крае она достигла 1 772 экземпляра. Приведены цифры и по каждому району. На отдельной странице — сведения о подписке по Амурской, Камчатской, Читинской, Магаданской и Сахалинской областям. На другой — сведения по Приморскому краю.

Интересен вопрос, когда в журнале среди членов редакционной коллегии появляется фамилия Н. М. Рогаля. Впервые мы обнаруживаем её на страницах 1-го номера журнала за 1941 год, когда он ещё выходил под названием «На рубеже». 2-й номер этого же года вышел уже под названием «Дальний Восток» и фамилия «Н. Рогаль» включена в список членов редакционной коллегии.

В годы Великой Отечественной войны «Дальний Восток» издавался не так системно. В некоторых номерах сведения о редакционной коллегии вообще не приводятся. Имеющиеся данные говорят о том, что в 1947 году Н. М. Рогаль был членом редакционной коллегии, в № 5 журнала за этот год он указан уже как ответственный редактор, а в № 1 за 1955 год — как главный редактор.

Находим в архиве маленький листок бумаги, на котором Николаем Митрофановичем написано: «*За 1933–1970 гг. вышло 225 номеров журнала. Из них: 180 номеров я член редколлегии, 123 — главный редактор*». Эти сведения позволяют сказать о том, что большая часть жизни писателя Николая Митрофановича Рогаля связана с «Дальним Востоком». Необходимо отметить и такой факт, что, встретившись в журнале с некоторыми членами редакционной коллегии однажды, он сохранил с ними дружбу, поддерживал связь с издательствами, редакциями других периодических изданий.

С марта 1971 года Институт Дальнего Востока РАН стал выпускать журнал «Проблемы Дальнего Востока». По всей вероятности, Н. М. Рогалем было отправлено приветственное письмо в редакционную коллегию нового издания, откуда вскоре был получен ответ. Из письма Д. Дубровского из Москвы от 6 июля 1972 года: «*Уважаемый Николай Митрофанович! Василий Михайлович Ефименко прислал нам «тёпленький» (т. е. прямо из машины) шестой номер Вашего журнала «Дальний Восток», который мы здесь называем*

своим побратимом. Кстати говоря, многие путают этих близнецов, не говоря уж о подписчиках и «Союзпечати», даже в «Правде» была заметка, подтверждающая, что местом издания «Проблем Дальнего Востока» является Хабаровск. Ну что ж, ничего страшного в этом нет… Спасибо за Ваши добрые слова в адрес нашего новорождённого!»

В 1976 году Н. М. Рогалем и В. М. Ефименко (зав. отделом критики и библиографии) была подготовлена большая справка «О работе редакции журнала «Дальний Восток» по выполнению Постановления ЦК КПСС "О литературно-художественной критике для секретаря правления Озерова"».

В архиве сохранились план доклада Рогаля секретарю крайкома КПСС Лапшину; справка «Об основных публикациях журнала «Дальний Восток» в 1975 г.», составленная 10 октября 1975 года; доклад на секретариате Союза писателей РСФСР 22–23 ноября 1973 года «О публицистике, очерках, критике и библиографии в журнале "Дальний Восток"»; доклад на собрании представителей общественности» 22 октября 1973 года «40 лет журналу "Дальний Восток"». А также тексты многих других докладов, записок и отчётов.

Сохранилась переписка с бывшими членами редколлегии журнала, которые покинули и редакцию, и Дальний Восток. Среди них: А. А. Плешаков (А. Гай), Д. Д. Нагишкин, А. С. Пришвин и другие.

Самое большое количество корреспонденции, хранящейся в архиве Н. М. Рогаля, от Александра Антоновича Плешкова (А. Гай). Это 23 очень подробных письма разных лет, написанных каллиграфическим почерком. Их приятно держать в руках. Они дают представление о взаимоотношениях и дружбе двух писателей и могут стать объектом самостоятельного исследования. В своих письмах А. А. Плешков размышляет о ситуации в литературных кругах, спорах о том, что должна давать литература народу, о совещании в ЦК по литературным вопросам (в письме от 23.12.56 г.), которое вёл Л. И. Брежнев. Остановимся на некоторых из них.

В письме от 15 июля 1955 года из Москвы А. А. Плешков подробно пишет о договоре с издательством относительно редактирования Рогалем его книги о П. Комарове: *«Сердечное спасибо тебе за предложение редактировать мою книжку. Оказывается, на этот счёт, как говорил покойный Комаров, «наши мысли одинаки». Я собирался обращаться к тебе с этой просьбой после отсылки рукописи — а тут вдруг всё уже и выяснилось. Буду тебе очень благодарен, если ты возьмешься за сей "скорбный труд"».*

И далее: *«О журнале. К сожалению, кроме авторского № 2, я вовсе не знаю, что было в остальных номерах этого года: раньше, регулярно брал его в Союзе писателей, а теперь, конечно, нет — и нигде больше "ДВ" не вижу. Дурак, — ведь, можно же было оформить у вас подписку, так же, между прочим, как и на "ТОЗ".*

Опасения твои насчёт перехода на ежемесячный выпуск очень понятны. Нагрузка будет крайняя — и прежде всего для редактора. (Между тем, я уже дважды слышал последнее время, что у тебя опять было худо со здоровьем). И в то же время, понятно, хочется видеть "ДВ" ежемесячным.

Тут что, как я думаю, главное:

1) портфель — что б он был обеспечен раньше всего прозой — более или менее крупными «кирпичами» на два-три номера каждый; тогда бы, сосредоточив, главные усилия на них, можно было б спокойней и легче собирать и подвёрстывать всё остальное помельче;

2) возможность привлечения для работы над этими крупными вещами внештатных редакторов, — ведь, такая практика существует в других ежемесячниках — значит, видимо, можно ставить вопрос о ней и для "ДВ"; а если б обеспечить таким образом крупную прозу, то это уже половина дела;

3) по публицистике и критике — наметив в основе план на будущий год, — сейчас же списаться с надёжными авторами по заказам на более крупные статьи и очерки; когда и эти материалы, да ещё более или менее квалифицированные, будут обеспечены, — дышать тоже станет легче;

4) при всех обстоятельствах — тебе нужен крепкий заместитель (это условие, может быть, даже надо поставить первым) — такой, чтоб он мог, действительно, хорошо и во всех отношениях толково работать и чтоб с него можно было спросить. (У тебя их сейчас два — и один мог бы быть таким; но видимо, умыл руки, а второй, вероятно, ещё молод и неопытен), — и надо, стало быть, его готовить.

Все "четыре" истины, конечно не новы… И именно с такой точки зрения надо расставлять силы: главное — журнал, а отделение СП — потом, ибо славен будет ежемесячный журнал — в чести станет ходить и отделение. Вот брат, какие краткие "советы издалека" приходят мне в голову!»

Ежемесячным журнал стал лишь в 1969 году. В следующем письме, уже от 22 августа 1955 года, А. А. Плешков вначале пишет: *«К нам всё приходят грустные вести о тебе: что ты не здоров и часто лежишь, и что опять был серьёзный эксцесс со стороны сердца. В чём же это дело, отчего так нынче у тебя неладно? Может-быть, перегрузился с журналом, где у тебя, кажется, и помощники, к сожалению, не ахти какие. Но как рассказывал Глущенко, материалу у вас всё же вдоволь — есть загон на несколько номеров вперёд. Так, надо воспользоваться этим… перевести дух, пожить более или менее спокойно. Иначе можно вовсе сорваться даже и при твоей железной выдержке. Когда ты уходишь в*

отпуск и где собираешься его проводить? Непременно надо выехать тебе… хотя бы на Хор, а то в Хабаровске всё равно будет заедать всевозможная “текучка”, и с твоим характером при уже установившейся повсеместно привычке: как что, так идти к Рогалю, — не дадут тебе покоя».

И далее в письме о том, что Рогаль прекрасно встретил его родственников в Хабаровске: *«Они пишут, что ты их просто очаровал, перечисляют, наверное, всё, о чём вы разговаривали, когда они были у вас… поскольку все остаются в одном городе, “сбылась их мечта”, — справедливо относя это за счёт твоей помощи и участия. И мы тоже глубоко благодарим тебя за все хлопоты о них, и что вы так тепло их приветили. Это многое значит. Рассказывают, что когда они уезжали из Тулы, там матери всех троих почти что залили перрон слезами, провожая дочерей “на край света”, — ведь, оказывается, и по сей день у многих такое представление о Дальнем Востоке. И вот — “на краю света” тоже, стало-быть, не без хороших душевных людей».*

В письме от 11 апреля 1956 года А. А. Плешков пишет: *«Дорогой Николай Митрофанович! Вчера был в Союзе, разговаривал с Марковым и от него узнал, что ты, оказывается, опять слёг и к тому-же серьёзно. Видимо, потому давно нет от тебя никаких вестей и не откликался ты ни на наши прежние, ни на последнее моё письмо, которое я послал тебе около месяца назад с знаменитой по войне станции Поныри. Оказался я там проездом — направляясь в Грузию, в командировку.*

Но об этом — потом, а сначала о словах Маркова, которые оставили во мне какое-то неприятно-тревожное чувство, и которые мне хочется тебе передать. Разговор начался с его вопроса: Не имею ли я каких вестей с ДВ и не знаю-ль, что там происходит? Вестей я давно уже ни от кого не имел, и кроме удивления по поводу такого вопроса ничего, понятно, выразить не мог.

Тогда он рассказал мне, что ты — лежишь со стенокардией и работать не в состоянии, журнал остался фактически без руководителя, т. к. хотя взамен тебя и пришёл временно Пришвин А. С., но Пришвин прислал ему, Маркову, возмущённое письмо о том, что и недели не хочет больше тянуть редакторскую лямку, да ещё за 1100 рублей.

Марков, как мне представляется, обеспокоен и тоном этого письма, и ещё больше особенно тем, что, по связи со всем этим, затрудняется дальнейшее продвижение дела о переводе журнала на ежемесячный выход. Он говорил, что делом этим занимается всё последнее время, убедил Ажаева “надломи”, как он выразился, “внутреннее сопротивление” бывшее у Поликарпова. Наступил момент, когда надо окончательно переносить вопрос в верха. Чтобы входя туда с представлением от Союза — не выступать вразнобой с Хабаровским крайкомом, а выдвигать с ним одни и те же мотивировки и обоснования, — Марков решил запросить из Хабаровска копии соображений или решений, в общем бумаг, какие были в крайкоме по поводу необходимости перевода журнала в ежемесячный. Запросил он уже около месяца назад, но до сих пор никто не ответил ему ни из Крайкома, ни из журнала и ничего не прислал. В результате, он недоумевает — как же так, не знает, что пока теперь предпринимать, — и всё дело застопорилось.

Это одно. А другое — ещё более неприятное — он говорит, что вообще в Хабаровской писательской организации неладно: против тебя создалась какая-то “оппозиция” и пахнет, по его словам, чем-то вроде назревающей нежелательной склоки. Он не стал мне этого развивать в подробностях, и я не знаю — в чём дело, как и что конкретно (всё та же-ль это возня некоторых, о чём ты рассказывал, или нечто новое?), — но решил тебе написать, чтоб ты во всяком случае знал о таком разговоре. Возможно, когда ты болен, это для тебя — только лишнее расстройство, но всё-таки, думаю, лучше — что написал.

Как ты себя сейчас чувствуешь? Не надо-ль тут у начальства о чём похлопотать насчёт помощи или поддержки, или Союз помог тебе уже как-нибудь? Что нужно — ты сообщи, хотя бы через Марию Семёновну».

Вероятно, все возникшие проблемы были решены положительно. Николай Митрофанович Рогаль перестал возглавлять Хабаровское краевое отделение Союза советских писателей и сосредоточился на журнале, но творческие дела коллег волновали его постоянно.

В письме из Ялты 8 сентября 1959 года он пишет своей супруге, что положительно решён вопрос о переиздании его книги в издательстве «Советский писатель» и далее: *«Машенька! Я послал письмо Ефименко. На всякий случай позвони ему и скажи, чтобы на 3-ей странице обложки выходящего скоро 5-го номера дали такое объявление “К сведению читателей нашего журнала: Роман Георгия Маркова “Соль земли” (книга 2-ая), будет печататься в журнале “ДВ” с 1-го номера 1960 г. Редакция”.*

Если обложка уже напечатана то, тогда дать листовкой, вклейкой в номер, но лучше на обложке».

Из писем Николая Митрофановича, написанных, вероятно, в 1962 году: *«В Союзе писателей договорился о переиздании «На восходе солнца» в Москве и договорился о переиздании романа Павчинского в Москве. И в 1963 г. издание романа В. Н. Иванова «Чёрные люди». Скоро будет обсуждаться роман Проскурина. Роман Халова выйдет в «Роман-газете». В журнале «Урал», № 4 помещён обзор Т. Колесниковой журнала «Дальний Восток» за 1961 г., обзор доброжелательный».*

География писем очень разнообразна. Прежде всего это такие города, как Владивосток, Иман, Иркутск, а также Иркутская область. Кстати, дружба Н. М. Рогаля с Г. Марковым началась ещё с тех времён, когда последний был жителем Иркутска. Среди других городов — Рига, где проживали Нагишкин и Задорнов; Калинин (Тверь), откуда приходили письма жены писателя Агишева; Москва, Ленинград, Новгород, Минск, Киев, Красноярск, Улан-Удэ, Анадырь. А также Туркмения, Уссурийск, Среднеуральск Свердловской области, пос. Сиверский Ленинградской области, Полтава, Луганск.

Приведём в качестве примеров несколько отрывков из писем разных лет. Так, в письме Беляева, исследователя жизни и деятельности А. Фадеева, от 24 октября 1963 года подробно описывается жизнь автора. В журнале «Дальний Восток» (1963, № 5) вышла его статья о Фадееве, он предлагает главному редактору статью «Годы учения А. Фадеева» и пишет о том, как учился в коммерческом училище, но окончил его позже Фадеева. Подробно объясняет, что вынужден был уехать из Красноярска, где заведовал кафедрой филологии, из-за ненормальной обстановки, сложившейся в университете. Сообщает, что в Луганске ему предложили квартиру, и он согласился переехать туда жить и работать.

А вот замечательные строки из письма писателя Евгения Ивановича Наумова из г. Анадыря от 25 марта 1977 года: *«Николай Митрофанович! Вы для меня всегда есть и остаётесь Человеком с большой буквы, примером стальной воли и упорства, и большой души… В самые трудные моменты жизни Вы мне помогали не словом, а делом… И разумеется многое дала мне школа работы с Вами… Вы, человек, перед которым у меня неоплатный моральный долг… И сейчас мне вновь помогает жить Ваша могучая поддержка».*

Дальневосточные авторы делились с Николаем Митрофановичем мыслями по поводу создания своих произведений, рассуждали о трудностях литературного творчества. Из письма Василия Трофимовича Кучерявенко от 16 февраля 1964 года: *«…14 февраля …я написал главу, которая меня озарила… Я нашел в ней, то самое главное, что надо было сказать всей повестью… Как трудна эта повесть для меня, я сам удивляюсь, даже думал бросить всё…*

Я понимаю, что литература, это работа, а не служба, работа очень трудная, трудоёмкая, одним словом творческая работа…

Обидно, что живут ещё среди нас этакие литературные пижоны, стиляги, которые на литературу смотрят как на игру в писателей, как на забаву лично для себя».

Из письма А. С. Пришвина от 9 ноября 1964 года: *«Вот теперь я хочу рассказать тебе несколько поподробнее об «Огневке». Это задумано как роман в трёх частях… Очень хотелось бы почитать кому-нибудь, посоветоваться, но пошлю рукопись тебе, а там ты смотри сам».*

Продолжая знакомиться с перепиской Н. М. Рогаля, обращаем внимание на ворох открыток и три письма от писателя, краеведа и востоковеда Георгия Георгиевича Пермякова. При этом следует отметить, что он писал на домашний адрес Николая Митрофановича, сначала поздравляя с праздниками всю семью, затем, после смерти Н. М. Рогаля, — его жену и детей; не стало жены, он поздравляет дочь Людмилу — и так до 2005 года, последнего года своей жизни. Открытки подписаны от его имени членами его семьи. 8 февраля 1964 года Г. Г. Пермяков пишет: *«Получил письмо от В. Я. Арсеньевой*[16]*, трудно ей на 23 рубля в месяц».* В письме от 27 мая 1974 года читаем: *«Посылаю Вам письмо В. В. Арсеньева по «Восходу». Не могли бы вы помочь, как обещали, бабушке Арсеньевой».*

10 марта 1965 года он пишет Николаю Митрофановичу: *«Выражаю соболезнование, по случаю постигшей Вас тяжёлой и невозвратимой утраты, — смерти вашей глубокочтимой Матери, Марины Дмитриевны».*

В письме от 9 января 1972 года он сообщает: *«Во Владивостоке нельзя добыть "Дальний Восток", а только по подписке. Есть жалоба об этом начальнику Приморской Союзпечати. Тоже в Челябинске. В Москве люди тучами спрашивают "Дальний Восток" по киоскам, но не могут его добыть… Нет журнала и в Уссурийске, что проверил в этом году сам. Вероятно, нужно следующая фаза: розничирование тиража.*

Из Челябинска, Москвы и Магадана получил огорчения по поводу плохих стихов, которые стали печататься в ж. "Дальний Восток". Присоединяюсь к ним…

Слышал непочтительный смех японцев в адрес "Цунами": много "клюквы"…

В нашем киоске, который всегда торгует на 120–140 рублей в день, а иногда на 200 рублей, "Дальний Восток", начиная с 6–7 номеров пошёл почти весь обратно. Что-то случилось. Если прежде он расходился десятками, то сейчас увял. Киоскёры не могут это мне объяснить? "Цунами" остался не замечен… Вырезал из нескольких "Правд" статью Пастухова о Вас за 4. I. 72. Эту газету читаю уже 40 лет».

Строки из письма Г. Г. Пермякова от 15 февраля 1964 года: *«Интересно, что у меня в голове совершенно свежи все факты из «Восхода солнца», хотя я читал его в 1958 и с той поры не трогал. Белка-летяга, спасенная Савчуком,*

16 Вера Яковлевна Арсеньева — вдова брата Арсеньева, Александра Клавдиевича.

бегство Мавлютина, разговор консула, проникновенье в лагерь врага, пожар; даже помню что Савчук обнял чужую жену "сверху" рукой (из чего видно, что он длинен, а она коротка), почему-то запомнилось, что сами пассажиры пилят дрова для поезда. Когда я еду на поезде, всегда почему-то вспоминаю, что теперь не надо кормить комаров, распиливая дрова для топки. А детективы, которые читал недавно (Воениздата), все испарились из головы, конгломерат один остался. Еще раз желаю здоровья. Г. Пермяков».

Интересно, что к этому письму прилагается 4 машинописных страницы под названием «Беседа с Григорием Алексеевичем Масаловым в течение пяти часов 14 февраля», о чём Г. Г. Пермяков пишет: *«Вчера 5 часов записывал Г. А. Масалова*[17]*. Копию посылаю Вам, там есть интересные вещи для журнала по линии краеведенья и по истории, особенно по русско-японской войне, которой 60 лет».*

Конверты Георгий Георгиевич подписывал оригинально, например: *«Доктору М. С. Рогаль».* На одном из них, в который вложена поздравительная открытка к 60-летию Октября, надпись: *«Ветерану комсомола Н. М. Рогалю».* В адресе писал: *«Хабаровск, Центр»,* улицу назвал *«графа Муравьёва-Амурского».* В поздравительных открытках иногда указывал «*с годом Змеи», «годом Дракона»,* хотя тогда это было не принято.

15 июня 1980 года, поздравляя М. С. Рогаль с днём работников здравоохранения, он пишет: «*С днём доктора, здоровья и окончательной поправки».*

В письме от 15 февраля 1981 года: «*PS. Простите великодушно меня дубоголового кретина и прогрессирующего идиота. Совсем забыл, что 15 февраля у Вас день рождения. Целую руку Г. П.»*

В одном из писем: «*Кнут и пряник — рядом. Всё как в жизни».*

Г. Г. Пермяков считал Николая Митрофановича своим учителем. В письме к М. С. Рогаль от 30 ноября 1988 года есть такие строки: «*PS. В десятилетие ухода учителя был на могиле».*

В августе 1990 года он пишет*: «Дорогая Люда! Дорогой Сергей!*

Мы скорбим: ушла от нас замечательная, душевная и гостеприимная женщина. 40 лет мы были знакомы и всегда встреча, телефонный разговор или письмо М. С. доставляли радость.

Н. М. не поднялся бы до таких высот, если б рядом с ним не стояла добрая, чуткая, образованная и преданная Мария Семёновна, друг, помощник и советник. Много, много лет пройдёт с печального дня 20/VIII, но все мы будем хранить в наших сердцах светлый и обаятельный облик Марии Семёновны Рогаль. Ваши Пермяковы».

Имеется несколько писем от писателя Д. Д. Нагишкина, который в 1953 году покинул Дальний Восток и проживал в Риге. В письме от 11 ноября 1955 года он пишет про книгу «Город Золотого петушка»: «*За зиму это дальневосточно-прибалтийское детище должно быть завершено. По языку и по ключу должно отличаться от того, что мною до сих пор сделано… Пиши, Николай, какие у вас новостишки, сколько новых, хороших и разных, поэтов и писателей прибавилось? Всем сердцем моим я с вами — не обинусь могу сказать, что ни один день прожитый с друзьями, не пропал впустую».*

В этом же году, в июне, Нагишкин, размышляя о Латвии, пишет: *«Здесь две теории: 1-ая суть — мы русские гости в Латвии; 2-ая — русские должны писать о русских, латыши — о латышах и всё будет хорошо. Первая создана трусами, жаждущими спокойного бытия, а из второго как видишь торчат ослиные уши национализма…»*

И в этом же письме по поводу неожиданной смерти И. Г. Машукова: *«Очень тяжело сознавать, что Ивана Георгиевича нет в живых. Горько и тяжело и также и то, что он так и не получил той радости, которую так ждал, радости взять в свои руки книгу, которой он отдал так много. Чёрт бы побрал, наши осторожные издатели с их громадной и тяжёлой системой, при которой иногда помереть проще, чем дождаться выхода книги!»*

Кстати, и Машуков, и Нагишкин, и Гай были в разное время членами редколлегии журнала «Дальний Восток».

Есть несколько открыток от В. В. Павчинского, П. Проскурина, бывшего директора Хабаровского книжного издательства А. Глущенко, масса открыток от художника В. Е. Романова, три письма от Н. Н. Матвеева-Бодрого. В письме от 23 июля 1962 года он говорит о книге «Суровые, но прекрасные годы», посвящённой В. И. Шимановскому и написанной его женой Марией Ефремовной, и о том, что частично должны были быть опубликованы на страницах «Дальнего Востока» её воспоминания. И далее: *«Хотелось бы знать возможности издания труда в целом, в нашем крае и не сможете ли вы при вашем авторитете писателя и редактора рекомендовать издание мемуаров в Хабаровском или Благовещенском издании. Мария Ефремовна Шимановская достойна нашего общего внимания и уважения. В 1963 г. ей исполнится 80 лет и она теперь при своём состоянии (тяжелом) здоровья живёт лишь одной мечтой — мечтой последней, увидеть при жизни книгу "Суровые, но прекрасные годы"».*

В 1962 году Н. Матвеев-Бодрый пишет о своём желании написать о П. А. Сычёве: *«Принимаюсь вторично за очерк*

17 Масалов Григорий Алексеевич (1893–1984 гг.) — участник Октябрьской революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке.

“О жизни и творчестве П. А. Сычева” (Если бы вы знали дорогой Николай Митрофанович как я грущу о нём)». И в другом письме: *«А теперь сильно опаздываю с очерком о П. А. Сычеве. Нет такого дня, когда я бы не работал о милом, душевном, незабвенном друге и представляю сколько раз будет грустно, да и то пока напишу очерк»*.

И ещё один автор, который был близок к семье Рогалей, — А. С. Пришвин. В личном архиве Николая Митрофановича хранится несколько писем от него. Они напечатаны на машинке. В письмах преимущественно высказываются просьбы относительно публикации, но в письме от 25 марта 1975 года он пишет: *«Умер Гай. Печально, очень печально, умер очень хороший душевный человек. Ушёл и никогда не вернётся. Грустно, очень грустно».* В другом, более раннем, письме читаем: *«Мы, недавно, собирались у Гая всей дальневосточной эмиграцией: Пришвины, Гай, Еселев, Шундик, Задорновы, Проскурины. Много смеялись. Шутили, и в большинстве случаев тепло вспоминали родные края. В мае будет совещание редакторов журналов. Не приедешь ли ты?* [Далее приведём эти строки ещё раз, чтобы не нарушить целостность письма.] *Кстати, узнал, что в журнале «Дальний Восток» самый высокий в стране гонорар на номер. Молодцы ребята!»*

Сохранилось в архиве несколько писем Н. П. Задорнова, который 10 лет прожил в Комсомольске-на-Амуре, и всё его творчество было посвящено Дальнему Востоку. Н. М. Рогаль написал о нём несколько статей. В письме из Риги от 2 ноября 1975 года Николай Павлович пишет*: «Книгу “На восходе солнца” для латышского издательства вышли на мое имя без надписи»*.

Общественная деятельность занимала у Николая Митрофановича массу времени. Для работы над собственным романом времени не оставалось. Ещё в 1973 году он подаёт письмо в Хабаровское книжное издательство с просьбой включить в план редакционно-издательских работ на IV квартал 1974 года его роман «Пятое апреля» — книгу объёмом 25–28 авторских листов.

Г. Г. Пермяков в своём письме от 8 февраля 1964 года пишет: *«…Встречался с рекомендованным мне М. Г. Штейном участником Гражданской войны Ф. И. Коваль… Мне показалось, что факты 1918–20 годов в его рассказе будут Вам полезны для трилогии. Между прочим, я сейчас изучая ИГВ (Историю Гражданской войны), стал тоже с нетерпением ожидать Вашего “Пятого апреля”».*

К сожалению, этого романа опубликованным читатели так и не увидели.

Не увидел свет и сборник литературно-художественных очерков и статей «Всегда с партией».

Н. М. Рогаль скоропостижно скончался от инфаркта 2 ноября 1977 года. Семья сохранила все присланные телеграммы с соболезнованиями. Их в архиве 37, в том числе 17 — от частных лиц, 20 — от учреждений и общественных организаций. Телеграммы из разных городов: Хабаровска, Владивостока, Биробиджана, Новосибирска, Читы, Москвы, Киева, Иркутска, Херсона, Улан-Удэ, Благовещенска, Палатки Магаданской области. 16 телеграмм было из Москвы от друзей и коллег: Задорнова, Плешковой, Нефедова, Котеневых, Пришвиных, Проскуриных, Пассара, Нагишкиных, Шундика и других. Соболезнования пришли и от отделений Союза писателей (Владивосток, Чита, Украина, Камчатка, Новосибирск, Иркутск и другие).

В них читаем:

– от Пришвиных: *«Если нужна какая-нибудь помощь всегда в вашем распоряжении. Ушёл большой и очень хороший человек»;*

– от Проскуриных: *«Будьте так же мужественны, как был всегда мужественен этот большой красивый человек. Не хочется верить. Не хочется мириться со случившимся»;*

– от Плешковой: *«Потрясена сообщением о безвременной кончине замечательного человека, талантливого писателя, человека героического мужества, верного давнего друга нашей семьи»;*

– от А. Пчёлкина из Палатки Магаданской области: *«Он много сделал для нас не так давно ещё молодых для развития и сплочения всех писательских сил Дальнего Востока. А те, кто знал его лично, никогда не забудут его человеческого участия, доброты, отзывчивости. И трудно поверить, что в вашем здании в фойе редакции и Союза нам уже никогда не встретить этого крупного обаятельного человека, нет слов, чтобы это выразить».*

Итак, разобраны материалы личного архива Николая Митрофановича Рогаля. Теперь они переданы на хранение в Государственный архив Хабаровского края. После специальной обработки архивный фонд личного происхождения будет доступен для исследователей. Надеемся, что изучение его продолжится.

Материал поступил в редакцию 20.01.2017 г.

Сведения об авторах:
Нарыжная Светлана Михайловна, кандидат филологических наук, профессор.
Контактные данные: тел. (812) 496-08-47.

Филаткина Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: (4212) 31-28-01, e-mail: ivfilat@mail.ru.

РАДИШАУСКАЙТЕ НАТАЛЬЯ ВИТАУТОВНА

ОСКОЛКИ КОЛЛЕКЦИИ: КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ КУПЦОВ ПЛЮСНИНЫХ В ФОНДЕ РЕДКИХ И ЦЕННЫХ ИЗДАНИЙ ДВГНБ

В статье представлен обзор книжной коллекции купцов Плюсниных, хранящейся в фонде редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки, описываются наиболее интересные экземпляры.

Ключевые слова: личные библиотеки, книжные коллекции, Плюснины, книжная культура Хабаровска.

Keywords: personal libraries, book collections, Plyusnin, book culture of Khabarovsk.

В фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ) можно встретить книги с автографами хабаровских купцов Плюсниных и штампами их личных библиотек. Уже несколько десятилетий сотрудники ДВГНБ ведут отбор таких экземпляров для передачи их в фонд редких и ценных изданий. В 2014 году коллекция Плюсниных в редком фонде ДВГНБ насчитывала 64 тома и была выделена в обособленное хранение. В неё входят книги, брошюры, журналы на русском языке и один альбом на французском.

В основном это издания по истории российского Дальнего Востока и современные Плюсниным дальневосточные издания. Среди них есть, например, сочинение П. Ф. Унтербергера «Приморская область» (Санкт-Петербург, 1900), труд Р. К. Маака «Путешествие на Амур… в 1855 году» (Санкт-Петербург, 1859), исследование Ф. Ф. Буссе «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах» (Санкт-Петербург, 1896), «Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге» (Санкт-Петербург, 1900). Дальневосточная печать представлена в основном периодическими и официальными изданиями. Так, в коллекции есть несколько томов «Записок Общества изучения Амурского края», отдельные выпуски «Известий Хабаровского городского общественного самоуправления», выпуск «Записок Приамурского отдела ИРГО». Официальные издания — уставы и отчёты дальневосточных организаций — дают в общих чертах представление об общественной деятельности Плюсниных. В их библиотеке были уставы Благотворительного и попечительного общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия в Хабаровске, хабаровских обществ взаимного кредита, отчёты о деятельности Хабаровской городской временной продовольственной комиссии, Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Хабаровской женской гимназии, уставы и отчёты Общества изучения Амурского края и т. д.

Интересно, что официальные издания научных обществ происходят преимущественно из библиотеки Василия Фёдоровича Плюснина, а вот уставы и отчёты обществ, занимавшихся благоустройством Хабаровска и жизни в нём, принадлежали его сыну — Петру Васильевичу. Уставы хабаровских благотворительных обществ входили в библиотеки Василия Фёдоровича и Петра Васильевича — благотворительность была делом семейным, которым занималось несколько поколений Плюсниных.

Василий Фёдорович Плюснин также интересовался современным положением в Китае (в нашем собрании несколько книг, посвящённых этому вопросу), читал философские сочинения, в частности, А. Шопенгауэра и Э. Геккеля. Была в его библиотеке и техническая литература, необходимая ему как промышленнику и освещавшая такие вопросы, как деревообработка и деревопереработка, стекольное производство и т. п.

Из 64 томов около трети составляют многотомники или отдельные тома многотомных изданий, например, неполный комплект «Всеобщей истории» Фридриха Шлоссера, выпущенной М. О. Вольфом в 1870-х годах, двухтомное издание «Истории материализма» Фридриха Ланге (1881–1883), «Сибирская библиография» В. И. Межова (1891–1892). Есть в собрании и конволюты — владельческие сборники, представляющие собой несколько разных изданий, переплетённых в один том. В нашей коллекции их семь: три составлены из сочинений философской и социологической тематики, три включают официальные издания хабаровских организаций (уставы, отчёты различных обществ и т. п.), а один интересен своим разнородным составом и политической направленностью.

Этот конволют входил в библиотеку В. Ф. Плюснина, и в нём сплетены четыре издания: два выступления немецкого социалиста Ф. Лассаля (его речь «Наука и рабочие» и лекция «Программа работников»); отзыв читательницы на рецензию Христины Талер, посвящённый проблемам отношения к женщине в обществе; и доклад профессора В. М. Тарновского о сифилисе мозга. Также в сборник, неизвестно по какой причине, вплетено предисловие переводчика к русскому изданию сочинения Г. Джорджа «Земельный вопрос» (возможно, из московского издания 1907 г.).

Первые три издания в конволюте (выступления Лассаля и отзыв на рецензию) объединены социально-политической тематикой и имеют социалистический уклон. «Программа работников» Ф. Лассаля в 1870-е годы была запрещена российской цензурой, но, по свидетельству современников, пользовалась большой популярностью «среди мелких торговцев провинциальных городов» [1, с. 28], университетской молодёжи и городской интеллигенции, хотя причины популярности этой лекции были различны: купцов она привлекала в связи с назревавшей в то время в России налоговой реформой, а молодёжь и интеллигенция рассматривали её как социалистическое учение [1, с. 28]. В революционное время начала XX века труды социалиста Лассаля снова приобрели актуальность и издавались в большом количестве: в 1905–1907 годы вышло не меньше 50 изданий его речей и статей. Революционные события и социалистические идеи, по всей видимости, находили отклик и среди хабаровского купечества — недаром Василий Фёдорович приобрёл издания двух самых известных речей немецкого социалиста.

Интересно и третье издание, входящее в конволют. Автор — женщина, обозначенная на титульном листе как

«кое-кто ещё», вступает в полемику с женщиной-рецензентом современного социального романа по поводу роли женщины в обществе и традиционных представлений об этой роли. Эта «кое-кто ещё» считает несправедливым существующий порядок, когда женщина под давлением общественного мнения сначала в обязательном порядке вынуждена искать себе мужа, хотя бы какого-нибудь, а потом — молчаливо и спокойно сносить его неверность. Она считает, что женщине следует выходить замуж только по любви и искать в брачном союзе не обеспеченность, а равенство и счастье. Любопытно было бы узнать, согласился ли Василий Фёдорович с автором статьи. Или ему была ближе традиционная точка зрения?

В собрании ДВГНБ большинство книг происходит из библиотеки В. Ф. Плюснина и помечено его экслибрисом. Небольшая их часть, помимо экслибриса Плюснина-старшего, несёт также владельческие знаки его сыновей — Петра (4 тома) и Александра (1 том). Из 64 томов коллекции лишь 10 брошюр и журналов не входили первоначально в библиотеку Василия Фёдоровича, а принадлежали непосредственно его сыну Петру, и это все были официальные издания — уставы, записки, отчёты, «Известия Хабаровского городского общественного самоуправления».

Владельческие знаки и записи на книгах позволяют проследить их «жизненный путь», сообщают о фактах из биографий их владельцев. С этой точки зрения в нашей коллекции интерес представляют три книги. Первая из них — «Путешествие на Амур» Р. К. Маака (Санкт-Петербург, 1859). В этой книге стоят владельческие штампы трёх представителей семейства Плюсниных: Андрея Фёдоровича, Василия Фёдоровича и Александра Васильевича. Приобрёл данное сочинение, судя по записи на книге, Андрей Фёдорович. На её форзаце чернилами написано: «А. Плюснина. Получена от Пирожкова 1879 г. 1 ч. Апреля.». Форма записи позволяет предположить, что речь идёт о покупке, однако нам пока не удалось установить, какой именно Пирожков имеется в виду. Также на форзаце стоит штамп «Библиотека А. Плюснина», а на фронтисписе и шмуцтитуле оттиснут сухой штемпель «А. Ф. Плюснин в Хабаровке». Следующим по времени владельческим знаком, по всей видимости, является штамп библиотеки В. Ф. Плюснина, а от него книга перешла к его старшему сыну Александру. Александр Васильевич решил в качестве владельческого знака нанести на книгу суперэкслибрис, а также на переплёте, крышки которого были украшены только скромной линейной рамкой, вытиснить золотом название. Тиснение делал явно неопытный человек, возможно, сам Александр Плюснин. Результат выглядит несколько странно и с точки зрения композиции, и с точки зрения исполнения (качество тиснения плохое), однако инициалы и фамилия владельца на верхней крышке тома читаются отчётливо даже сегодня.

Ещё один интересный экземпляр происходит, по-видимому, из библиотеки Василия Васильевича Плюснина. Это сборник статей А. В. Пешехонова «На очередные темы. Материалы для характеристики общественных отношений в России» (Санкт-Петербург, 1904). В книге стоят штампы библиотеки-читальни дешёвой столовой Общества содействия народному просвещению в Хабаровске, а на форзаце — свидетельство о пожертвовании тома В. В. Плюсниным: возле штампа «Книгу пожертвовал» чернилами приписано «В. В. Плюснин». Сама книга во владельческом переплёте. Судя по всему, она была приобретена Плюсниным в букинистическом магазине: переплёт типичен для московских и петербургских мастерских, а на корешке стоит суперэкслибрис «В. Ш.». Менять переплёт после покупки Василий Васильевич не стал, а когда организовывал при дешёвой столовой, открытой в 1911 году, библиотеку-читальню, видимо, отдал среди прочих и эту книгу общественно-политического содержания. Особого интереса у посетителей библиотеки при столовой она, похоже, не вызвала — книга до сих пор в прекрасном состоянии, ничуть «не зачитана».

Судьба ещё одного экземпляра из коллекции Плюсниных довольно загадочна. На форзаце издания «История философии» Джорда Лььюиса (Санкт-Петербург, 1865) есть дарственная надпись: «Николай Афанасьев Першин Петру Васильевичу Плюснину Февраль 1893 г.». То, что эта книга происходит из собрания Н. А. Першина, подтверждает запись «НПершин» на с. III. В книге М. Ф. Буриловой «Общество старого Хабаровска» упоминается, что дочь В. Ф. Плюснина Агриппина вышла замуж за благовещенского купца и золотопромышленника Николая Афанасьевича Першина. К сожалению, в доступных источниках не упоминается год свадьбы, но в 1895 г. у них уже была, по крайней мере, одна дочь [3, с. 28]. Можно предположить, что в 1893 г. (когда была сделана запись), если даже Агриппина ещё не была замужем, Николай Першин уже считался её женихом, то есть практически родственником Плюсниных. В связи с этим Николай Афанасьевич подарил Петру Плюснину труд по истории философии, но, похоже, Петра подарок не заинтересовал — в книге стоят только штампы его отца, Василия Фёдоровича Плюснина. Владельческих записей или штампов Петра Васильевича на экземпляре нет.

Владельческие знаки на книгах Плюсниных дают основание утверждать, что их библиотека действительно была семейной и ею пользовалось не одно поколение Плюсниных. Судя по всему, собирать книги начали Андрей и Василий Фёдоровичи, пополнял отцовскую библиотеку Пётр Васильевич. Младший сын, Василий Васильевич, любовь отца к

книгам перенял, но, видимо, имел собственную библиотеку. А вот о читательских интересах Александра Васильевича судить невозможно: его владельческий знак обнаружен лишь на одной из книг, и та, похоже, была подарена ему отцом.

Книжная коллекция Плюсниных требует дальнейшего тщательного изучения, так как она может дать представление о книжной культуре Хабаровска второй половины XIX – начала XX века, о которой известно чрезвычайно мало. Особенно полезным стало бы одновременное изучение обеих частей этого собрания, хранящихся в фондах ДВГНБ и библиотеке Педагогического института Тихоокеанского государственного университета. Мы надеемся в дальнейшем продолжить начатое исследование и расширить его.

Список использованных источников

1. *Антонова, Т. В. Из истории первого русского издания собрания сочинений Ф. Лассаля / Т. В. Антонова // Вестн. Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М. А. Шолохова. История и политология. — 2013. — № 4. — С. 17–34.*
2. *Бурилова, М. Ф. Былые обитатели плюснинской заимки / М. Ф. Бурилова // Своё дело. Дальний Восток. — 2008. — № 5. — С. 65–69.*
3. *Бурилова, М. Ф. Общество старого Хабаровска (конец XIX – начало XX вв.) : по семейным фотоальбомам и прочим раритетам / М. Ф. Бурилова. — Хабаровск, 2007. — С. 24–30, 215–232.*
4. *Хабаровск купеческий : в фотографиях и документах / Хабар. краевед. музей им. Н. И. Гродекова ; авт. и сост. М. Бурилова. — Хабаровск : Приамур. ведомости, 1998. — С. 14–19.*
5. *Косицына, Т. 1858–1926 гг. : Хроника событий / Т. Косицына // Словесница искусств. — 2002. — № 10. — С. 17–19.*
6. *Плюснин и сыновья [Электронный ресурс] // Сайт администрации г. Хабаровска. — Режим доступа: http://khabarovsk.kht.ru/about/Sitizens/list/plusnin.htm. — Дата обращения 21.11.2014.*

Материал поступил в редакцию 25.11.2016 г.

Сведения об авторе:
Радишаускайте Наталья Витаутовна, главный библиотекарь Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Указатель содержания научно-практического журнала «История и культура Приамурья» за 2007–2016 гг. (№№ 1–19)

1. Колонка главного редактора. № 1 / 2007, с. 6–9

2. Обращение к читателям Губернатора Хабаровского края В. И. Ишаева. № 1 / 2007, с. 5

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ ГОДА

3. Год учителя в Хабаровском крае. № 2 (8) / 2010, с. 6–11

4. 2011 год — Год театра в Хабаровском крае. № 1 (9) / 2011, с. 4–5

5. Краевые мероприятия, посвящённые 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. № 1 (7) / 2010, с. 4–9

6. Край замечательных людей. 75 легенд за 75 дней. № 2 (14) / 2013, с. 6–129

7. Листопадов С. В. Провинциальный театр — центр театральной России. № 1 (9) / 2011, с. 6–11

8. Салеева Л. В. Посвящается Учителю… № 2 (8) / 2010, с. 12–15

9. Федосов А. В. Краю замечательных людей посвящается. № 2 (14) / 2013, с. 4–5

10. Федосов А. В. Событие российского масштаба (о юбилейных мероприятиях, посвящённых 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьёва-Амурского). № 2 (6) / 2009, с. 6–11

11. Филонов А. М. Звёздный час Хабаровска [о присвоении г. Хабаровску звания «Город воинской славы»]. № 2 (12) / 2012, с. 4–10

К 120-летию Приамурского географического общества

12. Филонов А. М. Продолжая славные традиции. № 2 (16) / 2014, с. 18–27

К 115-летию Дальневосточной государственной научной библиотеки

13. Наумова Р. В., Глебова Е. В. Дальневосточная государственная научная библиотека: позитивные моменты деятельности (2007–2009 гг.). № 2 (6) / 2009, с. 56–61

14. Филаткина И. В. Роль Дальневосточной государственной научной библиотеки в возрождении духовных ценностей и сохранении историко-культурного наследия. № 2 (6) / 2009, с. 52–55

К 120-летию Дальневосточной государственной научной библиотеки

15. Воропаева А. В. Письма, адресованные Н. И. Гродекову, в коллекции «Автографы» Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 2 (16) / 2014, с. 43–55

16. Данилова Л. Ю. 120 лет на службе науки и просвещения. Дальневосточная государственная научная библиотека — центр научных исследований в области библиотечного дела. № 2 (16) / 2014, с. 28–42

17. Никишина Е. В. История Хабаровской краевой научной библиотеки в годы Великой Отечественной войны в архивных документах. № 2 (16) / 2014, с. 65–68

18. Струк К. А. Дальний Восток России на фотографиях конца XIX – начала XX века: по фотоальбомам из фонда Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 2 (16) / 2014, с. 56–64

К 120-летию Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова

19. Малакшанова В. Б. История эвенкийской коллекции. № 2 (16) / 2014, с. 75–78

20. Редчун В. М. К вопросу об основе традиционного костюма славян-переселенцев Дальнего Востока России. № 2 (16) / 2014, с. 69–74

К 45-летию Хабаровского государственного института искусств и культуры

21. Павленко О. В. Организация творческой деятельности в Хабаровском государственном институте искусств и культуры. № 1 (13) / 2013, с. 21–25

22. Савелова Е. В. Итоги и перспективы развития научно-исследовательской деятельности в Хабаровском государственном институте искусств и культуры. № 1 (13) / 2013, с. 16–20

23. Скоринов С. Н. Хабаровский государственный институт искусств и культуры: прошлое, настоящее и будущее. № 1 (13) / 2013, с. 8–15

24. Хабаровский государственный институт искусств и культуры сегодня. № 1 (13) / 2013, с. 6–7

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА)

25. Анисимов А. Л. Помощь россиян иностранцам, потерпевшим кораблекрушение на побережье Дальнего Востока Российской империи (50–60-е годы XIX века). № 1 (11) / 2012, с. 9–18

26. Базилевский А. А. Художественно-эстетическое образование в структуре образовательной политики Хабаровского края. № 1 / 2007, с. 24–33

27. Байкова Р. Г. О деятельности Совета национальных и международных культурных связей. № 2 (8) / 2010, с. 42–45

28. Год культуры в Хабаровском крае. № 2 (16) / 2014, с. 6–17

29. Данилова В. М. Сохранение и развитие народного творчества как средство утверждения принципов согласия и толерантности. № 2 (8) / 2010, с. 37–41

30. Довгополов Е. Ю. К вопросу о понятии экстремизма. № 1 (19) / 2016, с. 12–17

31. Евсеенко Н. И. Об итогах работы краевых театрально-концертных и образовательных учреждений края в 2008 году и перспективах их развития в 2009 году. № 1 (5) / 2009, с. 4–11

32. Евсеенко Н. И. Состояние и перспективы развития театральной деятельности в Хабаровском крае (2005–2009 гг.). № 2 (6) / 2009, с. 12–19

33. Журомский В. В. Востребованность, трудоустройство и профессиональная адаптация выпускников Хабаровского государственного института искусств и культуры. № 1 (3) / 2008, с. 11–18

34. Иванов А. Ю. Проблема урегулирования пограничных вопросов между Россией и Кореей (1860–1885 гг.). № 1 (11) / 2012, с. 19–27

35. Калугина Н. А. Роль и место психолого-педагогической подготовки при личностном становлении будущего специалиста (на примере профессионального образования учителя-музыканта в вузах искусств и культуры). № 1 (3) / 2008, с. 19–28

36. Качанова Е. Ю. Подготовка специалистов для библиотечно-информационных учреждений Хабаровского края: состояние, проблемы, перспективы. № 2 (10) / 2011, с. 13–17

37. Ким А. С. Предупреждение этнического экстремизма как фактор формирования патриотического сознания студенческой молодёжи. № 1 (19) / 2016, с. 4–11

38. Круглый стол «Россия и АТР: позитивные страницы истории взаимоотношений». № 1 (11) / 2012, с. 6–8

39. Культура Хабаровского края: настоящее и будущее (интервью академика РАН, доктора экономических наук, губернатора Хабаровского края Виктора Ивановича Ишаева). № 2 (4) / 2008, с. 4–9

40. Куприянова В. И. Формирование толерантности и профилактика экстремизма в контексте государственной национальной политики. № 2 (8) / 2010, с. 46–51

41. Леховицер О. И. Современная социальная политика: опыт моделирования. № 2 (4) 2008, с. 10–25

42. Макуха Н. А. Сотрудничество между региональными властями России и Китая в конце XIX – начале XX века. № 1 (11) / 2012, с. 28–34

43. Наумова Р. В. Проектная деятельность Дальневосточной государственной научной библиотеки в полиэтническом пространстве Хабаровского края. № 2 (8) / 2010, с. 30–32

44. Никитин А. А. Взаимодействие воскресных школ и светского дополнительного образования детей в Хабаровском крае: пути интеграции. № 1 (19) / 2016, с. 18–22

45. Орнацкая Т. А. Вклад иностранных концессий в развитие Дальнего Востока. № 1 (11) / 2012, с. 35–38

46. Пономарёва А. А. Роль регионального историко-культурного наследия в формировании толерантных отношений. № 2 (8) / 2010, с. 33–36

47. Самохин А. В. Сотрудничество между СССР и КНР в конце 1940-х – начале 1950-х годов. № 1 (11) / 2012, с. 39–45

48. Синенко О. Ю. Формирование толерантности в обществе и развитие межнационального общения средствами культуры. № 2 (8) / 2010, с. 21–24

49. Событие года (о I региональной научно-практической конференции «Художественно-эстетическое образование: опыт, проблемы, перспективы»). № 1 / 2007, с. 10–13

50. Солянов Д. Н. Об итогах работы учреждений культуры края в 2008 году и задачах на 2009 год. № 1 (5) / 2009, с. 12–19

51. Тимошенко В. Н. Из истории российско-австралийских отношений в первой половине XIX века. № 1 (11) / 2012, с. 46–49

52. Федосов А. В. О комплексе мер по развитию художественно-эстетического образования в крае до 2010 года. № 2 / 2007, с. 4–15

53. Федосов А. В. Художественно-эстетическое образование в отраслевой системе культуры Хабаровского края. № 1 / 2007, с. 14–23

54. Филаткина И. В. Интеграция в информационное пространство. № 1 (7) / 2010, с. 76–79

55. Филаткина И. В., Киселёва Л. Б. Роль общедоступных библиотек Хабаровского края в формировании культуры межнационального общения. № 2 (8) / 2010, с. 25–29

56. Цуканов С. С. Взаимодействие России с Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества. № 1 (11) / 2012, с. 50–53

57. Шульженко Н. В., Тарасов О. Ю. Современные особенности и проблемы мусульманского возрождения на Дальнем Востоке Российской Федерации (конец XX – начало XXI века). № 1 (19) / 2016, с. 23–30

58. Якуба Т. Ю. Открывая книгу. № 1 (17) / 2015, с. 11–14

59. Якутина Н. И. Итоги Года литературы в Хабаровском крае. № 1 (17) / 2015, с. 6–10

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

60. Дионисий (Шленов), игумен. Библиотека как место сосредоточения духовных ценностей. № 1 (7) / 2010, с. 92–95

61. Костина А. В., Флиер А. Я. Тернарная функциональная модель культуры: новый концептуальный подход. № 2 (6) / 2009, с. 20–51

62. Левков С. А. Региональная социальная политика: попытка концептуализации. № 2 (4) / 2008, с. 26–39

63. Ревич И. М. О детстве как родине человечности. № 2 (8) / 2010, с. 16–20

64. Савенкова В. Н. Идеологема «Комсомольск строят лучшие люди страны» в идеосфере Дальнего Востока России. № 1 (7) / 2010, с. 80–91

65. Скоринов С. Н. Мифотворчество как основа художественной деятельности. № 1 (5) / 2009, с. 32–41

66. Скоринов С. Н. Модернизация образовательного процесса: прорыв к новому качеству подготовки специалистов. № 2 (10) / 2011, с. 6–12

67. Скоринов С. Н. Хабаровский государственный институт искусств и культуры: настоящее и программа действий на будущее. № 1 (3) / 2008, с. 6–10

68. Тарасов О. Ю. О функциях и принципах работы топонимических комиссий на современном этапе: «истЕрическая память» или целесообразность? № 1 (11) / 2012, с. 90–94

69. Флиер А. Я. Культура как инструмент управления. № 2 / 2007, с. 16–27

70. Флиер А. Я. Научные основания законодательства о культуре. № 1 / 2007, с. 34–43

ИСТОРИОПИСАНИЕ

71. Акулов А. А. Формирование и развитие военных библиотек в 20–40-х годах XX века на Дальнем Востоке в воинских формированиях. № 1 (7) / 2010, с. 48–51

72. Алепко А. В. Хабаровский кадетский корпус: страницы истории. № 1 (10) / 2010, с. 34–39

73. Асеев А. А. Особенности административно-территориального деления на Дальнем Востоке России [Научные сообщения]. № 1 / 2007, с. 98–107

74. Асеев А. А. Традиционное воспитание коренных народов Дальнего Востока и образовательная политика советского государства в 20–30 годы XX века. № 1 (5) / 2009, с. 50–57

75. Базылева Е. А. Библиотека Приамурского отдела ИРГО. № 1 (5) / 2009, с. 58–63

76. Базылева Е. А. Издательская деятельность Приамурского отдела ИРГО. № 2 (6) / 2009, с. 76–81

77. Балдин С. С. Подготовка рабочих кадров в профессионально-технических учебных заведениях Дальнего Востока России (XVIII в. – 1917 г.). № 2 / 2007, с. 50–61

78. Богданов С. А. Социально-экономическая поддержка российских офицеров-инвалидов в Маньчжурии. № 1 (17) / 2015, с. 62–68

79. Богданов С. А. Торгово-промышленные предприятия российских эмигрантов в Маньчжурии в 1930–1940-е годы. № 1 (15) / 2014, с. 29–34

80. Болдырев В. И. Исторический путь развития военного комиссариата Хабаровского края. № 1 (15) / 2014, с. 35–45

81. Бурилова М. Ф. Фамилия Плюсниных в истории Хабаровска. № 1 (12) / 2012, с. 27–39

82. Владыкина Э. М. Самуил Бер и еврейская община дореволюционного Хабаровска. № 1 (15) / 2014, с. 18–20

83. Воропаева А. В. Документы, составляющие коллекцию «Автографы» Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 2 (18) / 2015, с. 12–25

84. Гузман Е. В. Образование и развитие Еврейской автономной области в 30–90-е гг. XX века: историография вопроса. № 1 (15) / 2014, с. 25–28

85. Добровольская И. В. Некоторые вехи российской истории в произведениях Вс. Н. Иванова (к 120-летию со дня рождения писателя). № 1 (3) / 2008, с. 41–47

86. Дубинина Н. И. Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: её особенности и эволюция. № 1 / 2007, с. 68–85

87. Ежеля У. В. Женщины Дальнего Востока в годы военных испытаний 1941–1945 годов (в контексте российской истории XX века). № 1 (7) / 2010, с. 26–47

88. Ежеля У. В. Роль женщины в преподавательском корпусе Дальневосточного государственного университета путей сообщения: история и современность. № 2 (6) / 2009, с. 82–93

89. Иванова О. Н. История развития культуры в Амурском районе (1963–2008 годы). № 1 (5) / 2009, с. 42–49

90. Иконникова Т. Я. Приамурцы на фронтах Первой мировой войны (1914–1917 гг.). № 2 (4) / 2008, с. 76–85

91. Кирпиченко Т. В. «Сибирская советская энциклопедия» как информационный ресурс о литературной жизни российского Дальнего Востока. № 1 (17) / 2015, с. 47–53

92. Кирпиченко Т. В. Хабаровск на страницах старых книг. № 1 (15) / 2014, с. 50–60

93. Ковальчук А. М. Стилистическое разнообразие в печатной рекламе русской эмиграции Китая (1920-х – 1930-х гг.) [Научные сообщения]. № 1 (13) / 2013, с. 111–116

94. Костина О. А., Нарыжная С. М. Хроника Хабаровского государственного института искусств и культуры (1968–2008 гг.). № 1 (3) / 2008, с. 29–40

95. Костина О. А., Позднякова Е. Г. Хроника Хабаровского государственного института искусств и культуры (1968–2013 гг.). № 1 (13) / 2013, с. 26–38

96. Куделько Н. А. Память сердца. № 1 (13) / 2013, с. 39–40

97. Кулинич Н. Г. Киностроительство в городах Дальнего Востока РСФСР в 1920-е – 1930-е годы. № 2 / 2007, с. 62–79

98. Лю Сюэцин. Знакомство с искусством китайской симфонической музыки, оперы и балета через историю Китайско-Восточной железной дороги. № 1 (19) / 2016, с. 49–66

99. Мельникова Т. В. , Егоршева Д. Л. К истории формирования въездного туризма в Японию с Дальнего Востока России. № 1 (15) / 2014, с. 6–11

100. Никитина Н. Ф. «Библиотеки важнее всего…»: краткий очерк истории и современного состояния библиотечного дела в Амурской области (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Часть 1. Предпосылки книжной культуры на этапе освоения Приамурья русскими людьми в последней четверти XVII века. № 1 (15) / 2014,с. 61–72

101. Никитина Н. Ф. «Библиотеки важнее всего …»: краткий очерк истории и современного состояния библиотечного дела в Амурской области (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Часть 2. Развитие книжной культуры в Амурской области во второй половине XIX – начале XX века. № 2 (16) / 2014, с. 113–138

102. Никитина Н. Ф. «Библиотеки важнее всего…»: краткий очерк истории и современного состояния библиотечного дела в Амурской области (вторая половина XIX – начало XXI века). Часть 2. Развитие книжной культуры в Амурской области во второй половине XIX – начале XX века. № 1 (17) / 2015, с. 77–118

103. Никитина Н. Ф. «Библиотеки важнее всего…»: краткий очерк истории и современного состояния библиотечного дела в Амурской области (вторая половина XIX – начало XXI века). Часть 3. Региональные библиотеки Амурской области. № 2 (18) / 2015, с. 71–117

104. Никитина Н. Ф. «Библиотеки важнее всего…»: краткий очерк истории и современного состояния библиотечного дела в Амурской области (вторая половина XIX – начало XXI века). Часть 3. Региональные библиотеки Амурской области. № 1 (19) / 2016, с. 67–133

105. Оглоблина Н. М. «Студенчества час однажды дается…»: очерк истории Амурского гуманитарно-педагогического университета как центра образования, науки и культуры. № 2 (4) / 2008, с. 122–145

106. Орлова Е. Н. Особенности библиотечного строительства на Дальнем Востоке второй половины XIX – конца XX века. 1 (7) / 2010, с. 52–75

107. Пикалов Ю. В. Становление школьного образования на Дальнем Востоке РСФСР в 1922–1941 годы. № 1 / 2007, с. 86–97

108. Постников В. В. К вопросу о ментальном освоении региона. № 1 (17) / 2015, с. 69–76

109. Постников В. В. Монархический церемониал и триумфальные арки на Дальнем Востоке России (конец XIX века). № 2 (8) / 2010, с. 85–93

110. Радишаускайте Н. В. Забытые знаменитости: жизнь и книги Джорджа Эрнеста Моррисона [Научные сообщения]. № 2 (6) / 2009, с. 108–117

111. Радишаускайте Н. В. Личная библиотека Николая Ивановича Гродекова (по коллекции в фонде редких и ценных изданий Дальневосточной государственной научной библиотеки). № 1 (18) / 2015, с. 26–54

112. Радишаускайте Н. В. Старцев и Моррисон: они были знакомы? № 1 (15) / 2014, с. 46–49

113. Ракова О. А. Становление и развитие кинопрокатной деятельности в Николаевском районе в 20–80 годах XX века [Научные сообщения]. № 1 / 2007, с. 108–121

114. Ракова О. А. Становление и развитие клубной культуры на территории Николаевского района Хабаровского края в 20–80 годах XX века [Научные сообщения]. № 2 (6) / 2009, с. 94–107

115. Романов В. В. Из истории медицинского образования в регионе: первый хабаровский вуз (1930–1950 годы). № 2 (4) / 2008, с. 106–121

116. Романова В. В. Евреи в Приамурском генерал-губернаторстве: политика администрации (1884–1917 гг.). № 2 / 2007, с. 28–49

117. Рубан Н. А. Дальневосточная государственная научная библиотека: 1920-е годы. № 1 (17) / 2015, с. 54–61

118. Струк К. А. Хабаровск на фотографиях конца XIX – начала XX века: по фотоальбомам из фонда редких и ценных изданий ДВГНБ. № 2 (18) / 2015, с. 55–70

119. Сырвачева С. С. Гастроли итальянской оперной труппы в Хабаровске (1905 г.): к проблеме становления музыкального театра на Дальнем Востоке России. № 1 (11) / 2012, с. 85–89

120. Сысоева О. В. И малая звезда украшает небосклон. К 190-летию посёлка Нелькан Аяно-Майского муниципального района Хабаровского края посвящается [Научное сообщение]. № 2 / 2007, с. 80–87

121. Тарасов О. Ю. История формирования топонимии Верхнего Приамурья: между Нерчинским и Айгунским «трактатами». № 1 (15) / 2014, с. 21–24

122. Тарасов О. Ю. Психология первопроходца: в поисках «Русского Эльдорадо». № 2 (10) / 2011, с. 26–33

123. Ципкин Ю. Н. Хабаровск в годы Гражданской войны. № 2 (4) / 2008, с. 86–105

124. Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А. 65 лет Великой Победы. № 1 (7) / 2010, с. 10–25

125. Чернов В. А. Гостиницы как первые очаги культуры и досуга на Дальнем Востоке. № 1 (15) / 2014, с. 12–17

126. Шевнин И. Л. История официальной регистрации старообрядцев Белокриницкого согласия в Хабаровске (1880–1980-е годы). № 2 (8) / 2010, с. 94–105

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

127. Белкин Ю. В. Экспозиция «Русская Православная Церковь и дальневосточное общество в конце XVII – начале XXI вв.»: опыт представления в Гродековском музее. № 1 (11) / 2012, с. 66–74

128. Бляхер Л. Е. Политические мифы и политическая культура Дальнего Востока России. № 1 / 2007, с. 44–57

129. Бочкова И. Н. Патентная деятельность библиотек в контексте инновационного развития региона. № 2 (6) / 2009, с. 72–75

130. Васильева В. С. Библиотека становится ближе. № 1 (11) / 2012, с. 59–65

131. Воробьёва К. И., Лукьянова Е. Л. Особенности этнического бессознательного. № 2 (4) / 2008, с. 40–53

132. «Главный приоритет в нашей работе — социальная сфера, культура…» (интервью с главой администрации Вяземского района **Н. И. Якутиной**). № 2 (14) / 2013, с. 130–133

133. Ересько В. А. Формирование толерантной позиции как жизненной стратегии молодёжи. № 1 (7) / 2010, с. 96–103

134. Иголкин М. А. Сохранение культурно-исторического наследия на территории Амурского района. № 2 (8) / 2010, с. 57–63

135. Качанов М. А. Оценка отношения пользователей библиотеки образовательного учреждения к использованию традиционных и электронных информационных ресурсов (по результатам опроса студентов НБ ХГАЭП). № 2 (12) / 2012, с. 23–26

136. Качанова Е. Ю. Проблемы развития учреждений культуры Дальневосточного региона и способы их решения в современных условиях. № 2 (8) / 2010, с. 52–56

137. Качанова Е. Ю. Проблемы развития учреждений культуры Дальневосточного региона и способы их решения в современных условиях. № 1 (11) / 2012, с. 54–58

138. Качанова Е. Ю., Суберляк Н. В. Инновационная деятельность библиотек в формате проектной работы: теоретические основы и практические реалии библиотек Хабаровского края. № 1 (3) / 2008, с. 107–116

139. Киселёва Л. Б. Работа общедоступных библиотек Хабаровского края по продвижению культурного туризма. № 1 (19) / 2016, с. 39–48

140. Корнева Л. В. Дальневосточные музеи на службе у государства (1940–1980 гг.). № 1 (3) / 2008, с. 96–106

141. Корнева Л. В. Музей как инструмент социализации и инкультурации личности. № 2 (6) / 2009, с. 62–71

142. Корнева Л. В. Музей как культурно-образовательный центр и инструмент социальной адаптации. № 2 (10) / 2011, с. 18–25

143. Леховицер О. И. Социальные проблемы региона и развитие социального пространства. № 1 (5) / 2009, с. 20–31

144. Лунегова Е. Н. Документирование инноваций как способ стимулирования развития библиотечно-информационной сферы Дальнего Востока [Научные сообщения]. № 1 (3) / 2008, с. 136–142

145. Лунегова Е. Н. Отражение в библиотековедческой литературе вопросов организации инновационных коммуникаций с позиций жизненного цикла инновации [Научное сообщение]. № 1 (7) / 2010, с. 120–125

146. Лютова Н. К. Центральная региональная библиотека как хранитель и транслятор традиций территории. № 2 (14) / 2013, с. 134–139

147. Максименков К. С. «Маргинальность» как категория отклоняющегося поведения человека [Научное сообщение]. № 1 (7) / 2010, с. 126–129

148. Маркова О. В. Литература Дальнего Востока как специфический туристский ресурс региона. № 1 (15) / 2014, с. 90–93

149. Митникова Д. В. Корпоративная праздничная культура в современном социокультурном пространстве города (на примере г. Хабаровска) [Научные сообщения]. № 1 (13) / 2013, с. 121–128

150. Молодковец Л. А. Развитие миграционных процессов в Хабаровском крае. № 2 (16) / 2014, с. 79–91

151. Моор Т. В. Взаимосвязь духовного и физического воспитания студенческой молодёжи. № 1 (7) / 2010, с. 104–109

152. Орлов М. В. Библиотека ВЕБ 2.0 как совместный проект библиотекарей и читателей [Научные сообщения]. № 1 (13) / 2013, с. 129–131

153. Петяскина О. В. Дистанционное образование в подготовке специалистов сферы культуры и искусства на Дальнем Востоке: результаты исследования. № 2 (12) / 2012, с. 11–14

154. Потехина Ю. В. Задачи библиотек по эстетическому образованию детей в новой информационно-коммуникационной среде [Научные сообщения]. № 1 (3) / 2008, с. 117–135

155. Потехина Ю. В. Модель управления сайтом библиотеки как её веб-представительством: по результатам диссертационного исследования. № 1 (15) / 2014, с. 85–89

156. Потехина Ю. В. Отношение руководителя к управлению интернет-представительством библиотеки: оценка ситуации [Научное сообщение]. № 1 (7) / 2010, с. 110–119

157. Потехина Ю. В. Отражение культурной жизни Хабаровского края в сети Интернет: необходимость создания репрезентативного регионального ресурса сферы культуры [Научные сообщения]. № 2 (4) / 2008, с. 68–75

158. Рубан Н. И. Музеи, их влияние на отражение исторических процессов в обществе, на развитие национальной культуры. № 1 / 2007, с. 58–67

159. Теньшова О. Н. Проблемы трудоустройства выпускников специальности «Социально-культурная деятельность». № 1 (15) / 2014, с. 94–97

160. Терехова И. В. Готовность и способность к инновациям как результат повышения квалификации библиотечного специалиста [Научные сообщения]. № 1 (3) / 2008, с. 143–151

161. Филаткина И. В. Национальная программа поддержки и развития чтения и её реализация в Хабаровском крае. № 2 (4) / 2008, с. 54–67

162. Шереметьева М. А. Трансформация детской игры в контексте кризиса национально-культурной идентичности. № 2 (12) / 2012, с. 15–19

163. Юрина И. Г. Субъективное восприятие времени жизни в контексте профессионального развития. № 2 (12) / 2012, с. 20–22

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА

164. Акулов А. А. Из истории развития и деятельности военных театров в Хабаровском крае и Дальневосточном регионе в условиях военного времени (1941–1945 гг.). № 2 (4) / 2008, с. 182–189

165. Бузуев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном культурном процессе XX века. № 2 / 2007, с. 140–149

166. Заволоко В. Г. Общие тенденции развития народно-инструментального искусства в Дальневосточном регионе. № 1 (11) / 2012, с. 80–84

167. Захарченко В. С. Есть музыки могучая стихия. № 1 (15) / 2014, с. 81–84

168. Захарченко В. С. Традиции живая нить. № 1 (5) / 2009, с. 92–103

169. Зимнухова И. В. Приобщение к народно-музыкальным традициям в художественной культуре Приамурья. № 1 (7) / 2010, с. 140–145

170. Курносов А. А. Психологический анализ категории перевоплощения в профессиональной деятельности актёра [Научные сообщения]. № 2 (6) / 2009, с. 144–151

171. Лысенко С. Ю. Оперный текст как феномен постановочной интерпретации. № 2 (6) / 2009, с. 134–143

172. Матвеева Л. А. Фортепианная культура Дальнего Востока в 1950–1980 годы. № 1 (3) / 2008, с. 75–83

173. Мезенцева С. В. Вторая скрипичная соната И. Ахрона: возвращение музыкального наследия России (российская премьера в Хабаровской краевой филармонии). № 1 (15) / 2014, с. 77–80

174. Мишуров Г. С. Полистилистика в народно-инструментальной музыке. № 2 (10) / 2011, с. 58–63

175. Никитин А. А. Введение в энергетику музыкально-исполнительского искусства. № 2 (18) / 2015, с. 4–11

176. Никитин А. А. Выявление и прогнозирование детской художественной одарённости. № 1 (3) / 2008, с. 64–74

177. Никитин А. А. Об исходных позициях в достижении художественной одарённости. № 1 (13) / 2013, с. 100–104

178. Никитин А. А. Педагогическая модель развития общей художественной одарённости Муниципального автономного учреждения дополнительного образования г. Хабаровска «Центр эстетического воспитания детей». № 1 (19) / 2016, с. 31–38

179. Никитин А. А. Хабаровский камерный хор. № 1 (15) / 2014, с. 73–76

180. Павленко О. В. Песенный фольклор как форма народно-поэтического творчества переселенцев Дальневосточного края. № 1 (7) / 2010, с. 136–139

181. Панков Б. В. Дальневосточные реалии народной музыки. № 1 (5) / 2009, с. 86–91

182. Печорин Г. А. Джазовая культура Дальневосточного региона: проблемы и перспективы развития. № 2 (10) / 2011, с. 54–57

183. Подвизная Л. Н. Личностно-профессиональное становление педагога-руководителя художественного коллектива. № 1 (3) / 2008, с. 92–95

184. Романов В. Т. Всё начинается с педагога. № 1 (3) / 2008, с. 84–91

185. Романов В. Т. Региональные аспекты развития народно-инструментального исполнительства. № 2 / 2007, с. 150–163

186. Фефилов П. Л. Два века художников Дальнего Востока (XVIII – начало XX века). № 2 (10) / 2011, с. 75–86

187. Шишкина В. А. Воспоминания о художниках-педагогах хабаровского худграфа. № 2 (10) / 2011, с. 64–74

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

188. Бендик Н. Н. Архивное образование в России и на Дальнем Востоке: опыт и перспективы. № 1 (13) / 2013, с. 74–77

189. Лопатина О. А. Экономико-технологические аспекты в формировании профессиональных компетенций библиотекарей. № 1 (17) / 2015, с. 15–22

190. Москвитина Н. В. Проблемы кадрового обеспечения Дальневосточного региона профессиональными преподавателями речевых дисциплин. № 1 (13) / 2013, с. 69–73

191. Ромашкина Т. А. Организация дополнительного профессионального образования сотрудников общедоступных библиотек Хабаровского края: итоги исследования. № 2 (16) / 2014, с. 103–108

192. Скоринова Ю. А. К вопросу о компетентности выпускника вуза. № 1 (13) / 2013, с. 78–82

193. Ющенко С. М. Опыт организации библиотечно-информационного образования в Уссурийском государственном педагогическом институте. № 2 (16) / 2014, с. 109–112

КАФЕДРА

194. Вербицкая Л. И. Кафедра режиссуры театрализованных представлений и праздников Хабаровского государственного института искусств и культуры, её вклад в современное развитие культуры Дальнего Востока. № 1 (13) / 2013, с. 54–58

195. Ересько И. Е., Ересько В. А. Хореографическое образование в Дальневосточном регионе: история, проблемы, перспективы развития. № 1 (13) / 2013, с. 59–63

196. Журомский В. В. Сохраняя традиции факультета искусств… № 1 (13) / 2013, с. 41–47

197. Засуха Ю. И. Кафедра теории, истории музыки и инструментального исполнительства: история, традиции, современность. № 1 (13) / 2013, с. 48–53

198. Качанова Е. Ю., Журомская Т. В., Нарыжная С. М. 40 лет высшему библиотечному образованию на Дальнем Востоке. № 1 (3) / 2008, с. 161–166

199. Копытов О. Н. О педагогическом опыте и работе со студентами творческого вуза в преподавании дисциплин «История русской литературы XX века» и «История зарубежной литературы от античности до наших дней». № 1 (7) / 2010, с. 146–155

200. Корнева В. В. Спецсеминар как форма личностно-профессионального становления и повышения квалификации преподавателя. № 2 (6) / 2009, с. 152–157

201. Кулик Г. И. Гуманистическая позиция воспитания личности в музыкально-педагогическом процессе. № 2 (8) / 2010, с. 64–68

202. Масахико Симада. Столетняя рапсодия — загадка японской литературы. № 2 / 2007, с. 164–175

203. Москвитина Н. В. Открытые творческие показы, фестивали, конкурсы — эффективный способ развития творческой педагогической индивидуальности. № 1 (15) / 2014, с. 98–102

204. Попова Т. С. Народное хоровое искусство в ХГИИК: вчера, сегодня, завтра. № 1 (13) / 2013, с. 64–68

205. Ромашкина Т. А. Роль библиотек в профориентации молодёжи. № 2 (6) / 2009, с. 158–161

206. Русанова Л. П. Кафедра хорового дирижирования вчера и сегодня. № 1 (3) / 2008, с. 167–171

207. Терехова И. В. Повышение квалификации кадров как инструмент инновационного развития библиотек [Научные сообщения]. № 2 (6) / 2009, с. 162–165

ФИЛОЛОГИЯ

208. Девятко В. И. Интерпретация словесного образа стихотворения Б. Пастернака «Петухи». № 2 (10) / 2011, с. 104–108

209. Москвитина Н. В. Современное состояние речи на Дальнем Востоке и проблемы коррекции говорного произношения. № 2 (10) / 2011, с. 98–103

210. Приходько В. К. Повтор и его разновидности как способ организации художественной речи. № 2 (8) / 2010, с. 69–78

211. Савелова Е. В. Миф в смысловом пространстве культуры: семиотический аспект. № 2 (10) / 2011, с. 87–97

212. Сысоева О. А. Метапоэтика Саши Соколова. № 2 (8) / 2010, с. 79–84

АРТЕФАКТ

213. Зизина И. В. История развития образования Хабаровского края продолжается… № 2 (4) / 2008, с. 146–157

214. Лапшина З. С. Археологические исследования в бассейне Нижнего Амура. № 1 (3) / 2008, с. 152–160

215. Лапшина З. С. Опыт исследования наскального рисунка с применением новых технических средств. № 1 (13) / 2013, с. 105–110

216. Лапшина З. С. Проблемы исследования первобытного искусства Амура. № 1 (7) / 2010, с. 130–135

217. Осипова М. В. Нивхские коллекции в музеях мира. № 1 (17) / 2015, с. 23–34

218. Тарасов О. Ю. К проблеме систематизации и сбора топонимов на региональном уровне: на примере географических названий Верхнего Приамурья. № 1 (17) / 2015, с. 35–39

219. Тарасов О. Ю. «Топонимический портрет» районов позднего заселения: антропология кросс-культурного пространства Верхнего Приамурья. № 1 (17) / 2015, с. 40–46

220. Шевкомуд И. Я., Фукуда Масахиро. Поселение Голый Мыс-1 и некоторые проблемы стратиграфии и хронологии культур II–I тыс. до н. э. на северо-востоке Нижнего Приамурья. № 1 / 2007, с. 122–133

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ

221. Алепко А. В. Культура традиционного китайского предпринимательства на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века. № 1 (9) / 2011, с. 110–115

222. Алепко А. В. Российское Приамурье в культурно-историческом контексте китайско-конфуцианской цивилизации. № 1 (13) / 2013, с. 87–93

223. Бельды О. А. Календарь коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края. № 1 (15) / 2014, с. 119–126

224. Бельды О. А. Фестиваль художественных ремёсел коренных малочисленных народов «Живая нить времён». № 1 (14) / 2013, с. 140–155

225. Березницкий С. В. Этническая история народов Амура (к проблеме реконструкции и интерпретации средневековых и этнографических культур на основе анализа мифологии и верований). № 2 / 2007, с. 88–95

226. Богодайко О. В. Космогония орочей XIX – начала XX века. № 1 (5) / 2009, с. 64–73

227. Богодайко О. В. Образ сагды самани в орочской мифологии. № 2 (4) / 2008, с. 158–167

228. Богодайко О. В. Шаманство у орочей. № 2 (6) / 2009, с. 118–125

229. Булгакова Т. Д. Конкуренция нанайских шаманов в их высказываниях о себе и друг о друге. № 2 / 2007, с. 96–111

230. Владыкина Э. М. Формирование национальной культурной среды в период становления еврейской автономии на Дальнем Востоке. № 1 (13) / 2013, с. 94–99

231. Глебова Е. В. Становление этнографических исследований коренных народов на Дальнем Востоке России в XVIII – начале XX века. № 2 (10) / 2011, с. 40–53

232. Гонтмахер П. Я., Соломонова Н. А., Филимонов А. Г. Дальневосточные этносы: от знака — к символу. № 2 (4) / 2008, с. 168–181

233. Икэгами Кэндзи. Понятие «тишины» в японской культуре. № 2 (8) / 2010, с. 109–125

234. Лескова Т. В. Основные аспекты исследования фольклорного направления Сибири и Дальнего Востока 1960–1990-х гг. № 2 (6) / 2009, с. 126–133

235. Лескова Т. В. Фольклорное направление в композиторской музыке Дальнего Востока 1960–90-х годов. № 1 (3) / 2008, с. 48–55

236. Леховицер Н. А. Декоративно-прикладное искусство нанайцев: проблемы сохранения, перспективы развития. № 1 (5) / 2009, с. 74–85

237. Мезенцева С. В. Проблемы классификации инструментальной музыки обрядовой культуры тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока России. № 1 (3) / 2008, с. 56–63

238. Мельникова Т. В. К вопросу о морском зверобойном промысле и морском промысловом костюме ульчей. № 2 / 2007, с. 112–119

239. Миленина А. А. Всемирный день перевода. № 2 (8) / 2010, с. 106–108

240. Минаева Е. А. Народные праздники как средство формирования этнокультурного сознания [Научные сообщения]. № 1 (13) / 2013, с. 117–120

241. Печорин Г. А. Этнический фольклор — основа для развития национального джаза народов Дальнего Востока (версия Виктора Бондаренко). № 2 (16) / 2014, с. 99–102

242. Скоринов С. Н. Краткий мифологический словарь. Нанайцы. № 1 / 2007, с. 134–155

243. Скоринов С. Н. Краткий мифологический словарь. Нанайцы. № 2 / 2007, с. 120–139

244. Скоринов С. Н. Миф и ритуал в традиционной культуре нанайцев России. № 1 (9) / 2011, с. 104–109

245. Шабельникова В. Г. О реализации государственной политики в сфере сохранения языков и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае. № 2 (16) / 2014, с. 92–98

НАСЛЕДИЕ

246. Бляхер Е. Д. Мировое древо и мифологическая картина мира [Три лекции]. № 1 / 2007, с. 158–175

247. Бляхер Е. Д. Мировое древо и мифологическая картина мира [Три лекции]. Лекция третья. № 2 / 2007, с. 176–187

248. Гончарова С. В. Неизвестная этнографическая экспедиция. № 1 / 2007, с. 176–181

249. Нарыжная С. М. С. А. Пайчадзе — педагог и учёный. № 1 (3) / 2008, с. 172–173

250. Пайчадзе С. А. По поводу очагов русской книжной культуры в Японии. Мнение очевидца (лекция для профессорско-преподавательского состава и студентов Арктического государственного института культуры и искусств Республики Саха). № 1 (3) / 2008, с. 174–179

251. Станислав Понятовский. Дневник экспедиции (в край гольдов и орочонов в 1914 году). № 2 / 2007, с. 188–199

252. Станислав Понятовский. Дневник экспедиции (в край гольдов и орочонов в 1914 году). № 1 (5) / 2009, с. 104–153

253. Феоктистова С. С. Народная песня отца [к 10-й годовщине смерти поэта С. Г. Феоктистова]. № 1 (5) / 2009, с. 154–157

ПЕРСОНАЛИИ (ПЕРСОНА)

254. «Дай Бог, чтобы у вас никто и никогда не отнял юность!» (о фонде личного происхождения Р. Ф. Чайки). № 1 (15) / 2014, с. 103–108

255. Захаров В. Ф. Подвижник первородного слова (о профессоре ДВГГУ учёном-филологе С. И. Красноштанове). № 2 (8) / 2010, с. 126–133

256. Козловская Валентина Петровна: «Я не живу воспоминаниями» (интервью с почётным профессором ХГИИК). № 1 (13) / 2013, с. 83–86

257. Крадин Н. П. Военный инженер Малиновский. № 2 (12) / 2012, с. 137–147

258. Крадин Н. П. Русские художники в Китае (236 персоналий). № 2 (12) / 2012, с. 40–136

259. Салеева Л. В. Книги Н. И. Дубининой как результат архивных исследований. № 1 (11) / 2012, с. 75–79

Эдуард Сергеевич Мосин

260. Ангарская Н. «Каждому из вас я отдал частицу своего сердца…». № 1 (9) / 2011, с. 95–103

261. Мосин И. Э. Эдуард Сергеевич Мосин. № 1 (9) / 2011, с. 66–93

262. **Мосин Э. С.** Хабаровская драма. Монолог одного актёра. № 1 (9) / 2011, с. 12–65

263. Райхельгауз И. Моя провинция. № 1 (9) / 2011, с. 94–95

Борис Васильевич Панков

264. Борис Васильевич Панков (1945–2014): материалы о жизни и деятельности. № 1 (15) / 2014, с. 109–118

265. Музыкальные произведения Б. В. Панкова. № 1 (3) / 2008, с. 182–191

266. Федосов А. В. Творческий опыт профессора. № 1 (3) / 2008, с. 180–181

БИБЛИОГРАФИЯ

267. Владимиров А. Высшая школа на Дальнем Востоке: сохраняя отечественные традиции, формируем инновационную систему образования. № 1 (5) / 2009, с. 160–162

268. Егорчев И. Н. Арсеньевские книги: новые открытия. № 2 (6) / 2009, с. 174–181

269. Егорчев И. Н. В. К. Арсеньев, известное и неизвестное. № 1 (11) / 2012, с. 98–101

270. Ерофей Павлович Хабаров: библиографический указатель. № 1 (7) / 2010, с. 161–168

271. Захаров В. Ф. «Идут в наступление строки…». № 2 (8) / 2010, с. 134–137

272. Захаров В. Ф. Памяти Рутена Аёшина. № 2 (8) / 2010, с. 137–139

273. Захаров В. Ф. Темы для размышления. № 2 (8) / 2010, с. 139–141

274. Иванова А. П., Масленникова Д. С. Градостроительство Сибири. № 1 (9) / 2011, с. 116–119

275. Иванова Ф. П. Сокровищница народного слова Приамурья. № 2 (4) / 2008, с. 196–198

276. История кафедры в биобиблиографическом справочнике (о справочнике «Преподаватели кафедры книговедения и библиотечно-информационной деятельности ХГИИК»). № 1 (13) / 2013, с. 137–138

277. Кирпиченко Т. В. Акционерное общество «Книжное дело». № 2 (18) / 2015, с. 118–123

278. Кирпиченко Т. В. Великие проекты великой России. № 2 (10) / 2011, с. 109–114

279. Кирпиченко Т. В. Документы о В. К. Арсеньеве в личном архиве писателя Н. М. Рогаля (из фондов Дальневосточной государственной научной библиотеки). № 1 (11) / 2012, с. 120–123

280. Кирпиченко Т. В. Печатные документы периода Гражданской войны 1917–1922 годов на Дальнем Востоке в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 1 (17) / 2015, с. 126–132

281. Кирпиченко Т. В. Финал Второй мировой войны: информационные ресурсы Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 1 (19) / 2016, с. 134–139

282. Лютова Н. К. Русское географическое общество: от истоков до начала XX века. № 1 (5) / 2009, с. 158–160

283. Матвеева Т. А. В. К. Арсеньев и библиотека. № 1 (11) / 2012, с. 124–126

284. Морозова А. В потоке Времени. № 2 (10) / 2011, с. 119–120

285. Морозова А. Древнее ремесло и его метаморфозы. № 2 (10) / 2011, с. 115–118

286. Нарыжная С. М., Наумова Р. В. Приамурский триптих. № 2 (6) / 2009, с. 166–173

287. Наумова Р. В. Издательский проект к 70-летию образования Хабаровского края. № 2 (4) / 2008, с. 190–192

288. Наумова Р. В. Мир библиографии. № 1 / 2007, с. 182–187

289. Наумова Р. В. Новые издательские проекты Хабаровского государственного института искусств и культуры (2007–2008 гг.). № 1 (3) / 2008, с. 192–197

290. Наумова Р. В. Юбилейные издательские проекты (к 70-летию образования Хабаровского края и 150-летию г. Хабаровска). № 2 / 2007, с. 200–205

291. Нечкина Н. Б. Библиотечный анонс. № 1 (13) / 2013, с. 139–143

292. Пасмурцев А. В. Книгу к юбилею создавали энтузиасты. № 2 (4) / 2008, с. 193–195

293. Печатные документы периода Гражданской войны на Дальнем Востоке России (1917–1922 гг.): библиографический список. Сост. **Т. В. Кирпиченко.** № 1 (17) / 2015, с. 133–141

294. Радишаускайте Н. В. Паломнические сочинения в редком фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки. № 1 (17) / 2015, с. 119–125

295. Список основных изданий акционерного общества «Книжное дело» из фондов Дальневосточной государственной научной библиотеки. Сост. **Т. В. Кирпиченко.** № 2 (18) / 2015, с. 124–134

296. Тихомолова Н. А. Обзор изданий Хабаровского государственного института искусств и культуры с 2009 по 2013 гг. № 1 (13) / 2013, с. 132–136

297. Тропой Дерсу: биобиблиографический указатель / Сост.: **М. Л. Балашова, Т. В. Кирпиченко, Н. Н. Чернова.** № 1 (11) / 2012, с. 95–119

298. Филонов А. М. Дорогой подарок землякам. № 1 (7) / 2010, с. 156–160

Аспирантура ХГИИК. № 1 (13) / 2013, с. 110

Информация для авторов. № 1 (17) / 2015, с. 142–145; № 2 (18) / 2015, с. 135–138; № 1 (19) / 2016, с. 140–143

Требования к оформлению материалов, поступающих в редакцию. № 1 / 2007, с. 190; № 2 / 2007, с. 207; № 1 (3) / 2008, с. 198–200; № 2 (4) / 2008, с. 199; № 1 (5) / 2009, с. 163; № 2 (6) / 2009, с. 182–183; № 1 (7) / 2010, с. 169; № 2 (8) / 2010, с. 142–143; № 1 (9) / 2011, с. 120; № 2 (10) / 2011, с. 121–122; № 1 (11) / 2012, с. 129–130

Читайте в следующем номере. № 1 / 2007, с. 188 –189; № 2 / 2007, с. 206; № 1 (3) / 2008, с. 198

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Информация для авторов

Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикаций отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и списков.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии). Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух и более номерах журнала.

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание, на русском и английском языках.

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. понятий, используемых в статье, на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

– фамилия, имя, отчество;
– занимаемая в настоящее время должность и место работы;
– учёная степень;
– учёное звание;
– контактный телефон (рабочий, мобильный);
– e-mail.

Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточниками.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем внимание авторов на соблюдение ряда **требований при наборе текста**:

• Необходимость использования буквы **ё.**

• Правильное применения **дефиса** (-), тире (–) и длинного **тире** (—):

Дефис (-) — орфографический знак переноса, который разделяет части слова. Графически дефис короче тире. Он делит слово на слоги при переносе на новую строку, а также делит части составных слов, например: юго-запад, Мамин-Сибиряк, Ростов-на-Дону. Также через дефис пишутся сокращения *о-во* (общество), *д-р* (доктор) и т. д. Дефис используется для присоединения некоторых приставок или частиц к слову: скажи-ка, по-английски. Через дефис пишутся частицы -то, -либо,-кое, -нибудь.

Дефис пишется слитно со словами как предшествующими ему, так и с последующими.

Тире (–) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре, а длинное тире (—) проставляется одновременным нажатием клавиш Ctrl+ Alt +знак (–) в верхнем правом углу на дополнительной клавиатуре.

Тире ставится между цифрами (без пробелов), например, 5–10; 2013–2014 годы, XIX–XX века. Пробелы ставятся в том случае, когда тире стоит между цифрой и словом, например: начало 2013 – конец 2014 года.

В остальных случаях ставится **длинное тире** (—), которое от окружающих слов отделяется пробелами.

При маркировании списка в тексте используются не дефисы, а только тире.

Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

• список помещается в конце статьи;

• в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;

• в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагаетсяпо хронологии;

• далее — остальные печатные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);

• если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке также в алфавитном порядке;

• в конце списка — электронные ресурсы (в алфавитном порядке сначала источники на электронных носителях локального доступа, затем — интернет-источники);

• в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];

• нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Предпечатная подготовка и печать
КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека».
Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 1/72.
Формат 60х90/8. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз.
Цена свободная.